ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

МАКАРІЯ, Булгаков

АРХІЕПИСКОПА ЛИТОВСКАГО И ВИЛЕНСКАГО.

ТОМЪ VIII.

BX
485

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЦЕРКВИ

ВЪ ПЕРІОДЪ РАЗДѢЛЕНІЯ ЕЯ НА ДВѢ МИТРОПОЛІИ.

1
71

КНИГА III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Юлія Андр. Бокрама.
Большая Московская, № 4.

1877.

BX
485

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной цензуры печатать позволяется.
С.-Петербургъ, 14 Января 1876 года.

Цензоръ Архимандритъ *Арсеній*.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
216900

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА VI.

БОГОСЛУЖЕНІЕ.

Стр.

I. Св. храмы, иконы, кресты, колокола.

Замѣчательнѣйшіе храмы:

Въ Москвѣ 1

Въ другихъ мѣстностяхъ Россіи 4

Число храмовъ въ разныхъ городахъ Россіи 6

Храмы обѣтные и теплые 7

Храмы соборные и число ихъ въ Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ. 9

Извѣстные иконописцы, состояніе иконописанія и распоряженія церковной власти относительно иконописанія . . . 12

Древнія иконы, приносившіяся въ Москву для обновленія . 17

Иконы чудотворныя и новоявленныя 19

Принесеніе иконъ въ Москву изъ покоренныхъ городовъ . 20

Рѣзные иконы и кресты 21

Форма или виды крестовъ. 23

Колокола 25

II. Новые праздники въ Россіи, новые церковные службы и обряды и измѣненія въ церковномъ пѣніи.

Число новыхъ праздниковъ 27

Праздники въ честь русскихъ Святыхъ, установленные:

До митрополита Макарія 29

При митрополитѣ Макаріѣ на соборахъ 1547—1549 г. 43

Послѣ означенныхъ соборовъ до конца періода . . . 45

Праздники въ честь св. иконъ и въ память отечественныхъ событій 48

День всеобщей панихиды 50

Стр.

Церковныя службы и пѣснопѣнія, составленныя:

Во второй половинѣ XV в. и, въ частности, пѣснопѣнія серба Пахомія Логоѳета 51

Съ начала XVI в. до соборовъ 1547—1549 г. . . 57

По поводу этихъ соборовъ и послѣ нихъ до конца періода. 59

Достоинство этихъ службъ и пѣснопѣній 61

Новые обряды:

Обрядъ избранія, нареченія и поставленія нашихъ митрополитовъ 63

Обрядъ шествія на осляти въ недѣлю Ваій . . . 66

Обрядъ пещнаго дѣйствія 68

Новые крестные ходы въ Москвѣ, установленные Стоглавымъ соборомъ 70

Въ чемъ состояли измѣненія въ церковномъ пѣніи . . . 71

III. Церковно-богослужебныя книги и священнодѣйствія:

Разности въ богослужебныхъ книгахъ 75

Погрѣшности въ нихъ. 78

Попытки къ исправленію и предотвращенію такихъ погрѣшностей:

Попытка Максима грека 80

Постановленіе Стоглаваго собора . . . . . —

Исправленія, сдѣланныя самимъ Стоглавымъ соборомъ. 82

Печатаніе богослужебныхъ книгъ 84

Погрѣшности и неисправности при совершеніи священнодѣйствій. 86

Мѣры противъ этого Стоглаваго собора 87

Разности въ священнодѣйствіяхъ и обрядахъ 89

IV. Двуперстіе для крестнаго знаменія и благословенія и сугубая аллилуіа.

Постановленіе Стоглаваго собора о двуперстіи для крестнаго знаменія и благословенія 91

Дѣйствительно ли это постановленіе принадлежитъ Стоглавому собору? 93

Стр.

Когда появилось у насъ такое перстосложеніе для крестнаго знаменія и благословенія? 96

Два предварительныя замѣчанія . . . . . —

Въ первой половинѣ XV в. у насъ употреблялись два различныхъ перстосложенія: одно для крестнаго знаменія, другое для благословенія 99

Какое перстосложеніе употреблялось въ предшествовавшіе вѣка для крестнаго знаменія? 101

Какое—для благословенія? 108

Какъ изъ двухъ различныхъ перстосложеній могло составиться одно—двуперстное и для крестнаго знаменія и для благословенія? 114

Появленіе у насъ ученія объ этомъ перстосложеніи во второй половинѣ XV в. и основанія, для него тогда придуманныя 116

Слѣды ученія о двуперстіи и употребленія его въ первой половинѣ XVI в. 122

Возведеніе ученія о двуперстіи на степень догмата Стоглавымъ соборомъ 124

Распространеніе этого ученія послѣ Стоглаваго собора и свидѣтельства объ употребленіи тогда русскими троеперстія для крестнаго знаменія 126

Первые слѣды у насъ сугубой аллилуіи въ XIV — XV в. и первыя обличенія противъ нея; посланіе митрополита Фотія въ Псковъ объ аллилуіи 129

Ревнованіе преп. Евфросина псковскаго о сугубой аллилуіи, его споры объ ней съ псковскимъ духовенствомъ и посланіе неизвѣстнаго противъ нея во второй половинѣ XV в. 131

Посланіе къ архіепископу новгородскому Геннадію Димитрія толмача объ аллилуіи и новый ревнитель сугубой аллилуіи — безъименный списатель житія преп. Евфросина въ нач. XVI в. 137

Мнѣніе Максима грека о сугубой аллилуіи; житіе преп. Ев-

Стр.

фросина, составленное пресвитеромъ Василіемъ въ 1547 г.; служба преп. Евфросину съ восхваленіемъ сугубой аллилуіи и возведеніе ея на степень догмата Стоглавымъ соборомъ 139

ГЛАВА VII.

ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО.

I. Законы, которыми руководствовалась Церковь.

Кормчая книга: въ какомъ видѣ она у насъ употреблялась?

Кормчія, по номоканону Схоластикову и Фотіеву, съ изложеніемъ однихъ правилъ безъ толкованій . . 143

Кормчія, по номоканону Фотіеву, съ изложеніемъ правилъ съ толкованіями, фамиліи рязанской и софійской. 145

Кормчія, по номоканону Фотіеву, съ изложеніемъ правилъ съ толкованіями по гранямъ и главамъ этого номоканона. 149

Кормчая князя - старца Вассіана Косаго 150

Кормчая такъ-называемая сводная 159

Другіе каноническіе сборники, греческіе и русскіе. . . . 165

Правила и узаконенія русскихъ соборовъ, іерарховъ и князей. 167

II. Церковное управленіе и судъ.

Вѣдомство церковнаго управленія и суда 169

Высшая, правительственная и судебная, власть въ церкви— Соборы 171

Пространство власти митрополита 176

Власть епархіальныхъ архіереевъ 181

Епархіальное управленіе:

Священники приходскіе 182

Священники безприходные или безмѣстные 186

Священники пришлые 188

Священники вдовые 190

Стр.

Причетники и просвирни 193

Служебныя лица по епархіальному управленію: архіерейскіе намѣстники, поповскіе старосты и другіе. —

Способы надзора за епархіальнымъ духовенствомъ . . 197

Епархіальные соборы 201

Епархіальный судъ:

Судъ по дѣламъ духовнымъ, его устройство и кругъ вѣдомства 202

Суды по дѣламъ недуховнымъ, устройство этихъ судовъ и кругъ вѣдомства 204

Порядокъ судопроизводства во всѣхъ судахъ епархіи . 206

Судъ смѣстный или общій. 211

Пошлины по епархіальному управленію и суду:

Съ отдѣльныхъ лицъ епархіальнаго духовенства . . 212

Съ цѣлыхъ церковныхъ причтовъ и монастырей . . 214

Съ мірянъ 221

Церковные причты и монастыри, освобождавшіеся отъ епархіальнаго суда и пошлинъ. 223

Міряне, освобождавшіеся отъ церковныхъ пошлинъ . . . 225

III. Церковныя владѣнія: недвижимыя имущества и крестьяне.

Кому принадлежали эти владѣнія, ихъ разные виды и способы пріобрѣтенія 226

Пространство этихъ владѣній 229

Владѣнія архіерейскихъ каѳедръ 230

Владѣнія монастырей 235

Владѣнія бѣлаго духовенства 240

Попытки къ отобранію и ограниченію церковныхъ владѣній:

Въ началѣ періода 242

Съ послѣдней четверти XV в., при Иванѣ III, Василіѣ Ивановичѣ и правительницѣ Еленѣ 243

При Иванѣ Васильевичѣ IV 247

Какъ владѣла церковь своими имѣніями и крестьянами, осо-

Стр.

бенности этого владѣнія и служебныя лица; которымъ поручалось завѣдываніе церковными имѣніями и крестьянами. 255

Управленіе церковными имѣніями и крестьянами 260

Судъ надъ церковными крестьянами и по тяжбамъ о церковныхъ имѣніяхъ 263

Какъ пользовались духовные владѣльцы своими владѣніями . 266

Личныя повинности и оброки церковныхъ крестьянъ духовнымъ землевладѣльцамъ и ихъ прикащикамъ 270

Ограниченіе власти духовныхъ землевладѣльцевъ надъ ихъ имѣніями и крестьянами; повинности и оброки этихъ крестьянъ государству 276

IV. Содержаніе духовенства.

Источники для содержанія и доходы:

Архіереевъ 280

Монастырей 281

Бѣлаго духовенства 289

Употребленіе духовными лицами своихъ доходовъ:

На собственныя потребности 296

На вспомоществованіе бѣднымъ и нищимъ 297

На отбываніе государственныхъ повинностей . . . 299

На пожертвованія для временно-открывавшихся нуждъ церкви и государства 302

На «поминки» или подарки 304

ГЛАВА VIII.

ВѢРА И НРАВСТВЕННОСТЬ.

I. Приверженность русскихъ *къ своей вѣрѣ* и слабыя о ней познанія; примѣры обширныхъ познаній о вѣрѣ и недостатки этихъ познаній 309

Вредное вліяніе подложныхъ сочиненій и отреченныхъ книгъ

Стр.

на религіозное сознаніе,—господство всякаго рода суевѣрій въ народѣ и духовенствѣ 312

Увлеченіе лицъ духовныхъ и мірянъ ересью жидовствующихъ и другими 315

II. Приверженность русскихъ *къ обрядовой сторонѣ своей вѣры*, ихъ почтеніе, уваженіе, любовь:

Къ св. храмамъ 317

Къ св. иконамъ и другимъ свящ. предметамъ . . . 319

Къ молитвѣ и употребленію крестнаго знаменія . . 320

Къ постамъ и иноческимъ подвигамъ, въ особенности, къ юродству Христа ради. 322

Къ благословенному хлѣбу и св. водѣ 325

Крайности, до какихъ простиралась эта привязанность къ обрядамъ, и вредныя отъ нея послѣдствія въ области вѣры. 327

III. Вредныя послѣдствія отъ излишней привязанности къ обрядамъ *въ области нравственности;* примѣры истиннаго благочестія и господство благочестія внѣшняго, фарисейскаго. . 331

Состояніе нравственности:

Въ высшемъ сословіи общества 333

Въ духовенствѣ 336

Во всѣхъ прочихъ сословіяхъ 339

ГЛАВА IX.

ОТНОШЕНІЕ ВОСТОЧНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ КЪ ДРУГИМЪ ЦЕРКВАМЪ И ИСПОВѢДАНІЯМЪ.

I. Отношеніе къ православнымъ церквамъ востока и югославянскимъ.

Особенное положеніе восточно-русской церкви въ кругу этихъ церквей и въ чемъ состояли ея сношенія съ ними . . 345

Непрерывныя пособія этимъ церквамъ изъ Россіи:

Въ княженіе Василія Васильевича Темнаго 347

Стр.

— Ивана Васильевича III 349

— Василія Ивановича 353

— Ивана Васильевича IV 357

— Ѳедора Ивановича до конца настоящаго періода. . 365

Замѣчаніе о приходившихъ къ намъ за этими пособіями, ихъ поминки нашимъ вел. князьямъ и посылка русскихъ въ Царьградъ для изученія греческаго языка 367

II. Отношеніе къ церкви римской.

Какъ смотрѣли у насъ на латинянъ и ихъ вѣру. . . . 370

Попытки папъ и ревнителей папства къ совращенію русскихъ:

При вел. кн. Василіѣ Васильевичѣ и Иванѣ III . . 373

При Василіѣ Ивановичѣ. 382

При Иванѣ IV,—его бесѣда о вѣрѣ съ Антоніемъ Поссевиномъ 386

III. Отношеніе къ лютеранамъ и другимъ протестантскимъ обществамъ.

Когда и какъ начали проникать къ намъ лютеранскія идеи и какъ смотрѣли у насъ вообще на протестантовъ. . . 402

Бесѣда царя Ивана Васильевича о вѣрѣ съ пасторомъ Рокитою 405

Сочиненіе тогоже государя противъ Рокиты и въ защиту православія 408

Общее замѣчаніе объ отношеніи русскихъ къ протестантамъ и другимъ иновѣрцамъ и переходъ къ слѣдующей части. . 411

ГЛАВА VI.

БОГОСЛУЖЕНІЕ.

I.

Давно уже Москва, какъ стольный городъ великаго князя и особенно какъ мѣстопребываніе первосвятителя всей Россіи, считалась главнымъ въ ряду городовъ русскихъ. Но, по своимъ храмамъ, она все еще уступала нѣкоторымъ изъ этихъ городовъ, болѣе древнимъ, каковы Новгородъ и Псковъ: почти всѣ храмы въ Москвѣ были деревянные, за исключеніемъ пяти–шести каменныхъ (1). Въ настоящій періодъ, когда, съ окончательнымъ паденіемъ у насъ системы удѣловъ, московскіе князья, сдѣлались государями всей Россіи и, вступивъ въ сношенія съ болѣе просвѣщенными странами Европы, начали вызывать оттуда разныхъ художниковъ и украшать свою столицу, она прежде всего украсилась новыми храмами, такъ что и въ этомъ отношеніи, если не по числу, то по благолѣпію ихъ, заняла въ нашемъ отечествѣ первое мѣсто. Вел. кн. Іоаннъ III вновь соорудилъ почти всѣ важнѣйшіе храмы Кремля. Успенскій соборъ, заложенный еще святителемъ Петромъ и оконченный Іоанномъ Даниловичемъ Калитою (1327), при-

(1) Нашей Истор. Русск. Церкви IV, 229.

шелъ въ крайнюю ветхость; своды его треснули и поддерживались деревянными подпорами, а одинъ изъ придѣловъ, послѣ пожара 1471 г., совсѣмъ разрушился. Митрополитъ Филиппъ I, задумавъ перестроить этотъ храмъ, собралъ много серебра съ монастырей и церквей, которыя обложилъ для того тяжкою данью, а также отъ бояръ и торговыхъ людей, принесшихъ добровольныя пожертвованія. Работы поручилъ (1472 г.) двумъ русскимъ мастерамъ Кривцову и Мышкину, съ тѣмъ чтобы они построили новый соборъ по образцу собора владимірскаго, только шире и длиннѣе и выше на полторы сажени. Но черезъ годъ самъ святитель скончался, а еще черезъ годъ (21 мая) и храмъ, складенный уже до сводовъ, обрушился. Тогда вел. кн. Іоаннъ вызвалъ изъ Венеціи славнаго зодчаго Фіоравенти, котораго «хитрости ради Аристотелемъ звааху». Этотъ Аристотель Фрязинъ, разрушивъ павшій храмъ до основанія, заложилъ новый и спустя пять лѣтъ, въ Москвѣ явилась церковь соборная, «чудная вельми величествомъ, и высотою, и свѣтлостію, и пространствомъ», какой «прежде того не бывало въ Руси, опричь владимірскія церкви». Торжественное освященіе новаго успенскаго собора совершено 12 авг. 1479 г. митрополитомъ Геронтіемъ (²). Такимъ же образомъ, по повелѣнію Іоанна, разобраны и созданы вновь еще три древніе обветшавшіе храма Кремля: соборъ благовѣщенскій на великокняжескомъ дворѣ, соборъ архангельскій и церковь св. Іоанна лѣствичника (Иванъ великій). Надъ построеніемъ перваго трудились теперь (1484—1489)

(²) Собр. Р. Лѣтоп. VI, 15. 19. 34. 194. 198. 199; VIII, 170. 179—181. 201; Никон. Лѣт. VI, 37. 56. 60. 69. 108; VII, 70.

псковскіе мастера; архангельскій соборъ, по образцу успенскаго и въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ, соорудилъ (1505 — 1508) миланецъ Алевизъ Новый; а церковь св. Іоанна лѣствичника воздвигъ (1505—1508) зодчій Фрязинъ Цебонъ (3). Вообще же число церквей въ Москвѣ при Іоаннѣ III было уже довольно значительно: такъ въ 1472 г. сгорѣло, не въ самомъ городѣ или Кремлѣ, а только въ посадѣ 25 церквей; въ 1475 г. сгорѣло въ самомъ Кремлѣ 12 деревянныхъ церквей и 11 каменныхъ обгорѣло; въ 1488 г. опять только въ посадѣ сгорѣли еще 42 церкви (4). Сынъ и преемникъ Іоанна, в. к. Василій съ усердіемъ украшалъ прежнія церкви въ Москвѣ: онъ велѣлъ (1508) расписать по золоту свой придворный благовѣщенскій соборъ, обложилъ въ немъ всѣ иконы серебромъ, золотомъ и жемчугомъ, и позолотилъ самый верхъ церкви, отчего она начала именоваться златоверхою; а чрезъ нѣсколько лѣтъ (1515) велѣлъ расписать внутри весь успенскій соборъ, и это расписаніе было столь «чудно и всякія лѣпоты исполнено», что всѣ, входившіе во храмъ, поражались и какбы переносились на небо. Не съ меньшимъ усердіемъ вел. князь сооружалъ въ Москвѣ новыя церкви: въ 1514 г. онъ повелѣлъ заложить и воздвигнуть разомъ десять каменныхъ церквей, въ томъ числѣ — Рождества Пресв. Богородицы на своемъ дворѣ, св. Владиміра въ Садѣхъ, св. Леонтія ростовскаго и св. Петра митрополита московскаго за Неглинною, поручивъ всѣ эти работы

(3) Собр. Р. Лѣт. VI, 37. 50. 198. 235; Никон. Лѣт. VI, 119. 124. 172. 180. 184; VII, 41. 274; *Снегирев.* Памятн. Моск. древн. 62. 83. 110.

(4) Собр. Р. Лѣт. VIII, 173. 181. 217; Ник. Лѣт. VI, 45. 61. 122.

одному и томуже мастеру Алевизу Фрязину; а въ 1527 г. поставилъ разомъ еще три каменныя церкви, въ томъ числѣ Преображенія Господня на своемъ дворѣ (5). Царь Іоаннъ Васильевичъ IV не уступалъ двумъ своимъ предшественникамъ въ украшеніи своей столицы св. храмами. Послѣ страшнаго пожара 1547 г., истребившаго или разрушившаго, болѣе или менѣе, почти всѣ зданія въ Москвѣ, Іоаннъ возобновилъ, между прочимъ, три главные кремлевскіе собора: успенскій, благовѣщенскій и архангельскій, и при этомъ верхи двухъ первыхъ позолотилъ. Изъ церквей же, созданныхъ самимъ Іоанномъ, наиболѣе замѣчательная есть церковь Покрова Пресв. Богородицы (Василій блаженный), каменная о девяти верхахъ, которую въ 1555 г. заложилъ царь въ Китай-городѣ на память взятія Казани (6).

Въ другихъ городахъ и вообще мѣстностяхъ Россіи какихъ либо замѣчательныхъ храмовъ, вновь сооруженныхъ, или только обновленныхъ и богато украшенныхъ, почти не встрѣчаемъ впродолженіе настоящаго періода, хотя въ нѣкоторыхъ городахъ, наприм. въ Новгородѣ и Псковѣ, храмы сооружались тогда довольно часто, иногда по два, по три, даже по четыре разомъ (7). Какъ на болѣе замѣчательные въ этомъ

---

(5) Собр. Р. Лѣт. VI, 247. 254. 280; VIII, 249. 254. 255. 272; Ник. Лѣт. VI, 182. 217. 233.

(6) Ник. Лѣт. VII, 70. 71. 232—234. 238. 239; *Снегирев.* Памятн. Моск. древн. 62. 84.

(7) Собр. Р. Лѣт. III, 153. 157. 241. 248. 250. 253; IV, 266. 291. 303. 305. Въ лѣтописяхъ иногда упоминаются строители церквей и подрядчики: Сырковъ (III, 247; VI, 287. 290. 298. 303), Таракановъ (VI, 281), мастера тверской земли—Ермола и др. (VI, 296). За построеніе каменной церкви мастера брали по 20 ти и по 30 ти рублей (Собр. Р. Лѣт. IV, 231. 235), потомъ по 50-ти и по 70-ти (—III, 296. 300), а къ концу періода и по 90 рублей (А. до юрид. быта Россіи, II, № 254).

отношеніи случаи можно указать на слѣдующіе: въ Новгородѣ архіепископъ Макарій устроилъ (1528 г.) въ софійскомъ соборѣ — новыя царскія врата, чудно изукрашенныя, шестьдесятъ шесть иконъ для иконостаса, обложенныхъ серебромъ и золотомъ, и какой-то особый, позлащенный амвонъ съ тридцатью иконами, который поддерживали на себѣ двѣнадцать деревянныхъ, одѣтыхъ фигуръ въ образѣ человѣческомъ; а совнѣ, надъ западными дверями собора приказалъ написать настѣнныя изображенія Пресв. Троицы, Софіи-Премудрости Божіей и нерукотворенный образъ Спасителя, остающіяся доселѣ. Въ любимомъ селѣ своемъ Коломенскомъ в. кн. Василій Ивановичъ соорудилъ (1532) каменную церковь Вознесенія Господня, которая, по словамъ лѣтописи, была «вельми чудна высотою, и красотою, и свѣтлостію», и какой «не бывало прежде сего въ Русіи»; и снабдилъ эту церковь драгоцѣнными сосудами и иконами, обложенными золотомъ, серебромъ и дорогими камнями. Въ Хутынскомъ монастырѣ построена (1535 г.) каменная церковь во имя св. Григорія, просвѣтителя великой Арменіи, такъ же, по свидѣтельству лѣтописи, вельми чудная, какой не бывало въ новгородской области: церковь была круглая и весьма высокая, имѣла восемь угловъ, пять дверей и одинъ верхъ, на которомъ повѣшены были колокола. Въ Твери мѣстный епископъ Акакій, послѣ страшнаго пожара, истребившаго (1537 г.) весь городъ и соборную церковь, вновь соорудилъ ее въ прежнемъ видѣ и украсилъ ее множествомъ иконъ, искусно написанныхъ и обложенныхъ серебромъ и золотомъ. Въ Троицко-сергіевой лаврѣ царь Иванъ Васильевичъ позолотилъ (1556 г.) верхъ троицкаго собора, построеннаго еще

въ 1477 г. псковскими мастерами, тѣми самыми, которые тогда же соорудили придворный благовѣщенскій соборъ въ Москвѣ (8).

О числѣ церквей въ нѣкоторыхъ городахъ можемъ заключать на основаніи лѣтописныхъ замѣтокъ при описаніи происходившихъ тогда пожаровъ. Такъ, во Владимірѣ на Клязьмѣ, который въ 1491 г. выгорѣлъ весь съ посадами, сгорѣло 9 церквей въ городѣ и 13 въ посадѣ; въ Угличѣ, такъ же выгорѣвшемъ въ то время, сгорѣло церквей 15. Въ Псковѣ сгорѣло: 1466 г.—12 церквей, въ 1539 г.—12, въ 1550 г. обгорѣли или поразсѣдались 36 каменныхъ церквей и сгорѣли 15 деревянныхъ; въ 1562 — сгорѣли или обгорѣли 52 деревянныхъ и каменныхъ церкви, и остались неповрежденными отъ огня только 8; слѣд. всего въ Псковѣ до этого пожара было 60 церквей. Въ Новгородѣ въ 1476 г. сгорѣло 15 церквей, а три каменныя разсыпались; въ 1541 г. обгорѣли 22 церкви и двѣ разсыпались, а вскорѣ обгорѣли еще 6; въ 1555 г. — обгорѣло 15 церквей. Впрочемъ, относительно Новгорода сохранилась особая запись, составленная, какъ догадываются, къ концу XV или въ началѣ XVI вѣка и свидѣтельствующая, что всѣхъ церквей въ Новгородѣ, за исключеніемъ загородныхъ монастырей, было тогда 89, и что въ 44 изъ нихъ совершались ежедневныя службы (9).

---

(8) Собр. Р. Лѣт. VI, 206. 285. 291. 296. 303; Ник. Лѣт. VI, 248. 249; VII, 270; *Максим. грек.* Сочин. II, 293. 294.

(9) Собр. Р. Лѣт. III, 150. 250. 252; IV, 231. 303. 308. 313; VIII, 221. 222; Ник. Лѣт. VI, 128; *Карамз.* VI, прим. 629, стр. 94; Опис. рукоп. Румянц. Муз., стр. 41. Въ 1545 г. при новгородскихъ церквахъ, кромѣ софійскаго собора, насчитывалось 158 священниковъ, которые, съ своими причтами, обязаны были, по государеву приказу, выставить извѣстное число ратныхъ людей (А. Э. I,

Вообще въ храмахъ у насъ тогда недостатка не было, напротивъ чувствовался даже избытокъ. Случалось, какъ свидѣтельствуютъ отцы Стоглаваго собора, что міряне, оставляя въ пренебреженіи свои прежнія церкви, строили новыя; многіе созидали церкви не ради Бога, а по тщеславію и гордости и ради своихъ женъ; нѣкоторые, увлекаясь сновидѣніями, давали обѣты воздвигать церкви и молитвенные домы, но, соорудивъ церковь, не имѣли средствъ снабдить ее иконами, книгами и содержать при ней причтъ, или если въ началѣ коекакъ и дѣлали все это, то вскорѣ, совсѣмъ оскудѣвъ, оставляли церковь безъ всякой поддержки и пустою; еще нѣкоторые строили церкви самовольно безъ благословенія епископа. Потому-то соборъ и опредѣлилъ, чтобы впредь епархіальные архіереи отнюдь не допускали, безъ благословенія ихъ, строить церкви и вообще дѣйствовали при этомъ, какъ требуютъ каноны, и чтобы, собравъ свѣдѣнія о всѣхъ церквахъ, какія по городамъ и селамъ стояли пусты и безъ пѣнія, освободили ихъ, своими тарханными граматами, отъ всякихъ церковныхъ пошлинъ на пятнадцать лѣтъ, и предоставили мѣстнымъ прихожанамъ собирать тѣ пошлины и употреблять на устроеніе ихъ запустѣлыхъ церквей (Стогл. гл. 70 и 84).

Обычай строить обѣтныя церкви болѣе и болѣе усиливался. Ему слѣдовали сами великіе князья: Іоаннъ III поставилъ (1468 г.) въ Москвѣ обѣтную церковь св. Симеона Дивно-

---

стр. 184. 186). А еще гораздо прежде, именно въ 1467 г., во время свирѣпствовавшаго мора, въ Новгородѣ „на посадѣ по градскимъ церквамъ не стало поповъ 300, а діаконовъ 21, а которые овдовѣли и стриглись—19 поповъ, а діаконовъ 6“, какъ гласитъ запись, сдѣланная на доскѣ и доселѣ сохраняющаяся въ новгородскомъ Звѣринѣ монастырѣ на стѣнѣ обѣтнаго храма (напеч. въ Ист. Росс. іерарх. IV, 151—153).

горца, а Василій Іоанновичъ, по случаю рожденія отъ него сына Іоанна IV, поставилъ (1531) такую же церковь на старомъ Ваганьковѣ во имя св. Іоанна Крестителя съ двумя придѣлами ([10]). Церкви обѣтныя всегда строились изъ дерева и въ одинъ день, отъ чего и назывались обыденными; въ тотъ же день онѣ и освящались, и въ нихъ совершалось богослуженіе. Поводомъ къ сооруженію ихъ, большею частію, служили общественныя бѣдствія, особенно моровая язва: церкви строились тогда, по обѣту и при участіи всего народа, съ цѣлію умилостивить Бога и отвратить Его гнѣвъ. Иногда созидалась только одна обыденная церковь, а чрезъ нѣсколько времени, если моръ не прекращался, то созидалась и другая; иногда же строились разомъ двѣ обыденныя церкви ([11]). Впослѣдствіи случалось, что на мѣстахъ этихъ деревянныхъ обыденныхъ церквей воздвигаемы были каменныя во имя тѣхъ же Святыхъ, какбы по завѣту отъ предковъ, и назывались завѣтными. Такъ въ 1537 г. сооружена новгородцами въ Кремлѣ каменная церковь Похвалы Пресв. Богородицы, «завѣтная отъ мору», на мѣстѣ деревянной обыденной, построенной еще въ 1508 г. и сгорѣвшей; а черезъ три года новгородскій архіепископъ Макарій въ Кремлѣ же поставилъ каменную церковь св. муч. Анастасіи, «отъ мору завѣтную», на мѣстѣ деревянной обыденной, построенной еще въ 1417 г. по случаю такъ-называемаго Анастасіинскаго мора ([12]). Не такъ скоро установился у насъ другой обычай, которому начало

([10]) Собр. Р. Лѣт. VIII, 154 278; Ник. Лѣт. VI, 7. 246.

([11]) Собр. Р. Лѣт. III, 244. 248. 249. 251; IV, 127. 230. 267. 294. 295. 298; VI, 35. 281. 290.

([12]) Собр. Р. Лѣт. III, 249, снес. 107; VI, 295.

положилъ новгородскій архіепископъ Евѳимій въ 1439 г.,— обычай созидать теплыя церкви или, по крайней мѣрѣ, теплые придѣлы къ нимъ. Впродолженіе цѣлаго столѣтія такія церкви устроялись только въ нашихъ монастыряхъ, а изъ приходскихъ церквей въ Новгородѣ первая была церковь мѵроносицкая, у которой устроенъ былъ теплый каменный придѣлъ во имя Срѣтенія Господня въ 1538 г. ([13]). За то въ послѣдней половинѣ XVI вѣка обычай этотъ былъ уже довольно распространенъ по всей новгородской области, и теплыя церкви встрѣчаемъ не только въ монастыряхъ, но и во многихъ небольшихъ селахъ и погостахъ ([14]).

О церквахъ соборныхъ мы упоминали еще въ предшествовавшій періодъ; но не имѣли возможности объяснить тогда самое значеніе ихъ. Теперь открывается эта возможность. *Соборною* церковію называлась та, къ которой причислялось нѣсколько другихъ приходскихъ церквей и при которой учреждался *соборъ* изъ священнослужителей всѣхъ этихъ церквей, представлявшій собою особую корпорацію изъ мѣстнаго духовенства, особое церковное общество или братство. Число священнослужителей, составлявшихъ соборъ при избранной церкви, по имени которой онъ и назывался, простиралось иногда до ста и болѣе. Хотя каждая соборная церковь находилась въ городѣ, но въ составъ собора, при ней существовавшаго, входили не одни городскіе священники съ своими

([13]) Нашей Ист. Р. Церк. IV, 235; Собр. Р. Лѣт. VI, 303.

([14]) *Неволин.* О пятин. новг. (въ Записк. Географ. Общ. кн. VIII), Приложен. стр. 250. 251. 253. 254. 256. 260. 262. 286—288. 292. 293. 300. 302. 304. 309. 312. 319. 337. 341. Снес. Собр. Р. Лѣт. III, 151. 153; IV, 293.

церквами, но и пригородніе, и сельскіе: такъ было, по крайней мѣрѣ, въ псковской области. Всѣ они обязывались собираться въ свою соборную церковь для разсужденій и совѣщаній о дѣлахъ церковныхъ, для совершенія въ ней соборныхъ богослуженій въ опредѣленные дни; всѣ обязывались отправлять въ ней ежедневно очередную службу по недѣли. Во главѣ каждаго собора священнослужителей находился одинъ соборскій или поповскій староста, котораго избирали они сами изъ среды своей и который имѣлъ наблюденіе какъ надъ всѣми ими, такъ и надъ ихъ приходскими церквами и заправлялъ дѣлами собора. Такихъ соборовъ и соборныхъ церквей въ Новгородѣ было семь, вѣроятно, по числу седми вселенскихъ соборовъ, еще въ прошлый періодъ, и болѣе теперь уже не появлялось. Но въ Псковѣ къ тремъ прежнимъ прибавилось теперь четыре новыхъ собора, такъ что общее число ихъ возрасло, какъ и въ Новгородѣ, до семи. Въ 1453 г., когда владыка Евѳимій посѣтилъ Псковъ, попы невкупные, т. е. непринадлежавшіе къ существовавшимъ соборамъ, били челомъ намѣстнику вел. князя и посадникамъ чтобъ быть въ Псковѣ четвертому собору; намѣстникъ и посадники били челомъ владыкѣ, и владыка благословилъ невкупныхъ поповъ держать четвертый соборъ и вседневную службу у св. Спаса всемилостиваго на Торгу (по имени этой церкви четвертый соборъ и назывался) да у св. Христова мученика Димитрія въ Домонтовой стѣнѣ. Въ 1466 г. другіе невкупные попы били челомъ Пскову, чтобы быть въ Псковѣ пятому собору, и псковичи повелѣли быть пятому собору у Похвалы Св. Богородицы (по имени этой церкви пятый соборъ и назывался), да у Покрова Св. Богородицы, да у Св. Духа за Домон-

товою стѣною. Въ 1471 г. еще невкупные попы били челомъ Пскову, чтобы ходатайствовалъ объ открытіи шестаго собора. Посадники за тѣмъ били челомъ митр. Филиппу отъ всей псковской земли и представили ему граматы отъ всѣхъ пяти соборовъ псковскихъ съ просьбою объ учрежденіи въ Псковѣ шестаго собора при церкви Входа во Іерусалимъ, объясняя, что для новаго собора у нихъ набралось уже сто два *служителя церковныхъ*—священниковъ и священноиноковъ (тутъ, очевидно, разумѣются не монастыри,—не тѣ священноиноки или іеромонахи, которые жили въ монастыряхъ, а тѣ, которые, по тогдашнему обычаю, нерѣдко состояли при приходскихъ церквахъ, завѣдывали приходами, вмѣсто бѣлыхъ священниковъ, и назывались *черными попами*). И митрополитъ благословилъ открыть этотъ шестой соборъ. Наконецъ, въ первой половинѣ XVI в. учрежденъ былъ въ Псковѣ и седмый соборъ, хотя неизвѣстно при какой церкви, какъ можно заключать изъ того, что въ 1544 г., когда Псковъ посѣтилъ владыка Ѳеодосій, сельскіе попы и пригородскіе «откололись отъ всѣхъ *седми* соборовъ», въ составъ которыхъ они входили дотолѣ, и владыка далъ имъ особаго старосту. Въ Москвѣ, по волѣ царя и опредѣленію Стоглаваго собора, учреждено разомъ семь соборовъ, съ расчисленіемъ между ними всѣхъ церквей собственно столицы: первый соборъ всесвятскій въ Черторьи, второй—борисоглѣбскій, третій—никитскій на Никитинѣ улицѣ, четвертый—введенскій во Псковичахъ, пятый—покровскій на Площадкѣ, шестой—ивановскій за Болотомъ, седмой — варваровскій въ Новомъ городѣ и Старомъ. Каѳедральная соборная церковь Успенія Пр. Богородицы не входила въ число седми москов-

скихъ соборовъ и считалась надъ ними бо̀льшею и высшею (15).

Церкви, какъ и прежде, украшались иконописью, а иногда и стѣнописью. Тѣмъ и другимъ искуствомъ занимались у насъ многіе, особенно изъ лицъ монашествующаго и бѣлаго духовенства. Нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣтали въ свое время извѣстность, даже славу. Во дни Іоанна III болѣе всѣхъ славились иконописцы Митрофанъ-инокъ и Діонисій, расписавшіе въ 1466 г. главный храмъ въ монастырѣ преп. Пафнутія боровскаго (16). Черезъ пятнадцать лѣтъ этотъ самый Діонисій, а съ нимъ попъ Тимоѳей, Ярецъ и Коня, написали «чудно вельми» три яруса въ иконостасѣ (деисусъ, праздники и пророки) новаго московскаго успенскаго собора, получивъ за труды сто рублей отъ Вассіана, архіепископа ростовскаго. Еще черезъ пять лѣтъ тотъ же Діонисій, вмѣстѣ съ двумя сынами своими Владиміромъ и Ѳеодосіемъ, старцемъ Паисіемъ

---

(15) Собр. Р. Лѣт. IV, 215. 221. 243. 306; Акт. Истор. I, № 283; Акт. Эксп. I, № 232; Стогл. гл. 6. 35. Снес. нашей Ист. Р. Церкви IV, 236. Въ Псковѣ, вѣроятно, съ того времени, какъ сельскіе и пригородскіе попы откололись отъ городскихъ соборовъ и получили особаго старосту, слѣд. составили особый соборъ, осталось только *шесть* соборовъ: по крайней мѣрѣ, въ 1555 и 1556 г. существовало именно шесть (Древн. Росс. Вивл. XV, стр. 15, изд. 2; Опис. рукоп. Хлудова, стр. 215). Въ одномъ спискѣ лѣтописи упоминается о седми соборахъ въ Москвѣ еще въ 1479 г.; но въ другомъ спискѣ, вмѣсто седми *соборовъ*, сказано: седмь *дней* (VIII, 201). Да и приговоръ Стоглаваго собора объ учрежденіи церковныхъ старостъ въ Москвѣ ясно выражается: „достоитъ убо седмь соборовъ *учинити* и седмь старостъ устроити“ (Акт. Эксп. I, стр. 227). А что въ Псковѣ и псковской области нерѣдко состояли тогда при приходскихъ церквахъ, вмѣсто бѣлыхъ священниковъ, не только священноиноки, но даже игумены, это видно изъ граматы самаго новгородскаго владыки, 1528 года (*Евген.* Истор. Княж. Псковск. II, 84–85).

(16) Въ Вассіановомъ житіи преп. Пафнутія сказано: „къ симъ же сугубыми труды церкви та съвершеное украшеніе пріемлетъ, еже отъ живописцевъ Митрофана инока и Діонисія и ихъ пособниковъ, пресловущихъ тогда паче всѣхъ въ таковѣмъ дѣлѣ“ (Сборн. нашей библ. № 100).

и двумя племянниками преп. Іосифа волоколамскаго— старцемъ Досиѳеемъ и старцемъ Вассіаномъ (который впослѣдствіи былъ епископомъ коломенскимъ) расписали новый каменный храмъ въ Іосифо-волоколамскомъ монастырѣ (17). При Василіѣ Іоанновичѣ извѣстны были своимъ искуствомъ иконописцы: а) въ Москвѣ—сынъ Діонисія Ѳеодосій и Ѳеодоръ Едикеевъ, расписавшіе въ 1508 г. придворный благовѣщенскій соборъ, а такъ же митрополиты Симонъ и Варлаамъ: отъ перваго доселѣ сохранилась икона Божіей Матери владимірской, имъ писанная; а послѣдній въ 1518 г. поновилъ собственными руками двѣ старыя иконы—Спасителя и Богоматери, принесенныя изъ Владиміра; б) въ Новгородѣ и его области — Андрей Лаврентьевъ и Иванъ Дермоярцевъ, дописавшіе въ 1509 г. деисусъ и праздники въ иконостасѣ софійскаго собора; іеромонахъ Антоніева монастыря Ананія, писавшій «дивныя иконы многихъ св. чудотворцевъ» († 1521), и преп. Антоній Сійскій, писавшій также «многія св. иконы»; в) въ Псковѣ — Алексѣй малый, «мужъ благочестивый житіемъ и богобоязливый», написавшій въ 1521 г. образъ Успенія Богородицы для Псково-печерскаго монастыря (18). При царѣ грозномъ въ числѣ иконописцевъ встрѣчаются два митрополита: Макарій, неразъ поновлявшій св. иконы, которыя приносимы были для того въ Москву изъ другихъ мѣстъ, и Аѳа-

---

(17) Собр. Р. Лѣт. VI, 233; *Саввы* Житіе преп. Іосифа, стр. 23. Въ 1485 г. упоминается еще иконникъ Далматъ (Собр. Р. Лѣт. VI, 237).

(18) Собр. Р. Лѣт. IV, 136; Ник. Лѣт. VI, 214. 215; *Снегир.* Памятн. Моск. древн., о соборѣ успенск. стр. 17; *Ровинск.* Истор. русск. школъ иконоп. (въ т. VIII Запис. Археол. Общ.), стр. 4. 7. 127. 130. 133. 140. 143. 158. 181; *Макар.* Археол. Опис. Новг. церк. древн. II, 21; *Сахаров.* О русск. иконоп. II, прилож. стр. 14.

пасій, писавшій многія иконы; протоіерей Андрей, сотрудникъ Макарія при поновленіи иконъ; преп. Адріанъ, игуменъ пошехонскій, писавшій многія иконы; псковскіе иконники — Останя, да Яковъ, да Михайла, да Якушка, да Семенъ, высокій Глаголь, съ товарищами, участвовавшіе въ расписаніи благовѣщенскаго собора въ Москвѣ послѣ пожара 1547 г.; московскіе иконники — Ларіонъ, да Третьякъ, да Федоръ Никитины, родомъ ярославцы, расписавшіе въ 1564 г. спасскій соборъ въ Ярославлѣ; діаконъ Николай Грабленой въ Новгородѣ, написавшій въ 1568 г. образъ живоначальной Троицы для Клопскаго монастыря (19).

Впрочемъ, хотя и не переводились тогда у насъ иконописцы, болѣе или менѣе искусные, но вообще состояніе иконописанія было очень неудовлетворительно. На Стоглавомъ соборѣ царь Иванъ Васильевичъ выразилъ желаніе, чтобы иконы писались «по божественнымъ правиламъ, по образу и по подобію и по существу», т. е. согласно съ древними образцами и соотвѣтствовали самимъ своимъ первообразамъ, и чтобы иконописцы жили благочестиво и учили учениковъ своихъ писать иконы «по существу» (Стогл. гл. 5, вопр. 3). Кромѣ того, въ частности, царь обратилъ вниманіе отцевъ собора на то, во первыхъ, что на иконахъ, изображающихъ Св. Троицу, иконописцы пишутъ «перекрестіе», одни только у средняго Лица, другіе у всѣхъ трехъ, надписывая надъ среднимъ: *Іисусъ Христосъ*, *Святая Троица*, чего на древнихъ иконахъ и на греческихъ не видно (гл. 41, вопр. 1), а во

(19) Собр. Р. Лѣт. III, 161; Ник. Лѣт. VII, 238. 269; *Ровинск.* Ист. русск. школ. икон. 129. 131. 160. 166. 169; *Сахар.* О русск. икон. II, прилож. 14; Акт. Эксп. I, стр. 247.

вторыхъ — на то, что на нѣкоторыхъ икопахъ, наприм., на тихвинской иконѣ Богоматери, иконописцы, кромѣ Святыхъ, изображаютъ въ нижнемъ ряду и другихъ людей молящихся, какъ живыхъ еще, царей, святителей, вообще народъ, такъ и умершихъ (гл. 41, вопр. 7). Въ отвѣтъ на эти царскіе вопросы соборъ постановилъ: 1) иконописцамъ писать иконы Господа Бога, Богоматери и всѣхъ Святыхъ по образу, и по подобію, и по существу, съ древнихъ образцовъ, а не отъ своего «самосмышленія» и не по своимъ догадкамъ. 2) Иконописцамъ быть смиренными, кроткими, благоговѣйными, трезвыми, цѣломудренными, вообще благочестивыми, и «съ превеликимъ тщаніемъ» писать св. иконы. 3) Такихъ иконописцевъ царю жаловать, святителямъ беречь и уважать «паче простыхъ человѣкъ», а вельможамъ и простымъ людямъ во всемъ почитать. 4) Такимъ живописцамъ принимать къ себѣ учениковъ, обучать ихъ своему искуству и вмѣстѣ благочестію и не скрывать отъ нихъ своего таланта, а по окончаніи обученія приводить успѣвшихъ учениковъ къ мѣстному святителю, чтобы онъ благословилъ ихъ на дѣло иконописанія; при чемъ мастеръ-иконникъ долженъ дѣлать отзывы о своихъ ученикахъ со всею справедливостію и безпристрастіемъ, и если онъ назоветъ искуснымъ и по всему достойнымъ такого ученика, который начнетъ писать худо и жить безчинно, или изъ зависти похулитъ ученика дѣйствительно искуснаго и достойнаго по жизни, то святитель полагаетъ мастера подъ запрещеніе. 5) Если кто изъ мастеровъ-живописцевъ или ихъ учениковъ начнетъ жить не по правиламъ, въ пьянствѣ, нечистотѣ и всякомъ безчинствѣ, то святители полагаютъ таковыхъ подъ запрещеніемъ и отлучаютъ отъ

иконнаго дѣла. 6) Тѣмъ, которые дотолѣ писали иконы, «неучася и самовольно», и промѣнивали простымъ людямъ, поселянамъ, запретить это, пока не научатся «отъ добрыхъ мастеровъ»; кто научится писать иконы правильно, пусть пишетъ; а кто не научится, пусть навсегда оставитъ это занятіе; иначе подвергнется царскому гнѣву и суду. 7) Архіереи, каждый въ своемъ предѣлѣ, должны избрать парочитыхъ мастеровъ - иконописцевъ и чѣрезъ нихъ имѣть постоянное наблюденіе за всѣми иконописцами, чтобы между ними не было худыхъ и безчинныхъ и чтобы они писали съ древнихъ образцовъ (гл. 43). 8) Иконы Пресв. Троицы (на которыхъ нѣкоторые иконописцы писали «перекрестіе» то у одного, то у всѣхъ трехъ Лицъ) писать съ древнихъ образовъ, какъ писали греческіе живописцы и какъ писалъ Андрей Рублевъ и другіе славные иконописцы, и дѣлать на этихъ иконахъ только одну надпись: *Святая Троица* (гл. 41, вопр. 1). 9) Можно изображать на иконахъ, кромѣ Святыхъ, и другихъ людей, живыхъ и умершихъ, по примѣру древнихъ иконописцевъ, греческихъ и русскихъ, которые, напримѣръ, на иконѣ Воздвиженія честнаго креста и на иконѣ Покрова Пресв. Богородицы, писали и князей и святителей и множество народа, а на иконахъ страшнаго суда изображали даже «различные лики невѣрныхъ отъ всѣхъ языкъ» (гл. 41, вопр. 7). Вскорѣ послѣ Стоглаваго собора вопросъ объ иконахъ, какъ извѣстно, былъ обсуждаемъ на новомъ соборѣ (1553—1554), по поводу недоумѣній дьяка Висковатова, который, соблазнившись иконами, написанными въ придворномъ благовѣщенскомъ соборѣ послѣ пожара 1547 года новгородскими и псковскими мастерами, втеченіе трехъ лѣтъ смущалъ народъ тѣмъ, будто ико-

ны эти написаны не по образу и существу, а по мудрованію и умышленію попа Сильвестра. Митрополитъ Макарій разрѣшилъ на соборѣ Висковатову всѣ его недоумѣнія, а попъ Сильвестръ въ своей челобитной собору объяснилъ, что иконы тѣ писаны всѣ «отъ древняго преданія, со старыхъ образцовъ», и что онъ не приложилъ ни единой черты отъ своего разума. Тогда же митрополитъ сказалъ царю, что въ Москвѣ уже поставлены четыре старосты – иконника надъ всѣми иконниками, чтобы наблюдать за ними по уложенію Стоглаваго собора ([20]).

До какой степени дѣло иконописанія считалось важнымъ, можно заключать изъ того, что нѣкоторыя древнія иконы, когда открывалась нужда обновить ихъ, были переносимы изъ дальнихъ мѣстъ въ Москву съ особенною торжественностію, и здѣсь надъ обновленіемъ ихъ иногда трудились сами митрополиты. Въ 1518 г., по повелѣнію вел. князя и митрополита, принесены были въ Москву двѣ обветшавшія иконы изъ Владиміра, икона Спасителя и икона Божіей Матери. Предъ Москвою онѣ встрѣчены были крутицкимъ епископомъ Досиѳеемъ съ соборомъ духовенства и множествомъ народа, а у срѣтенскаго монастыря—самимъ митрополитомъ Варлаамомъ и безчисленными толпами жителей столицы. Послѣ молебныхъ пѣній и по совершеніи литургіи въ успенскомъ соборѣ, гдѣ иконы первоначально были поставлены, митрополитъ велѣлъ поновлять ихъ въ своихъ палатахъ, и «самъ многажды своима рукама» касался ихъ и трудился надъ обновленіемъ ихъ; затѣмъ обложилъ ихъ серебромъ и золотомъ.

([20]) Подробнѣе—см. нашей Ист. Р. церкви VI, 262–268; Акт. Эксп. I, № 238.

Въ слѣдующемъ году, отпуская эти иконы во Владиміръ, митрополитъ съ архіереями и прочимъ духовенствомъ и великій князь съ князьями, боярами и множествомъ народа провожали иконы за городъ и за посады, и на мѣстѣ, до котораго провожали, поставили церковь во имя срѣтенія Пресв. Богородицы ([21]). Съ такою же торжественностію въ 1531 г., по повелѣнію вел. князя, были принесены въ Москву изъ Ржевы двѣ обветшавшія иконы — препод. Параскевы и св. великомученицы Параскевы, именуемой Пятницею. Князь приказалъ эти иконы обновить, обложить серебромъ и золотомъ и снять съ нихъ вѣрныя копіи; поставилъ во имя ихъ новую прекрасную церковь на Новомъ, близъ Покрова Пресв. Богородицы,—и, по освященіи церкви, оставивъ въ ней копіи, отпустилъ самыя иконы обратно въ Ржеву ([22]). Извѣстенъ и третій подобный случай. Въ 1555 г. приходили къ царю священники и лучшіе земскіе люди съ Вятки и били челомъ, чтобы онъ велѣлъ обновить находящійся въ ихъ краѣ чудотворный образъ Николы великорѣцкаго, крайне обветшавшій. Царь приказалъ священникамъ привезти этотъ образъ водянымъ путемъ въ Москву, и здѣсь встрѣтили его—у Николы на Угрѣши братъ царя Юрій Васильевичъ, у Симонова—самъ царь, а у Фроловскихъ воротъ митрополитъ, со множествомъ народа. Надъ обновленіемъ образа потрудились самъ митрополитъ Макарій и протопопъ благовѣщенскій Андрей «со многимъ желаніемъ и вѣрою, постомъ и молитвою». Царь приказалъ соорудить у Покрова Пресв. Богородицы надо рвомъ

([21]) Собр. Р. Лѣт. VI, 261. 262; Ник. Лѣт. VI, 214. 225.
([22]) Собр. Р. Лѣт. VIII, 278. 279; Ник. Лѣт. VI, 244.

деревянную церковь во имя св. чудотворца Николы вятскаго и въ ней поставить вѣрную копію съ чудотворнаго образа, принесеннаго съ Вятки, самый же образъ, украшенный золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями отпустить обратно ([22]).

Особенное уваженіе, какъ и всегда, было оказываемо иконамъ чудотворнымъ и новоявленнымъ. Когда въ 1540 г. принесены были изъ Ржевы въ Москву двѣ чудотворныя иконы: икона преч. Богородицы-Одигитріи и другая, изображавшая честный крестъ, онѣ встрѣчены были самимъ митрополитомъ Іоасафомъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ, а такъ же самимъ государемъ съ князьями, боярами и множествомъ народа, и на мѣстѣ срѣтенія вел. князь повелѣлъ поставить церковь во имя Пречистыя. Когда въ 1551 г. воеводы, ставившіе новый городъ Михайловъ на рѣкѣ Прони, донесли царю, что при расчищеніи мѣста для соборной церкви, они обрѣли образъ архангела Михаила, древняго письма; то царь и митрополитъ Макарій посылали священниковъ для принесенія этого явленнаго образа въ Москву, совершали предъ нимъ молебныя пѣнія и съ торжествомъ отпустили его на мѣсто, гдѣ онъ явился. Когда псковскій намѣстникъ, князь Токмановъ донесъ царю о явленіи двухъ иконъ Божіей Матери—*Умиленія* и *Одигитріи* на Синичей горѣ (въ 40 верстахъ отъ Опочки) и о совершающихся чудесахъ отъ этихъ иконъ,—царь приказалъ основать (1569 г.) на мѣстѣ явленія ихъ монастырь и каменный храмъ во имя Успенія Богородицы. Съ того времени эта гора начала называться святою, монастырь—святогорскимъ успенскимъ, а новоявленныя иконы — чудотворными *святогорскими*. Черезъ де-

([22]) Собр. Р. Лѣт. IV, 309; Ник. Лѣт. VII, 237—239. 269.

сять лѣтъ совершилось въ Казани явленіе иконы Божіей Матери, извѣстной подъ именемъ *Казанской*,—и царь Иванъ Васильевичъ приказалъ построить на мѣстѣ явленія ея церковь во имя Пресв. Богородицы и основать женскій монастырь, сдѣлавъ для того значительное пожертвованіе изъ собственной казны и назначивъ отпускать деньги на содержаніе священнослужителей, игуменьи и сорока сестеръ ([24]).

При такомъ уваженіи къ древнимъ и чудотворнымъ иконамъ очень естественно то, что вел. князья московскіе, покоривъ какой либо городъ своей власти, иногда брали изъ него въ Москву древнія и чудотворныя иконы на время или навсегда. Вел. кн. Василій Ивановичъ, покоривъ Смоленскъ (1514 г.), велѣлъ перенесть оттуда въ Москву чудотворную икону Смоленской Божіей Матери; но вскорѣ, по просьбѣ жителей Смоленска, возвратилъ ее имъ, оставивъ въ московскомъ успенскомъ соборѣ только вѣрный съ нея списокъ. Когда царю Іоанну IV было донесено, что войска его взяли (1558 г.) городъ Нарву, во время случившагося тамъ пожара, и по окончаніи пожара нашли на пожарищѣ четыре, совершенно уцѣлѣвшія, иконы, именно: Божіей Матери, Николая чудотворца, св. Власія и св. Косьмы и Даміана,—царь приказалъ новгородскому архіепископу, чтобы эти иконы съ подобающею честію были перевезены сперва въ Новгородъ и затѣмъ въ Москву ([25]). Въ 1561 г. тотъ же государь взялъ изъ Новгорода въ

([24]) Собр. Р. Лѣт. VIII, прим. 295; Ник. Лѣт. VII, 19. 85; *Карамз.* VIII, прим. 246, стр. 41; Истор. княж. Псков. III, 81. 107—109; Сказаніе о явленіи иконы Божіей Матери, Казанской, въ рукоп. Сборн. нашей библ. № 7, л. 83—85.

([25]) *Снегир.* Памятн. Моск. древн., о соб. Успен. стр. 14—15; *Сахаров.* О русск. иконоп. II, 34; Собр. Р. Лѣт. III, 159; IV, 310; Ник. Лѣт. VII, 307.

Москву три древнія корсунскія иконы: изъ софійскаго собора—икону Всемилостиваго Спаса, писанную, по преданію, греческимъ императоромъ Мануиломъ, и икону св. апостоловъ Петра и Павла, и изъ Юрьева монастыря—икону Благовѣщенія Пресв. Богородицы; но чрезъ одинадцать лѣтъ двѣ изъ этихъ иконъ возвратилъ, одну—св. апостоловъ Петра и Павла въ подлинникѣ, а другую — Всемилостиваго Спаса только въ копіи, оставивъ подлинникъ въ московскомъ успенскомъ соборѣ. А въ 1570 г., когда грозный царь совершалъ свои страшныя казни надъ новгородцами за ихъ мнимую измѣну, онъ повелѣлъ забрать въ Москву всѣ вообще древнія и чудотворныя иконы не только изъ софійскаго собора, но и изъ прочихъ церквей и монастырей, городскихъ и пригородныхъ, вмѣстѣ съ другими церковными драгоцѣнностями. Тогда-то, вѣроятно, взяты были изъ софійскаго собора въ московскій успенскій соборъ и двѣ извѣстныя, донынѣ находящіяся въ немъ, запрестольныя иконы—Всемилостиваго Спаса и Божіей Матери, которыя, по преданію, принесены изъ Корсуня еще св. Владиміромъ ([26]).

Относительно рѣзныхъ иконъ любопытный разсказъ встрѣчаемъ въ одной псковской лѣтописи. Въ 1540 г. какіе-то прохожіе старцы изъ чужой земли привезли въ Псковъ ко дню Успенія Пресв. Богородицы рѣзныя иконы въ небольшихъ храминкахъ, или кіотахъ: двѣ иконы святителя Николая и икону св. Параскевы-Пятницы. Псковичи пришли въ

([26]) Собр. Р. Лѣт. III, 160. 172. 257. 259. 262; *Снегир.* Памятн. Моск. древн., пояснит. примѣч. къ опис. Успенск. собора—Б; *Макар.* Археол. Опис. новг. церк. древн. II, 98. 100.

недоумѣніе: такъ какъ подобныхъ иконъ на рѣзи въ Псковѣ не бывало. Многіе стали говорить, что поклоненіе такимъ иконамъ тоже, что поклоненіе идоламъ, и въ народѣ произошли великая молва и смятеніе. Обратились къ священникамъ, а священники донесли о народномъ смятеніи царскимъ намѣстникамъ и дьякамъ. Старцы съ иконами были взяты и самыя иконы отправлены въ Новгородъ къ архіепископу Макарію. Макарій приложился къ этимъ св. иконамъ, пѣлъ предъ ними соборнѣ молебенъ, воздалъ имъ честь, и велѣлъ псковичамъ, отпуская иконы обратно, встрѣтить ихъ такъ же соборнѣ и съ честію и вымѣнять у старцевъ. Псковичи, дѣйствительно, встрѣтили иконы честно, всѣмъ городомъ, пѣли предъ ними молебенъ и, вымѣнявъ, поставили одну икону святителя Николая—у Николы на Гребли, другую у Николы въ Пескахъ, а икону св. Параскевы-Пятницы—у св. Пятницы на Бродѣхъ ([27]). Разсказъ этотъ свидѣтельствуетъ, что рѣзныя иконы у насъ не были въ употребленіи, согласно съ уставомъ церкви. А если владыка Макарій дозволилъ чествованіе трехъ рѣзныхъ иконъ, принесенныхъ въ Псковъ изъ чужой земли, то дозволилъ, можетъ быть, только въ видѣ исключенія, желая тѣмъ успокоить волненіе псковичей и вразумить ихъ, что иконы христіанскихъ Святыхъ, даже рѣзныя, не суть въ строгомъ смыслѣ идолы и поклоненіе такимъ иконамъ—отнюдь не идолопоклонство. Вѣроятнѣе же Макарій поступилъ такъ потому, что употребленіе рѣзныхъ иконъ, неизвѣстное въ Псковѣ и другихъ мѣстахъ Россіи, было допу-

([27]) Собр. Р. Лѣт. IV, 303—304.

скаемо въ Новгородѣ. Антоній Поссевинъ собственными глазами видѣлъ въ одномъ монастырѣ неподалеку отъ Новгорода скульптурное изображеніе св. Николая чудотворца, находившееся въ величайшемъ уваженіи, и доселѣ еще на лѣвомъ берегу Волхова, у самаго волховскаго моста въ Новгородѣ, стоитъ такъ-называемый *Чудный крестъ* въ каменной часовнѣ (вышиною 3 арш. и 6 верш.), поставленный, какъ гласитъ вырѣзанная внизу его надпись, въ 1547 году, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и новгородскомъ архіепископѣ Ѳеодосіѣ. Крестъ этотъ, особенно чтимый въ народѣ, и самъ рѣзный, и имѣетъ рѣзныя изображенія—распятаго Спасителя и по правую сторону Его—Богоматери и Маріи Магдалины, а по лѣвую — Іоанна богослова и Логгина сотника. Подобный же деревянный крестъ (вышиною 2 арш. и 8 верш.), вырѣзанный, по свидѣтельству находящейся на немъ надписи, еще въ 1532 г. при вел. кн. Василіѣ Ивановичѣ и митрополитѣ Даніилѣ, можно видѣть въ новгородской Спасо-преображенской церкви, на торговой сторонѣ: на крестѣ вырѣзаны распятіе и 16-ть господскихъ и богородичныхъ праздниковъ въ кружкахъ ([28]).

Въ церквахъ нашихъ, какъ и въ предшествовавшіе періоды, равно употреблялись и чтились кресты всѣхъ видовъ: и четвероконечные, и шестиконечные, и осмиконечные ([29]). Но на Стоглавомъ соборѣ возбужденъ былъ вопросъ, какого вида кресты ставить на церквахъ. Царь Иванъ Васильевичъ, обно-

---

([28]) Anton. Possevin. De rebus Moscovit., apud Starczew. II, 280. 323; *Макар.* Археол. Опис. новг. церк. древн. II, 125–133.

([29]) *Макар.* Тамъ же II, 172—191. Снес. нашей Ист. Р. Церкв. I, 81; II. 225; III, 97; IV, 248.

вивъ, послѣ пожара 1547 г., успенскую соборную церковь и позолотивъ верхъ ея, водрузилъ на ней «воздвизальный крестъ, имъже благословляютъ», т. е. крестъ, по виду, сходный съ тѣмъ, какимъ въ церквахъ тогда осѣняли народъ и благословляли. Этотъ крестъ, вѣрно, былъ отличенъ отъ тѣхъ, какіе прежде ставились на церквахъ и какой прежде былъ на соборной церкви Успенія Пресв. Богородицы. Потому-то царь, указывая на этотъ новопоставленный крестъ, и предложилъ отцамъ собора разсудить и уложить, какого вида кресты впредь должно ставить на церквахъ. Отцы собора опредѣлили, что кресты, искони водруженные на церквахъ и на нихъ пребывающіе, должны оставаться неприкосновенными; но и крестъ воздвизальный, поставленный царемъ на соборной церкви, достойно поставленъ во славу Божію, и «таковые св. кресты на церквахъ и впредь да поставляются». По достовѣрному свидѣтельству, новый крестъ, поставленный царемъ на соборной церкви, былъ осмиконечный, а прежде кресты на церквахъ были четвероконечные ([30]). Слѣд. Стоглавый соборъ, своимъ рѣшеніемъ вопроса, безразлично и съ одинакимъ уваженіемъ отнесся къ крестамъ того и другаго рода, хотя и заповѣдалъ впредь ставить на церквахъ кресты по образцу поставленнаго царемъ на соборной успенской церкви. Излагая свой отвѣтъ, отцы обратили вниманіе и на то обстоятельство, что на многихъ крестахъ, стоявшихъ дотолѣ на церквахъ, были придѣланы кузнецами, по всѣмъ концамъ,

([30]) Такъ утверждалъ предъ раскольниками (ок. 1682 г.) патріархъ Іоакимъ, указывая на старыя московскія церкви. Увѣтъ Духовн. л. 93 об.—94, Москв. 1753.

другіе, меньшіе кресты, по два и по три вмѣстѣ, которые отъ бури и сильнаго вѣтра часто ломались, а потому опредѣлили, чтобы впредь кузнецы устрояли кресты на церквахъ по древнимъ образцамъ, а не отъ своего замышленія, и по концамъ этихъ крестовъ придѣлывали, для крѣпости, только по одному небольшому кресту и, какъ можно, тверже (гл. 41, вопр. 8).

О колоколахъ, особенно во второй половинѣ XV в., сохранилось весьма мало извѣстій. Въ 1450 г. привезли въ Москву великій колоколъ изъ Городка съ Низу. Въ 1460 г. псковичи, во время набѣга своего въ нѣмецкую землю, разорили тамъ какую-то божницу и сняли съ нея четыре колокола, которые и привезли въ Псковъ. Въ 1478 г. вел. князь Иванъ Васильевичъ, уничтожая вольность Новгорода, взялъ оттуда въ Москву вѣчевой колоколъ и велѣлъ повѣсить на колокольнѣ успенскаго собора для церковнаго звона вмѣстѣ съ другими колоколами. Въ 1481 г., когда войска московскія, вмѣстѣ съ новгородцами и псковичами, овладѣли городомъ Веліядомъ (Феллиномъ), псковичи привезли вел. князю «нѣмецкаго полону восмь колоколовъ веліядскихъ». Знаменитый Аристотель, соорудившій московскій успенскій соборъ, былъ такъ же искусенъ и въ литьи колоколовъ; но о вылитыхъ имъ колоколахъ не упоминаютъ лѣтописи ([31]). Въ самомъ почти началѣ XVI столѣтія вылитъ въ Москвѣ колоколъ въ 350 пудовъ: мастеромъ былъ иностранецъ Петръ Фрязинъ. Въ 1510 г. вел. князь Василій Ивановичъ велѣлъ перевезти

([31]) Собр. Р. Лѣт. V, 270; IV, 219; VIII, 181. 199; Ник. Лѣт. VI, 116.

изъ Пскова въ Москву вѣчевой колоколъ, а съ нимъ и другой; но, въ замѣнъ ихъ, чрезъ восемь лѣтъ прислалъ изъ Москвы въ Псковъ два другихъ колокола для троицкаго собора. Въ 1532 — 1533 г. слиты въ Москвѣ два большихъ колокола, одинъ въ 500 п. Николаемъ Фрязинымъ, а другой благовѣстникъ—въ 1000 п. Николаемъ Нѣмчиномъ, хотя оба эти Николая, вѣроятно, одно лицо ([32]). Тогда же лились колокола и въ Новгородѣ. Въ 1530 г., въ ту самую ночь и даже въ тотъ самый часъ, когда родился царь Иванъ Васильевичъ IV, отлитъ для софійскаго собора, повелѣніемъ архіепископа Макарія, колоколъ въ 250 п., удивлявшій своимъ звукомъ всѣхъ, такъ какъ подобной величины колокола ни въ Новгородѣ, ни во всей новгородской области дотолѣ не бывало. Затѣмъ, въ 1531 — 1542 г., благословеніемъ архіепископа Макарія, вылито еще нѣсколько колоколовъ для монастырей Хутынскаго и другихъ: четыре изъ этихъ колоколовъ сохранились донынѣ, и на одномъ изъ нихъ, въ 120 п., показанъ мастеръ Андреевъ, сынъ Михайловъ псковитинъ, а на двухъ — мастеръ Иванъ. Еще пять колоколовъ новгородскаго литья, уцѣлѣвшихъ доселѣ, относятся уже ко второй половинѣ XVI в., когда вылитъ былъ архіепископомъ Пименомъ для софійскаго собора и самый большой новгородскій колоколъ, благовѣстникъ, въ 500 пудовъ. Недолго, однакожъ, пришлось новгородцамъ услаждаться звукомъ этого благовѣстника: въ 1570 г., по приказанію грознаго царя, онъ былъ перевезенъ въ слободу Александровскую, а въ замѣнъ его,

([32]) *Карамз.* VI, примѣч., стр. 104; VII, примѣч., стр. 63 64; Собр. Р. Лѣт. IV, 286. 288. 291. 292; VIII, 284; Ник. Лѣт. VI, 258.

черезъ два года, вылитъ въ слободѣ для Новгорода другой колоколъ мастеромъ Иваномъ Аѳанасьевымъ. Въ томъ же 1570 г., по волѣ царя, совершавшаго свои страшныя казни надъ новгородцами, взяты были въ Москву изъ новгородскихъ церквей и монастырей и многіе другіе колокола ([33]).

II.

Число праздниковъ въ русской церкви чрезвычайно увеличилось впродолженіе настоящаго періода: ихъ учреждено теперь, въ полтораста лѣтъ, болѣе пятидесяти, тогда какъ во всѣ предшествовавшіе четыре съ половиною вѣка, отъ самаго основанія русской церкви, мы едва можемъ насчитать десять русскихъ Святыхъ, въ честь которыхъ установлены были празднованія, не мѣстныя, а по всей Россіи. И это преимущественно объясняется обстоятельствами. Прежде церковь наша находилась въ зависимости отъ цареградскаго патріарха; почти всѣ ея митрополиты были греки; въ Греціи она видѣла главную представительницу православія, и во всемъ старалась ей слѣдовать, а на себя смотрѣла весьма скромно и лишь изрѣдка позволяла себѣ нѣкоторую степень самостоятельной дѣятельности, ка-

---

([33]) Собр. Р. Лѣт. III, 148. 168. 248. 254. 257. 259; VI, 296; *Макар.* Археол. Опис. новгор. церк. древн. II, 279–283. Въ Памятникахъ Моск. древностей — *Снегирева* на Ивановской колокольнѣ показанъ колоколъ — Медвѣдь, въ 450 п., вылитый, какъ значится на немъ, въ Новгородѣ мастеромъ Иваномъ Аѳанасьевымъ въ 7009 (1501) году (—стр. 114). Но въ означеніи года на этомъ колоколѣ – ошибка, происшедшая, вѣроятно, при перелитіи его въ 1775 году: ибо мастеръ Иванъ Аѳанасьевъ лилъ колокола не въ началѣ, а уже въ 70-хъ годахъ XVI столѣтія (Собр. Р. Лѣт. III, 168), и въ Новгородѣ до 1530 г. не было колокола даже въ 250 п. (тамъ же 148). Не вылитъ ли Медвѣдь изъ того Пименовскаго колокола, въ 500 п., который въ 1570 г. взятъ былъ царемъ изъ Новгорода въ Александровскую слободу?

кая требуется при учрежденіи новыхъ праздниковъ. Теперь, послѣ Флорентійской уніи, когда въ Россіи пронеслась вѣсть объ измѣнѣ православію даже на каѳедрѣ цареградскихъ патріарховъ и на престолѣ греческихъ императоровъ, и послѣ паденія Константинополя, когда вся Греція подпала владычеству невѣрныхъ, и православная вѣра въ ней подверглась крайнимъ притѣсненіямъ, русскіе, прежде всего, увидѣли необходимость имѣть у себя первосвятителя не изъ Царьграда, и дѣйствительно стали избирать себѣ митрополита изъ среды собственнаго духовенства, который, оставаясь зависимымъ отъ патріарха только номинально, дѣйствовалъ совершенно самостоятельно въ управленіи отечественною церковію. А затѣмъ начали болѣе и болѣе проникаться мыслію, что Россія есть единственное во всемъ мірѣ государство, гдѣ православная вѣра сохраняется во всей чистотѣ и пользуется совершенною свободою исповѣданія и покровительствомъ православнаго государя; начали высоко цѣнить отечественную церковь, какъ главную представительницу православія, и естественно обратились къ прославленію отечественныхъ Святыхъ и установленію, въ честь ихъ, праздниковъ. Прежде Россія раздѣлена была на нѣсколько княжествъ, и это раздѣленіе, несмотря на то, что вся церковь русская находилась подъ властію одного митрополита, немало отражалось и на дѣлахъ церковныхъ: почти каждая страна, Москва, Новгородъ, Псковъ, Тверь, Ростовъ, кромѣ немногихъ отечественныхъ Святыхъ, чтившихся по всей Россіи, имѣла и чтила еще своихъ особенныхъ, мѣстныхъ Святыхъ, и Святые, чтившіеся, напримѣръ, въ Новгородѣ или Псковѣ, вовсе не чтились и были даже неизвѣстными въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ. Теперь, съ паденіемъ удѣльныхъ княжествъ и со-

единеніемъ ихъ подъ властію одного князя московскаго, естественно должны были сглаживаться и эти церковныя особенности, и въ Москвѣ, напримѣръ, начали чтить тѣхъ, кого чтили прежде только въ Новгородѣ, а въ Новгородѣ тѣхъ, кого чтили въ Москвѣ: въ честь многихъ Святыхъ отечественныхъ, которымъ существовали только мѣстныя празднества, установлены теперь праздники общіе для всей русской церкви. Наконецъ, руководясь мыслію, что русская церковь сдѣлалась главною представительницею и блюстительницею православія, и во имя сочувствія къ православнымъ и другихъ странъ и единенія съ ними по вѣрѣ, наши іерархи не отказывались учреждать празднества и въ честь нѣкоторыхъ Святыхъ сербскихъ и литовскихъ.

Въ одномъ изъ житій, написанныхъ во дни митрополита Макарія, сохранилось сказаніе, въ честь какихъ Святыхъ русскихъ церковь праздновала еще до Макарія и въ честь какихъ установила праздновать при Макаріѣ. О послѣднихъ праздникахъ авторъ сказанія могъ, безъ сомнѣнія, знать съ точностію, какъ современникъ, и слова его отчасти подтверждаются, какъ увидимъ, даже оффиціальнымъ документомъ; а о праздникахъ, существовавшихъ въ церкви отъ прежняго времени, могъ знать изъ современной практики церковной, и слова его такъ же подтверждаются, хотя и отрывочными, свидѣтельствами вѣковъ предшествовавшихъ([34]). Въ этомъ сказаніи пере-

([34]) *Ключевск.* Древне-русск. Житія, 225. 241. Тамъ же, въ видѣ приложенія, напечатано цѣликомъ и самое это сказаніе (стр. 460 — 463). Авторъ сказанія сначала говоритъ о соборахъ 1547 — 1549 г., которые онъ признаетъ, по ихъ внутренней связи, за одинъ соборъ, и пользуется при этомъ словами Стоглава (гл. 3, стр. 41, изд. Казан.); слѣд. писалъ уже послѣ 1551 года. А въ концѣ сказанія, послѣ перечня Святыхъ, выражается: „и сихъ всѣхъ святыя памяти

числяются слѣдующіе русскіе чудотворцы, въ честь которыхъ церковь праздновала еще до митрополита Макарія: равноапостольная княгиня Ольга и князья — Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ, Михаилъ черниговскій съ бояриномъ Ѳеодоромъ и Ѳеодоръ ярославскій съ чадами Давидомъ и Константиномъ; святители—Петръ и Алексій московскіе, Леонтій, Исаія и Игнатій ростовскіе; преподобные—Антоній и Ѳеодосій печерскіе, Никита переяславскій, Варлаамъ новгородскій, Сергій радонежскій, Кириллъ бѣлозерскій, Димитрій прилуцкій и Авраамій ростовскій. Всѣ перечисленные угодники Божіи могутъ быть раздѣлены на три класса.

Одни изъ нихъ, несомнѣнно были чествуемы русскою церковію не только до Макарія или до половины XVI вѣка, но еще до начала настоящаго періода, именно — Ольга, Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ, Михаилъ черниговскій съ бояриномъ Ѳеодоромъ, святитель Петръ, преп. Антоній и Ѳеодосій печерскіе и Сергій радонежскій: объ нихъ, слѣдовательно, здѣсь не должно быть и рѣчи ([35]). Но нельзя не упомянуть, что въ

празднуемъ и ликовствуемъ по настоящаго мѣсяца, дне и числу, коегождо преставленія и обрѣтенія честныхъ мощей ихъ“ . . . ; т. е. говоритъ, какъ непосредственный свидѣтель. Въ перечнѣ Святыхъ могли быть допущены переписчиками пропуски именъ и другія погрѣшности, какъ и оказалось при сличеніи двухъ, доселѣ извѣстныхъ, списковъ (*Ключев.* тамъ же 460).

([35]) Объ установленіи праздниковъ повсемѣстныхъ въ честь св. Ольги, Владиміра, Бориса и Глѣба, преп. Ѳеодосія, святителя Петра и преп. Сергія мы сказали въ свое время (I, 85 -97; II, 234; IV, 251. 254). О черниговскихъ мученикахъ такъ же сказали, что хотя въ началѣ имъ праздновали, вѣроятно, только мѣстно, но въ концѣ XIV и въ первой половинѣ XV в. они чтились уже со Святыми и въ Новгородѣ и въ Москвѣ (IV, 258—260). А о преп. Антоніѣ печерскомъ, которому такъ же въ началѣ праздновали, вѣроятно, лишь мѣстно, можемъ сказать, что въ первой четверти XV в. его признавалъ въ числѣ Святыхъ, наравнѣ съ преп. Ѳеодосіемъ печерскимъ, самъ первосвятитель русской церкви—Фотій, называя ихъ, въ своемъ посланіи въ Кіево - печерскій монастырь, божествен-

честь трехъ изъ нихъ, святителя Петра и князя Михаила черниговскаго съ его бояриномъ Ѳеодоромъ, въ настоящій періодъ установлены еще новые праздники. Въ 1472 г. совершилось въ Москвѣ перенесеніе мощей святителя Петра въ новую соборную церковь Успенія Пресв. Богородицы, сооружавшуюся попеченіемъ митрополита Филиппа, и вскорѣ затѣмъ обрушившуюся. Перенесеніе было весьма торжественное, и тогда же «повелѣ князь великій по всей землѣ праздновати пренесеніе мощемъ чудотворца мѣсяца іюля въ 1-й день» ([36]). А въ 1479 г., когда оконченъ былъ и освященъ новый успенскій соборъ, воздвигнутый Іоанномъ III, послѣдовало 24-го августа второе и еще болѣе торжественное перенесеніе тѣхъ же мощей въ этотъ соборъ изъ церкви св. Іоанна лѣствичника, гдѣ онѣ временно стояли, и въ настоящій разъ установлено праздновать навсегда перенесеніе мощей чудотворца въ 24 день августа, прежній же праздникъ 1-го іюля отмѣнить ([37]). Въ 1578 г., по молитвенному желанію царя, митрополита Антонія и всего освященнаго собора, перенесе-

---

ными отцами, великими, предстоящими во славѣ Владыкѣ—Христу (Дополн. къ Акт. Истор. I, № 180), и что житіе преп. Антонія печерскаго встрѣчается еще въ началѣ XV в., именно въ Прологѣ 1406 г. московскаго успенскаго собора (*Снегир.* Памятн. Моск. древн., Успенск. соб., стр. 43). Въ томъ же XV в. преп. Антоній былъ прославляемъ и въ церковныхъ поученіяхъ на ряду съ древними греческими Святыми (Опис. Рум. Музеум. 611). Въ минеи служебн., за іюль, Тр.-Сергіев. лавры, XV в., № 577, въ заглавіи, подъ 10-мъ числомъ мѣсяца, замѣчено: „въ той же день преставленіе преп. отца нашего Антонія печерскаго; служба его вся писана въ минеи мѣс. Мая въ 7 день".

([36]) Собр. Р. Лѣт. VI, 195. 196. Весьма любопытны высказанныя здѣсь лѣтописцемъ замѣчанія о мощахъ, особенно по тому времени.

([37]) Собр. Р. Лѣт. VIII, 201—203. Замѣчательно, что, при перенесеніи, въ это же время, мощей другихъ митрополитовъ—Ѳеогноста, Кипріана, Фотія, Іоны и Филиппа, по нихъ пѣли еще панихиды, а молебновъ имъ не пѣли.

ны мощи св. мучениковъ черниговскихъ, князя Михаила и боярина его Ѳеодора, изъ Чернигова въ Москву, и въ память этого событія установленъ праздникъ 14-го февраля и соружена въ Москвѣ, подъ боромъ за рѣкою, церковь срѣтенія мощей вел. князя черниговскаго Михаила ([38]).

Другіе изъ перечисленныхъ выше русскихъ Святыхъ, хотя чествовались и до настоящаго періода, но чествовались лишь мѣстно, т. е. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ каждый подвизался и покоился по смерти, а когда началось чествованіе ихъ всею русскою церковію, до настоящаго ли періода или уже въ настоящій, только прежде половины XVI в., объ этомъ возможны однѣ догадки. Такъ, въ честь *св. Леонтія ростовскаго* установленъ былъ, по случаю открытія мощей его, мѣстный праздникъ еще въ 1190 г. ростовскимъ епископомъ Іоанномъ, который написалъ новоявленному чудотворцу и службу ([39]). Но съ XIV вѣка, когда въ Москву переселился русскій митрополитъ и Ростовъ сдѣлался собственностію великаго князя московскаго, чествованіе Леонтія, вѣроятно, перешло изъ Ростова и въ Москву, а оттуда распространилось мало-по-малу и по другимъ предѣламъ: по крайней мѣрѣ, во второй половинѣ XIV вѣка и затѣмъ въ первой XV-го имя Леонтія встрѣчается уже между именами Святыхъ по церковнымъ книгамъ, изъ которыхъ одна несомнѣнно принадлежала

([38]) *Снегирев.* Памятн. Москов. древн. XXXIII и 67. Сохранилось самое посланіе царя и собора, писанное ими по этому случаю къ черниговскимъ чудотворцамъ: оно напечатано въ означенной книгѣ, въ поясните. примѣчаніяхъ къ опис. архангел. собора, стр. 4—5. О праздникѣ этомъ въ Москвѣ упоминается въ 1585 г. и въ нач. XVII в. (Доп. А. И. I, № 131, стр. 199; Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. III, I, 360).

([39]) Нашей Ист. Р. Церкви, III, 103.

новгородскому владыкѣ ([40]). Во второй же половинѣ XV-го вѣка Леонтій упоминается въ числѣ великихъ святителей русскихъ и чудотворцевъ самими митрополитами нашими Іоною и Филиппомъ и цѣлымъ соборомъ русскихъ архипастырей, и въ 1493 г., по свидѣтельству мѣстной лѣтописи, канонъ св. Леонтію пѣли въ Новгородѣ ([41]). *Св. Исаію ростовскаго,* мощи котораго открыты вмѣстѣ съ мощами св. Леонтія, хотя, по всей вѣроятности, начали мѣстно чтить съ того же времени, но объ учрежденіи Исаіи тогда церковнаго праздника не сохранилось никакихъ извѣстій, и имя Исаіи не встрѣчаемъ между именами Святыхъ въ книгахъ церковныхъ не только XIV-го, но и первой половины XV-го столѣтій. Да и самъ біографъ святителя свидѣтельствуетъ, что хотя «всѣ почитали образъ его и покланялись ему», но гробъ его, стоявшій въ притворѣ соборной церкви, много лѣтъ оставался «въ великомъ небреженіи», что «никогда и свѣчи не горѣло у гроба святаго, и священникъ не приходилъ ко гробу съ кадиломъ», пока въ 1474 г. мѣстный архіепископъ не совершилъ перенесенія св. мощей угодника Божія, съ великою торжественностію, изъ прежняго въ новый гробъ, поставленный въ

([40]) Опис. рукоп. моск. Синод. библ. III, 1, 271. 298. 419. 584. Сказаніе объ обрѣтеніи мощей св. Леонтія встрѣчается въ Сборникѣ Тр.-Сергіев. лавры, исх. XIV в., № 745, л. 94. Это обрѣтеніе помѣщено въ мѣсяцесловѣ подъ 23 мая, въ Уставѣ церковн. тойже лавры, первой полов. XV в., № 239.

([41]) Акт. Ист. I, № 43, стр. 87; № 51, стр. 99; № 282, стр. 519; № 90, стр. 138; Собр. Р. Лѣт. III, 146. Св. Леонтій упоминается подъ 23 числ. мая, по мѣсяцесловамъ, въ Рукопис. Тр.-Серг. лавры, XV в., №№ 314. 761. Службы ему подъ 23 мая – въ Рукопис. тойже лавры, XV в., №№ 313. 558. 617. 762. Въ первой рукописи, именно въ Слѣдов. Псалтыри за № 313, надъ каноном св. Леонтію замѣчено: „твореніе Іоанна епископа“ (л. 407 об.). Житіе Леонтія — въ Рукоп. тойже лавры XV в., № 712, л. 458.

тойже церкви ([42]). Съ этого-то времени и могло начаться церковное празднованіе святителю Исаіи не только въ Ростовѣ, но и въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ Россіи, и св. Исаія упоминается между Святыми, напримѣръ, въ Сборникѣ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, 1476—1482 г., гдѣ помѣщены ему тропарь и порядокъ всей службы; въ Сборникѣ, писанномъ въ Ростовѣ въ 1487 г. при архіепископѣ Іоасафѣ, и именно въ мѣсяцесловѣ подъ 15 ч. мая; въ служебникѣ нач. XVI в., употреблявшемся въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ и потомъ въ Новгородѣ, а вся служба св. Исаіи помѣщена подъ 15 ч. мая въ Трефологахъ XV и нач. XVI в. тогоже Троицко-Сергіева монастыря ([43]). Мѣстное чествованіе *св. Игнатія ростовскаго*, начавшееся еще съ самой его кончины (28 мая 1288 г.), когда мощи его, вслѣдствіе множества совершавшихся отъ нихъ чудесъ, даже не были преданы землѣ, а открыто поставлены въ церкви, вѣроятно, съ XIV в. перешло въ Москву и другія мѣста, одновременно съ чествованіемъ св. Леонтія ростовскаго: св. Игнатій уже числится со Святыми въ церковныхъ книгахъ XIV, XV и первой половины

([42]) Прежде мы сказали объ установленіи мѣстнаго праздника въ честь св. Исаіи только гадательно (III, 103) и, вслѣдъ за издателями житія его въ Православномъ Собесѣдникѣ (1858, I, 432—439), ошибочно отнесли перенесеніе мощей святителя къ 6782 (1274) году, а самое житіе къ концу XIII в. (V, 146—148), между тѣмъ какъ, по всѣмъ спискамъ этого житія, годъ перенесенія мощей значится 6982 (1474) (*Ключев.* Древне-русск. жит. 24).

([43]) Опис. рукоп. моск. Синод. библ. III, I, 50; Сборн. Кирил.-бѣлоз. монастыря, нынѣ С. п. б. дух. акад., XV в., № 1083, л. 194 об. (а что этотъ Сборникъ писанъ именно въ 1476—1482 г., — видно изъ замѣтокъ писца на л. 78 об. и 218); Сборн. Тр.-Сергіев. лавры, пис. въ 1487 г., № 761; Трефолог. тойже лавры, XV в., № 617; нач. XVI в., № 618. Въ 1552 г. св. Исаія упоминается въ числѣ великихъ русскихъ чудотворцевъ самимъ митр. Макаріемъ (Собр. Р. Лѣт. VI, 309).

XVI столѣтій; сказаніе о немъ или похвала ему сохранилась въ рукописи исх. XIV в., житіе его—въ рукописи 1497 г., служба ему—въ рукописи нач. XVI в.; а въ лѣтописи конца XV в. онъ называется «великимъ чудотворцемъ» (44). Имя *преп. Авраамія ростовскаго*, котораго мѣстно чтить начали, естественно, еще съ открытія мощей его, совершившагося при вел. кн. Всеволодѣ Георгіевичѣ (1176—1212), не встрѣчается по церковнымъ книгамъ между именами Святыхъ ни въ XIII, ни въ XIV вѣкѣ. А службу преподобному находимъ въ Трефологахъ XV и нач. XVI в., принадлежащихъ Троицко-Сергіевой лаврѣ,—откуда можемъ заключать, что, по крайней мѣрѣ, не позже XV в. чествованіе Авраамія проникло и въ предѣлы московской, т. е. митрополичей, епархіи, служившей примѣромъ и для другихъ. Не раньше XV столѣтія составлено и житіе Авраамія (45). Равнымъ образомъ ни въ XIII, ни въ XIV в. не встрѣчаемъ по церковнымъ книгамъ между именами Святыхъ имени *преп. Никиты переяславскаго*, прославившагося чудесами еще при жизни и мѣстно чтившагося, вѣроятно, со времени смерти его († 1193). Но съ XV столѣтія уже встрѣчаемъ списки житія этого преподобнаго, слѣды празднованія ему, церковной службы и похвальнаго слова (46).

---

(44) Нашей Истор. Р. Ц. IV, 258. 260; Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. III, I, 279. 317. 429; Опис. рукоп. Румянц. Муз. 457; Собр. Р. Лѣт. V, 201. Сказаніе (начин. словами: „прославимъ убо, братье, всемилостиваго Бога“. . .) — въ Сборн., исх. XIV в., Тр.-Серг. лавр., № 745, л. 208. Житіе—въ Рукоп. тойже лавры, 1497 г. № 712 л. 487. Служба—въ Трефол. тойже лавр., нач. XVI в., № 618, подъ 28 числ. мая.

(45) Нашей Истор. Р. Ц. III, 101. Служба преподобному подъ 29 ч. окт.—въ Трефолог. Тр.-Серг. лавры, XV в., № 617; нач. XVI в., № 618. О житіи его — *Ключев.* стр. 35.

(46) Нашей Истор. Р. Ц. III, 56—58. Списки житія: XV в.—въ Сборн. Тр.-Серг. лавры, 1487 г., № 761, л. 232; въ Синод. Сбор. № 637, л. 120; нач.

Какимъ образомъ чествованіе каждаго изъ этихъ угодниковъ Божіихъ, сперва мѣстное, дѣлалось потомъ общимъ въ русской церкви,—распространялось ли оно постепенно и незамѣтно изъ одной мѣстности въ другую, безъ всякаго распоряженія высшей церковной власти, или вводимо было разомъ постановленіемъ какого либо собора или митрополита, — извѣстій не сохранилось.

Къ третьему, наконецъ, классу относятся тѣ изъ перечисленныхъ выше русскихъ Святыхъ, которыхъ церковь начала повсемѣстно чтить, несомнѣнно, только въ настоящій періодъ до митрополита Макарія. Мощи *святителя московскаго Алексія* († 1378), по свидѣтельству современника, открыты въ шестьдесятое лѣто послѣ его кончины, слѣд. въ 1438 году; но, по обстоятельствамъ времени (то было время митрополита Исидора, измѣнника православію, и флорентійской уніи), въ честь новоявленнаго угодника Божія тогда не было учреждено никакого праздника. И не прежде, какъ въ 1448 году, которымъ начался настоящій періодъ, и на томъ самомъ соборѣ, который возвелъ на митрополію святителя Іону, постановлено было праздновать св. Алексію—въ день его кончины, 12-го февр., и въ день открытія мощей его, 20-го мая ([47]). Слѣды чествованія *преп. Варлаама хутынскаго*

XVI в.—въ Синод. Сбор. № 639, л. 21, и Сборн. бывшей библ. *Царскаго* № 368, л. 317 (Опис. стр. 378). Въ Сборникѣ Кирилло-бѣлоз. библ., нынѣ С. п. б. дух. акад., 1476—1482 г., № 1083, л. 195, написано: „Мѣсяца маія 24 святаго Никиты переяславскаго. Есть ему и стихиры, канонъ гласъ 4, тропарь же общій". И затѣмъ помѣщены сѣдаленъ и кондакъ преподобному. Полныя службы ему—въ Трефол. Тр.-Серг. лавр. XV в., № 617; нач. XVI в., № 618, подъ 24 ч. мая. Похвал. слово преподобному, вмѣстѣ съ житіемъ его,—въ Рукон. Тр.-Серг. лавры, 1497 г., № 712, л. 489. 500.

([47]) Въ житіи св. Алексія, по одной изъ редакцій, сказано, что службу на

(† 1193) въ Новгородѣ и вообще въ новгородской епархіи находимъ еще къ концу XIII и въ началѣ XIV вѣка, а не позже половины XV-го уваженіе къ памяти преподобнаго проникло и въ Москву. Но церковное празднованіе въ честь его (6-го ноября) началось въ Москвѣ и затѣмъ по всей Россіи только съ 1461 г., послѣ того какъ Новгородъ посѣтилъ вел. князь Василій Васильевичъ и надъ однимъ изъ отроковъ его совершилось великое чудо у мощей преп. Варлаама; тогда же самъ вел. князь соорудилъ въ Москвѣ и первую придѣльную церковь во имя преп. Варлаама. А въ 1471 и 1480 годахъ преп. Варлаамъ числится въ ряду чудотворцевъ русскихъ въ посланіяхъ самаго митрополита и собора русскихъ іерарховъ. Канонъ преподобному извѣстенъ по рукописи 1462—1490 г. (48). Въ 1463 г. совершилось открытіе мощей *князя*

обрѣтеніе мощей его составилъ епископъ пермскій Питиримъ, „времени уже не малу мимошедшу“ послѣ этого событія, когда онъ пріѣзжалъ въ Москву и проживалъ въ чудовомъ монастырѣ, и что потомъ службу эту Питиримъ представилъ митрополиту Іонѣ, который, по разсмотрѣніи ея съ соборомъ епископовъ, и установилъ въ честь св. Алексія два означенные праздника (*Ключев.* 134). А Питиримъ пріѣзжалъ въ Москву именно въ 1448 г. для участія въ соборѣ (Собр. Р. Лѣт. VIII, 122). Кромѣ того въ одной Псалтыри съ возслѣдованіемъ, XVI в., о праздникѣ 12-го февр. въ честь святителя Алексія замѣчено: „съставижеся по благословенію господина преосвященнаго архіепископа святѣйшаго и всея Руси Іоны и проразсужденіемъ еже о немъ честнаго собора святительска, волею же христолюбиваго и вседержавнаго государя великаго князя Василія Василіевича всея Руси и при благороднѣмъ и благочестивомъ сыну его великомъ князи Іоаннѣ Васильевичѣ всея Руси“ (Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. III, I, 442 — 443). По этому мы должны исправить сказанное нами прежде, будтобы тотчасъ по обрѣтеніи мощей св. Алексія (въ 1438 г.) и праздникъ ему установленъ и написана ему служба Питиримомъ (IV, 255). Но, съ другой стороны, не можемъ не замѣтить, что помѣщенное Питиримомъ въ самой службѣ свидѣтельство объ обрѣтеніи мощей св. Алексія именно въ *шестьдесятное лѣто* послѣ его смерти получаетъ теперь новую силу, если служба эта была разсмотрѣна митрополитомъ Іоною съ соборомъ епископовъ, которые, какъ современники, не могли не знать съ точностію этого событія.

(48) Собр. Р. Лѣт. VI, 184; Акт. Истор. I, №№ 90. 282, стр. 138. 519.

ярославскаго и смоленскаго *Ѳеодора Ростиславича Чернаго* († 1298) и сыновъ его *Константина и Давида*. Всѣ они дотолѣ покоились вмѣстѣ поверхъ земли въ склепѣ подъ церковію Спасскаго монастыря въ Ярославлѣ. Игуменъ и священники ярославскихъ церквей, по взаимномъ совѣщаніи, рѣшили-было положить мощи князей, съ честію, въ землю на томъ же мѣстѣ и дали знать о своемъ намѣреніи старѣйшинѣ города, князю Александру ярославскому. Князь изъявилъ свое согласіе и хотѣлъ устроить каменную гробницу, покрыть ее дорогимъ покровомъ и поставить у гробницы свѣчи. Но когда собрались священники, иноки, міряне и князь, и подняли мощи, отъ нихъ тутъ же совершилось нѣсколько чудесъ, которыя поразили всѣхъ. Велѣли звонить въ колокола, стеклось множество народа, начали покланяться мощамъ и лобызать ихъ, и уже не опустили ихъ въ землю, а оставили въ прежнемъ гробѣ на поклоненіе и лобызаніе всѣмъ. Возвѣстили о случившемся епархіальному владыкѣ Трифону ростовскому; но онъ не повѣрилъ. А между тѣмъ чудеса продолжали совершаться болѣе и болѣе, и, слыша объ нихъ, Трифонъ нашелся, наконецъ, вынужденнымъ послать въ 1467 г. ростовскаго протоіерея Константина для обслѣдованія дѣла. Протоіерей такъже былъ одержимъ невѣріемъ и съ дерзостію приступилъ къ освидѣтельствованію мощей; но былъ пораженъ

Отрокъ, исцѣленный въ 1461 г., имѣлъ у себя еще прежде того и житіе преп. Варлаама и канонъ ему (Собр. Р. Лѣт. VI, 321). Древнѣйшій списокъ житія преп. Варлаама находится въ Прологѣ Синод. библ., XIII—XIV в., № 839, л. 54—55, который писанъ въ Псковѣ и въ 1425 г. былъ проданъ въ Сироткинъ монастырь (тамъ же л. 171). Канонъ преп. Варлааму, соч. Пахоміемъ сербомъ,— въ Слѣд. Псалтыр. Тр.-Серг. лавры, 1462—1490 г., № 308, л. 234 об.

невидимою силою, поверженъ на землю и онѣмѣлъ. Архіепископъ Трифонъ, какъ только получилъ вѣсть объ этомъ, содрогнулся всѣмъ тѣломъ и впалъ въ разслабленіе; оставилъ свою каѳедру и поселился въ келліи Спасскаго монастыря въ Ярославлѣ, чтобы у мощей св. угодниковъ оплакивать свое невѣріе въ нихъ до конца своей жизни ([49]). Такія событія, особенно касавшіяся непосредственно ростовскаго владыки, не могли остаться неизвѣстными митрополиту и вел. князю и не огласиться далеко. И вотъ самъ вел. кн. Иванъ Васильевичъ и митрополитъ Филиппъ († 1473) поручили написать житіе св. князя ярославскаго Ѳеодора и чадъ его іеромонаху Спасскаго ярославскаго монастыря Антонію, а въ Сборникѣ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, 1476—1482 г., находимъ уже тропари и кондаки, какъ на успеніе князя Ѳеодора, такъ и на перенесеніе мощей его и чадъ — сентября 19, — изъ чего можемъ заключать, что въ то время, по волѣ вел. князя и митрополита, установлено и празднованіе въ честь новоявленныхъ чудотворцевъ не только въ Ярославлѣ, но и въ Москвѣ и по всей Россіи. По рукописямъ XV и нач. XVI в. встрѣчается, подъ 19 ч. сентября, и служба этимъ чудотворцамъ([50]). *Преп. Кириллъ бѣлозерскій* скончался въ 1427 г., а въ 1448 г. митрополитъ Іона уже упоминаетъ Кирилла въ числѣ чудотворцевъ русскихъ, наравнѣ съ преп. Сергіемъ и

([49]) Собр. Р. Лѣт. V, 274; VI, 185—187; VIII, 150; Ник. Лѣт. VI, 1—2; Степ. Кн. I, 392—397.

([50]) *Макар.* Велик. Минеи-четіи, Сент. 19, столб. 1261; *Ундольск.* Слав.-русск. рукоп. № 383 (Опис. 260); Сборн. Кирил.-бѣлоз. библ., нынѣ С. п. б. дух. акад., XV в., № 1083, л. 190—192. Служба чудотворцамъ этимъ—въ Рукоп. Тр.-Серг. лавры, XV в., № 617; исх. XV в., № 643; 1505 г., № 466; нач. XVI в., № 618.

другими. Чрезъ нѣсколько лѣтъ преемникъ Іоны, митрополитъ Ѳеодосій и вел. князь Василій Васильевичъ († 1462) посылали извѣстнаго серба Пахомія въ бѣлозерскую обитель, чтобы онъ собралъ тамъ свѣдѣнія о преп. Кириллѣ и написалъ житіе его. Въ 1471 г. митрополитъ Филиппъ, въ своемъ посланіи къ вел. князю, призывалъ на него молитвы св. преподобныхъ чудотворцевъ Сергія, Варлаама и Кирилла; а въ 1480 г. митрополитъ Геронтій и цѣлый соборъ русскихъ святителей такъже призывали на вел. князя св. молитвы, между прочимъ, и преп. Кирилла. Все это заставляетъ предположить, что преп. Кириллъ причтенъ къ лику Святыхъ и въ честь его установленъ праздникъ (9-го іюня) въ началѣ второй половины XV вѣка и, всего вѣроятнѣе, при митрополитѣ Ѳеодосіѣ, когда написано и житіе преподобнаго. Служба преподобному извѣстна, подъ 9 ч. іюня, по рукописямъ XV и нач. XVI в. ([51]). *Преп. Димитрій прилуцкій* скончался въ 1391 г.; но вскорѣ отъ мощей его начали совершаться чудеса, и нѣкоторыя—во дни общественныхъ бѣдствій: одно во время моровой язвы (1409 г.), когда многіе жители Вологды получали исцѣленіе при

([51]) Акт. Ист. I, №№ 43. 90. 282. Въ Слѣдованной Псалтыри Кирилло-бѣлозер. монастыря, принадлежащей нынѣ С. п. б. дух. академіи, № 259, и написанной въ 1481 г., по благословенію кирилловскаго игумена Нифонта, монахомъ Корниліемъ (л 173 об. и 232 об.), помѣщенъ полный мѣсяцесловъ (л. 59—109),—и въ этомъ мѣсяцесловѣ подъ 9-мъ числомъ іюня стоитъ уже имя преп. Кирилла бѣлоезерскаго (л. 98 об.), хотя во всемъ мѣсяцесловѣ изъ русскихъ Святыхъ записаны, въ самомъ текстѣ, только слѣдующіе: Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ, Ѳеодосій печерскій, Леонтій ростовскій, митроп. Петръ и пр. Сергій радонежскій, а всѣ прочіе, числомъ до 25-ти, приписаны по сторонамъ, многіе—позднѣйшею рукою. Служба преп. Кириллу—въ Трефологѣ Тр.-Серг. лавр., XV в., № 613; въ Сборн. тойже лавры, 1511 г., № 597; въ Минеи служебн. тойже лавры, 1514 г., № 568. Служба и житіе, составл. Пахоміемъ сербомъ,—въ Сборн. тойже лавр., XV—XVI в., № 764, л. 2 и 327. Снес. Опис. рукоп. *Царск.*, стр. 362—363.

гробѣ преподобнаго; другое — при нападеніи вятчанъ на Вологду и прилуцкій монастырь (1417 г.), когда одинъ непріятельскій воинъ, дерзнувши обдирать гробъ преподобнаго, внезапно палъ мертвымъ, что̀ и заставило вятскихъ вождей поспѣшно удалиться отъ Вологды и отпустить плѣнныхъ; третье — при нападеніи князя Димитрія Шемяки на Вологду (1450 г.), когда, помощію преп. Димитрія, — о чемъ было тогда видѣніе, — жители Вологды отразили своего врага, который былъ вмѣстѣ и заклятымъ врагомъ вел. князя московскаго Василія Васильевича ([52]). Извѣстія о всѣхъ этихъ чудесахъ, особенно о послѣднемъ, не могли не дойти до слуха вел. князя и митрополита и не возбудить въ нихъ вѣры въ сильное ходатайство преп. Димитрія предъ престоломъ Божіимъ о благѣ Россіи. И очень вѣроятно, что вскорѣ послѣ 1450 г., т. е. послѣ отраженія Шемяки отъ Вологды, установлено было церковное празднованіе Димитрію (11-го февр.) по всей Россіи: такъ какъ въ это же время написано и житіе Димитрія однимъ изъ преемниковъ его по управленію обителію, игуменомъ Макаріемъ, который, при описаніи чудесъ его, представляется самовидцемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и рядъ этихъ чудесъ окончилъ именно чудомъ, совершившимся при отраженіи Шемяки отъ Вологды ([53]). По церковнымъ книгамъ во второй половинѣ XV-го вѣка и въ первой XVI-го преп. Димитрій прилуцкій встрѣчается уже въ числѣ Святыхъ, и

([52]) О чудесахъ этихъ говорится въ житіи преп. Димитрія, а о времени событій, при которыхъ совершились они, упоминаютъ лѣтописи (Степ. Кн. I, 569. 570; Собр. Р. Лѣт. III, 106. 107; V, 260; VI, 141; VIII, 123).

([53]) Лѣтоп. занятій Археогр. Комм. III, отд. III, 5; *Ключев.* 270.

служба ему, подъ 11 ч. февраля, извѣстна по рукописямъ тогоже времени ([54]).

Надобно, однакожъ, замѣтить, что внесеніе русскихъ Святыхъ въ церковныя книги и мѣсяцесловы не было подчинено какому либо правилу; что въ книгахъ, писанныхъ въ одномъ и томъ же вѣкѣ, наприм., XIV, XV, находимъ имена не однихъ и тѣхъ же Святыхъ, но и различныхъ, и въ однѣхъ книгахъ меньше, въ другихъ больше ([55]); что въ этихъ книгахъ наряду со Святыми, чтившимися во всей русской церкви, помѣщались, безъ всякаго различія, и Святые, чтившіеся только мѣстно, и иногда не помѣщались нѣкоторые Святые перваго рода, между тѣмъ какъ помѣщались Святые мѣстные ([56]), и что число русскихъ Святыхъ въ церковныхъ кни-

---

([54]) Нашей Ист. Р. Церкви, IV, 260; Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. III, I, 50. 317. 428. 466. 468. Служба преп. Димитрію—въ рукописяхъ Тр.-Серг. лавры: XV в.—№№ 528. 617. 642; нач. XVI в.—№№ 525. 618.

([55]) Сравн. книги XIV в.—Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. III, I, 271. 279. 286. 298; книги XV в.—тамъ же 274. 304. 309. 418. 419.

([56]) См., напримѣръ, нашей Ист. Р. Церкви IV, 260, примѣч. 370; Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. III, I, 309. 428. 429. Въ мѣсяцесловѣ, помѣщенномъ въ Сборникѣ Тр.-Серг. лавры, писан. 1487 г. въ Ростовѣ при архіепископѣ Іоасафѣ, читаемъ: 16 сент. *преставленіе Кипріана* митрополита кіевскаго и всея Руси (л. 256), 20 сент. убіеніе кн. Михаила черниг. и его боярина Ѳеодора, 25 сент. преп. Сергія, 6 ноябр. преп. Варлаама хутын., 21 дек. Петра митрополита моск., 12 февр. Алексія митр. моск., 26 апр. *Стефана пермскаго* (л. 276), 2 мая Бориса и Глѣба, 3 мая пр. Ѳеодосія печер., 14 мая *Исидора юродив. ростов.*, 15 мая Исаіи ростов., 20 мая Алексія митр., 25 мая Леонтія ростов. и Никиты перелсл., 28 мая Игнатія ростов., 9 іюня Кирилла бѣлозерск., 15 іюля св. кн. Владиміра, 24 іюля Бориса и Глѣба, 26 авг. Срѣтеніе иконы Владимір. Богоматери. Въ мѣсяцесловѣ, при рукописномъ Требникѣ нашей библ., нач. XVI в., № 89, находятся всѣ русскіе Святые, дотолѣ признанные русскою церковію, кромѣ, однакожъ, двухъ—Исаіи и Авраамія ростовскихъ; но находятся такъ же и чтившіеся пока мѣстно: митр. моск. Кипріанъ, Максимъ юродивый, три виленскіе мученика и Стефанъ пермскій (—стр. 1203—1240). Въ Уставѣ нашей библіотеки, первой половины XVI в., № 88, изъ числа Святыхъ русскихъ, прежде прославленныхъ во всей русской церкви, нѣтъ въ мѣсяцесловѣ одного только св. Исаіи ростов-

гахъ и мѣсяцесловахъ, особенно со второй половины XV-го вѣка, постепенно возрастало, а въ нѣкоторыхъ книгахъ первой половины XVI-го возросло до того, что упоминаются уже почти всѣ даже изъ тѣхъ Святыхъ, которымъ установлены праздники лишь впослѣдствіи, при митрополитѣ Макаріѣ и позднѣе ([57]). Эта-то безпорядочность и произволъ, вѣроятно, и послужили для Макарія однимъ изъ главныхъ побужденій созвать соборы 1547 и 1549 г., чтобы соборнѣ обсудить и опредѣлить, какимъ Святымъ слѣдуетъ праздновать, по всей ли Россіи, или только мѣстно.

Авторъ упомянутаго нами выше сказанія о русскихъ Святыхъ, перечисливъ тѣхъ изъ нихъ, которымъ церковь наша праздновала повсемѣстно еще до митрополита Макарія, представляетъ перечень и новопрославленныхъ чудотворцевъ, которымъ она установила праздновать уже при Макаріѣ на соборахъ 1547—1549 г., составляющихъ, по единству ихъ предмета и по внутренней связи ихъ между собою, какбы одинъ соборъ,—при чемъ подраздѣляетъ этихъ чудотворцевъ на пять классовъ. Къ первому классу отнесены святители: митрополитъ Іона, архіепископы новгородскіе Іоаннъ, Никита, Нифонтъ, Евѳимій и Іона, епископы—Стефанъ пермскій, Арсеній тверскій, Іаковъ ростовскій и сербскій архіепископъ Арсеній. Ко второму—праведные: князь Александръ невскій, князь Все-

---

скаго, имя котораго приписано внизу послѣ; а изъ мѣстно-чтимыхъ Святыхъ помѣщены въ самомъ текстѣ мѣсяцеслова: три виленскихъ мученика, Стефанъ пермскій, Исидоръ юродивый-ростовскій и Максимъ юродивый московскій, упоминаемый здѣсь подъ 21-мъ числомъ генваря, а не подъ 13-мъ августа, когда положено ему праздновать соборомъ 1547 года.

([57]) Опис. рукоп. Румянц. Муз. 455. 466—468. 713, а особенно Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, 1, 314. 317.

володъ псковскій, князь Петръ и княгиня Февронія муромскіе, князь Константинъ и чада его Михаилъ и Ѳеодоръ муромскіе и Михаилъ клопскій. Къ третьему—мученики: вел. князь Михаилъ тверскій, Іоаннъ сочавскій, пострадавшій въ Бѣлѣ-градѣ, и Антоній, Іоаннъ и Евстафій, пострадавшіе въ Литвѣ. Къ четвертому—преподобные: Пафнутій боровскій, Никонъ радонежскій, ученикъ Сергіевъ, Савва сторожевскій, Макарій колязинскій, Діонисій Глушицкій, Павелъ комельскій, Савватій и Зосима соловецкіе, Александръ свирскій, Евѳимій суздальскій, Авраамій смоленскій, Савва вышерскій, Евфросинъ псковскій, Ефремъ перекомскій и Григорій пельшемскій. Къ пятому—юродивые Христа ради: Максимъ московскій, Іоаннъ и Прокопій устюжскіе. Какимъ изъ этихъ Святыхъ установлено праздновать, въ частности, на соборѣ 1547 г., мы уже знаемъ изъ офиціальнаго документа—окружной граматы митрополита Макарія, равно какъ знаемъ и то, что двѣнадцати изъ нихъ установлено праздновать повсюду въ русской церкви, а девяти только мѣстно ([58]). Теперь, имѣя въ виду представленный перечень Святыхъ, легко можемъ указать въ немъ и тѣхъ чудотворцевъ, въ честь которыхъ установилъ праздники соборъ 1549 года: это святители—Никита, Нифонтъ, Евѳимій и Іона новгородскіе, Стефанъ пермскій, Іаковъ ростовскій и Арсеній сербскій; праведный Всеволодъ псковскій; мученики—Михаилъ тверскій, Іоаннъ сочавскій и Антоній, Іоаннъ и Евстафій литовскіе; преподобные—Савва сторожевскій, Евѳимій суздальскій, Авраамій смоленскій, Савва вышерскій, Евфросинъ псковскій, Ефремъ перекомскій и Григорій пельшемскій.

([58]) Объ этомъ соборѣ мы сказали прежде (VI, 215—216).

Не станемъ повторять, какъ собирались, по предложенію самаго государя, епархіальными владыками предварительныя свѣдѣнія и документы о всѣхъ новопрославленныхъ теперь чудотворцахъ, и въ чемъ состояло соборное ихъ свидѣтельствованіе ([59]); но замѣтимъ, что если нѣкоторымъ Святымъ на соборѣ 1547 г. установлено праздновать только мѣстно (сдѣлано ли тоже и на соборѣ 1549 г., не знаемъ), то это не значитъ, будто они прежде мѣстно не чествовались, а значитъ только, что соборъ, по разсмотрѣніи представленныхъ ему документовъ, утвердилъ тѣ мѣстные праздники, которые совершались въ честь нѣкоторыхъ чудотворцевъ и прежде, но лишь съ разрѣшенія мѣстныхъ архіереевъ или даже помимо всякаго распоряженія епархіальной власти. Слѣдуетъ такъ же замѣтить, что праздникъ тремъ литовскимъ или виленскимъ мученикамъ, установленный еще митрополитомъ Алексіемъ, по сношенію съ самимъ патріархомъ, былъ, вѣрно, только праздникомъ мѣстнымъ ([60]): иначе не нужно, да и незаконно, было бы теперь установлять его вновь для всей церкви.

Многимъ русскимъ чудотворцамъ установили праздники со-

([59]) И о соборѣ 1549 г. нами сказано прежде (тамъ же 217. 218). Но тогда мы пытались указать Святыхъ, прославленныхъ на этомъ соборѣ, только гадательно и не избѣгли ошибокъ. О житіяхъ всѣхъ этихъ Святыхъ такъ же сказано нами прежде въ главѣ—о духовной литературѣ.

([60]) Нашей Ист. Русск. Церкви, IV, 26. Достойно замѣчанія, что новопрославленные соборами 1547—1549 г. Святые не вдругъ вносились въ наши богослужебныя книги. Наприм., въ Слѣдованной Псалтыри Импер. публичн. библ., in Q., № 91, писанной въ 1567 г., помѣщены въ мѣсяцесловѣ только — а) изъ новопрославленныхъ: Евѳимій новгор., три вилен. мученика, Стефанъ пермскій и Пафнутій боровскій; б) изъ прежде прославленныхъ: кн. Ѳеодоръ, Давидъ и Константинъ яросл., Сергій радон., Варлаамъ хутын., митр. Петръ и Алексій, Борисъ и Глѣбъ, Антоній и Ѳеодосій печер., Леонтій ростов., Кириллъ бѣлоз. и княгиня Ольга, и в) одинъ еще непрославленный—Николай Качановъ (—л. 333—438).

боры 1547—1549 г., но далеко еще не всѣмъ. Это могло зависѣть или отъ того, что о нѣкоторыхъ Святыхъ епархіальные архіереи не успѣли представить на послѣдній соборъ необходимыхъ свѣдѣній, какъ требовалось, или отъ того, что нѣкоторыя представленныя свѣдѣнія и документы признаны были почему либо неудовлетворительными. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но установленіе новыхъ праздниковъ въ честь русскихъ Святыхъ продолжалось и въ послѣдующее время, хотя уже не въ такомъ размѣрѣ. Еще вскорѣ послѣ собора 1547 г. игуменъ Ѳерапонтова бѣлозерскаго монастыря представилъ митрополиту Макарію житіе *преп. Ѳерапонта*, основателя этой обители, и *Мартиніана*, его преемника, и по волѣ митрополита, на новомъ соборѣ были прочитаны «книги тыя, житія святыхъ и чудеса», и положено праздновать Ѳерапонту и Мартиніану. А какъ именъ ихъ нѣтъ въ извѣстномъ перечнѣ Святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1549 г., то, если не предположить случайнаго пропуска въ перечнѣ, здѣсь придется разумѣть какой либо изъ послѣдующихъ соборовъ, ближайшихъ по времени. Въ 1554 г. обрѣтены мощи *преп. Саввы крыпецкаго*, и соборъ опредѣлилъ праздновать память его, а по просьбѣ братіи крыпецкаго монастыря, написаны житіе новопрославленнаго чудотворца и канонъ ему. Въ 1560 г., по порученію митрополита Макарія, пермскій епископъ Іоасафъ и махрицкій игуменъ Варлаамъ собирали свѣдѣнія въ авнежскомъ монастырѣ о чудесахъ авнежскихъ подвижниковъ — *преп. Григорія и Кассіана*, и на основаніи этихъ свѣдѣній соборъ опредѣлилъ праздновать Григорію и Кассіану и поручилъ, чрезъ митрополита Макарія, составить житіе ихъ. Вскорѣ затѣмъ тотъ же махрицкій игуменъ Варлаамъ явился

къ царю и митрополиту Макарію съ сказаніемъ о чудесахъ основателя обители—*преп. Стефана махрищкаго*, а царь и митрополитъ поручили написать житіе преподобнаго, «да на память его прочитается», чѣмъ уже предполагается установленіе и празднованія этой памяти ([61]). Въ 1578 г. игуменъ сійскаго монастыря Питиримъ представилъ царю житіе *преп. Антонія сійскаго*: митрополитъ Антоній, вмѣстѣ съ соборомъ, уложилъ праздновать этому чудотворцу, а царевичъ Иванъ, сынъ грознаго, съ благословенія митрополита, написалъ въ слѣдующемъ году новое житіе преп. Антонія съ похвальнымъ словомъ и службою ему. Въ 1579 г., по повелѣнію царя и благословенію митрополита Антонія и собора всѣхъ русскихъ іерарховъ, узаконено праздновать и пѣть «въ обители Пречистые Богородицы начальнику св. обители сея», преп. Іосифу волоколамскому, «доколѣ и монастырь Пречистые стоитъ» ([62]). Были ли учреждены у насъ до конца настоящаго періода и другіе такіе же праздники, прямыхъ свидѣтельствъ не знаемъ; но въ церковныхъ книгахъ нашихъ XVI и даже XV в. встрѣчаемъ имена, службы, житія еще нѣсколькихъ русскихъ Святыхъ, которыхъ память, какъ слѣдуетъ заключать, чтилась тогда, по крайней мѣрѣ, мѣстно, если не съ утвержденія высшей церковной власти, то съ разрѣшенія епархіальныхъ владыкъ, или даже только въ силу укоренившагося обычая. Таковы напримѣръ: архіепископъ Ѳеодоръ ростовскій, царевичъ

([61]) Нашей Ист. Р. Церкви, VII, примѣч. 357. 359. 373, и самый текстъ, къ которому они относятся, а также *Ключевск.* 251. 273. 279. 280. О службахъ всѣмъ этимъ преподобнымъ, написаннымъ ок. тогоже времени, см. далѣе въ примѣч. 86.

([62]) *Карамз.* IX, примѣч. 612; Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, I, 394.

ордынскій Петръ, чудотворецъ ростовскій, княжна Евфросинія суздальская, князья Василій и Константинъ ярославскіе, епископъ Питиримъ пермскій, преподобные — Ефремъ новоторжскій, Евфросинія полоцкая, Александръ ошевенскій и Александръ куштьскій, праведные — Іаковъ боровицкій, Меркурій смоленскій, юродивые Христа ради — Василій московскій, Исидоръ ростовскій и др. (63). Въ частности, извѣстно, что мощи св. Іакова боровицкаго были свидѣтельствованы въ 1572 г., по порученію новгородскаго архіепископа Леонида, особою коммиссіею, которая и донесла о множествѣ совершавшихся отъ нихъ чудесъ; что преп. Евфросиніи суздальской дѣйствительно установлено было мѣстное празднованіе во второй половинѣ XVI вѣка, а царевича Петра и Исидора ростовскихъ упоминаетъ самъ царь Иванъ Васильевичъ въ числѣ великихъ чудотворцевъ русскихъ, приписывая молитвамъ ихъ совершившееся тогда (1563 г.) покореніе Полоцка (64).

Кромѣ множества праздниковъ въ честь новопрославленныхъ чудотворцевъ русскихъ, установлено тогда нѣсколько праздниковъ въ честь св. иконъ и въ память отечественныхъ событій. По случаю перенесенія двухъ иконъ — всемилостиваго Спаса и Богородицы изъ Владиміра въ Москву и изъ Москвы во Владиміръ, по обновленіи этихъ иконъ (1518—1519), положено было праздновать въ Москвѣ ежегодно 15-го сентября

---

(62) Опис. рукоп. *Царск.* 632—635; Опис. рукоп. Румянц. Муз. 592—604; Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, I, 66. 317. 323. 328. 436. 446. Ѳеодоръ архіепископъ ростовскій чтился еще въ XV в. (нашей Ист. Р. Ц. IV, 260); тропарь и кондакъ этому святителю помѣщены въ Сборникѣ, 1476—1482 г., Кирилло-бѣлоз. библ., нынѣ С. п. б. дух. акад., № 1083 л. 211. Равно и Исидоръ ростов. чтился еще въ XV в. (см. выше примѣч. 56).

(64) Собр. Р. Лѣт. III, 168; *Ключев.* 285; Акт. Ист. I, № 168.

и совершать крестный ходъ въ церковь Срѣтенія Богородицы, тогда же построенную; а по случаю перенесенія двухъ иконъ — пр. Параскевы и великом. Параскевы, именуемой Пятницею, изъ Ржевы въ Москву и обратно (1531) положено было ежегодно праздновать въ Москвѣ 29-го ноября и совершать крестный ходъ въ церковь пятницкую, тогда же построенную. Въ память принесенія въ Москву изъ Ржевы чудотворныхъ иконъ — Богородицы и честнаго креста (1540 г.) установленъ праздникъ 11-го іюля съ крестнымъ ходомъ «ко Пречистой, нарицаемой Ржевской», т. е. въ церковь, поставленную тогда на мѣстѣ срѣтенія этихъ иконъ. Явленіе новыхъ чудотворныхъ иконъ Богоматери — *святогорскихъ* (1569) на Синичей или святой горѣ въ псковскомъ краѣ и *казанской* (1579) въ городѣ Казани — послужило поводомъ къ установленію мѣстныхъ праздниковъ: святогорскія иконы, каждый годъ, торжественно приносятся въ Псковъ въ пятницу второй недѣли Петрова поста; а въ память явленія казанской совершается праздникъ 8 іюля ([65]). Праздникъ 27-го ноября въ воспоминаніе знаменія отъ иконы Божіей Матери, совершавшійся въ Новгородѣ еще со второй половины XII вѣка, принятъ въ 1584 г. и въ Москвѣ, по волѣ царя и опредѣленію собора, и началъ совершаться по всей Россіи ([66]). Въ 1480 г., въ благодарность за избавленіе Москвы и другихъ

([65]) Сбор. Р. Лѣт. VI, 261. 262; VIII, 277. 278; Ник. Лѣт. 214. 225. 244; Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, I, 358. 362. 363; Ист. княж. Псков. III, 81. 107—109; Пролог., іюля 8.

([66]) Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, I, 367. Снес. нашей Ист. III, 102. 103. Еще въ XVI в. упоминаются, по рукописямъ, праздники въ честь иконъ Божіей Матери чудотворныхъ: мирожской, чирской, полоцкой (Опис рукоп. Румянц. Муз. 592 и дал.; Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, I, 317).

городовъ отъ нашествія царя большой орды Ахмата, и вмѣстѣ за окончательное избавленіе всей Россіи отъ татарскаго ига, установлено было праздновать въ 23-й день іюня Срѣтенію Божіей Матери и совершать большой ходъ съ крестами и чудотворными иконами въ срѣтенскій монастырь; а въ 1521 г., въ благодарность за избавленіе Москвы и Россіи отъ нашествія крымскаго хана Магмедъ-гирея, установленъ такой же праздникъ Срѣтенію Богоматери въ 21 день мая съ большимъ крестнымъ ходомъ въ тотъ же монастырь (67).

Во дни митрополита Макарія, въ промежуткѣ тѣхъ двухъ соборовъ, которые узаконили столько праздниковъ новопрославленнымъ чудотворцамъ русскимъ, узаконенъ своего рода праздникъ и ради всѣхъ вообще русскихъ, скончавшихся въ вѣрѣ, но еще непрославленныхъ и имѣющихъ нужду въ помощи церкви. Въ 1548 г., въ 21 день іюня, царь Иванъ Васильевичъ, по благословенію митрополита, уставилъ общую память благовѣрнымъ князьямъ, боярамъ, христолюбивому воинству, священническому и иноческому чину и всѣмъ православнымъ христіанамъ, въ частности всѣмъ, убитымъ на войнѣ и погибшимъ въ огнѣ, водѣ, такъже отъ голода, жажды, мороза и всякихъ другихъ нуждъ. Въ этотъ день въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ, и посадахъ, по всѣмъ церквамъ должны были отправляться заупокойныя литургіи и панихиды, и «сію общую память по всѣхъ православныхъ христіанѣхъ» велѣлъ царь совершать и въ прочіе годы до скончанія міра (68).

Если много явилось у насъ церковныхъ праздниковъ въ настоя-

---

(67) Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, I, 361. 362. Снес. Собр. Р. Лѣт. VI, 232. 263.

(68) Акт. Эксп. I, № 219.

щій періодъ, то едвали еще не болѣе составлено церковныхъ службъ или разпаго рода пѣснопѣній. Въ числѣ ихъ находятся службы не только новопрославленнымъ теперь въ русской церкви Святымъ, но и прежде прославленнымъ, и даже еще непрославленнымъ, а только мѣстно чтимымъ, равно встрѣчаются двѣ-три службы или пѣснопѣнія и въ честь тѣхъ, кого издревле чтила и прославляла вся православная церковь.

Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи вторая половина XV вѣка. Изъ русскихъ церковныхъ пѣснописцевъ мы можемъ указать тогда только на—а) пермскаго епископа Питирима, составившаго службу на обрѣтеніе мощей святителя московскаго Алексія (20 мая), разсмотрѣнную соборомъ 1448 года и принятую въ употребленіе; б) митрополита Ѳеодосія, написавшаго кондаки и икосы на Успеніе Пресв. Богородицы; в) инока тверскаго Желтикова монастыря Ѳеодосія, составившаго въ 1483 г., по благословенію епархіальнаго владыки Вассіана, службу святителю тверскому Арсенію, еще только мѣстно чтившемуся, и—г) на неизвѣстныхъ авторовъ, написавшихъ службы: св. Исаіѣ ростоскому, преп. Авраамію ростовскому, преп. Никитѣ переяславскому и св. кн. Ѳеодору ярославскому съ его чадами: по крайней мѣрѣ, всѣ эти службы уже встрѣчаются въ рукописяхъ XV в., а прежде не встрѣчаются ([69]). Но съ самаго начала настоящаго періода,

([69]) Служба на открытіе мощей святит. Алексія (20 мая) находится въ Слѣдов. Псалтыри Тр.-Серг. лавр. исх. XV в., № 313, л. 393, съ надписью надъ каноном: „твореньѣ Питирима епископа прьмьскаго“ (Снес. примѣч. 47). Кондаки и икосы Ѳеодосія помѣщены въ Соловецк. Сборн. XVI в., № 916, и озаглавлены: „твореніе Ѳеодосія, митрополита кіевскаго и всея Руси“. О службѣ Арсенію—въ Опис. рукоп. Рум. Муз. 594. О службахъ прочимъ Святымъ см. выше примѣч. 43. 45. 46. 50.

впродолженіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ, если не болѣе, непрерывно трудился у насъ извѣстный уже намъ, по своимъ житіямъ, сербъ Пахомій Логоѳетъ, и одинъ написалъ не менѣе 18-ти церковныхъ службъ и вообще пѣснопѣній.

Три церковныхъ пѣснопѣнія написаны Пахоміемъ въ честь издревле-чтимыхъ всею православною церковію, именно: а) канонъ Пресв. Дѣвѣ Богородицѣ, доселѣ помѣщаемый въ службѣ на 25 день сентября преп. Сергію чудотворцу; б) канонъ св. Іоанну Крестителю и в) служба преп. Онуфрію великому. Два послѣднія пѣснопѣнія составлены (въ 1460—1461 г.) по просьбѣ новгородскаго архіепископа Іоны: онъ желалъ этимъ выразить особенное свое уваженіе къ св. Іоанну Крестителю, какъ своему ангелу, по имени котораго былъ названъ при крещеніи и которому создалъ храмъ въ своей любимой Отенской обители, гдѣ постриженъ и былъ игуменомъ, и къ великому Онуфрію, которому такъ же посвященъ былъ храмъ въ названной обители ([70]).

Пять церковныхъ пѣснопѣній написалъ Пахомій въ честь русскихъ Святыхъ, прославленныхъ еще до настоящаго періода: а) канонъ равноапостольной вел. княгинѣ Ольгѣ, которой прежде существовали, вѣроятно, только нѣсколько стихиръ; б) канонъ св. Борису и Глѣбу ([71]); в) службу преп. Анто-

([70]) Житіе архіеп. Іоны, напеч. въ Памятн. стар. русск. литер. IV, 27. Канонъ преп. Онуфрію помѣщенъ въ печатной Минеи, но безъ имени автора (12 іюня). А канонъ Крестителю, подъ названіемъ: „правило молебно къ святѣйшему во пророцѣхъ, предтечи, крестителю Христову, Іоанну“, встрѣчающійся въ рукописяхъ (Соловецк. библ. № 755), приписывается Пахомію только по догадкамъ (Историч. изслѣд. о древн. русск. церковн. пѣснопѣн., въ Руковод. для сельск. пастырей, 1867, I, 343—344).

([71]) См. тоже житіе архіеп. Іоны. Канонъ св. Ольгѣ, но безъ имени автора, находится и въ рукопис. XVI в. (Опис. рукоп. Рум. Муз. 597) и въ печ. Минеи,

нію печерскому съ двумя канонами ([72]); г) службу св. мученикамъ черниговскимъ—князю Михаилу и боярину его Ѳеодору съ двумя канонами, и д) службу преп. Сергію радонежскому, въ которой, между прочимъ, помѣщенъ и упомянутый нами выше канонъ Пахоміевъ Пресв. Богородицѣ ([73]). Канонъ св. Ольгѣ написанъ въ Новгородѣ (1460 — 1461 г.), по просьбѣ или порученію архіепископа Іоны; а служба преп. Сергію, сохранившаяся въ спискѣ 1459 г., явилась, всего вѣроятнѣе, въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ, гдѣ до того времени постоянно проживалъ авторъ въ числѣ братства.

Четыре, если даже не пять пѣснопѣній составилъ Пахомій въ честь тѣхъ Святыхъ русскихъ, которые прославлены въ его время, или на тѣ праздники, которые тогда установлены. Сюда относятся: а) служба на преставленіе святителя москов-

---

подъ 11 ч. іюля (снес. нашей Истор. I, 103). Канонъ Борису и Глѣбу, съ именемъ автора, помѣщенъ въ Сборн. Троице-Серг. лавр., XV в. № 116 и XVI в. № 646.

([72]) Въ рукописной службѣ преп. Антонію, XV в. (Трефолог. Тр.-Серг. лавр. XV в., № 617, л. 147)—и XVI в. (Новг. Соф. библ., нынѣ С. п. б. дух. ак., № 1451, л. 155 об.) сдѣлана замѣтка: „святому два канона; аще хощеши увѣдати творца и повелителя всѣмъ гранесьсловіемъ, смотри у 7 и 9 пѣсни у червленыихъ словъ, кромѣ богор.“ А изъ этихъ червленыхъ, т. е. начинающихся красными буквами, словъ тропарей 7-й и 9-й пѣсни, за исключеніемъ богородичныхъ, составляется слѣдующая рѣчь: „повелѣніемъ святѣйшаго архіепископа великаго Новаго-града, Антонію печерскому, рукою многогрѣшнаго Пахомья, иже отъ святыя горы“. Акростихъ этотъ сохранился и въ печ. Минеи, куда служба преп. Антонію внесена безъ перемѣны (іюля 10).

([73]) Каноны черниг. чудотворцамъ помѣщены, съ именемъ автора, въ печатн. Минеи (сент. 20), а по рукописямъ встрѣчаются, подъ тѣмъже 20 ч. сент., въ спискахъ XV в. (Тр.-Серг. лавр. №№ 617. 642. 643) и въ спискѣ 1505 г., гдѣ озаглавлены: „святымъ два канона—твореніе таха ермонаха св. горы Пахомія“ (Тр.-Серг. лавр. № 466, л. 219). Служба преп. Сергію такъже помѣщена въ печ. Минеи (сент. 25) и встрѣчается еще въ рукоп. Сборн. 1459 г. (Синод. библ. № 637, л. 56), а затѣмъ и въ другихъ рукописяхъ XV в. (Тр.-Серг. лавр. №№ 312. 313. 579. 617. 762. См. такъже Славяно-русск. рукоп. *Ундольск.* № 51, л. 329 и № 101, л. 29).

скаго Алексія (12-го февр.), написанная по благословенію митрополита Іоны и собора (1448 г.) и по волѣ вел. кн. Василія Васильевича (74); б) канонъ преп. Варлааму хутынскому, написанный (1460 г.) по порученію новгородскаго владыки Іоны; в) служба преп. Кириллу бѣлозерскому, написанная, вѣроятно, одновременно съ житіемъ преподобнаго (ок. 1462 г.), по порученію вел. кн. Василія Васильевича и митрополита Ѳеодосія; г) служба съ двумя канонами на перенесеніе мощей святителя московскаго Петра, написанная въ 1472 г. по повелѣнію вел. кн. Іоанна III и по благословенію митрополита Филиппа, тогда же установившихъ и праздникъ въ память этого событія (75); д) наконецъ, служба преп. Димитрію прилуцкому. Послѣдняя, впрочемъ, нигдѣ не надписывается именемъ Пахомія и можетъ быть усвояема ему только гадательно: въ ней тотъ же слогъ, тѣже любимыя выраженія, что̀ и въ прочихъ службахъ Пахоміевыхъ, и встрѣчаются цѣлыя стихиры, буквально взятыя изъ службъ Пахомія преп. Сергію и св. митрополиту Іонѣ. Съ достовѣрностію

---

(74) Все это означено въ самомъ заглавіи службы по рукописямъ XV в. (Тр.-Серг. лавр. №№ 528. 617), 1500 г. (тамъ же № 609), 1511 г. (—№ 597). Въ печатной Минеи служба эта сокращена и измѣнена (февр. 12).

(75) О канонахъ преп. Варлааму хут. и Кириллу бѣлоз. см. выше примѣч. 48 51. Первый канонъ находится еще, безъ имени автора,—въ Трефолог. Тр.-Серг. лавр. XV в., № 617, а съ именемъ автора — въ Псалтыр. *Ундольск.* XVI в., № 51, л. 316 об.; помѣщенъ и въ печатной Минеи (ноябр. 6). А канонъ препод. Кириллу бѣлоз., безъ имени автора—въ Слѣдов. Псалтыри Кирил.-бѣлоз. монастыря, писанной въ 1481 г. и принадл. нынѣ С. п. б. дух. акад. (№ 259, л. 196 об.); въ печ. же Минеи прямо называется „твореніемъ Пахомія, іеромонаха св. горы“ (іюня 9). Служба на перенесеніе мощей св. Петра, съ двумя канонами, и въ печатной Минеи (авг. 24) и по рукописямъ (Минея Служ. за Авг., Тр.-Серг. лавры, 1509 г., № 590) ясно усвояется Пахомію помѣщеннымъ въ ней акростихомъ. Снес. Собр. Р. Лѣт. VI, 196.

же о ней можно сказать лишь то, что она написана не прежде Пахомія и въ XV вѣкѣ, такъ какъ сохранилась въ спискѣ этого вѣка; но могла быть написана и не самимъ Пахоміемъ, а кѣмъ либо другимъ, по подражанію Пахомію, наприм., тѣмъ же игуменомъ Макаріемъ, который составилъ тогда житіе преп. Димитрія прилуцкаго ([76]).

Наконецъ, не менѣе шести церковныхъ пѣснопѣній сложилъ Пахомій въ честь Святыхъ русскихъ, которые въ его время чтились только мѣстно, или даже еще не чтились, а прославлены уже соборами 1547 — 1548 г., и на одинъ мѣстный праздникъ, сдѣлавшійся общимъ только въ 1584 году. Такъ, вѣроятно, еще въ Сергіевомъ монастырѣ, вслѣдъ за службою преп. Сергію, Пахомій написалъ и службу ученику его, преп. Никону. По порученію новгородскаго владыки, написалъ (1560—1561) каноны митрополиту московскому Іонѣ († 1461), новгородскому архіепископу Евфимію († 1458) и преп. Саввѣ вышерскому († 1461), вскорѣ послѣ ихъ кончины, когда едвали успѣло установиться и мѣстное имъ празднованіе. Можетъ быть, по порученію тогоже новгородскаго владыки, или по просьбѣ другихъ новгородцевъ, написалъ Пахомій два канона, помѣщаемые въ службѣ на праздникъ Знаменія новгородской иконы Богородицы. По порученію же пермскаго епископа Филоѳея (1472 — 1501), написанъ канонъ просвѣтителю Зырянъ, св. Стефану пермскому ([77]).

([76]) О службѣ преподобному см. выше примѣч. 54.

([77]) Всѣ эти службы и каноны — въ Сборн. Румянц. Муз. № 397 (Опис стр. 592 –595) и въ печатныхъ Минеяхъ: преп. Никону—ноября 17, митр. Іонѣ—іюня 15, арх. Евѳимію — март. 11, преп. Саввѣ — окт. 1, Знаменію Богородицы — ноябр. 27, Стефану перм. — апр. 26. Тѣже службы встрѣчаются въ рукописяхъ

Пахомія должно назвать плодовитѣйшимъ изъ всѣхъ нашихъ церковныхъ пѣснописцевъ, когда либо бывшихъ. Онъ слагалъ свои пѣсни по готовымъ образцамъ греческимъ, существовавшимъ въ славянскомъ переводѣ, но слагалъ довольно искусно и безъ рабскаго подражанія. Догматическія и вообще отвлеченныя истины выражалъ точно и сжато и, кромѣ общихъ мыслей, обыкновенно излагаемыхъ въ церковныхъ службахъ, умѣлъ указывать въ каждой и тѣ особенности, какія свойственны прославляемому въ ней Святому. Въ нѣкоторыхъ своихъ службахъ, однородныхъ по предмету, Пахомій какбы повторяется, — что̀ могло зависѣть и отъ спѣшности его работъ: напримѣръ, въ службѣ преп. Никону радонежскому немало пѣсней, почти тождественныхъ, по мыслямъ и оборотамъ рѣчи, съ пѣснями службы преп. Сергію; а въ службѣ святителю пермскому Стефану встрѣчаются пѣсни, почти цѣликомъ взятыя изъ службы московскому святителю Іонѣ. Въ доказательство сравнительнаго достоинства церковныхъ пѣснопѣній Пахомія можно указать на то, что его, какъ пѣснописца, высоко̀ цѣнили современники; ему старались, какъ увидимъ, подражать послѣдующіе наши пѣснописцы, и наконецъ, почти всѣ его пѣсни и службы приняты въ наши печатныя Минеи и доселѣ употребляются церковію,

---

Тр.-Серг. лавры: преп. Никону (XV в., № 762; XVI в., № 623), митроп. Іонѣ (XVI в., №№ 539. 542. 623), архіеп. Евѳимію (XVI в., №№ 542. 620. 623), Саввѣ вышерск. съ именемъ автора (XVI в., №№ 623. 624), Стефану пермск. (XV в., № 617; XVI в., №№ 623. 624; въ послѣдней рукописи съ именемъ автора), Знаменію Богородицы (нач. XVI в., №. 496). См. такъ же каноны съ именемъ Пахомія: Никону радонеж., Евѳимію новгород., Саввѣ вышерск. — въ Слав.-русск. рукоп. *Ундольск.* № 101 (Опис. 114—115) и Знаменію Пресв. Богородицы—тамъ же № 51 (Опис.—70).

однѣ съ нѣкоторыми измѣненіями (служба святителю Алексію), а другія даже безъ измѣненій (службы преп. Антонію печерскому, пр. Сергію, пр. Варлааму и митр. Іонѣ). Немало написалъ Пахомій и житій Святыхъ, но въ составленіи церковныхъ службъ онъ показалъ болѣе таланта.

Съ начала XVI в. до соборовъ 1547—1549 г. мы встрѣчаемъ у себя весьма мало церковныхъ пѣснописцевъ, извѣстныхъ по имени, и притомъ весьма небогатыхъ количествомъ своихъ произведеній. Трое изъ этихъ пѣснописцевъ составили только по одному канону. Ближайшій ученикъ преп. Пафнутія боровскаго, инокъ Иннокентій написалъ канонъ своему учителю, и въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ несомнѣнно воспользовался готовыми выраженіями изъ службъ серба Пахомія: канонъ этотъ съ 1531 г., по благословенію митрополита Даніила и всего свящ. собора, пѣлся только въ обители преп. Пафнутія на день его кончины, а потомъ, по прославленіи Пафнутія въ 1547 г., вошелъ въ общее употребленіе и безъ перемѣны занесенъ въ печатныя Минеи ([78]). Какой-то монахъ Пахомій, можетъ быть, тотъ самый, который, по благословенію ростовскаго владыки Кирилла, сложилъ повѣсть о ярославскихъ князьяхъ Василіѣ и Константинѣ (между 1526 и 1533 г.), написалъ канонъ князю Петру и княгинѣ Февроніи муромскимъ (Муромъ

([78]) Въ Сборн. Тр.-Серг. лавры № 791, л. 16, надъ этимъ канономъ сдѣлана замѣтка: „Канонъ преп. Пафнутію, твореніе ученика его Иннокентія, инока тояже обители. Въ державу благовѣрнаго и христолюбиваго православнаго царя вел. кн. Василія Ивановича, господиномъ преосвящ. архіепископомъ Даніиломъ, митрополитомъ всея Русіи, съ всѣм. свящ. его соборомъ, при игуменѣ Пафнотіи, благословенъ пѣти канонъ и житіе чести въ лѣто 7039, мѣс. маія въ 1 день". Канонъ этотъ находится и въ другихъ рукописяхъ тойже лавры (XVI в., №№ 611. 623. 624). Въ печатной Минеи (мая 1) помѣщенъ съ именемъ автора.

находился въ ростовской же епархіи), занесенный такъже въ печатную Минею ([79]). Мних и пресвитеръ домовой архіерейской церкви въ Новгородѣ Илія, по благословенію своего архіепископа Макарія (слѣд. до 1542 г.), составилъ канонъ преп. Михаилу клопскому ([80]). Еще пѣснописецъ, пресвитеръ Филоѳей, вѣроятно, извѣстный старецъ Елеазарова монастыря, писавшій посланія къ псковскому намѣстнику Мисюру Мунехину (1510—1528), составилъ два канона, впрочемъ не вошедшіе въ печатные Минеи: канонъ на обрѣтеніе мощей князя Всеволода псковскаго, представляющій ясные слѣды подражанія пріемамъ Пахомія Логоѳета, и канонъ Пресв. Богородицѣ по случаю знаменія отъ чирской Ея иконы въ псковской области ([81]). Наконецъ, еще одинъ пѣснописецъ, котораго литературную дѣятельность, съ наибольшею вѣроятностію, можно относить ко второй четверти XVI в., инокъ суздальскаго Спасо-евѳиміева монастыря Григорій написалъ даже четыре службы, но крайне слабыя и неискусныя: службу преп. Евѳимію суздальскому, вошедшую въ печатныя Минеи (апр. 1), только съ значительными исправленіями и передѣлками; службу преп. Евфросиніи суздальской, службу св. Іоанну епископу суздальскому, и службу новымъ русскимъ чудотворцамъ, вовсе не вошедшія въ печатныя Минеи ([82]). Послѣдняя служба, вѣроятно, вызвана соборомъ 1547 года.

([79]) И въ рукописяхъ (Тр.-Серг. лавр. №№ 618. 619; Опис. Рум. Муз. 596) и въ печатной Минеи 25 іюня канонъ названъ „твореніемъ господина Пахомія мниха“.

([80]) Это ясно указано въ самомъ канонѣ (Опис. рукоп. Рум. Муз. 593—594). Находится и въ рукоп. Тр.-Серг. лавры XVI в., №№ 623. 624.

([81]) Оба канона—въ Сборн. Рум. Муз. № 397 (Опис., стр. 593. 597). Послѣдній—и въ Минеи служебн. Тр.-Серг. лавр., XVI в., № 570.

([82]) Всѣ эти службы Григорія находятся въ Сборн. Тр.-Серг. лавры, нач.

Предъ соборами и особенно послѣ соборовъ 1547—1549 г. естественно было появиться у насъ множеству церковныхъ службъ и каноновъ. Ибо, съ одной стороны, требовалось, чтобы на самые соборы, вмѣстѣ съ свѣдѣніями о мѣстныхъ Святыхъ, были представлены и житія ихъ, и службы имъ или каноны, для соборнаго разсмотрѣнія и свидѣтельствованія; а съ другой, становилось уже необходимостію, когда установлены были соборами праздники тѣмъ или другимъ Святымъ, составить въ честь ихъ, или только исправить, службы и каноны для церковнаго прославленія новыхъ чудотворцевъ въ эти праздники. И мы дѣйствительно видимъ, во второй половинѣ XVI в., службы и каноны всѣмъ, сорока слишкомъ Святымъ, признаннымъ соборами 1547—1549 г. Значительное число этихъ каноновъ и службъ Святымъ написано еще до названныхъ соборовъ извѣстными уже намъ лицами ([83]). Другіе составлены во время или послѣ соборовъ и такъ же извѣстными, по именамъ, пѣснописцами. Таковы—а) три канона инока владимірскаго рождественскаго монастыря, Михаила: св. кн. Александру невскому, св. князю Петру и княгинѣ Февроніи муромскимъ, и св. князю Константину и дѣтямъ его Михаилу и Ѳеодору муромскимъ; б) два канона псковскаго пресвитера Василія, въ монашествѣ Варлаама, пресловутаго ревнителя сугубой аллилуіи: преп. Евфросину псков-

---

XVII в., № 337, л. 483. 538. 557. 593. Служба Григоріева всѣмъ русскимъ чудотворцамъ есть и въ Сборн. нашей библ., № 32, л. 25—45.

([83]) Именно: инокомъ *Ѳеодосіемъ*—Арсенію тверскому; *Пахоміемъ Логоѳетомъ*—митр. Іонѣ, архіеп. Евѳимію, еп. Стефану перм., преп. Никону и Саввѣ вышерскому; инокомъ *Иннокентіемъ*—Пафнутію боровскому; монахомъ *Пахоміемъ*—Петру и Февроніи муром.; пресвит. *Иліею*—Михаилу клопскому; пресвит. *Филоѳеемъ*—Всеволоду псковскому; инокомъ *Григоріемъ*—Евѳимію суздальскому.

скому и св. великомученику Георгію болгарскому; в) два канона бывшаго игумена хутынскаго монастыря, Маркелла Безбородаго—св. Никитѣ епископу новгородскому, и г) одинъ канонъ—«твореніе Ѳеодора» какого-то св. Максиму юродивому московскому ([84]). Послѣдній классъ службъ и каноновъ Святымъ, прославленнымъ соборами 1547—1549 и г., составляютъ тѣ, которыя написаны, прежде ли, во время или послѣ соборовъ, только неизвѣстными лицами, и сохранились въ рукописяхъ XVI в. ([85]). Если перечислимъ еще каноны и службы Святымъ, прославленнымъ послѣдующими соборами, какъ то: Мартиніану бѣлозерскому—какого-то Матѳея инока, Саввѣ крыпецкому — пресвитера псковскаго Василія, Григорію и

([84]) Четыре изъ этихъ каноновъ — Александру невск., Петру и Февроніи муром., Евфросину псков. и Георгію болгар., съ именами авторовъ, находятся въ Сборн. Рум. Муз. № 397 (Опис. 593. 596). Кромѣ того канонъ св. Александру невск., съ надписью: „сътворено смиренымъ инокомъ Михаиломъ тояже обители, идѣже блаженнаго тѣло лежитъ“,—находится въ Трефол. Тр.-Серг. лавр., исх. XVI в., № 624; канонъ св. Петру и Февроніи муром., съ надписью: „твореніе господина Михаила мниха“,—въ Трефолог. тойже лавры XVI в., №№ 618. 619. Канонъ Константину муром. и его дѣтямъ, съ надписью: „твореніе и послѣдованіе господина Михаила мниха“, — въ Трефол. Тр.-Серг. лавр. XVI в., № 619, равно какъ и въ печатной Минеи (мая 21). Каноны Никитѣ новгор. — въ Слав.-русск. рукоп. *Ундольск.* № 103, л. 65, и въ печат. Минеи, гдѣ въ началѣ каноновъ замѣчено: „пѣніе молебно, сложено по азбуцѣ, совершено же (т. е. окончено) именемъ списавшаго“, а въ концѣ и именно по начальнымъ буквамъ стиховъ послѣдней (9-й) пѣсни можно прочесть имя Маркелла (генв. 31). Канонъ Максиму юрод., съ надписью: „твореніе Ѳеодора“,—въ Трефол. Тр.-Серг. лавр. XVI в., № 619, и въ волокол. Сборн. моск. дух. акад. № 381, л. 44.

([85]) Разумѣемъ каноны и службы: Авраамію смоленскому, Ефрему перекомскому, Григорію пельшемскому, Арсенію сербскому, Іоанну сочавскому, Михаилу тверскому, Іакову ростовскому, Іоанну и Іонѣ новгородск., Діонисію глушицк., Зосимѣ и Савватію солов., Александру свирск., Макарію коляз., Павлу обнорск., Саввѣ сторожев., Іоанну и Прокопію устюжскимъ и тремъ мученикамъ литовскимъ (Рукоп. Тр.-Серг. лавр., XVI в., №№ 603. 611. 619. 623. 624; Сборн. Рум. Муз. № 397, Опис. стр. 592—597; Сборн. библ. *Царск.* XVI в., № 563, Опис. стр. 632—635; Трефол. *Ундольск.* XVI в., №№ 101. 103, Опис. 113—117).

Кассіану авнежскимъ—игумена Данилова монастыря Іоасафа, Стефану махрицкому — тогоже игумена, Антонію сійскому — царевича Ивана и Іосифу волоколамскому—старца Фотія ([86]); если прибавимъ къ этому нѣсколько каноновъ и службъ Святымъ мѣстно чтившимся, написанныхъ неизвѣстными лицами и дошедшихъ до насъ въ спискахъ XVI-го вѣка ([87]): то мы въ состояніи будемъ составить себѣ довольно приблизительное понятіе о количествѣ службъ церковныхъ, появившихся у насъ до конца настоящаго періода.

Каковы же эти службы? Всѣ вообще очень невысокаго достоинства, а нѣкоторыя крайне убоги и по содержанію и по внѣшней обработкѣ. Видно, что наши церковные пѣснописцы были только люди граматные, безъ всякаго научнаго образованія, иногда же и недовольно грамотные. Клали они предъ собою существовавшіе каноны и службы и пользовались ими не только какъ образцами, но отчасти и какъ источниками; заимствовали изъ нихъ и мысли, и выраженія, и цѣлыя обороты рѣчи, нерѣдко даже цѣлыя пѣсни и цѣлые отдѣлы; составляли кое-какъ и собственныя пѣсни; все это соединяли, какъ могли,—и выходили новые каноны, новыя службы но-

---

([86]) Каноны Мартиніану — Трефол. Тр.-Серг. лавр. *№* 628, л. 33; Саввѣ крыпецк. — Сборн. Рум. Муз. № 397, Опис. стр. 597; Григорію и Кассіану авнеж. — Сборн. Тр.-Серг. лавр. *№* 624, л. 483; Стефану махр. и Антонію сійск.—Сборн. библ. *Царск.* *№* 563, Опис. 634; Іосифу волок.—Синод. Сборн. *№* 927, л. 160.

([87]) Именно: Исидору ростовскому (Рукоп. Тр.-Серг. лавр., XVI в., *№№* 611. 618. 623. 624), Николѣ Кочанову юродив. (тамъ же *№* 624), Петру царевичу ордынскому, Іакову боровицкому, Александру ошевенскому, Александру куштскому, князьямъ Василію и Константину ярославскимъ, Меркурію смоленскому и Василію юродивому московскому (Сборн. *Царск.* XVI в., *№* 563, Опис. 632—635; Трефол. *Ундольск.* XVI—XVII в., № 104, Опис. 118).

вымъ Святымъ. Есть службы, которыя писались, кажется, подъ вліяніемъ одного какого либо образца: напримѣръ, служба свят. Іоанну юродивому устюжскому представляетъ сборъ пѣснопѣній изъ разныхъ службъ Пахомія Логоѳета съ нѣкоторыми дополненіями отъ автора; въ службахъ св. Саввѣ сторожевскому и св. Іакову боровицкому повторяются, то съ буквальною точностію, то съ небольшими измѣненіями, тропари и другія пѣсни изъ каноновъ игумена Маркелла св. Никитѣ новгородскому и замѣчается во всемъ такое сходство съ этими канонами, что какбудто онѣ вышли изъ-подъ пера самаго Маркела ([88]). Есть службы, составлявшіяся подъ вліяніемъ двухъ и нѣсколькихъ образцовъ: такъ въ службѣ преп. Діонисію глушицкому встрѣчаются заимствованія изъ Пахоміевой службы преп. Кириллу бѣлозерскому и изъ службы преп. Ѳеодосію печерскому; а въ службѣ Максиму юродивому московскому — многія заимствованія и изъ Пахоміевыхъ службъ преп. Сергію и преп. Кириллу, и изъ службы Іоанну юродивому устюжскому, и изъ службъ греческимъ юродивымъ ([89]). Есть даже службы и каноны, которые слѣдуетъ назвать просто списками и копіями съ другихъ службъ и каноновъ: служба преп. Ефрему перекомскому—копія съ службы пресвитера Василія преп. Саввѣ вышерскому почти безъ перемѣнъ; канонъ св. Прокопію юродивому устюжскому—списокъ съ канона князю Всеволоду псковскому, съ пропусками только тѣхъ тропарей и стиховъ, которые явно неприложимы

([88]) Слич., по печ. Минеямъ, службы Саввѣ сторож.—дек. 3, Іакову боров.—окт. 23 и Никитѣ новг.—генв. 31.

([89]) Слич., по печ. Минеямъ, службы Діонисію—іюня 1, Кириллу бѣлоз.—іюня 9, Ѳеодосію печер.—мая 3; такъ же Максиму юрод.—ноябр. 11, Сергію радон.—сент. 25, Іоанну юрод.—мая 29, Симеону юрод. и Іоанну—іюля 21.

къ лицу Прокопія; а канонъ св. Іоанну юродивому устюжскому цѣликомъ взятъ изъ службы греческимъ святымъ—Симеону юродивому и Іоанну спостнику его, составленной греческимъ же пѣснописцемъ Ѳеофаномъ начертаннымъ, и прямо названъ твореніемъ Ѳеофана (90).

Изъ новыхъ обрядовъ церковныхъ замѣчателенъ, прежде всего, обрядъ избранія, нареченія и поставленія нашихъ митрополитовъ, которые въ прежнія времена ставились не у насъ, а въ Царьградѣ. Это избраніе происходило въ московскомъ успенскомъ соборѣ, въ придѣлѣ Похвалы Богородицы. Епископы, подъ предсѣдательствомъ архіепископа новгородскаго или, въ случаѣ его отсутствія, другаго архіепископа, избирали трехъ кандидатовъ, записывали имена ихъ и, запечатавъ, передавали предсѣдателю; а онъ, «довольно помолившись», отверзалъ запечатанное и произносилъ имя одного изъ трехъ записанныхъ, который и признавался избраннымъ. Нареченіе избраннаго въ митрополита происходило въ томъ же придѣлѣ успенскаго собора по церковному чину, и потомъ всѣ святители вели нареченнаго прямо изъ собора къ государю. Государь иногда самъ, съ своими боярами, съ святителями и съ нареченнымъ, котораго вели предъ нимъ подъ руки два епископа, отправлялся сперва въ успенскій соборъ, чтобы, вмѣстѣ со всѣми, знаменоваться у св. иконъ и у гробовъ угодниковъ Божіихъ, а потомъ въ палаты митрополита, гдѣ архіепископъ и епископы посаждали нареченнаго на уготован-

---

(90) Слич., по печ. Минеямъ, службы Ефрему перекоп. — мая 16 и Саввѣ вышер. — окт. 1; такъже службы Прокопію юрод. — іюля 8 и Всеволоду псков. — февр. 11; такъже канонъ—Іоанну юрод.— мая 29 и Симеону юрод.—іюля 21.

ное мѣсто. А иногда государь, отпустивъ отъ себя нареченнаго съ святителями, которые вели его въ соборъ и затѣмъ въ митрополичьи палаты и сажали на митрополичьемъ мѣстѣ, самъ съ боярами отправлялся въ соборъ, спустя нѣсколько времени, и затѣмъ въ палаты къ нареченному, который и встрѣчалъ его съ подобающею честію. Въ день, назначенный для поставленія митрополита, устрояли въ успенскомъ соборѣ впереди амвона особое возвышеніе и на немъ ставили два сѣдалища, съ правой стороны—для государя, съ лѣвой для архіепископа, и по обѣ стороны нѣсколько пониже ставили длинныя сѣдалища для епископовъ, а предъ возвышеніемъ на полу начертывали большаго орла съ распростертыми крыльями. Предъ литургіею выводили нареченнаго изъ алтаря въ полномъ облаченіи и ставили на орла; здѣсь читалъ онъ свое исповѣданіе вѣры и совершалось все прочее, что положено. Потомъ, если онъ еще не имѣлъ епископскаго сана, то отводимъ былъ опять въ алтарь; святители начинали литургію и, по окончаніи трисвятой пѣсни, рукополагали его во епископа-митрополита, и онъ уже самъ продолжалъ и оканчивалъ литургію. А если онъ и прежде имѣлъ санъ епископа, то, по прочтеніи имъ исповѣданія вѣры среди церкви предъ соборомъ святителей, архіепископъ вставалъ съ своего сѣдалища и велегласно произносилъ: «благодать Пресв. Духа, нашимъ смиреніемъ, имѣетъ тя митрополитомъ всея Русіи». Затѣмъ государь и архіепископъ оставляли возвышеніе и на него возводимъ былъ святителями новый митрополитъ; уподіаконы снимали съ первосвятителя епископскія одежды—фелонь и омофоръ и облачали его въ митрополичьи — саккосъ и омофоръ. И новый митрополитъ самъ и начиналъ и совер-

шалъ божественную литургію. По окончаніи литургіи, святители брали новаго первосвятителя подъ руки, вели на возвышеніе среди церкви и тамъ три раза сажали его на мѣсто, произнося: «исъ полла эти, деспота»,—послѣ чего митрополитъ разоблачался, и на него возлагали святители панагію, мантію съ источниками и бѣлый клобукъ, и отводили его на его митрополичье мѣсто каменное. Тогда приближался къ митрополиту государь и вручалъ ему архипастырскій посохъ, произнося краткую рѣчь, на которую митрополитъ отвѣчалъ такъ же рѣчью. По выходѣ изъ храма, митрополитъ, облеченный въ мантію, принималъ отъ протоіерея воздвизальный крестъ животворящаго древа, садился на приготовленное осля и ѣхалъ во дворъ государя великаго князя, чтобы преподать ему благословеніе; а осля подъ митрополитомъ вели конюшій великаго князя и бояринъ митрополичій; предъ ними шли два хора пѣвчихъ—пѣвчіе государевы и митрополичьи и пѣли стихи, предъ пѣвчими же шли четыре свѣщеносца съ пальмами. Отъ государя, точно такимъ же образомъ, ѣхалъ митрополитъ въ собственный дворъ, гдѣ благословлялъ святителей и духовенство, потомъ ѣхалъ вокругъ кремля и благословлялъ народъ и весь городъ, снова заѣзжалъ къ государю и возвращался въ свои палаты, гдѣ и предлагалъ трапезу всѣмъ участникамъ торжества; иногда же трапеза эта предлагалась самимъ государемъ въ его собственныхъ палатахъ (91).

(91) Акт. Эксп I, №№ 184. 264; Собр. Р. Лѣт. VI, 39; VIII, 230; Ник. Лѣт. VI, 144. Вручая митрополиту жезлъ, государь произносилъ слѣдующее: „Всемогущая и животворящая Св. Троица, дарующая намъ всея Руси государство, подаетъ тебѣ сій св. великій престолъ архіерейства, митрополію всея Руси, руковозложеніемъ и освященіемъ св. отецъ архіепископовъ и епископовъ русскаго

По существу, ни избраніе, ни нареченіе, ни даже поставленіе нашего митрополита, если онъ не носилъ еще епископскаго сана, ничѣмъ не отличались отъ избранія, нареченія и поставленія нашихъ епископовъ ([92]); но митрополитъ имѣлъ при этомъ три важныя преимущества, видимо возвышавшія его: послѣ нареченія онъ удостоивался особеннаго вниманія со стороны государя; послѣ поставленія принималъ пастырскій жезлъ изъ рукъ самаго государя и, наконецъ, совершалъ торжественное шествіе на осляти для преподанія всѣмъ своего архипастырскаго благословенія.

Другой, отчасти подобный, обрядъ, который становится извѣстнымъ только со времени Іоанна IV, хотя, быть можетъ, былъ введенъ у насъ гораздо прежде, совершался въ недѣлю Ваій. Предъ литургіею, изъ успенскаго собора въ Москвѣ, выносили большое дерево (вербу), увѣшанное плодами, утверждали его на саняхъ или на колесницѣ и везли медленно. Подъ деревомъ стояли пять малыхъ пѣвчихъ въ бѣлой одеждѣ и пѣли свящ. пѣсни. За деревомъ слѣдовали—многіе юноши съ зажженными свѣчами, потомъ хоругви и иконы, да-

---

царства: и *жезлъ пастырства, отче, восприими, и на сѣдалище старѣйшинства* во имя Господа І Христа и преч. Его Матери *взыди*, и моли Бога и преч. Его Матерь о насъ и о нашихъ дѣтяхъ и о всемъ православіи, и подастъ ти Господь Богъ здравіе и долголѣтство во вѣкъ вѣка". Митрополитъ отвѣчалъ государю такъ: „Всемогущая и вседержащая десница Вышняго да сохранитъ поставленное твое царство, самодержавный государю и владыко! Мирно да будетъ и многолѣтно твое государство, и побѣдно, со всѣми повинующимися тебѣ христолюбивыми воинствы и съ прочими народы, да пребываетъ во вѣки; во вся дни живота твоего здравъ, здравъ, здравъ буди, добротворя, владыко самодержецъ, на многія лѣта".

([92]) См. Чинъ поставленія епископа—въ Акт. Экси. I, *№* 375. Замѣчательно, что и при поставленіи нашихъ епископовъ государь лично присутствовалъ и возсѣдалъ на возвышеніи посреди церкви на своемъ столѣ подлѣ митрополита, по правую его сторону, пока поставляемые читали свое исповѣданіе (тамъ же стр. 469).

лѣе священники, числомъ болѣе ста, еще далѣе бояре и сановники, наконецъ митрополитъ и государь. Митрополитъ ѣхалъ верхомъ на ослѣ, а государь шелъ подлѣ и, держа въ одной рукѣ вербу, другою велъ, за конецъ повода, осла, котораго держалъ подъ узцы бояринъ. Митрополитъ, сидя на ослѣ, лѣвою рукою поддерживалъ на своихъ колѣнахъ евангеліе, а въ правой имѣлъ св. крестъ, которымъ осѣнялъ на обѣ стороны. Несмѣтныя толпы народа спѣшили разстилать на пути митрополита свои одежды, сопровождая эту церковную процессію, которая тихо двигалась вокругъ всѣхъ главныхъ церквей кремля и, наконецъ, возвращалась въ успенскій соборъ. Здѣсь митрополитъ совершалъ литургію, а по окончаніи ея предлагалъ въ своихъ палатахъ для государя и другихъ знатныхъ лицъ обильную трапезу и подносилъ государю дорогой денежный поминокъ. Такая же церемонія въ недѣлю Ваій происходила въ Новгородѣ и, вѣроятно, въ другихъ городахъ, гдѣ находились архіерейскія каѳедры. Въ Новгородѣ, напримѣръ, въ 1548 г., осля, на которомъ сидѣлъ архіепископъ съ крестомъ и евангеліемъ, вели новгородскіе намѣстники государя, князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій, да князь Юрій Михайловичъ Булгаковъ. Шествіе совершалось изъ софійскаго собора до церкви Входа во Іерусалимъ и обратно. Затѣмъ владыка литургисалъ въ соборѣ и угощалъ въ своихъ палатахъ какъ обоихъ намѣстниковъ государевыхъ, такъ и прочія власти города и настоятелей монастырей, и одарилъ обоихъ намѣстниковъ богато-украшенными иконами и серебряными ковшами (93).

(93) *Гаклюйтъ у Карамз.* IX, 275, изд. Эйнерл.; *Флетчеръ*—О государствѣ

Въ тоже время, т. е. около половины XVI в., уже употреблялся у насъ и обрядъ такъ-называвшагося *пещнаго дѣйствія*. Совершалось оно предъ праздникомъ Рождества Христова въ недѣлю праотецъ или въ недѣлю св. отецъ. Для этого въ соборномъ храмѣ снимали нѣкоторыя паникадила и архіерейскій амвонъ, и на мѣстѣ послѣдняго ставили большую деревянную круглую печь; избирали трехъ мальчиковъ и двухъ взрослыхъ людей, чтобы первые представляли собою трехъ св. отроковъ Ананію, Азарія и Мисаила, а взрослые—двухъ халдеевъ; дѣтей облачали въ стихари и украшали вѣнцами, взрослыхъ одѣвали въ халдейское платье, и всѣмъ давали въ руки пальмы. Предъ вечернею, наканунѣ пещнаго дѣйствія, всѣ они являлись къ архіерею и сопровождали его въ церковь. А на утрени въ слѣдующій день, когда начиналось пѣніе стиха 7-й пѣсни: «Тричисленные отроки состави Св. Троица»..., архипастырь благословлялъ начинать и самое пещное дѣйствіе. Халдеи выводили изъ алтаря трехъ отроковъ связанныхъ, по шеямъ, полотенцемъ, и, поставивъ среди церкви предъ печью, говорили имъ: «дѣти царевы! Видите ли сію пещь, уготованную вамъ на мученіе?» Дѣти отвѣчали: «видимъ, но не ужасаемся ея, ибо есть на небеси Богъ нашъ, емуже мы служимъ; той силенъ изъяти насъ отъ пещи сея и отъ рукъ вашихъ избавити насъ, и сія пещь бу-

---

Русск., гл. 25, стр. 94 (гдѣ именно и сказано, что въ этотъ день царю платилъ первосвятитель положенную дань—200 рублей); *Куприанов.* Отрывки изъ расходн. книгъ новгор. соф. дома за 1548 г., въ Изв. Археолог. Общ. III, вып. I, 48. Въ слѣдующемъ столѣтіи на московскомъ соборѣ 1678 г., сколько ни старались розыскать, когда и отъ кого начался у насъ обрядъ, совершавшійся въ Вербное воскресенье, но ни въ лѣтописяхъ, ни въ церковныхъ книгахъ, ни въ устныхъ преданіяхъ ничего объ этомъ не нашли (Акт. Эксп. IV, № 223).

детъ не намъ на мученіе, но вамъ на обличеніе». Съ дѣтей снималось связывавшее ихъ полотенце, архіерей давалъ имъ благословеніе и вручалъ витыя свѣчи, а халдеи вводили отроковъ, одного за другимъ, въ печь, запирали въ ней и подъ печью ставили горнъ съ горящими угольями. Тогда протодіаконъ велегласно запѣвалъ: «благословенъ еси Боже отецъ»..., и отроки въ пещи продолжали эту пѣснь до конца, между тѣмъ какъ халдеи старались усиливать пламень въ горнѣ, подбрасывая туда удобосгораемыя вещества. Въ эти минуты въ церкви раздавался громъ, и ангелъ Господень сверху спускался въ пещь къ отрокамъ. Халдеи падали ницъ, опаляясь собственнымъ огнемъ, и чрезъ нѣсколько времени вставъ, снимали свои халдейскія шапки, клали ихъ на свои пальмы и съ поникшими головами стояли въ молчаніи. А отроки, при видѣ ангела, трижды покланялись ему, знаменуя себя крестнымъ знаменіемъ, и вмѣстѣ съ ангеломъ, придерживаясь его, три раза обходили пещь. По выходѣ отроковъ изъ печи, пещное дѣйствіе оканчивалось; затѣмъ возглашалось многолѣтіе государю и его семейству, и прерванная на время утреня продолжалась своимъ порядкомъ. Отроки и халдеи въ своихъ одеждахъ сопровождали потомъ святителя, въ наступившій день, къ литургіи и къ вечерни въ соборъ и обратно (*).

(*) Въ расходн. книгахъ новг. соф. дома за 1548 г. сказано, что 12-го декабря „дано *халдеемъ* Новику да Киршѣ на сапоги да на рукавицы восмь алтынъ“, что потомъ въ навечеріе Рождества Христова приходили къ архіепископу славить Христа софійскій протопопъ съ соборянами и, въ числѣ ихъ, два *халдея*, и что, при раздачѣ поздравителямъ наградъ, „халдеемъ двѣма дано гривна московская“. Далѣе записано о покупкѣ „халдейскихъ шапокъ“ и шести аршинъ червчатаго сукна, которое и отдано „халдею Новику на юпу“. Откуда взялись эти халдеи въ новгородѣ при соф. причтѣ? Безъ сомнѣнія, это тѣ самые *два халдея*, которые предъ праздникомъ Рождества Христова участвовали въ пещномъ дѣйствіи,

Упомянемъ еще о новыхъ крестныхъ ходахъ въ Москвѣ, которые установилъ Стоглавый соборъ. Эти ходы были троякаго рода: одни совершались изъ мѣстныхъ семи московскихъ соборовъ въ главный-каѳедральный успенскій соборъ; другіе изъ мѣстныхъ соборовъ въ приходскія церкви, къ нимъ причисленныя; третьи изъ приходскихъ церквей въ другія, причисленныя къ одному съ ними собору. Ходы перваго рода совершались только три раза въ годъ: въ недѣлю всѣхъ Святыхъ, въ понедѣльникъ Свѣтлыя седмицы и въ недѣлю предъ Воздвиженіемъ. Во всѣ эти три дня священники приходскихъ церквей, причисленныхъ къ тому или другому изъ мѣстныхъ московскихъ соборовъ, отпѣвъ, каждый, вечерню въ своей церкви, шли, вмѣстѣ съ прихожанами, въ свой соборъ, гдѣ такъ же отправляема была вечерня мѣстнымъ священникомъ. По окончаніи ея поднимали кресты и хоругви, и поповскій староста, взявъ въ руки крестъ, начиналъ молебенъ и, вмѣстѣ со всѣми собравшимися священниками и ихъ прихожанами, совершалъ крестный ходъ въ успенскій-каѳедральный соборъ; во время хода продолжали пѣть молебенъ и всѣ православные имѣли въ рукахъ свѣчи. Дождавъ окончанія вечерни въ каѳедральной церкви, поповскій староста съ своимъ соборомъ начиналъ пѣть посреди церкви стихъ: «Радуйся, двере Божія»; діаконъ говорилъ эктенію: «поми-

---

совершавшемся въ соф. соборѣ: другаго объясненія придумать нельзя (Изв. Археолог. Общ. III, вып. I, 34. 36). Пещное дѣйствіе, въ XVI столѣтіи, совершалось у насъ и при каѳедрахъ всѣхъ другихъ епархіальныхъ архіереевъ (*Флетч.* О государ. русск., гл. 25, стр. 94). Самый чинъ этого дѣйствія, какъ оно совершалось въ Новгородѣ около половины XVII в., напечатанъ въ Древн. Росс. Библіое. VI, 363, и изложенъ въ статьѣ: Древніе церков. обряды въ Новгородѣ (Чтен. М. Истор. Общ. 1861, I, отд. III, 8—10).

луй насъ Боже», кадилъ иконы, священнослужителей и весь народъ; староста произносилъ отпустъ и подносилъ митрополиту, или другому присутствовавшему владыкѣ, крестъ. Митрополитъ, приложившись ко кресту, благословлялъ старосту и всѣхъ пришедшихъ съ нимъ священниковъ и народъ, и отпускалъ ихъ. И они, тѣмъ же крестнымъ ходомъ, съ пѣніемъ молебна, возвращались въ свою соборную церковь, изъ которой, послѣ отпуста, расходились въ свои дома. Такимъ же точно образомъ поступали, одинъ за другимъ, и всѣ прочіе поповскіе старосты семи московскихъ соборовъ, приходившіе съ подвѣдомыми имъ священниками и народомъ въ каѳедральную церковь. Изъ мѣстныхъ соборовъ въ приходскія церкви, къ нимъ причисленныя, крестные ходы совершались: а) отъ недѣли всѣхъ Святыхъ до праздника Воздвиженія каждый воскресный день послѣ вечерни, и б) во всю Свѣтлую седмицу, каждый день, послѣ заутрени: въ эти дни приходскіе священники съ своими прихожанами собирались въ свой соборъ и оттуда ходили съ крестами по всѣмъ церквамъ, къ нему причисленнымъ. Наконецъ, когда наступалъ храмовой праздникъ въ какой либо приходской церкви, то священники всѣхъ другихъ церквей одного съ нею собора совершали въ нее крестные ходы, съ своими прихожанами, послѣ заутрени, которую отправляли въ собственныхъ церквахъ. Всѣ эти крестные ходы втораго и третьяго рода совершались по тому же самому чину, какъ и ходы изъ мѣстныхъ московскихъ соборовъ въ каѳедральный успенскій, и всѣ сопровождались церковнымъ звономъ (Стогл. гл. 35).

Въ церковномъ пѣніи нашемъ произошла значительная перемѣна. Въ первые четыре вѣка нашей церкви, у насъ пѣли

«на рѣчь», т. е. произносили при пѣніи слова свящ. пѣсней точно такъ же, какъ они произносились въ рѣчи, въ разговорѣ и какъ писались: то былъ періодъ *праворьчія* или *истинноръчія* въ нашемъ церковномъ пѣніи. Съ пятнадцатаго вѣка и особенно съ половины его у насъ насталъ періодъ *раздѣльноръчія* или *растяжноръчія* въ церковномъ пѣніи, начали пѣть слова не такъ, какъ они произносились въ рѣчи и писались, а съ измѣненіемъ въ нихъ полугласныхъ буквъ на гласныя, иногда съ прибавкою гласныхъ, иногда даже съ отнятіемъ согласныхъ; напримѣръ, слова пѣсни: «съгрѣшихомъ, беззаконовахомъ... предъ тобою..., но не предажь насъ до конъца»..,—начали пѣть: «согрѣшихомо *и* беззаконновахомо передо тобою, но не предаиже насо до конеца»... Такое растяжноръчіе въ церковномъ пѣніи входило постепенно, и въ нотныхъ книгахъ первой половины XV в., оно встрѣчается еще весьма рѣдко, лишь въ немногихъ словахъ. Но со второй половины этого вѣка оно стало усиливаться и распространяться болѣе и болѣе, и подъ конецъ 1476 г., новгородскій лѣтописецъ съ изумленіемъ замѣтилъ: «той же зимы нѣкоторые философове начаша пѣти: *О*господи помилуй, а друзіи: Осподи помилуй» (Собр. Лѣт. IV, 130). Впродолженіе же XVI в. достигло высшей степени, такъ что нѣкоторыя слова при пѣніи трудно было и понять; напримѣръ, пѣли вмѣсто: Спасъ—Сопасо; вмѣсто: изми—иземи, вмѣсто: во мнѣ—во монѣ. Нотные знаки и теперь оставались прежніе—безлинейные, писались непосредственно надъ словами и слогами текста и назывались знаменами и крюками; но въ начертаніи ихъ совершилась перемѣна: ихъ стали писать скорописью. Потомъ, для удобнѣйшаго пониманія этихъ крюковыхъ нотъ, къ кон-

цу XV в., начали прибавлять иногда пояснительные знаки на поляхъ нотныхъ рукописей, а во второй половинѣ XVI в., при каждой крюковой нотѣ, отдѣльно отъ нея, начали писать киноварныя *подмѣтныя слова* или *помѣты*, обозначавшія какую либо перемѣну въ степени или исполненіи звука. Мало по малу во всеобщее употребленіе вошли помѣты, изобрѣтенныя новгородцемъ Иваномъ Акимовичемъ Шайдуровымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начали появляться въ нотныхъ книгахъ, особою статьею, краткія руководства къ изученію крюковыхъ знаковъ и помѣтъ къ нимъ, и одно изъ такихъ руководствъ, подъ именемъ грамматики, составлено тѣмъ же Шайдуровымъ. Церковному пѣнію обучались у насъ въ первоначальныхъ школахъ, вмѣстѣ съ чтеніемъ и письмомъ, и у тѣхъ же мастеровъ. А какъ школы эти къ концу XV и въ началѣ XVI в. пришли въ крайній упадокъ, то упало съ ними и церковное пѣніе. «Мужики озорные на крылосѣ поютъ..., мужики-невѣжи учатъ робятъ, да рѣчь имъ портятъ», писалъ владыка новгородскій Геннадій къ митрополиту Симону и просилъ его ходатайства предъ государемъ объ открытіи училищъ (А. И. I, 147. 148). Стоглавый соборъ такъ же созналъ этотъ упадокъ и недостатокъ училищъ и съ сожалѣніемъ воспоминалъ, что прежде въ Москвѣ и Новгородѣ и другихъ городахъ многія училища бывали, и пѣвцы и чтецы славные были по всей землѣ; а потому опредѣлилъ, чтобы въ каждомъ городѣ, заботливостію мѣстнаго духовенства, открыты были училища въ домахъ тѣхъ священниковъ, діаконовъ и дьяковъ, которые горазды читать и пѣть и писать (Стогл. гл. 25. 26). Изъ числа вновь заведенныхъ училищъ прежде всѣхъ принесли добрые плоды для церковнаго пѣнія новгородскія. Изъ нихъ вы-

шли сдѣлавшіеся вскорѣ знаменитыми мастерами: Иванъ Шайдуровъ, Маркеллъ Безбородый и два брата—Василій и Савва Роговы, родомъ корелы. О трудахъ Шайдурова мы уже упоминали. Маркеллъ, сперва инокъ, потомъ игуменъ хутынскій, извѣстный авторъ житія св. Никиты новгородскаго и канона ему, «роспѣлъ (т. е. положилъ на ноты) Псалтырь». Василій Роговъ, въ монашествѣ Варлаамъ и съ 1586 г. архіепископъ ростовскій, «зѣло былъ гораздъ знаменному и троесрочному и демественному пѣнію, былъ роспѣвщикъ и *творецъ* (т. е. самъ сочинялъ ноты)». А братъ его Савва славился, преимущественно, какъ искусный учитель церковному пѣнію, и приготовилъ многихъ не менѣе прославившихся учениковъ. Таковы были: Иванъ Носъ, Ѳеодоръ Христіанинъ, московскій священникъ, и Стефанъ Голышъ. Первые два дѣйствовали въ Москвѣ и иногда, по волѣ царя Ивана Васильевича, въ его Александровской слободѣ, и Иванъ Носъ «роспѣлъ и изъяснилъ тріоди, святымъ стихиры и славники, такъ же крестобогородичны и богородичны минейныя»; а попъ Ѳеодоръ особенно былъ «гораздъ знаменному пѣнію, и мнози отъ него научишася». Стефанъ же Голышъ, новгородецъ, «ходилъ по градамъ и училъ Усольскую страну», и кромѣ того «много знаменнаго пѣнія роспѣлъ». Изъ учениковъ его наиболѣе извѣстенъ Иванъ Лукошковъ, въ послѣдствіи Исаія, архимандритъ владимірской рождественской обители: онъ «вельми знаменнаго пѣнія распространилъ и наполнилъ». Первая заслуга всѣхъ этихъ мастеровъ состояла въ томъ, что они обучали другихъ искусному пѣнію, и изъ ихъ-то учениковъ, конечно, наполнялись существовавшіе у насъ хоры пѣв-

чихъ:—государевъ, митрополичій и прочихъ архіереевъ ([95]). Но еще важнѣе была та заслуга, что этими мастерами положены на ноты—«и въ нашей рустѣй земли просіявшимъ безчисленными чудесы, мужемъ же и женамъ, иже именуются *новые чудотворцы*, овымъ стихеры, инымъ же славники, а инымъ съ литіями и съ хвалитными стихеры и съ величаніи полные празднества, отъ мѣсяца сентября до конца мѣсяца августа». Учреждено у насъ въ настоящій періодъ много праздниковъ въ честь русскихъ Святыхъ; составлено имъ много новыхъ службъ. И вотъ нашлись мастера, которые положили на ноты, гдѣ слѣдуетъ, всѣ эти службы, и тѣмъ дали своимъ соотечественникамъ возможность прославлять новоявленныхъ угодниковъ Божіихъ приличными пѣснопѣніями и свѣтлѣе праздновать новые церковные праздники ([96]).

III.

Обратимся теперь вообще къ церковнымъ книгамъ, по которымъ совершалось у насъ тогда богослуженіе. О существованіи въ нашей церкви полнаго круга богослужебныхъ книгъ,

---

([95]) Акт. Эксп. I, стр. 159. 160. 299; Доп. А. И. I, № 131, стр. 201; Собр. Р. Лѣт. III, 172. Здѣсь упоминаются *пѣвчіе дьяки* великаго князя, митрополичьи и новгородскаго владыки, и *станицы* этихъ пѣвчихъ. У новгородскаго владыки, въ 1548 г., было три станицы пѣвчихъ дьяковъ: дьяки *большой* станицы, дьяки *другой* станицы и дьяки *московской* станицы, всего 14 человѣкъ, и кромѣ того 7 подъяковъ *большихъ* и 6 подъяковъ *меньшихъ* (*Куприанов.* Отрывки изъ расходн. книгъ новг. соф. дома за 1548 г., въ Извѣст. Археолог. Общ. т. III, вып. I, 36 45).

([96]) „Предисловіе, откуду начася быти въ нашей Рустѣй земли осмогласное пѣніе", напеч. въ Чтен. М. Истор. Общ. 1846—1847, III, отд. I, 22; *Сахаров.* Изслѣдов. о русск. церковн. пѣніи, стр. 7—20. 28—31 (Журн. Мин. Нар. Просв. 1849, № 7); *Разумовск.* Церк. пѣніе въ Россіи, отд. II, гл. I и V.

въ настоящій періодъ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ какъ отъ второй половины XV-го и особенно отъ XVI-го вѣка сохранились многіе списки всѣхъ этихъ книгъ и нѣкоторые изъ нихъ довольно подробно описаны. Что же представляютъ намъ эти списки? При сличеніи списковъ каждой книги, прежде всего поражаемся ихъ разнообразіемъ. Списки, напримѣръ, Служебника,—важнѣйшей изъ богослужебныхъ книгъ, можно, по видимому, раздѣлить на два класса. Большая часть изъ нихъ списывалась съ Служебника Кипріанова, представляющаго чинъ литургіи въ томъ видѣ, какой далъ ей въ XIV в. извѣстный патріархъ цареградскій Филоѳей. При всемъ томъ, списки эти разнятся и отъ Служебника Кипріанова и между собою, то сокращеніями, то дополненіями, то измѣненіями; даже тѣ списки, на которыхъ прямо замѣчено, что они писаны «съ митрополича съ кипріанова переводу слово въ слово», оказываются довольно съ нимъ несходными ([97]). Списки втораго класса списывались частію съ Кипріанова, частію же съ разныхъ другихъ служебниковъ, употреблявшихся у насъ до Кипріана, и еще болѣе разнятся, какъ между собою, такъ и отъ списковъ кипріановской редакціи ([98]). Считая излишнимъ перечислять всѣ разности, встрѣчающіяся въ тѣхъ и другихъ спискахъ, укажемъ только на двѣ изъ нихъ, какъ относящіяся къ рѣшенію вопросовъ, получившихъ у насъ особую важность въ XVII вѣкѣ, вопроса о числѣ просфоръ на проскомидіи и вопроса о молитвенномъ призываніи предъ освященіемъ даровъ: *Господи, иже пресвятаго твоего Духа...* и проч. Число просфоръ въ нѣкоторыхъ

([97]) Опис. руск. М. Синод. библ. III, I, №№ 350. 352. 354. 358. 359. 375. 376. 377.
([98]) Опис. тойже библ. III, I, №№ 349. 357. 360. 361. 362.

спискахъ не опредѣлено и ясно говорится только или о двухъ первыхъ просфорахъ или о трехъ; въ другихъ спискахъ, какъ и въ Кипріановомъ, можно различать пять просфоръ; еще въ нѣкоторыхъ—шесть, а въ одномъ, конца XVI в., даже семь ([99]). Молитвенное призываніе предъ освященіемъ даровъ въ большей части списковъ кипріановской редакціи находится; но въ нѣкоторыхъ, какъ и въ самомъ кипріановомъ и многихъ, употреблявшихся у насъ до Кипріана, не находится ([100]). Списки другой богослужебной книги—Требника разнятся между собою и по составу,—такъ нѣкоторые какъ заключаютъ въ себѣ и служебникъ,—и по числу чиновъ или статей, составляющихъ собственно Требникъ (въ однихъ спискахъ только 80 статей, въ другихъ 152 или 154 или 159), и по распорядку ихъ, и иногда даже по содержанію: наприм., въ чинѣ крещенія, по двумъ спискамъ, ясно разрѣшается крестить младенцевъ чрезъ обливаніе ([101]). Что касается до церковнаго Устава, то не говоря уже о различіи между списками Устава студійскаго, который все еще употреблялся у насъ, по крайней мѣрѣ, въ XV в., и списками Устава іерусалимскаго, болѣе и болѣе распространявшагося въ нашей церкви, мы должны сказать, что даже списки одного послѣдняго Устава представляютъ немало разностей. Въ однихъ спискахъ менѣе главъ, особенно въ первой части (44), въ другихъ гораздо болѣе (67); въ однихъ нѣкоторыя главы, особенно заимствованныя изъ Такти-

---

([99]) Число просфоръ не опредѣлено—см. тамъже №№ 352. 355. 357. 360. Пять просфоръ—№№ 344. 376. 377. Шесть—№№ 350. 354. 356. 358. Семь—№ 362.

([100]) Находится—№№ 350. 352. 358. 368. 376. Не находится—№№ 344. 349. 354. Снес. Предисл. къ этому III отд. Описанія, стр. VII.

([101]) Опис. рукоп. М. Синод. библ. Ш, I, №№ 375. 376. 377. 378 и особенно стр. 73. 209. 210. 233.

кона Никона черногорца, изложены короче, въ другихъ несравненно обширнѣе; въ однихъ, при изложеніи службъ по мѣсяцеслову, показано меньше русскихъ Святыхъ, въ другихъ гораздо больше, и въ каждомъ спискѣ есть свои дополнительныя статьи, которыхъ нѣтъ въ другихъ ([102]). Кромѣ этого общаго Устава, употреблявшагося въ церквахъ и монастыряхъ, нѣкоторые наши монастыри, Троицко-сергіевъ, Кирилловъ, Іосифо-волоколамскій, имѣли еще свои частные церковные уставы, съ новыми дополненіями и особенностями ([103]).

Но мало того, что списки нашихъ богослужебныхъ книгъ были столько несходны между собою, и что богослуженіе по нимъ совершалось въ нашихъ церквахъ неодинаково и разнообразно, списки эти еще наполнены были погрѣшностями и ошибками, которыя, при постоянномъ списываніи новыхъ и новыхъ экземпляровъ съ прежнихъ, уже поврежденныхъ, болѣе и болѣе умножались частію отъ небрежности, а частію отъ невѣжества и произвола писцовъ. До какой степени доходили эти погрѣшности, ясно засвидѣтельствовалъ Максимъ грекъ въ извѣстныхъ своихъ апологіяхъ, обращенныхъ къ духовенству и боярамъ: «Я учу всякаго человѣка право мудрствовать о воплощшемся Богѣ Словѣ, т. е. не глаголати Его

([102]) Списокъ студійскаго Устава XV в.—тамъ же № 382. Списки Устава іерусалимскаго—№№ 386—390. Для того, чтобы удобнѣе было пользоваться іерусалимскимъ Уставомъ, владыка новгородскій Геннадій сократилъ его или составилъ руководство, подъ названіемъ: „Уставъ окозрительный“, въ которомъ всѣ праздники и празднуемые Святые подведены подъ извѣстные разряды, отмѣчены своими условными буквами и другими знаками, и каждому разряду опредѣленъ общій порядокъ службы; а въ мѣсяцесловѣ затѣмъ, противъ имени каждаго праздника и святаго, выставлены только эти условные знаки (тамъ же стр. 339. 348). См. такъ же Славяно-русск. рукоп. *Ундольск.* № № 114. 115. 116. 118.

([103]) Опис. рукоп. М. Синод. библ. №№ 401. 403.

единаго точію человѣка, по вашимъ Часословцамъ, но Бога совершенна и человѣка совершенна во единой ѵпостаси, единаго Богочеловѣка. Такъ же исповѣдую всею душею того же Богочеловѣка воскресшимъ изъ мертвыхъ въ третій день, а не *безконечною смертію умерша*, какъ проповѣдуютъ Его *вездѣ* ваши толковыя Евангелія. Я учу вѣровать и проповѣдывать, что Онъ по божеству не созданъ, а не то, что *созданъ и сотворенъ*, какъ богохульствовалъ Арій и какъ проповѣдуютъ Его *вездѣ* ваши Тріоди. Я мудрствую и исповѣдую, что Онъ одинъ рожденъ отъ Отца безъ матери прежде всѣхъ вѣкъ; Отецъ же безматернимъ нигдѣ въ Писаніи не называется, Онъ безначаленъ и нерожденъ...; а ваши Часословцы проповѣдуютъ Его *собезматерня Сыну*..... Взявъ въ руки свящ. книгу Тріодь, я нашелъ въ 9-й пѣсни канона великаго четвертка,— что несозданнаго естествомъ Сына и Слово пребезначальнаго Отца воспѣваютъ *не суща естествомъ несозданна*, и не стерпѣлъ такой хулы, и исправилъ..... Такъ же въ 3-й пѣсни канона на недѣлю Фомину: «въ гробѣ затворенъ бывъ описуемою плотію своею неописанный божествомъ» и проч.,—нѣкоторые изъ нынѣшнихъ суемудровъ, вмѣсто—*описуемою* плотію своею, пишутъ дерзостно—*неописуемою*»... (*Макс.* Сочин. I, 28—30; III, 62. 63. 67). Если и можно усумниться, чтобы наши Тріоди и толковыя Евангелія *вездѣ* проповѣдывали о Христѣ, будто Онъ, по божеству, созданъ и сотворенъ или умеръ безконечною смертію; если можно предположить, что Максимъ, желая болѣе защитить себя, преувеличивалъ число замѣченныхъ имъ ошибокъ въ нашихъ церковныхъ книгахъ: все же нельзя отрицать ни дѣйствительности, ни важности этихъ ошибокъ. Царь Иванъ Васильевичъ на Стоглавомъ соборѣ такъ

же свидѣтельствовалъ: «божественныя книги писцы пишутъ съ неправленныхъ переводовъ (списковъ), а написавъ, не правятъ же; опись къ описи прибываетъ и недописи...; и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ чтутъ и поютъ, и по нимъ ученики учатся, и пишутъ съ нихъ» (Стогл. гл. 5, вопр. 5). И когда вскорѣ послѣ того царь повелѣлъ для многихъ новыхъ церквей покупать на торжищахъ св. книги, то между купленными «мали обрѣтошася потребни; прочіи же вси растлѣни отъ преписующихъ, ненаученыхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ, ово же и неисправленіемъ пишущихъ» ([104]). Какія же мѣры принимаемы были у насъ противъ этого растлѣнія или поврежденія богослужебныхъ книгъ?

Первая мѣра, во дни в. кн. Василія Ивановича и митрополита Варлаама, состояла въ томъ, что поручили пересмотрѣть и исправить церковныя книги Максиму греку. Къ сожалѣнію, Максимъ, знатокъ греческаго и латинскаго языковъ, мало еще зналъ тогда по-русски и нуждался въ пособіи русскихъ переводчиковъ, знавшихъ только по-латыни. Неизбѣжны были взаимныя недоразумѣнія, неточности въ переводѣ, даже ошибки, такъ что исправленія Максима показались нѣкоторымъ не исправленіями, а новою порчею церковныхъ книгъ. И Максимъ, вслѣдствіе такъ же другихъ, неблагопріятныхъ для него, обстоятельствъ, вскорѣ подвергся церковной опалѣ; работа его по исправленію книгъ прекратилась и для потомства не сохранилось даже слѣдовъ ея ([105]).

Стоглавый соборъ, въ отвѣтъ на заявленіе государя о не-

([104]) См. Послѣсловіе къ первопеч. Москов. Апостолу — въ Опис. старопеч. книгъ Толстова, стр. 26.

([105]) Подробнѣе о Максимѣ нами сказано въ т. VI, 175 - 192.

исправности церковныхъ книгъ, указалъ другую мѣру къ исправленію ихъ. Онъ постановилъ: а) протоіереямъ и старшимъ священникамъ, вмѣстѣ со всѣми священниками въ каждомъ городѣ, осматривать по всѣмъ церквамъ священныя и церковныя книги, и если гдѣ найдутъ книги неисправныя и съ описками, то исправлять такія книги *соборнѣ съ добрыхъ переводовъ*, т. е. съ хорошихъ списковъ; б) приказывать писцамъ, которые по городамъ книги пишутъ, чтобы они писали съ добрыхъ переводовъ и, по написаніи, непремѣнно исправляли вновь написанные экземпляры, и тогда-то уже продавали; а неисправленныхъ списковъ отнюдь не продавать и никому не покупать; в) если же, не смотря на запрещеніе, неисправленныя книги будутъ кѣмъ либо проданы и куплены, то книги эти отбирать даромъ, и, по исправленіи, отдавать въ церкви, которыя скудны книгами (Стогл. гл. 27 и 28). Но и эта мѣра не могла привести къ добрымъ послѣдствіямъ. Соборъ приказалъ исправлять церковныя книги съ добрыхъ переводовъ, т. е. по хорошимъ спискамъ; но этихъ хорошихъ списковъ не указалъ и не разослалъ, хотябы по одному экземпляру, въ каждый городъ для руководства. Слѣд. самимъ протоіереямъ и священникамъ въ каждомъ городѣ оставалось избирать для себя образцовый списокъ и по немъ повѣрять прочіе списки, и, неизбѣжно, сколько было городовъ, столько же должно было явиться и образцовыхъ списковъ для повѣрки нашихъ богослужебныхъ книгъ. Да и чѣмъ могли руководиться при выборѣ этихъ образцовыхъ списковъ? Всего скорѣе и надежнѣе ихъ относительною древностію. Но извѣстно, что и древніе списки нашихъ церковныхъ книгъ несходны между собою и нечужды ошибокъ. А съ другой

стороны, всѣ ли тогдашніе протоіереи и священники, при общей малограмотности въ нашемъ духовенствѣ, въ состояніи были избрать для себя такой списокъ и по немъ соборнѣ исправлять другіе списки. Не говоримъ уже о жалкихъ писцахъ, которымъ такъ же вмѣняемо было въ обязанность имѣть у себя хорошіе списки и съ нихъ писать и повѣрять новые списки.

Надобно присовокупить, что Стоглавый соборъ, преподавъ общее правило, какъ исправлять богослужебныя книги, попытался и самъ сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя исправленія, какбы для примѣра другимъ, но самъ же первый и нарушилъ данное имъ правило и вообще показалъ свою неспособность къ этому дѣлу. Такъ въ своемъ «указѣ божественныя службы», т. е. литургіи, онъ прежде всего помѣстилъ входные тропари или молитвы; но въ числѣ ихъ находятся и такіе, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ прежнихъ «добрыхъ переводахъ», да и вообще въ прежнихъ спискахъ литургіи, слѣд. помѣстилъ и прибавилъ самовольно (Стогл. гл. 9). Излагая чинъ проскомидіи, повелѣлъ вынимать изъ третьей просфоры часть Предтечи «такову же, якоже Пречистыя» (гл. 9); а въ другомъ мѣстѣ постановилъ, что эта предтечева часть должна быть «мало поменьши» Богородичной (гл. 41, вопр. 11). Пересматривая чинъ самой литургіи, остановился на нѣкоторыхъ ектеніяхъ и замѣтилъ, что «негораздо» говорятъ: «о архіепископѣ нашемъ (имя) и о честномъ его пресвитерствѣ», а надобно говорить: «о архіепископѣ нашемъ честнаго его пресвитерства и, еже о Христѣ, діаконства и всего причта»; такъ же надобно говорить: «день весь совершенъ, святъ, миренъ, безгрѣшенъ испросивши *себѣ* и другъ *другу* и весь животъ нашъ Христу Богу пре-

дадимъ», и еще: «единеніе вѣры и причастіе Св. Духа испросивше *себѣ* и другъ *другу* и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ» (гл. 9). Между тѣмъ какъ по переводу съ подлиннаго текста слѣдуетъ именно произносить: «о архіепископѣ нашемъ, честномъ пресвитерствѣ, о Христѣ діаконствѣ» и проч., равно какъ.... «сами *себя* и другъ *друга* и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ». Отцы собора, очевидно, не знали греческаго текста или не обращались къ нему. Въ символѣ вѣры соборъ обратилъ вниманіе на осмой членъ и постановилъ: «глаголется: и въ Духа Святаго, *истиннаго* и животворящаго, — ино то гораздо; нѣціи же глаголютъ: и въ Духа Святаго, *Господа истиннаго*, — ино то негораздо; едино глаголати: или Господа, или истиннаго» (гл. 9). Справедливо соборъ осудилъ чтеніе: *Господа истиннаго*, доселѣ содержимое нашими раскольниками: потому что чрезъ это чтеніе прибавляется лишнее слово къ символу вѣры, и этого чтенія не встрѣчаемъ въ нашихъ рукописяхъ до XVI вѣка ([106]). Но не совсѣмъ справедливо призналъ безразличнымъ, читать ли: *Господа*, или читать: *истиннаго*. Еслибы соборъ обратился къ древнимъ добрымъ переводамъ, то увидѣлъ бы, что въ спискахъ символа XI — XIV в. читалось: «и въ Духа Святаго, *Господа* животворящаго», или: «и въ святый Духъ *господень* и въ животворящій», и что это чтеніе сохра-

([106]) Въ подлинномъ, т. е. греческомъ текстѣ членъ символа о Св. Духѣ читается: *καὶ εἰς τὸ πνεῦμα, τὸ ἅγιον, τὸ κύριον, τὸ ζωοποιόν*. Слѣд. въ славянскомъ переводѣ надобно говорить только: или—*Господа* или - *истиннаго*, и въ чтеніи: *Господа истиннаго*—допускается въ символѣ лишнее слово. Такое чтеніе не встрѣчается прежде XVI в.—Опис. рук. М. Синод. библ. III, I, предисл. XVIII. XIX, 440. 445.

нялось и въ нѣкоторыхъ спискахъ XV и даже XVI в. ([107]), а чтеніе: «и въ Духа Святаго, *истиннаго*», сколько доселѣ извѣстно, началось лишь съ конца XIV или начала XV в. и, постепенно распространяясь, сдѣлалось господствующимъ только въ XVI столѣтіи ([108]). А потому, конечно, отдалъ бы предпочтеніе первому чтенію предъ послѣднимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что недостаточность мѣры, указанной Стоглавымъ соборомъ, для исправленія богослужебныхъ книгъ, сознавали уже и въ то время. Вслѣдствіе этого, лишь только

([107]) Въ Спискѣ символа XI в., времени вел. кн. Ярослава, по свидѣтельству Зиновія, читавшаго этотъ списокъ, было сказано: „и въ Духа Святаго *Господа*“, а не было написано: „и въ Духа Святаго *истиннаго*“ (Истин. Показ. 955). Въ спискѣ Кормчей Румянц. Муз. XIII в., № 230, по древнѣйшему переводу болгарскому: „и въ Святый Духъ Господень и въ животворящій“ (напечатанъ сполна *Розенкампфомъ* въ концѣ его соч. о Кормчей книгѣ, изд. 2). Въ спискѣ церк. Обихода Новг. Соф. библ. XIII—XIV вѣка: „и въ Духа святаго, Господа, животворящаго“ (напеч. въ Хр. Чтен. 1853, II, 219). Точно такъ же въ спискахъ XV в.—М. Синод. библ. №№ 374. 407 (Опис. III, I, 172. 424), Новг. Соф. библ., нынѣ с. п. б. дух. акад., № 1173, л. 311, и въ спискахъ XVI в. М. Синод. библ. №№ 185. 318 (Опис. II, 2, 506; II, 3, 599), и Кириллов. библ., нынѣ с. п. б. дух. акад., № 1078, гл. 58; № 1079, л. 296. Особеннаго замѣчанія достойно, что въ обоихъ извѣстныхъ Кормчихъ XIII в., Кирилловской или Рязанской (Рукоп. Толстова, отд. I, № 311) и Софійской (М. Синод. библ. № 132), послужившихъ прототипами для всѣхъ, употреблявшихся у насъ, Кормчихъ XIV, XV, XVI в., равно какъ и во всѣхъ этихъ Кормчихъ, въ главѣ „о Фрязѣхъ и о прочихъ латинахъ“ — первое обличеніе противъ латинянъ изложено такъ: „святому образу вѣры, отъ евангельскихъ рѣчій сложену сущу и явѣ тако глаголющю о Святомъ Дусѣ: и въ Духа Святаго, *Господа* и животворящаго, исходящаго отъ Отца,—ти же приложиша: и отъ Сына—злѣ и блазненѣ“. Такъ и въ Кормчей Кирилло-бѣлоз. монастыря, нынѣ с. п. б. дух. академіи, писанной при патріархѣ Іовѣ въ 1590 г. (№ 1078, гл. 85); такъ же и въ печатной Кормчей 1653 г.

([108]) Конц. XIV или нач. XV в.—Моск. Синод. библ. № 371 (Опис. III, I, 143); а равно и въ Слѣдован. Псалтыри, писанной рукою митрополита Кипріана († 1406), читаемъ въ символѣ вѣры: „и въ Духа Святаго *истиннаго*, животворящаго, отъ Отца исходящаго“..... (Рукоп. Моск. дух. акад. № 142, л. 170 об.). Конца XV в. —№ 406 Моск. Синод. библ.; XV—XVI в.—№ 408; XVI в.—№ 409 (Опис. тамъ же 416. 427. 434) и др.

царю Ивану Васильевичу было донесено, что почти всѣ, купленныя на торжищахъ, по его приказанію, книги для церквей оказались «растлѣнными» отъ переписчиковъ, царь началъ помышлять, какъ бы завести на Руси, вмѣсто рукописныхъ, печатныя книги, по примѣру грековъ и другихъ народовъ. Онъ открылъ свою мысль митрополиту Макарію. Святитель весьма обрадовался и, воздавъ благодареніе Богу, сказалъ царю, что самъ Богъ внушилъ ему эту мысль и она есть даръ, низпосланный свыше. Вслѣдъ затѣмъ, по повелѣнію царя и благословенію митрополита, и открылась въ Москвѣ первая типографія ([109]). Новая мѣра, безспорно, была несравненно лучше прежнихъ. Чрезъ печатаніе можно было достигнуть разомъ двухъ цѣлей: вопервыхъ, уничтожить разнообразіе богослужебныхъ книгъ и ввести во всѣ церкви книги одинаковыя, а вовторыхъ — предотвратить дальнѣйшую порчу книгъ, дальнѣйшія ошибки со стороны писцовъ. Но уничтожить прежнія ошибки, уже существовавшія въ книгахъ, печатаніе не могло само собою. Для этого требовались люди, которые съумѣли бы, еще до печатанія, сличить славянскія книги съ греческими и исправить, со всею точностію, испорченный переводъ по тексту подлинному. А такихъ-то людей у насъ тогда и не было. И вотъ всѣ три книги, какія только успѣли у насъ выдти изъ типографіи въ настоящій періодъ, Апостолъ, Часословъ и Псалтырь, были напечатаны, безъ всякаго сличенія съ грече-

([109]) См. Послѣсл. къ моск. Апостолу 1564 г. — въ Опис. старопеч. книгъ гр. Толстова 27. Объ учрежденіи этой типографіи нами сказано прежде, т. VII, стр. 121—123.

скимъ текстомъ, прямо со списковъ славянскихъ, которые, быть можетъ, показались печатавшимъ сравнительно лучшими, но не были свободными отъ погрѣшностей и ошибокъ,—въ чемъ, при чтеніи этихъ книгъ и сличеніи съ подлинникомъ, легко убѣдиться. Въ такомъ же видѣ перешло дѣло печатанія богослужебныхъ книгъ и въ послѣдующій періодъ.

Много было погрѣшностей и разностей въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ; но допускались еще у насъ погрѣшности при самомъ совершеніи богослуженія и въ томъ, что относится къ богослуженію, существовали разности въ самихъ священнодѣйствіяхъ и обрядахъ, зависѣвшія не отъ книгъ, а отъ людей. Невеселую картину этого рода погрѣшностей и неисправностей представилъ царь отцамъ Стоглаваго собора. «Нынѣ видимъ и слышимъ, говорилъ царь, что многіе *церковные чины* совершаются не сполна, не по свящ. правиламъ и не по уставу, и вы бы о всѣхъ тѣхъ церковныхъ чинахъ разсудивъ, указъ учинили» (гл. 5, вопр. 1). И, какбы для примѣра, указалъ, въ частности, на то, а) что надъ просфорами о здравіи или за упокой, за которыя боголюбцы давали деньги просфорницамъ, сами просфорницы «приговаривали» имена поминаемыхъ, а священники уже не проскомисали тѣхъ просфоръ на жертвенникѣ о здравіи или за упокой православныхъ, и жертва къ Богу отъ нихъ не приносилась, но только брали тѣ просфоры отъ просфорницъ и относили къ себѣ (гл. 5, вопр. 11); б) что въ московскихъ церквахъ совсѣмъ не пѣли литій и псалмовъ: *Хвалите имя Господне*....; *исповѣдайтеся Господеви*....; *на рѣкахъ вавилонскихъ*...., когда то положено по уставу (гл. 41, вопр. 9. 10); в) что освященіе воды

совершали нѣкоторые, по невѣдѣнію или неразумію, не однимъ крестомъ, чрезъ троекратное его погруженіе, а совокупляли для того многіе кресты и иконы съ мощами и погружали (гл. 41, вопр 6). Обращая вниманіе на самихъ *священнослужителей и причетниковъ*, царь свидѣтельствовалъ: «попы по своимъ церквамъ и церковные причетники поютъ безчинно, вдвое и втрое (гл. 5, вопр. 22); совершаютъ утреню и вечерню въ церкви у престола безъ ризъ, въ одной епитрахили и такъ въ царскія врата входятъ; безъ ризъ, въ одной епитрахили, крестятъ дѣтей, отпѣваютъ младенцевъ, вѣнчаютъ свадьбы, поютъ молебны и панихиды» (гл. 5, 23), и проч.

Въ отвѣтъ на замѣчанія царя относительно *чиновъ церковныхъ*, соборъ—1) постановилъ общее правило: «отнынѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и по всѣмъ городамъ, и по всей землѣ русской, во всѣхъ церквахъ совершать литургію и всѣ прочія церковныя службы сполна, по уставу и по свящ. правиламъ, ничего не претворяя» (гл. 6); 2) въ частности, запретилъ всѣ уклоненія отъ устава, указанныя царемъ, и подтвердилъ, чтобы впредь надъ просфорами ничего не приговаривали просфорницы, но только отсылали просфоры въ алтарь, а священники вынимали изъ тѣхъ просфоръ частицы о здравіи и за упокой (гл. 8); чтобы въ московскихъ церквахъ «неотложно» пѣли тѣ пѣсни, литіи и псалмы, которые дотолѣ не пѣлись, вопреки уставу (гл. 41, отв. 9. 10), и чтобы освященіе воды совершаемо было однимъ крестомъ, чрезъ троекратное его погруженіе, а прочіе кресты и иконы съ мощами тутъ же держались на рукахъ священнослужителей (гл. 41, отв. 6); 3) изложилъ или только подтвердилъ нѣкоторыя правила, касавшіяся и другихъ чиновъ и священно-

дѣйствій церковныхъ, которыя такъ же, вѣрно, нарушались, — напримѣръ, правила — а) о звонѣ къ литургіи: въ субботу звонить въ началѣ четвертаго часа (разумѣется, отъ восхода солнечнаго), въ день воскресный и въ великіе праздники въ началѣ третьяго, въ средніе и малые праздники и во всѣ прочіе дни въ началѣ пятаго (гл. 7); б) о чтеніяхъ для поученія народа на заутрени: читать евангеліе толковое, Златоуста, житія святыхъ, Прологъ и прочія святыя и душеполезныя книги (гл. 6); в) о крещеніи: крестить дѣтей чрезъ троекратное погруженіе, а не чрезъ обливаніе, при чемъ долженъ быть только одинъ кумъ, либо мужескаго, либо женскаго пола (гл. 17); г) о бракѣ: совершать бракосочетаніе послѣ литургіи, а не ночью; жениху должно быть не менѣе 15 лѣтъ, невѣстѣ—не менѣе 12-ти (гл. 18); д) о царскихъ дверяхъ и завѣсѣ: когда отверзать или открывать ихъ и проч. (гл. 10. 11).

Противъ безчинія, неисправностей и нерадѣнія, какія допускали, по свидѣтельству царя, относительно священнослуженій сами *священно-и-церковно-служители*, соборъ опредѣлилъ: а) чтобы чтеніе и пѣніе въ церквахъ совершалось неспѣшно и со всякимъ вниманіемъ, чтобы вдругъ двое не читали псалмовъ, не канонархали, и чтобы церковныя пѣсни въ пѣніи не смѣшивались (гл. 16); б) протоіереямъ и старшимъ священникамъ строго наблюдать за поведеніемъ приходскаго духовенства и самимъ приходскимъ священникамъ и діаконамъ строго заповѣдать, чтобы они всякій день ходили въ церковь, стояли въ ней со страхомъ Божіимъ и благоговѣніемъ, совершали всѣ службы чинно и по уставу; виновныхъ же и неисправныхъ подвергать запре-

щенію, а потомъ и низверженію изъ сана (гл. 29); в) крестить дѣтей, вѣнчать свадьбы, святить воду въ навечеріи Богоявленія, въ день самаго Богоявленія на іордани и въ 1-й день августа, священники должны въ полномъ облаченіи; а вечерни, панихиды, повечерія и полунощницы, утрени и молебны должны пѣть въ епитрахили и фелони (гл. 14).

Немало такъ же извѣстно и разностей, которыя допускаемы были у насъ при отправленіи богослуженій и зависѣли отъ произвола людей или отъ мѣстныхъ обычаевъ. Въ Новгородѣ, напримѣръ, какъ свидѣтельствовалъ царь на Стоглавомъ соборѣ, по всѣмъ церквамъ городскимъ, посадскимъ и монастырскимъ, по окончаніи проскомидіи и часовъ, священникъ велегласно говорилъ въ царскихъ дверяхъ отпустъ; а въ московскихъ церквахъ нигдѣ этого не говорили, — и соборъ опредѣлилъ: говорить вездѣ по всѣмъ церквамъ (Стогл. гл. 41, вопр. 12). Въ Москвѣ и во всѣхъ московскихъ предѣлахъ по всѣмъ церквамъ, кромѣ монастырей, даже въ воскресные и праздничные дни не пѣли, а только «рѣчью говорили», т. е. читали, на вечерни: «Свѣте тихій»...., и на заутрени великое славословіе, — между тѣмъ въ Новгородѣ, и Псковѣ, и въ Троицко-сергіевой лаврѣ обѣ эти свящ. пѣсни пѣлись во всѣ воскресные и праздничные дни и только въ будни читались (Стогл. гл. 5, вопр. 33. 34). Равнымъ образомъ и на литургіи пѣснь: «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную»— въ Москвѣ и московскихъ предѣлахъ всегда «рѣчью говорили», а въ Новгородѣ, Псковѣ и Сергіевой лаврѣ всегда пѣли (см. тамъ же). Въ Псковѣ на литургіи—«Отче нашъ» и «Вѣрую во единаго Бога» — пѣли, а въ Новгородѣ чи-

тали; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ — «Отче нашъ» — возглашалъ діаконъ ([110]). Въ символѣ вѣры одни пѣли и говорили:.... «воплощшася отъ Духа Свята *и* Марія Дѣвы»...., и далѣе: «*чаю* воскресенія мертвыхъ», а другіе: «отъ Духа Свята *изъ* Марія Дѣвы»... и «*жду* воскресенія мертвыхъ». По всей Россіи на литургіи пѣли: «поемъ *тя*, благословимъ тя, благодаримъ тя, Господи, и молимтися, Боже нашъ», а въ Москвѣ съ нѣкотораго времени вздумали пѣть: «поемъ *ти*, благословимъ тя»..... и проч. Точно такъ же издревле всѣ пѣли у насъ на литургіи: «Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля слава *твоея*»; а какой-то Варлаамъ Лопотухинъ, съ своими клевретами, въ Троицко-сергіевомъ монастырѣ началъ первый пѣть: «исполнь небо и земля славы *Его*», и вслѣдъ за Лопотухинымъ едва не повсюду стали пѣть: «славы *Его*» ([111]). Всѣ эти и другія подобныя, касавшіяся богослуженія, разности ([112]), естественно, обращали на себя вниманіе, особенно людей книжныхъ, считались, болѣе или менѣе, важными, а нѣкоторыя даже весьма важными, и служили предметами состязаній и споровъ, въ которыхъ приходилось принимать участіе и такимъ лицамъ, каковы были Максимъ грекъ и отеченскій инокъ

([110]) *Зинов.* Истины Показ. 968—972; Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, I, 67. Впрочемъ, въ концѣ XV и въ нач. XVI в. символъ вѣры пѣли за литургіей и въ Новгородѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ владыки Геннадія: „сіе исповѣданіе всегда въ церкви да глаголится, и на поставленіе святителемъ, и на крещеніе дѣтемъ, паче же на божественнѣй литургіи *всегда пѣваемъ есть*“ (Нашей Ист. VI, прилож. III, стр. 378).

([111]) *Зинов.* Истины Показ. 938. 944. 952. 961.

([112]) Какова, наприм., разность въ хожденіи вокругъ церкви при освященіи ея, по солнцу ли или противъ солнца,—о чемъ нами сказано прежде (VI, 65).

Зиновій ([113]). Но самыми важными въ ряду этихъ разностей, пріобрѣтшими наибольшую историческую извѣстность, должно признать двѣ: разность въ сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и разность въ пѣніи *аллилуіи*.

IV.

Царь Иванъ Васильевичъ, между прочимъ, заявилъ на Стоглавомъ соборѣ: «Христіане крестятся не по существу и крестное знаменіе не по существу кладутъ на себѣ, а отцы духовные о томъ нерадятъ и не поучаютъ» (Стогл. гл. 5, вопр. 6). Въ отвѣтъ на это заявленіе царя, соборъ постановилъ: «протоіереи, священники и діаконы воображали бы на себѣ крестное знаменіе крестообразно и по чину, а протоіереи и священники и благословляли бы православныхъ крестообразно-же; такъ же и учили бы своихъ духовныхъ дѣтей и всѣхъ православныхъ христіанъ, чтобы они ограждали себя крестнымъ знаменіемъ по чину и знаменовались крестообразно, чтобы *уставливали правую руку для крестнаго знаменія, совокупивъ большой палецъ да два нижнихъ перста во едино, а верхній перстъ съ среднимъ совокупивъ, простерши*

([113]) Максимъ училъ, что надобно въ символѣ вѣры говорить: „воплощшася отъ Духа Свята *и* Марія Дѣвы“, а не *изъ* Марія Дѣвы, и далѣе: „*жду* воскресенія мертвымъ“, а не—*чаю* (*Макс.* Сочин. III, 54—60). Зиновій, соглашаясь съ Максимомъ въ первомъ, не соглашался въ послѣднемъ и доказывалъ, что слѣдуетъ говорить: „*чаю* воскресенія“..., а не—*жду* (*Зинов.* Ист. Показ. 952. 964). Тотъ же Зиновій считалъ дѣломъ слишкомъ важнымъ, читать ли или пѣть за литургіей молитву Господню и символъ вѣры, и выразился: „согрѣшаютъ много *поющіи* „Отче нашъ“ и „Вѣрую во единаго Бога“, поколебающе святыхъ уставъ, и недалече отъ еретикъ, и суть подъ клятвою“ (тамъ же 968—972).

и мало нагнувъ. Такъ святителямъ и іереямъ благословлять и возлагать на себѣ рукою крестное знаменіе двумя перстами: сначала возлагать на чело, потомъ на перси, т. е. сердце, затѣмъ на правое плечо, наконецъ на лѣвое плечо.... Такъ же подобаетъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ уставлять руку и воображать на лицѣ своемъ крестное знаменіе двумя перстами. *Если же кто двумя перстами не благословляетъ*, какъ и Христосъ, *или не воображаетъ крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ*, — изрекли св. отцы.... Три персты совокупити низу, а два верхніи купно: тѣми благословити и креститися въ божество и въ человѣчество». Затѣмъ соборъ привелъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, сказаніе о св. Мелетіѣ антіохійскомъ, будтобы благословившемъ людей на соборѣ такимъ именно сочетаніемъ перстовъ, и ученіе Ѳеодорита о сложеніи для благословенія и крестнаго знаменія трехъ перстовъ во образъ Пресв. Троицы и двухъ перстовъ во образъ двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ (гл. 31), и осудилъ неразумныхъ, которые, «махающе рукою по лицу своему», творятъ крестное знаменіе, а не полагаютъ руки сперва на челѣ своемъ, потомъ на персяхъ, далѣе на правомъ плечѣ, наконецъ на лѣвомъ (гл. 32). Это правило Стоглаваго собора, излагающее ученіе о благословеніи и крестномъ знаменіи то самое, какого донынѣ держится русскій расколъ, а не то, какое содержитъ православная церковь, издавна служило предметомъ самыхъ жаркихъ преканій между обличителями раскола и его защитниками. И мы, не входя въ подробности всѣхъ этихъ преканій, считаемъ, однакожъ, себя обязанными разсмотрѣть здѣсь спорное правило собственно съ исторической точки зрѣнія.

Дѣйствительно ли 31-я глава Стоглава, содержащая въ себѣ ученіе о благословеніи и крестномъ знаменіи, принадлежитъ Стоглавому собору? Было время, когда сомнѣвались въ подлинности самой книги — Стоглавъ и думали видѣть въ ней не соборное уложеніе, а только черновыя записки Стоглаваго собора, кѣмъ-то измѣненныя впослѣдствіи и дополненныя ([114]). Но нынѣ, когда сдѣлались извѣстными двѣ наказныя граматы митрополита Макарія, писанныя имъ отъ лица Стоглаваго собора, одна къ бѣлому, а другая къ монашествующему духовенству Россіи, и заключающія въ себѣ цѣликомъ или только въ сокращеніи многія главы изъ Стоглава, какъ соборнаго уложенія, сомнѣваться въ подлинности этой книги было бы уже неразумно ([115]). А если такъ: то надобно признать подлинною и 31-ю главу Стоглава не только потому, что она находится во всѣхъ спискахъ его, даже самихъ древнихъ, но и потому, что она изложена такъ же въ обѣихъ наказныхъ граматахъ Макарія, писанныхъ отъ лица собора ([116]). Напрасно говорили, будто отцы Стоглаваго собора, отвѣчая прямо на предложеніе царя о крестномъ знаменіи, могли постановить или подтвердить христіанамъ только правило о благочинномъ огражденіи себя крестнымъ знаменіемъ, и будто статья о двуперстіи и вообще о сложеніи перстовъ вовсе не соотвѣтствуетъ запросу царя,

---

([114]) *Филарет.* Ист. русск. Ц. III, 193, изд. 2. Этого мнѣнія держались и мы и старались его доказывать подробно въ нашей Истор. русск. раскола, 49—60, изд. 2.

([115]) См. нашей Истор. VI, 220—227 и дал.

([116]) Она была помѣщена въ граматѣ въ монастыри (см. Стоглав. стр. 260, изд. Казан.) и кратко изложена въ граматѣ къ бѣлому духовенству (Прав. Собесѣдн. 1863, I, 205).

и слѣд. внесена въ 31-ю главу Стоглава не отцами собора, а кѣмъ либо другимъ ([117]). Напротивъ, статья эта вполнѣ соотвѣтствуетъ вопросу царя. «Христіане, сказалъ царь, рукою крестятся не по существу, и крестное знаменіе не по существу кладутъ на себѣ». Тутъ, очевидно, два частныхъ указанія и собору слѣдовало дать на нихъ два отвѣта: первый, какъ рукою креститься по существу, т. е. какъ устанавливать руку для крестнаго знаменія, какъ слагать ея персты, и второй—какъ крестное знаменіе по существу класть на себѣ. Къ существу крестнаго знаменія соборъ, по всей справедливости, могъ относить не только правильное начертаніе крестнаго знаменія, но и правильное сложеніе перстовъ руки для крестнаго знаменія. Напрасно такъ же старались доказывать, будто митр. Макарій не могъ подписать Стоглава и въ немъ главы о двуперстіи, будто самъ этотъ митрополитъ держался троеперстія, потому что помѣстилъ въ своихъ Чети-минеяхъ извѣстное слово Ѳеодоритово въ томъ видѣ, въ какомъ оно, по видимому, благопріятствуетъ троеперстію, и преніе Панагіота съ азимитомъ, укоряющее латинянъ за употребленіе ими при крестномъ знаменіи двухъ перстовъ, а не трехъ ([118]). Къ сожалѣнію, необходимо согласиться, что Макарій подписалъ Стоглавъ съ статьею о двуперстіи, если только Стоглавъ былъ подписанъ присутствовавшими на соборѣ отцами, и самъ держался двуперстія: потому что,—повторяемъ,—разослалъ послѣ собора двѣ наказныя граматы, составленныя по Стоглаву и заключающія въ себѣ и ученіе о

([117]) *Пр. Филар.* Ист. Р. Церкв. III, 189. 191.

([118]) *О. Виноград.* О Ѳеодоритовомъ словѣ, 97—102, Москв. 1866.

двуперстіи. Если же Макарій помѣстилъ въ своихъ Чети-минеяхъ Ѳеодоритово слово въ такомъ изложеніи, которое, по видимому, благопріятствуетъ троеперстію: то—а) въ такомъ же почти самомъ изложеніи слово это помѣщено и въ 31-й главѣ Стоглава отцами собора, а извѣстно, какъ оно ими тамъ истолковано; б) и при такомъ изложеніи слово это предписываетъ одно и тоже перстосложеніе какъ для крестнаго знаменія, такъ и для благословенія, — что̀ противно православному обычаю. Если Макарій помѣстилъ такъ же въ двухъ книгахъ своихъ Чети-миней, декабрьской и іюньской, писанныхъ до Стоглаваго собора, статью о преніи Панагіота съ азимитомъ, въ которой первый укоряетъ послѣдняго: «почто не слагаеши *три* персты..., но твориши крестъ съ *обоими* персты»....; то въ августовской книжкѣ тѣхъ же Чети-миней Макарія, писанной послѣ Стоглаваго собора, это мѣсто статьи читается уже такъ: «и чему, не якоже мы крестимся, проображаще истиннаго креста *двѣма* персты..., — вы же, окаяннїи еретицы, не якоже повелѣша св. отцы..., крестъ воображаете внѣ себѣ»... (119). Самый

(119) Это преніе Панагіота съ азимитомъ недавно издано вполнѣ въ трехъ редакціяхъ: 1) по двумъ сербскимъ спискамъ XIV в., гдѣ занимающее насъ мѣсто читается: „почто три свои прьсты десные рукы твоеи не полагаеши, ни гибленіи чело свое, ни на прьси, ни на десныи си босакь, то ни на лѣвы..., но твориши кресть твои, та зрить вьнь“; 2) по русскимъ спискамъ XVI в. и, въ томъ числѣ, по списку іюньской книжки Макарьевской Чети-минеи, гдѣ находимъ: „почто не слагаеши три персты и не крестишися десною рукою и полагаеши на челѣ твоемъ..., но твориши крестъ со обоими персты, и воображеніе креста твоего зритъ вонъ“; 3) по списку Макарьевской Чети-минеи за августъ, гдѣ читаемъ: „чему, не якоже мы крестимся, прообразующе истиннаго креста двема персты на глави и на сердци..., вы же, окаяннїи еретицы, не якоже повелѣша святіи отцы..., крестъ воображаете внѣ себѣ“... (*А. Попов.* Историко-литер. обзоръ древне-русск. полемич. сочиненій, XI - XV в. М. 1875, стр. 238—286).

вѣрный взглядъ на Стоглавый соборъ имѣли отцы большаго московскаго собора, бывшаго въ 1667 году. Они не отвергали и не заподозривали ни подлинности Стоглава, ни участія въ немъ митрополита Макарія, а прямо выразили мысль, что соборъ и Макарій въ ученіи о двуперстіи и нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, изложенныхъ въ книгѣ Стоглавъ, погрѣшили, и погрѣшили «простотою и невѣжествомъ» ([120]). Ненадобно забывать, что Стоглавый соборъ былъ только соборъ частный или помѣстный; а частные соборы, какъ и частныя церкви, не изъяты отъ возможности погрѣшать; тѣмъ болѣе не изъяты отъ нея частныя лица и іерархи, даже самые просвѣщенные. И какъ погрѣшности, допущенныя Стоглавымъ соборомъ и его предсѣдателемъ по простотѣ и невѣдѣнію, касаются вовсе не догматовъ вѣры, а лишь обрядовой ея стороны, то онѣ и не могутъ служить для насъ препятствіемъ признавать какъ соборъ, такъ и знаменитаго святителя Макарія, православными.

Но если ученіе о перстосложеніи, содержащееся въ 31-й главѣ Стоглава, несомнѣнно принадлежитъ Стоглавому собору, то какъ же объяснить происхожденіе этого ученія, откуда и когда оно появилось у насъ? Чтобы поставить этотъ вопросъ раздѣльнѣе и отвѣчать на него съ возможною отчетливостію, считаемъ необходимымъ предварительно сдѣлать два слѣдующія замѣчанія.

Первое замѣчаніе: главная, коренная особенность ученія, изложеннаго въ 31-й главѣ Стоглава, состоитъ въ томъ, что оно заповѣдуетъ только одно перстосложеніе и для крестнаго

([120]) Дополн. къ А. И. V, стр. 487.

знаменія и для благословенія, между тѣмъ какъ православная церковь строго различаетъ, и по внутреннему смыслу, и по внѣшнему виду, два перстосложенія: перстосложеніе, которое употребляютъ всѣ вѣрующіе для крестнаго знаменія, и перстосложеніе, которое употребляютъ пастыри церкви для благословенія вѣрующихъ. Всѣ православно-вѣрующіе осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ во имя Пресв. Троицы и для этого слагаютъ вмѣстѣ и равно три первые перста правой руки, пригнувъ два послѣдніе: перстосложеніе это называется *троеперстнымъ*. Пастыри же православной церкви преподаютъ вѣрующимъ благословеніе во имя Господа Іисуса Христа, и для этого слагаютъ персты правой руки такъ, чтобы они изображали собою первыя и послѣднія буквы благословеннаго имени: ІС. ХС., т. е. *Іисус Христос*, въ частности — совокупляютъ персты второй и третій, иначе — указательный и средній, такъ, чтобы второй, простертый, представлялъ собою букву — *І*, а третій, простертый и нѣсколько наклоненный, букву — *С*, первый же или большой палецъ совокупляютъ съ двумя послѣдними такъ, чтобы онъ, пересѣкая четвертый палецъ, представлялъ вмѣстѣ съ нимъ букву — *Х*, а пятый перстъ или мизинецъ, простертый и нѣсколько наклоненный, представлялъ при нихъ букву — *С*: это перстосложеніе называется *именословнымъ*. Если сравнимъ съ двумя этими православными перстосложеніями такъ называемое *двуперстное* перстосложеніе, которое утверждено Стоглавымъ соборомъ и доселѣ содержится нашими раскольниками: то увидимъ, вопервыхъ, что по внѣшнему виду оно, различаясь вполнѣ отъ троеперстнаго, имѣетъ большое сходство съ именословнымъ: ибо учитъ слагать два перста, указательный и средній,

совершенно такъ, какъ они слагаются въ именословномъ, а три остальные перста—совокуплять довольно близко къ тому, какъ они совокупляются въ именословномъ,—и это сходство, очевидно, простирается до того, что именословное перстосложеніе не безъ основанія можно назвать двуперстнымъ, двуперстное же признавать за именословное, только не совсѣмъ точное или испорченное. А вовторыхъ, увидимъ, что, по внутреннему смыслу, двуперстное перстосложеніе старается совмѣстить въ себѣ оба православныя перстосложенія: ибо учитъ слагать и три перста во имя Пресв. Троицы, согласно съ троеперстнымъ, и два перста во имя Іисуса Христа или двухъ естествъ въ Немъ, согласно съ именословнымъ. Но не это собственно важно для насъ въ настоящемъ случаѣ; важно то, что, какъ мы уже сказали, Стоглавый соборъ и для крестнаго знаменія и для благословенія заповѣдуетъ одно перстосложеніе, а церковь православная — два различныхъ, и слѣд. вопросъ о времени происхожденія этого перстосложенія, заповѣдуемаго Стоглавомъ, можетъ быть, прежде всего, выраженъ такъ: одно ли или два различныхъ перстосложенія употреблялись въ православной церкви для крестнаго знаменія и благословенія во времена предшествовавшія Стоглавому собору?

Второе замѣчаніе. Перстосложеніе, заповѣдуемое 31-ю главою Стоглава, несправедливо или, по крайней мѣрѣ, не точно называется двуперстнымъ: оно есть вмѣстѣ и троеперстное. Стоглавъ учитъ слагать для крестнаго знаменія и благословенія не только два перста, но и три, и даже о сложеніи трехъ перстовъ во имя Пресв. Троицы говоритъ прежде, а уже потомъ о сложеніи двухъ перстовъ для озна-

ченія двухъ естествъ во Христѣ. Правда, самое крестное знаменіе должно быть начертываемо, по Стоглаву, двумя перстами правой руки, но при этомъ непремѣнно должны быть совокуплены во едино и три остальные перста правой руки, такъ что, еслибы кто сталъ креститься или благословлять только двумя перстами своей десницы, а трехъ остальныхъ перстовъ ея не совокуплялъ во едино или слагалъ какъ-нибудь иначе, или совсѣмъ не слагалъ, такое благословеніе и такое крестное знаменіе были бы, по Стоглаву, неправославными, недозволительными. Слѣдовательно вопросъ нашъ не въ томъ, съ какого времени начали въ церкви креститься или благословлять двумя перстами, а въ томъ, съ какого времени начали для крестнаго знаменія употреблять двуперстное и вмѣстѣ троеперстное перстосложеніе, проповѣдуемое Стоглавомъ, съ какого времени это двуперстно-троеперстное перстосложеніе начали употреблять не для одного только крестнаго знаменія, или не для одного благословенія, а равно и для того и для другаго.

Сохранилось непререкаемое свидѣтельство, что въ первой половинѣ XV вѣка у насъ, какъ и въ Греціи, употреблялись два различныхъ перстосложенія, одно для благословенія, а другое для крестнаго знаменія, — свидѣтельство, которое должно имѣть полную силу и для послѣдователей Стоглава. Въ Степенной книгѣ, пересмотрѣнной и дополненной подъ непосредственнымъ руководствомъ самаго митрополита Макарія, и даже по списку ея, писанному еще при его жизни, два раза изложенъ слѣдующій разсказъ: однажды митрополитъ Фотій (1410 — 1431) посѣтилъ Симоновскую обитель и обходя монастырскія службы, зашелъ въ пекарню и здѣсь

увидѣлъ инока Іону, который незадолго предъ тѣмъ отъ многаго труда, воздержанія и непрестанной молитвы уснулъ, и «десную свою руку на главѣ своей держаше согбену, яко благословяше ею. Святитель со удивленіемъ зряше нань и не повелѣ никомуже разбудити его, и, пророчествуя о немъ, глаголаше: разумѣйте, о чада, яко инокъ сей Іона будетъ великъ святитель во странахъ русскія земли» и проч.,— что̀ впослѣдствіи и исполнилось ([121]). Почему это митрополитъ Фотій удивился при видѣ спавшаго Іоны? Почему изрекъ пророчество, что онъ будетъ великимъ святителемъ? Потому единственно, что Іона, простой инокъ, не имѣвшій права благословлять, держалъ десную руку свою «согбену, яко благословляше ею». Да какъ же Фотій могъ бы узнать по согбенію руки Іоны, что онъ «яко благословляше ею», еслибы перстосложеніе святительское и іерейское для благословенія не отличалось тогда отъ перстосложенія всѣхъ вѣрующихъ для крестнаго знаменія, а было одно и тоже? Въ такомъ случаѣ Фотію, при видѣ спавшаго Іоны, всего естественнѣе могло бы придти на мысль, что, вѣрно, инокъ, какъ молился предъ сномъ, такъ и заснулъ, усталый, съ тѣмъ же молитвеннымъ перстосложеніемъ, и не было бы повода ни удивляться, ни предсказывать о будущемъ святительствѣ Іоны. Необходимо согласиться, что во дни митрополита Фотія († 1431), который, какъ извѣстно, пришелъ къ намъ изъ Греціи и хорошо зналъ обычаи православной церкви, въ ней дѣйствительно употреблялись два различныхъ перстосложенія, одно для благословенія, другое для крестнаго зна-

([121]) Степ. кн. II, 37. 70.

менія. А вслѣдъ затѣмъ необходимо допустить, что одно и тоже перстосложеніе для крестнаго знаменія и благословенія, проповѣдуемое Стоглавомъ, могло получить свое начало отнюдь не прежде, какъ во второй половинѣ XV в., слѣд. уже въ обозрѣваемый нами періодъ нашей церковной жизни. Впрочемъ, это только общее и далеко недостаточное рѣшеніе вопроса. Обратимся къ подробностямъ.

Какое перстосложеніе употреблялось въ церкви православной собственно для крестнаго знаменія до временъ Стоглаваго собора?

Въ первые вѣка христіанства не видимъ между христіанами одного опредѣленнаго перстосложенія для крестнаго знаменія. Св. Іоаннъ Златоустъ (IV в.) училъ креститься *перстомъ* ([122]), и объ этомъ обычаѣ креститься однимъ перстомъ упоминаютъ св. Епифаній, современникъ Златоуста, и потомъ — блаж. Іеронимъ, блаж. Ѳеодоритъ кирскій, Созоменъ (V в.), св. Григорій Двоесловъ и Іоаннъ Мосхъ (VII в.), повѣствуя о разныхъ православныхъ христіанахъ, подвижникахъ и святыхъ, творившихъ крестъ такимъ образомъ ([123]). А св. Кириллъ іерусалимскій, такъ же отецъ

([122]) „Когда знаменуешься крестомъ, то представляй всю знаменательность креста.... Не просто *перстомъ* (*δακτύλῳ*) должно изображать его, но должны сему предшествовать сердечное расположеніе и полная вѣра". *Златоуст.* Бесѣд. на Ев. Матѳея, LIV, ч. II, стр. 426–427, Москв. 1839.

([123]) *Св. Епифаній* объ одномъ православномъ комитѣ, по имени Іосифѣ, котораго зналъ лично: „этотъ мужъ велегласно, собственнымъ своимъ перстомъ положивъ на сосудѣ печать креста и призвавъ имя Іисусово, сказалъ такъ: именемъ Іисуса Назорянина да будетъ въ водѣ сей сила къ уничтоженію всякаго чародѣйства!" (Haeres. 30, § 12, Твор. св. Епифанія, ч. I, 234, въ Твор. св. отц. т. 42, Москв. 1863). *Блаж. Іеронимъ* о преп. матери Павлѣ: „держа перстъ надъ устами, она изобразила на нихъ крестное знаменіе" (Epitaph. Paulae matris, in Opp. t.1. p. 110, Francof. et Lipsiae). *Блаж. Ѳеодоритъ* Кирскій о преп. Маркіанѣ, происходившемъ изъ того же города Кира: „святый перстомъ вообразилъ крестное знаменіе, а устами дунулъ на него (змія), и какъ

четвертаго вѣка, училъ совершать крестное знаменіе *перстами*, всего вѣроятнѣе, тремя: такъ какъ оно совершалось тогда, по ясному современному свидѣтельству св. Ефрема Сирина, во имя Пресв. Троицы ([124]). Другихъ свѣдѣній относительно перстовъ для крестнаго знаменія не встрѣчается у писателей первыхъ осьми вѣковъ хр. церкви, потому, безъ сомнѣнія, что тогда этимъ вопросомъ намѣренно не занимались. Изъ тѣхъ же немногихъ свидѣтельствъ, высказанныхъ мимоходомъ и какбы случайно, на которыя мы указали, можемъ вывести слѣдующія заключенія: а) хотя обычай знаменаться образомъ креста, по словамъ св. Василія великаго, отца IV вѣка, христіане пріяли несомнѣнно отъ преданія апостольскаго; но апостолы, вѣрно, не заповѣдали христіа-

---

трость отъ огня, змій тотчасъ изчезъ" (*Θεοδορит.* Филоѳеи или истор. Боголюбцевъ, стат. о Маркіанѣ, а такъ же въ Пролог. подъ 2-мъ числ. ноября); равно о преп. Юліанѣ: „призвавъ Господа и перстомъ показуя побѣдный знакъ, онъ прогналъ весь страхъ" (Истор. Боголюбц., стат. о Юліанѣ). *Созоменъ* о св. епископѣ Донатѣ: „когда великій драконъ хотѣлъ напасть на св. Доната, то онъ перстомъ изобразилъ предъ нимъ въ воздухѣ знаменіе креста и плюнулъ; слюна попала звѣрю въ ротъ, и онъ издохъ" (*Созомен.* Церк. Истор. кн. VII, гл. 26). *Григорій Двоеслов* о монахѣ Мартиріѣ: „онъ сдѣлалъ знакъ креста перстомъ"..., и о пресвитерѣ Аманціѣ: „человѣкъ Божій изобразилъ крестъ перстомъ своимъ" (Dialog. lib. I, c. 11; lib. III, c. 35, in Opp. t. II, ed. Paris.). *Іоаннъ Мосхъ* о св. Іуліанѣ, епископѣ Ботрскомъ: „онъ трижды перстомъ своимъ перекрестилъ чашу (съ ядомъ) и, сказавъ: во имя Отца и Сына и Св. Духа пью чашу сію, — выпилъ ее предъ всѣми всю и остался невредимъ" (Лугъ духовн. гл. 94).

([124]) *Св. Кириллъ іерусалимскій*: „да не стыдимся исповѣдывать Распятаго; съ дерзновеніемъ да изображаемъ перстами (*δακτύλοις*) знаменіе креста на челѣ и на всемъ" (Огласит. Поуч. 13, § 18 или 36). *Св. Ефремъ Сиринъ*: „не рукою только полагай на себѣ крестное знаменіе, но и въ мысляхъ запечатлѣвай онымъ всякое свое занятіе: и входъ свой, и исхожденіе свое во всякое время, и сѣдѣніе свое, и востаніе, и одръ свой, и какое ни проходишь служеніе, прежде всего запечатлѣй во имя Отца и Сына и Св. Духа" (О вооруженіи монаху, въ Твор. Св. Отц. т. XV, а Твор. св. Ефрема ч. IV, стр. 371 — 372, Москв. 1850).

намъ одного опредѣленнаго перстосложенія для крестнаго знаменія: иначе это перстосложеніе сохранялось бы неизмѣнно въ первенствующей церкви и въ IV вѣкѣ не могли бы креститься безразлично, и однимъ перстомъ, и перстами ([125]); б) еслибы ученіе о перстосложеніи, проповѣдуемое Стоглавомъ, существовало въ первые вѣка христіанства съ грозными словами: «аще кто не знаменуется двѣма персты, да будетъ проклятъ», — то этому проклятію подлежалъ бы и св. Іоаннъ Златоустъ, подлежали бы и другіе православные христіане, подвижники и святые, крестившіеся однимъ перстомъ; в) если во дни блаж. Ѳеодорита, святительствовавшаго въ городѣ Кирѣ, существовалъ обычай креститься однимъ перстомъ и если самъ Ѳеодоритъ говоритъ о святыхъ, крестившихся только перстомъ, и, между ними, о преп. Маркіанѣ, происходившемъ изъ того же города Кира, — то уже по одному этому блаж. Ѳеодориту кирскому не можетъ принадлежать извѣстное слово о сложеніи трехъ и двухъ перстовъ, приводимое Стоглавомъ и оканчивающееся словами: «тако достоитъ креститися и благословити, тако святыми отцы указано и узаконено».

Не прежде, какъ къ концу IX или въ началѣ X столѣтія встрѣчаемъ еще свидѣтельство о перстахъ для крестнаго знаменія, относящееся, впрочемъ, не ко всей хр. церкви, а только къ одной странѣ—Сиріи. Илія Гевери, несторіанскій митрополитъ Дамаска (съ 893 г.) и предъ тѣмъ бывшій несторіанскимъ же епископомъ въ Іерусалимѣ, доказывая въ своемъ сочиненіи, что всѣ три существующіе въ Сиріи

([125]) *Св. Василія вел.* Прав. 91 изъ 27-й гл. книги о Св. Духѣ (въ Книгѣ Правилъ...).

отдѣла или общины христіанъ—Яковиты, Несторіане и Мелхиты, въ сущности вѣры будтобы согласны между собою и разнятся только въ образѣ выраженія своей вѣры, между прочимъ говоритъ: «а что въ изображеніи знаменія креста они между собою весьма мало согласуются...., это нимало не вредитъ согласію и единомыслію. Такъ Яковиты (монофизиты) *единымъ перстомъ* знаменуютъ себя крестомъ, переходя отъ лѣвой руки къ правой, чѣмъ исповѣдуютъ свою вѣру во единаго Христа, который, умерши на крестѣ, исхищенныхъ отъ шуія части,- т. е. отъ грѣха, перенесъ къ десной, т. е. къ благодати. Равнымъ образомъ Несторіане и Мелхиты, когда *двумя перстами* начертываютъ образъ креста отъ правой руки къ лѣвой, то исповѣдуютъ свою вѣру, что на крестѣ Божество и человѣчество были соединены вмѣстѣ, что крестъ былъ виною нашего спасенія, и отъ него вѣра отъ десныя части произошла и невѣріе или заблужденіе отъ шуія отгнано» ([126]). Не станемъ сомнѣваться, что подъ Мелхитами Илія разумѣетъ православныхъ христіанъ—сирійцевъ, усвоя имъ совершенно православныя вѣрованія и о лицѣ Спасителя и о Богоматери,—хотя есть основаніе сомнѣваться: такъ какъ современный Иліи православный митрополитъ Кизическій Димитрій, писавшій къ императору Константину Порфирородному (911—919) о тѣхъ же Яковитахъ и Мелхитахъ, называетъ послѣднихъ прямо еретиками ([127]). Согла-

([126]) Сочиненіе Иліи Дамасскаго: De concordia fidei—помѣщено у Asseman. Biblioth. Orientat. t. III, part. 2, гдѣ Ассемани сообщаетъ свѣдѣнія и о самомъ сочинителѣ (см. стр. 325. 385. 513—516).

([127]) Это посланіе Димитрія о Яковитахъ и Мелхитахъ — во второй части Славян. Кормчей, гл. 39.

симся даже, что двуперстіе для крестнаго знаменія не вымирало между православными въ Сиріи еще и въ XII столѣтіи, какъ можно заключать изъ извѣстныхъ словъ монаха Петра Дамаскина (т. е. изъ Дамаска), писавшаго около 1157 года, столько излюбленныхъ нашими раскольниками: «начертаніемъ честнаго и животворящаго креста отгоними суть бѣси и различніи недузи...., яко *два перста* убо и *едина рука* являютъ распятаго Господа нашего І. Христа, во двою естеству и единомъ составѣ познаваема» ([128]). Но утверждаемъ рѣшительно, что это двуперстіе сирійскихъ христіанъ совсѣмъ не то перстосложеніе, какое заповѣдуетъ Стоглавъ, и раскольники наши напрасно ссылаются на Петра Дамаскина: а) Сирійцы крестились двумя перстами, но не слагали при этомъ и трехъ перстовъ, и Петръ Дамаскинъ говоритъ только о двухъ перстахъ и единой рукѣ въ знаменіе двухъ естествъ во единомъ лицѣ нашего Спасителя, вовсе не упоминая о сложеніи трехъ перстовъ во имя Пресв. Троицы, а Стоглавъ учитъ слагать для крестнаго знаменія и три перста во имя Пресв. Троицы и вмѣстѣ два перста въ знаменіе двухъ естествъ во Христѣ; б) Сирійцы слагали два перста только для крестнаго знаменія, а Стоглавъ заповѣдуетъ свое троеперстное и вмѣстѣ двуперстное перстосложеніе не только для крестнаго знаменія, но и для благословенія; в) сложеніе только двухъ перстовъ для крестнаго знаменія, безъ сложенія въ тоже время и трехъ перстовъ, предъ судомъ

([128]) Что монахъ Петръ Дамаскинъ писалъ около 1157 г. и жилъ въ XII, а не въ VIII вѣкѣ, какъ ошибочно полагали издатели „Добротолюбія“ (Москв. 1793 г.), это ясно показалъ еще *Преосв. Никифоръ Феотоки* въ своихъ Отвѣт. старообрядц. л. 105, примѣч. 120, изд. 1813 г.

Стоглава, какъ мы уже замѣтили, должно считаться неправославнымъ, недозволительнымъ; г) если допустить, что двуперстіе заимствовалъ Стоглавъ отъ сирійскихъ христіанъ, то отъ кого же заимствовалъ онъ свое троеперстіе?

Остальныя достовѣрныя свидѣтельства о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, употреблявшемся въ православной церкви, въ Греціи и Россіи, съ X до половины XVI столѣтія, всѣ говорятъ о православномъ троеперстіи. Разумѣемъ—а) св. мощи подвижниковъ XI—XII в., нетлѣнно почивающихъ въ кіевскихъ пещерахъ, и именно — преп. Ильи Муромца и Іосифа многоболѣзненнаго, у которыхъ три первые перста правой руки соединены, хотя неравно, но вмѣстѣ, а два послѣдніе, безъименный и мизинецъ, пригнуты къ ладони, и преп: Спиридона, у котораго три первые перста соединены даже совершенно равно, а два послѣдніе пригнуты ([129]); б) извѣстныя уже намъ слова греческаго философа Панагіота, который, во дни греческаго императора Михаила Палеолога, имѣлъ въ Константинополѣ торжественное преніе съ двѣнадцатью латинскими философами, присланными папою Григоріемъ X (1271 — 1276) и, между прочимъ, укорялъ ихъ за то, что они не кладутъ на себѣ истиннаго креста тремя перстами, какъ кладутъ православные, а двумя ([130]); в) наконецъ, свидѣтельство Солунскаго иподіакона

([129]) Нашей Истор. Р. Церкви II, 227.

([130]) Подробнѣе объ этомъ преніи Панагіота см.—*А. Попов.* Историко-литер. Обзоръ древне-русск. полем. сочиненій, XI—XV в., стр. 238 и слѣд. Достойно замѣчанія, что въ одномъ сборникѣ конца XV в., когда именно и начали у насъ проповѣдывать двуперстіе, слова Панагіота къ латинянамъ изложены въ слѣдующемъ видѣ: „и чему, не якоже мы крестимся, прообразующе истиннаго

Дамаскина Студита, бывшаго впослѣдствіи митрополитомъ Навпакты и Арты, который въ одномъ изъ поученій своихъ, изданныхъ имъ самимъ еще въ 1528 г., въ Венеціи, говоритъ слѣдующее: «каждый благочестивый христіанинъ для крестнаго знаменія сперва да совокупляетъ три перста въ означеніе Св. Троицы, великій палецъ и два другіе, которые близъ него, потомъ да полагаетъ ихъ, первое, на челѣ своемъ, второе, на чревѣ своемъ, третье, на правомъ плечѣ и, четвертое, на лѣвомъ». Не излишнимъ считаемъ присовокупить, что эти поученія, послѣ перваго изданія, были издаваемы много разъ (въ послѣдній — въ 1844 г.), и всегда пользовались между православными греками великимъ уваженіемъ ([131]).

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ (о недостовѣрныхъ не говоримъ, каковы свидѣтельства отъ иконъ, писанныхъ красками, будтобы весьма древнихъ, но неразъ поновлявшихся или представляющихъ перстосложенія изображенныхъ на нихъ лицъ крайне неотчетливо и неясно, возбуждающія только нескончаемые споры) ([132]) оказывается,

---

креста *тремя персты* на главѣ и на сердцѣ и на правомъ плечѣ и на лѣвомъ, въ силу его облачимся.... вы же творите крестъ *двумя персты* на земли?“ Но только слово: *тремя*, очевидное по смыслу рѣчи, выскоблено (такъ оно кому-то не понравилось!) и ничѣмъ не замѣнено (Сборн. Рум. Муз. № 358, л. 277). Подобное же чтеніе словъ Панагіота приведено въ Бесѣд. къ глагол. старообр., стр. 202, изд. 3

([131]) *К. Σαθα*, *Νεοελληνικὴ Φιλολογία*, σελ. 152 – 153. *Ἐν Ἀθήναις*, 1868. Вышеприведенное наставленіе Дамаскина въ подлинномъ текстѣ можно читать *у Льва Аллаціи* — De cons. occid. et orient. eccl. III, c. 18, n. 15, p. 1358, а въ славянскомъ переводѣ—въ Опис. рукописей Хлудова, стр. 145.

([132]) Для примѣра можно указать на разборъ этихъ свидѣтельствъ отъ св. иконъ и другихъ свящ. изображеній, напеч. въ Правосл. Собесѣдн. 1869, II, 95—134.

что въ церкви православной, до временъ Стоглаваго собора, никогда не употреблялось, собственно для крестнаго знаменія, то двуперстное и вмѣстѣ троеперстное перстосложеніе, какое подъ клятвою заповѣдалъ этотъ соборъ ([133]).

Какое перстосложеніе употреблялось въ церкви православной собственно для благословенія до временъ Стоглаваго собора? Ограничимся и здѣсь указаніемъ на свидѣтельства только достовѣрныя, неподлежащія сомнѣнію.

([133]) Что касается до римской церкви, о которой мы не упомянули, то, по изслѣдованіямъ одного ученаго іезуита, написавшаго въ 1598 г. особое сочиненіе о св. крестѣ, латиняне совершали, впродолженіе вѣковъ, крестное знаменіе и благословеніе — и однимъ, и двумя, и тремя, и всѣми пятью перстами безразлично (Jacobi Gretseri Opp. T. I, lib. IV, p. 338—340, Ratisbon. 1734). Въ частности, объ употребленіи въ римской церкви двуперстнаго перстосложенія свидѣтельствуютъ: а) нѣкоторые памятники VIII — X в. (указанные въ соч. *о. Виноградова* — о Θеодорит. словѣ, 50 — 53); б) такъ называемыя корсунскія врата въ новгор. соф. соборѣ, на которыхъ латинскій епископъ Александръ де Блуцихъ представленъ съ двуперстнымъ благословеніемъ (*Филар.* Бесѣд. къ глагол. старообр. 211—213, изд. 3); в) извѣстныя уже намъ слова изъ пренія Панагіота съ азимитомъ. Объ употребленіи въ римской церкви троеперстія для крестнаго знаменія и благословенія говорятъ сами папы и ученые IX—XIII в., и именно: а) папа Левъ IV (847—855): calicem et oblatam recta cruce signate, id est, non in circulo et variatione digitorum, ut plurimi faciunt, sed districtis duobus digitis et pollice intus recluso, per quos trinitas annuitur, istud signum † recta facere studete; non enim aliter quidquam potestis benedicere (Mign. Patrolog. curs. compl. T. CXV, p. 667); б) папа Иннокентій III (1198): signum crucis tribus digitis exprimendum est ita, ut a superiori descendat ad inferius et a dextera transeat ad sinistram (De myster. missae lib. II, c. 45); в) Лука епископъ Тудентскій въ Испаніи († 1288): tribus digitis extensis, id est, pollice, indice et medio, duobus aliis digitis plicatis, sub invocatione Deificae Trinitatis nos et alios consignamus (Adversus Albigens. lib. II, c. 18, in Maxim. Biblioth. Patr. T. XXV, p. 233). О сложеніи трехъ перстовъ для крестнаго знаменія говорятъ такъ же Гонорій, августодунскій пресвитеръ, жившій въ первой половинѣ XII в. (Honorii Augustod. Gemma animae de antiquo ritu missarum. lib. I, c. 17, in Max. Bibl. Patr. T. XX, p. 1053), Гибертъ Торнаценскій, парижскій докторъ, — XIII в. (Guibert. Tornacens. De officio episcopi, c. 2, in Max. Bibl. Patr. T. XXV, p. 402) и Антоній Поссевинъ — XVI в. (De rebus Moscovit., *у Старчев.* II, 322).

На мозаическихъ иконахъ знаменитаго собора цареградскаго, которыя недавно сдѣлались извѣстными по самому вѣрному и безпристрастному описанію одного ученаго иностранца, и по самымъ точнымъ копіямъ, имъ же снятымъ, мы находимъ до одинадцати благословляющихъ рукъ—самого Спасителя и нѣкоторыхъ пророковъ, апостоловъ и святителей, и всѣ эти руки имѣютъ перстосложеніе именословное, однѣ—строго и явственно именословное, другія — менѣе строго и явственно; но нѣтъ ни одной руки, у которой было бы перстосложеніе двуперстное—старообрядческое, т. е. у которой бы «три персты, большій, безъимянный и мизинецъ, были равны вкупѣ». Вотъ предъ нами свидѣтельство о перстосложеніи для благословенія въ греческой церкви отъ VI до половины XV вѣка: потому что, хотя большая часть мозаическихъ иконъ софійскаго цареградскаго собора принадлежитъ несомнѣнно времени самого храмоздателя, императора Юстиніана, но нѣкоторыя слѣдуетъ относить уже ко времени императора Василія македонянина (IX в.), наложившаго на нихъ новую мозаику, а немногія — даже ко времени послѣдняго греческаго императора Іоанна Палеолога (XV в.), старавшагося такъ же о возобновленіи мозаикъ въ храмѣ ([134]). Словесныхъ свидѣтельствъ о перстосложеніи для благословенія, употреблявшихся въ Греціи, извѣстно два: одно принадлежитъ патріарху константинопольскому Герману — VIII в., другое—неизвѣстному греку XII вѣка. Св. Германъ въ своемъ

([134]) Salzenberg, Alt-Christliche Baudenkmale von Constantinopel vom V bis XII Jahrhundert, Berlin, 1854. См., въ частности, въ текстѣ: Agia Sofia, Einleitung und Geschichte, S. 14 — 16, а такъ же описанія и объясненія автора снятыхъ имъ изображеній Св. Софіи.

истолкованіи церковныхъ службъ, имѣя въ виду господствовавшее тогда мнѣніе, что второе пришествіе Спасителя послѣдуетъ по истеченіи 1000 лѣтъ отъ рождества Его или 6500 лѣтъ отъ сотворенія міра, говоритъ, что это мнѣніе выражаетъ архіерей самимъ сложеніемъ перстовъ своей руки, когда благословляетъ народъ во время литургіи по прочтеніи евангелія: потому что сложеніе перстовъ благословляющей архіерейской руки, если персты переложить на числа, означаетъ 6500. Но для того, чтобы сложеніе перстовъ руки могло означать 6500, оно должно быть непремѣнно именословное ([135]). Неизвѣстный грекъ XII в., въ своей статьѣ противъ латинянъ, содержащей перечень ихъ заблужденій, между прочимъ, написалъ въ обличеніе ихъ архипастырей слѣдующее: «нѣкоторые изъ нихъ пятью перстами какъ-то благословляютъ и пальцемъ лице знаменаютъ, подобно моноѳелитамъ, между тѣмъ какъ персты въ знаменованіяхъ должны быть располагаемы такъ, чтобы чрезъ нихъ означались два естества и три Лица, какъ показалъ Христосъ, когда, возносясь на небеса, воздвигъ руки свои и благословилъ учениковъ» ([136]). Тутъ уже ясно указывается для благословенія

([135]) Подробнѣе объ этомъ — Правосл. Собесѣд. 1858, II, въ статьѣ: Свидѣтельство VIII в. о сложеніи перстовъ въ священническомъ благословеніи (стр. 462 — 471).

([136]) Въ латинскомъ переводѣ читается такъ: Quinque digitis quomodo aliqui benedicunt et cum pollice faciem signant, tanquam monothelitae, cum igitur debeant disponi digiti in consignationibus, quod per eos duae naturae significentur et tres personae, prout Christus monstravit, quando in coelum ascensurus discipulis manibus elevatis benedixit? Статья неизвѣстнаго грека противъ римскаго первосвященника, въ которой находятся эти приведенныя нами слова, помѣщена, въ видѣ приложенія, въ латинскомъ сочиненіи: tractatus contra errores Graecorum, editus Constantinopoli in aedibus fratrum praedicatorum anno Domini 1252, и найдена этими латинскими монахами въ бумагахъ

сложеніе и двухъ и вмѣстѣ трехъ перстовъ, которое, если не по внѣшнему виду, вовсе здѣсь необозначенному, то по внутреннему смыслу, совершенно похоже на утвержденное Стоглавымъ соборомъ. Правда, послѣдняя половина приведеннаго нами свидѣтельства изъ статьи неизвѣстнаго грека находится только въ латинскомъ ея переводѣ, хотя и очень древнемъ, но не находится въ славянскомъ переводѣ этой самой статьи, которая еще съ XIII вѣка и до XIX постоянно помѣщалась въ нашихъ Кормчихъ, рукописныхъ и печатныхъ, подъ заглавіемъ: «*о фрязехъ и о прочихъ латинахъ*». Здѣсь разсматриваемое свидѣтельство грека противъ латинянъ читается такъ: «(тіи же святители ихъ...) пятью перстъ страною нѣкако благословляють и послѣди палцемь лице прѣкрещають», — и только, а всѣхъ послѣдующихъ словъ о сложеніи перстовъ для означенія ими двухъ естествъ и трехъ Лицъ, вовсе нѣтъ. Дѣло несбыточное, чтобы славянскій переводчикъ позволилъ себѣ намѣренно исключить эти слова, еслибы они находились въ греческомъ подлинникѣ и, особенно, еслибы они выражали собою общее вѣрованіе и общій обычай православной церкви касательно сложенія перстовъ для святительскаго благословенія; да и въ спискахъ греческаго текста, какіе нынѣ сдѣлались извѣстными, этихъ словъ дѣйствительно нѣтъ ([137]). Гораздо сбыточнѣе, что они при-

---

латинскаго же писателя Гугона Етеріанскаго, жившаго во второй половинѣ XII вѣка (De la Bigne, Max. Biblioth. veterum Patr. T. XXVII, p. 590. 607. 608). Она такъ же помѣщена въ сочиненіи: Observationes et notae in libros Calecae (Max. Biblioth. Patr. T. XXVI, p. 467 — 468). Переводъ статьи очень плохъ и обличаетъ въ переводчикѣ не природнаго латинянина, а скорѣе грека, слабо знавшаго латинскій языкъ.

([137]) Статья *о Фрязехъ*.... находится въ обоихъ нашихъ извѣстныхъ спи-

бавлены къ статьѣ, въ томъ или другомъ спискѣ ея, какимъ либо грекомъ, державшимся выраженнаго въ нихъ мнѣнія, какъ мнѣнія частнаго, и что съ такого-то списка, съ прибавленіемъ, статья и переведена на латинскій языкъ къ концу XII в., можетъ быть, даже тѣмъ же грекомъ, судя по крайнему неискусству перевода. Но во всякомъ случаѣ надобно допустить, что, по крайней мѣрѣ, въ видѣ частнаго или мѣстнаго обычая, такое двуперстное и вмѣстѣ троеперстное перстосложеніе для благословенія гдѣ либо существовало въ Греціи въ XII вѣкѣ.

Въ Россіи есть свой знаменитый софійскій соборъ, кіевскій, въ которомъ сохранились и мозаическія иконы и фрески XI вѣка. На этихъ иконахъ и фрескахъ, по самымъ безпристрастнымъ свидѣтельствамъ, можно различать троякое перстосложеніе благословляющихъ рукъ: а) строго-именословное,

---

скахъ Кормчей XIII вѣка: рязанскомъ 1284 г., который есть копія со списка, присланнаго въ 1262 г. нашему митр. Кириллу изъ Болгаріи (Импрск. Публ. библ., собр. *Толстов.*, отд. I, № 311, гл. 51), и Софійскомъ-новгородскомъ, пис. между 1280—1294 г. (*Ундольск.* Опис. этого списка, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1867, II, отд. III, стр. 51), и потомъ встрѣчается во всѣхъ послѣдующихъ спискахъ, какъ рязанской, такъ и софійской фамиліи (см. наприм. Опис. рук. Румянц. Муз. стр. 283. 293. 301). Приведенныя нами слова этой статьи взяты изъ выше-означеннаго рязанскаго списка XIII в. (л. 271); но въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ (наприм. Румянц. Муз. № 233, л. 248) и въ печатной Кормчей (по изд. первому гл. 48, а послѣднему гл. 47) они немного измѣнены и читаются такъ: „пятію персты *странно* нѣкако благословляютъ и *посреди* лице прекрещеваютъ“. Греческій текстъ этой статьи, по двумъ спискамъ, съ двумя латинскими переводами, новымъ и древнимъ, изъ котораго выше мы привели слова (въ примѣч. 136), изданъ *Герценрётеромъ* (Monumenta graeca, ad Photium ejusque historiam pertinentia, p. 62 — 71, Ratisbonae 1869), а потомъ перепечатанъ, съ славянскимъ переводомъ, по двумъ нашимъ Кормчимъ XIII в., *А. Поповымъ* (Историко-литер. Обзоръ древне—русск. полемич. соч. XI — XV в., стр. 58 — 69). Здѣсь именно сказано: *μετὰ τῶν πέντε δακτύλων πλαγίως πῶς κατασφραγίζονται καὶ ὕστερον μετὰ τῆς ἀντίχειρος τὴν ὄψιν ἐπισφραγίζουσιν.*

б) весьма и даже совершенно близкое къ двуперстному-старообрядческому (которое, впрочемъ, какъ мы замѣтили выше, можно вообще считать и за неточное – именословное и могло зависѣть просто отъ неискуства иконописцевъ), и в) какое-то неизвѣстное, въ которомъ указательный палецъ и мизинецъ простерты, средній и безъименный вогнуты внутрь ладони, а большой палецъ или не видѣнъ за ладонью, или простертъ ([138]). На нѣкоторыхъ саккосахъ нашихъ святителей Петра, Алексія, Кипріана, Фотія, на нѣкоторыхъ древнихъ священныхъ сосудахъ, евангеліяхъ и греческихъ гривнахъ встрѣчаются, кромѣ именословнаго, болѣе или менѣе строгаго, и другія очень различныя перстосложенія для благословенія совсѣмъ не похожія ни на именословное, ни на двуперстное - раскольническое, которыя такъ же, вѣроятно, иногда употреблялись или допускались въ церкви, если не предположить, что все это разнообразіе въ изображеніяхъ благословляющихъ рукъ зависѣло отъ неискуства мастеровъ и художниковъ. ([139]). Въ ризницѣ Троицко-Сергіевой лавры доселѣ хранится пелена, пожертвованная современнымъ митр. Фотію в. к. московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ (1389—1425) на гробъ преп. Сергія, съ изображеніемъ на ней самаго преподобнаго: здѣсь благословляющая рука чудотворца Сергія изображена съ явственнымъ и точнымъ перстосложеніемъ именословнымъ, и это изображеніе, шитое, остается

([138]) Подробнѣе объ этомъ—въ статьѣ *арх. Никанора*: „Цареград. церковь Св. Софіи—свидѣтельница древле-прав. перстосложенія“, въ Правосл. Собесѣдн. 1870, III, 286—306.

([139]) Изображенія этихъ различныхъ перстосложеній представлены въ книгѣ *м. Григорія*: Истинно-древн. и истинно-правосл. Хр. Церковь, II, 121 — 126. изд. 4.

доселѣ неизмѣннымъ ([140]). Вотъ какое, значитъ, перстосложеніе употреблялось у насъ для благословенія при м. Фотіѣ!

Общій выводъ представляется самъ собою: въ числѣ перстосложеній, употреблявшихся въ православной церкви, втеченіе первыхъ XV вѣковъ, собственно для благословенія, находилось и то или весьма близкое къ тому, которое утверждено Стоглавымъ соборомъ. Но повторяемъ: *собственно для благословенія*.... А какъ же могло случиться, что это самое перстосложеніе стали употреблять вмѣстѣ и для крестнаго знаменія и когда это случилось? Какимъ образомъ, вмѣсто двухъ различныхъ перстосложеній, употреблявшихся у насъ еще въ первой половинѣ XV в., при митрополитѣ Фотіѣ, для благословенія и для крестнаго знаменія, могло возникнуть и потомъ распространиться и пріобрѣсть силу только одно перстосложеніе для той и другой цѣли, такъ называемое двуперстное, утвержденное Стоглавымъ соборомъ? Припомнимъ сказанное нами прежде, что это двуперстное перстосложеніе, по внѣшнему виду, имѣетъ сходство съ именословнымъ и въ сложеніи собственно двухъ перстовъ, указательнаго и средняго, даже совершенное сходство, а по внутреннему смыслу старается совмѣстить въ себѣ оба перстосложенія, и именословное и троеперстное: итакъ, не изъ нихъ ли непосредственно и возникло оно самымъ естественнымъ и непримѣтнымъ образомъ? Какому нибудь грамотѣю, любившему поумствовать, легко могло придти на мысль, зачѣмъ это въ церкви употребляются два разныхъ перстосложенія для благословенія и крестнаго знаменія, когда совершенно удобно

([140]) *Филар.* Бесѣд. къ глагол. старообр., стр. 240.

совмѣстить ихъ въ одно, безъ всякаго нарушенія ихъ внутренняго смысла? Для благословенія слагаются всѣ пять пальцевъ правой руки, во имя Іисуса Христа, и выражаютъ собою — ІС. ХС.; а совершенно достаточно слагать только два перста, указательный и средній, выражающіе собою ІС., во имя Іисуса, въ двухъ Его естествахъ. Для крестнаго знаменія слагаются три первые перста правой руки во имя Пресв. Троицы, а можно слагать во имя Пресв. Троицы и тѣ самые три перста правой руки, которые при благословеніи слагаются для означенія имени Христа — ХС., т. е. большой палецъ съ безъименнымъ и мизинцемъ. И выйдетъ изъ двухъ перстосложеній одно, съ сохраненіемъ ихъ знаменованій. Родившись въ головѣ какого либо грамотѣя, такая мысль, какъ согласная съ духомъ православія, могла найти сочувствіе и между другими, подобными же грамотѣями, и чрезъ нихъ мало по малу распространяться. Или дѣло совершилось еще проще: какой либо благочестивый христіанинъ, разсуждая о различіи между тѣмъ перстосложеніемъ, которое употребляютъ пастыри церкви для благословенія вѣрующихъ, и тѣмъ, которое употребляютъ всѣ вѣрующіе для крестнаго знаменія, могъ остановиться на соображеніи, что первое перстосложеніе, какъ употребляемое пастырями церкви, должно быть болѣе священнымъ и болѣе сильнымъ предъ Богомъ, а вслѣдъ затѣмъ перейти къ выводу, что гораздо лучше и цѣлесообразнѣе это же самое пастырское перстосложеніе употреблять и всѣмъ вѣрующимъ для крестнаго знаменія. И эта мысль, подобно изложенной нами выше, какъ непротивная вѣрѣ и благочестію, могла такъ же найти себѣ послѣдователей между вѣрующими и послужить началомъ для посте-

пеннаго распространенія двуперстно-троеперстнаго перстосложенія и для крестнаго знаменія, по крайней мѣрѣ, въ видѣ *частнаго обычая*.

Какъ бы то ни было впрочемъ, вѣрны или невѣрны высказанныя нами предположенія,—но необходимо допустить, что если не раньше, то и не позже второй половины XV вѣка, у насъ появились уже ревнители ученія, что для благословенія и крестнаго знаменія должно употреблять одно и тоже сложеніе перстовъ, двухъ и трехъ: появились именно у насъ, а не въ Греціи, гдѣ, какъ мы видѣли, даже въ началѣ XVI в., еще продолжали учить вѣрующихъ креститься только тремя перстами. Эти ревнители, для распространенія своего излюбленнаго ученія, старались пріискивать разныя книжныя доказательства, и одинъ изъ нихъ не смутился даже составить самъ подложное *слово* (дѣло тогда у насъ довольно обыкновенное!) подъ именемъ *св. Θеодорита, како благословити и креститися*, въ которомъ, изложивъ ученіе о сложеніи трехъ перстовъ въ образъ Пресв. Троицы, и о сложеніи двухъ перстовъ для означенія двухъ естествъ во Христѣ, безъ объясненія впрочемъ, какихъ именно перстовъ, въ заключеніе прибавилъ: «тако святыми отцы указано и узаконено». Слово несомнѣнно подложное и вовсе не принадлежитъ блаж. Θеодориту, епископу кирскому; но тогда у насъ не знали по-гречески, не умѣли отличить подлинныхъ сочиненій отеческихъ отъ подложныхъ, а съ благоговѣніемъ принимали все, что выдавалось отъ имени св. отцевъ ([141]), — и вотъ

([141]) Знакомому съ нашею древнею письменностію очень хорошо извѣстно, какъ часто подъ именами то Златоуста, то Григорія богослова, то другихъ св.

къ концу XV в. мнимое слово Ѳеодорита, како благословити и креститися, переписывалось уже и въ Кормчія книги и въ другіе Сборники (112). Недовольствуясь однимъ словомъ Ѳеодоритовымъ, въ тоже время стали ссылаться, въ подтвержденіе своего ученія, еще на искаженную повѣсть о св. Мелетіѣ антіохійскомъ. По греческимъ историкамъ въ ней разсказы-

---

отцевъ выдавались у насъ сочиненія, несомнѣнно русскія. „Противлюся лжесловесникомъ,—писалъ въ XVI в. князь Курбскій къ одному старцу въ Печерскій монастырь,—преобразующимся въ истовые учители, и пишутъ повѣсть сопротивъ евангельскимъ словесемъ, и имена свои скрывше, да не обличены будутъ, и *подписуютъ ихъ на святыхъ имена*, да удобно ихъ писаніе пріемлется простыми и менаученными“... И далѣе: „стада вѣрныхъ нещадно расточаютъ и апостольская словеса превращаютъ, развращеннѣ толкуютъ и на святыхъ хулу возлагаютъ; начеже на Златоуста клеветами ополчаются, и отъ книгъ русскихъ емлючи словеса развращены отъ Еремея попа болгарскаго и инѣхъ таковыхъ, *на Златоустово имя подписано и на иныхъ святыхъ*, яко щиты себѣ носятъ.... И вѣрныхъ, тяжущихся съ ними по невѣдѣнію, они, за словеса святыхъ, удобно одолѣваютъ, яко безотвѣтныхъ, и отъ истиннаго пути на прелесть свою возводятъ“ (Рукоп. Сборн. бывшей библ. Погодина, № 208, стат. 19. 20). О подложности означеннаго Ѳеодоритова слова см. отзывъ греческихъ патріарховъ и вообще отцевъ московскаго собора 1667 г. (Дополн. Акт. Ист. V, 502—503) и замѣчанія ученаго грека Никифора Ѳеотоки (Отвѣт. старообр., 133).

(112) Сколько доселѣ извѣстно, оно въ первый разъ встрѣчается въ двухъ книгахъ Соловецкой библіотеки, писанныхъ въ концѣ XV в. въ Новгородѣ для священноинока Досиѳея: въ Кормчей № 858, л. 472 об., и въ Сборникѣ № 802, л. 201 об.,—и въ тогдашнемъ видѣ читалось такъ: „Слово святаго Ѳеодорита, како благословити и креститися. Сице благословити и креститися рукою: *три персты равны имѣти вкупе* по образу троичьку. Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святый, не тріе суть бозѣ, но единъ Богъ въ Троици, имены раздѣляется а божество едино; Отецъ не рожденъ, а Сынъ рожденъ, а Духъ Святый ни рожденъ, ни созданъ, но исходя; тріе во единомъ божествѣ, едина сила, едина честь, едино покланяніе отъ всеа твари, отъ Ангелъ, отъ человѣкъ. Тако тѣмъ тремъ перстамъ указъ! А *два перста имѣти наклонена, а не разпростерта*, и тѣмъ указъ тако: то образуетъ двѣ естествѣ божество и человѣчество. Богъ по божеству, а человѣкъ по вочеловѣченію, а въ обоемъ совершенъ. Вышній же пръстъ образуетъ божество, а нижній человѣчество: понеже сшедъ отъ вышнихъ и спасѣ нижняя. То сзбеніе пръсто утолкуетъ: преклони бо небеса и сниде нашего ради спасенія. Тако святыми отци указано, и узаконено. Ему же слава Отцу и Сыну и Святому Духу нынѣ и присно и в: в: аминь“ (Снес. *Инат.* Истина Солов. обит., 87—8; Правосл. Собесѣдн. 1860, II, стр. 322). Кромѣ того это

валось, что Мелетій, когда православные просили его на антіохійскомъ соборѣ выразить кратко ученіе о единосущной Троицѣ, показалъ сначала три перста, а потомъ, два изъ нихъ пригнувъ, простеръ одинъ и изрекъ: трехъ разумѣемъ, а говоримъ какъ объ одномъ ([143]). Въ нашихъ древнихъ Прологахъ, подъ 12 числомъ февраля, повѣсть эта излагалась не одинаково, напримѣръ, въ Прологѣ XIV вѣка—такъ: «(Мелетій) *три* показа имъ персты и не бысть имъ знамения, потомь совокупль я и, *единъ* пригнувъ, благослови люди, и изыде отъ него огнь, яко молньи, и достохвальный онъ испусти гласъ: трие убо разумѣемъ, о единомъ же бесѣдуемъ» (Имперск. публ. библ., Древлехран. *Погодин.*, № 59, пергам.); въ Прологѣ начала XVI вѣка — такъ: «три показа имь персты и...., потомъ два совокупль, а *единъ протягнувъ*, благослови».... и проч. (тойже библ. и Древлехран., № 618). Въ обоихъ этихъ Прологахъ сказаніе передается еще довольно близко къ греческимъ подлинникамъ. Но въ Прологѣ, писанномъ въ 1432 г. въ Новгородѣ, читаемъ: «три показа..., *потомъ два совокупль, а единъ пригнувъ*, благослови».... (тойже библ., въ лист., отд. I, № 48, пергамен.); тоже самое — и въ Прологѣ 1481 года (тойже библ., въ лист., отд. I, № 311). Наконецъ, въ одномъ Сборникѣ къ концу XV в. на эту повѣсть ссылаются уже въ подтвержденіе ученія о двуперстіи и въ ней излагается, будто св. Мелетій

же Θеодоритово слово два раза помѣщено въ Сборникѣ XV вѣка Моск. Синод. библ. № 316 (Опис. этой библ. II, 3, стр. 570. 585).

([143]) *Созомен.* Церк. Истор. кн. IV, гл. 28, стр. 299, С. п. б. 1851; *Θеодорит.* Церк. Истор. кн. II, гл. 31, стр. 192, С. п. б. 1852; Nicephor. Callist. Eccles. Hist. lib. IX, c. 48.

сначала «показа персты *три*...., и не бысть знаменія; посемъ же *два совокупль*, а трети пригну и благослови люди, и изыде отъ него яко огнь молніи, — достохвальный онъ испусти гласъ: *тріе* убо разумѣемъ, о *единомъ* же бесѣдуемъ» ([144]). Искаженіе очевидное! Но и этимъ не ограничи-

---

([144]) Сборникъ библ. Кирилло-бѣлоз. монаст., нынѣ С. п. б. дух. акад., XV в., № 1088, л. 263—265. Считаемъ нужнымъ представить здѣсь изъ этого Сборника всю статью, въ которой искажена повѣсть о св. Мелетіѣ и на которую намъ неразъ придется ссылаться. Вотъ она: *„Како подобаетъ крестити рукою.* Крестити и благословити: два долнѣе, а третій верхній с долнима перста; тоже согбеніе персту толкуетъ: прѣклон. бо небеса и сниде нашего ради спасенія; а два верхнѣйша, сими же двѣма благословити во божество и человѣчество. Крестится подобаетъ и благословити: персты 3 совокупити низу, а два верхніе купно, тѣми благословити и креститися въ божество и человѣчество. Такоже и Мелентій севастійски и Феодоритъ научаютъ насъ, и инде. Мелентій савастійски епископъ, житіемъ и словомъ славенъ зѣло, безчинія же ради сущихъ подъ рукою его, отрекся епископіи и бысть в безмолвіи. Тогда еретици мнѣвше, яко мудрствуетъ с ними Мелентій, просиша его у царя, да будетъ патріархъ, еже и бысть. И посемъ, бывшу собору о вѣрѣ единосущества и аріаномъ, инако глаголющимъ, Мелентій же божественнаго правила показа явленіе; людемъ же просящимъ скорое ученіе отъ Бога показати, он же показа персты 3 во Отець и Сынъ и Святый Духъ, и не бысть знаменія; посемъ же Мелентій два съвокупль, а трети пригну, и благослови люди, и изыде отъ него, яко огнь молніи,— достохвалный онъ испусти гласъ: тріе убо разумѣемъ, о единомъ же бесѣдуемъ,— и тако посрами еретикы. И по-семъ в Константинъ градъ прииде, отъ великаго царя Феодосія зѣло почтенъ бысть сей святый. Ніарастѣйшая обители физимы. И паки множайшаго ради увѣренія, написаша и устроиша и проповѣдаша, сице глаголищи: иже кто не знаменуется двѣма персты, якоже и Христосъ, да есть проклятъ. Да никтоже, прѣступивъ сіе, в развращеннаа снидетъ: понеже совокупленно таково свидѣтелство отъ богопросвѣщенныхъ и св. отець. Аще и нѣціи покусишася, глагола сице: яко *подобаетъ креститися тремя персты, а благословити двѣма*, —мняще, яко в тѣхъ писаніихъ глаголетъ 3 персты благословити; и велми глаголютъ, яко 3 персты, но высочайшій к долнимъ двѣма, и тѣ тріе персты; и воистину и азъ неотлагаю тріехъ перстъ, а благословеныя верху два перста, божество и человѣчество. И нехотѣша святіи писати первое дву и потомъ тріехъ, но, сошествіа ради к долнимъ Христа Бога нашего с небесе, прилагаютъ горній ко двѣма нижнима, и тако Троица зовется, а оставшее отъ нихъ божество и человѣчество. И паки в тѣхъ во всѣхъ едина сила, и едина честь, и едино равеньство нераздѣлно Отца и Сына и Святаго Духа, божество неосязанно, и непостижно трисолнечное озареніе. Пріидѣте, любимци мои, во увѣреніе послѣдующе святымъ реченіемъ, и не своя мудрьствуемъ, да не угрязнемъ

лись, а тогда же изобрѣли еще третье основаніе для ученія о двуперстіи, сдѣлавъ новую порчу. Въ нашихъ рукописныхъ Кормчихъ и другихъ рукописяхъ, не раньше впрочемъ XV в., встрѣчается чинъ принятія Хвалисянъ (армянъ) и другихъ еретиковъ, обращающихся къ православію; въ этомъ чинѣ, между прочимъ, находится такая статья: «иже *не креститъ* (т. е. не благословляетъ) двѣма перстома, якоже и Христосъ, да будетъ проклятъ». Рѣчь тутъ, безъ сомнѣнія, только о благословеніи, а вовсе не о крестномъ знаменіи,— ибо Христосъ только благословлялъ, но самъ не крестился,— и статья имѣла цѣлію оградить противъ еретиковъ православное, т. е. именословное перстосложеніе, которое, по двумъ наиболѣе выдающимся въ немъ перстамъ, можетъ называться и двуперстнымъ. Но къ концу XV вѣка въ нѣкоторыхъ нашихъ Сборникахъ, статья эта излагалась уже въ слѣдующемъ видѣ: «иже *не крестится* или *не знаменуется* двумя персты, якоже и Христосъ (Христосъ крестился!), да есть проклятъ» ([145]). Такимъ образомъ къ концу XV вѣка уже при-

---

въ невѣріи смертнѣмъ; понеже Василей кесарийский завѣщеваетъ, глаголя: о божественомъ и неизреченномъ свѣтѣ непытати множае, но познавати, якоже написаша намъ святи, да не когда снидемъ въ глубину золъ; того ради запрещаетъ невысокомудрьствовати. Покланяюся и древу честнаго креста, обѣшеннаго на немъ ради плотію Господа, и всему образу животворящаго креста. Ины два слова писаны во книзѣ, идѣже сначала лѣтописець". Надобно прибавить, что эта статья, какъ и весь Сборникъ, писаны въ Кирилло-бѣлоз. монастырѣ рукою инока Евфросина около 1490 г., какъ видно изъ его собственной замѣтки (л. 217), и что въ томъ же монастырѣ и тѣмъ же инокомъ Евфросиномъ и почеркомъ написанъ въ 1476 — 1482 г. и другой Сборникъ означеннаго монастыря, нынѣ С. п. б. дух. акад. № 1083, какъ свидѣтельствуютъ замѣтки самаго же писца (л. 78 об. и 218), а равно и Сборникъ 1473—1477 г. бывшей библіотеки Царскаго № 365 (Опис. ея стр. 355. 363).

([145]) См. статью въ предыдущемъ примѣчаніи, а такъ же Сборн. XV в. Моск. Синод. библ. № 316, л. 12 об. (Опис. стр. 571). О прочемъ—въ нашей Ист.

думаны были всѣ три доказательства, на которыхъ потомъ Стоглавый соборъ утвердилъ свое постановленіе о сложеніи трехъ и двухъ перстовъ для благословенія и крестнаго знаменія, хотя нельзя не замѣтить, что какъ второе доказательство (сказаніе о Мелетіѣ), такъ и третіе, даже въ своемъ искаженномъ видѣ, вполнѣ не соотвѣтствуютъ цѣли: они вовсе не говорятъ о сложеніи трехъ перстовъ, — чего требуетъ Стоглавъ, а говорятъ только о двухъ перстахъ; второе же вовсе не говоритъ и о крестномъ знаменіи, упоминая лишь о благословеніи.

Достойно замѣчанія, что ни въ одной изъ этихъ трехъ статей не опредѣлено еще, какіе три перста совокуплять во образъ Пресв. Троицы и какіе два — въ образъ двухъ естествъ во Христѣ; но къ концу того же XV вѣка сдѣлана была и попытка опредѣлить эти персты, которая гласила, что надобно слагать персты — *верхній съ двумя дольними* во образъ Троицы, а *два верхнѣйшихъ*—въ божество и человѣчество. Такая неумѣлость и неискуство въ наименованіи самихъ перстовъ, двухъ и трехъ, для крестнаго знаменія, и вообще въ изложеніи ученія объ этомъ предметѣ, какія мы

русск. раскола, 60 – 64. Этотъ чинъ принятія еретиковъ находится такъ же въ рукоп. Требникѣ нашей библ., № 89, нач. XVI в., и здѣсь означенная статья читается такъ: „иже *не крститъ* двѣма пръстома, якоже и Христосъ, да будетъ проклятъ“ (— стр. 331). Но въ Требн. Москов. Синод. библ. XVI в. № 378, л. 470, статья эта говоритъ уже о двуперстномъ знаменованіи себя крестомъ (Опис. III, I, стр 233). Прибавимъ еще, что въ Кормчей Новгород. Соф. библіотеки, нынѣ С. п. б. дух. акад., XV в., № 1173, л. 296 об., означенная статья читается: „иже не крститъ двѣма перстома, якоже и Христосъ, да будуть прокляти“; равно и въ двухъ Кормчихъ Кирилловской библ., нынѣ С. п. б. дух. акад., XVI в. № 1079, гл. 100, и 1590 г. № 1078, гл. 100, читается: „иже *не крститъ* двема прьстома, яко Христосъ, да будетъ проклятъ“.

видимъ здѣсъ у неизвѣстнаго автора и сейчасъ увидимъ у другихъ писателей, изъ которыхъ каждый называлъ персты по своему и неудачно, всего яснѣе свидѣтельствуютъ, что тогда это ученіе было еще очень ново, и что для точнаго выраженія его еще не уяснились понятія, не выработался языкъ, не установилась терминологія ([146]). Да и на что потребовались всѣ эти доказательства въ пользу двуперстія и вмѣстѣ троеперстія, еслибы такое перстосложеніе не было въ то время у насъ «новшествомъ» и всѣми употреблялось? Очень естественно, что находились тогда и между грамотѣями люди, которые старались отстаивать два прежнихъ, издревле существовавшихъ въ нашей церкви перстосложенія, одно для крестнаго знаменія, а другое для благословенія, и говорили: «яко подобаетъ креститися тремя персты, а благословити двѣма», — для чего указывали даже на то, что въ самомъ словѣ Ѳеодоритовомъ сперва говорится о трехъ перстахъ, а потомъ о двухъ; но ревнители двуперстія оставались непреклонными въ своемъ мнѣніи и отвѣчали имъ уклончивыми и невразумительными толкованіями ([147]).

Въ такомъ видѣ ученіе о двуперстіи перешло въ XVI столѣтіе, и въ самомъ началѣ этого столѣтія Ѳеодоритово слово находимъ въ одномъ хронографѣ, а всѣ три статьи,— и Ѳеодоритово слово, и сказаніе о Мелетіѣ, и проклятіе на некрестящихся двумя перстами,—въ одной Слѣдованной Псал-

---

([146]) См. статью, помѣщенную въ примѣч. 144, и сравн. съ слѣдующими за симъ свидѣтельствами о сложеніи перстовъ автора „Домостроя“, митроп. Даніила и Максима грека, да и самаго Стоглаваго собора.

([147]) См. туже статью въ примѣч. 144.

тыри ([148]). Въ первой четверти столѣтія, если не прежде, авторъ «Домостроя» внесъ Ѳеодоритово слово въ свое сочиненіе безъ всякихъ перемѣнъ, но отъ себя пояснилъ, что три перста во образъ Троицы суть *крайній да два нижнихъ*, а два перста во образъ двухъ естествъ во Христѣ—*средній и другой при немъ* ([149]). Затѣмъ слово Ѳеодоритово помѣстилъ въ «Соборникѣ» своихъ сочиненій и самъ митрополитъ Даніилъ (1522—1539), и уже въ такомъ видѣ: «сице благословити рукою и креститися: три персты равно имѣти вкупѣ, *большой да два послѣднихъ*, по образу Троическому..., а два перста имѣти наклонена, а не простерта...., *вышній* перстъ образуетъ божество, а *нижній* перстъ образуетъ человѣчество»... и проч., т. е. помѣстилъ со внесеніемъ пояснения о перстахъ въ самый текстъ слова ([150]). Вопросъ о крестномъ знаменіи считался тогда дѣломъ величайшей важности, и извѣстный старецъ псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳей, въ своемъ посланіи къ вел. князю Василію Ивановичу (1505—1533), указывалъ ему, какъ на первую задачу его

([148]) См. Хроногр. Румянц. Муз. № 454 (Опис. стр. 735. 736), а объ означенной Слѣдованной Псалтыри въ Правосл. Собесѣдн. 1870, III, 38—44. 83 - 85.

([149]) *Некрасов.* О происх. Домостроя, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1872, III, отд. I, 61. Здѣсь приведены подлинныя слова изъ Домостроя, по списку первой четверти XVI вѣка.

([150]) Справедливость требуетъ замѣтить, съ одной стороны, что м. Даніилъ могъ не самъ сдѣлать это поясненіе или прибавленіе, а найти его въ какомъ либо прежнемъ спискѣ Ѳеодоритова слова и только переписать въ свой Сборникъ, а съ другой—что это пояснительное прибавленіе могло быть внесено въ Сборникъ Даніила и послѣ его смерти какимъ либо переписчикомъ: ибо хотя Сборникъ Даніиловъ сохранился и въ спискѣ XVI в. (моск. дух. акад. № 197), но это не подлинникъ руки Даніиловой, — въ немъ недостаетъ цѣлой послѣдней части послѣдняго слова, которая, однакожъ, находится въ другихъ, хотя болѣе позднихъ, спискахъ и, безъ сомнѣнія, была въ подлинникѣ.

царствованія, чтобы онъ научилъ своихъ подданныхъ правильно полагать на себѣ крестное знаменіе, чего многіе изъ нихъ не дѣлали, — хотя о перстосложеніи здѣсь прямо не говорится и не видно, какого перстосложенія держался самъ Филоѳей ([151]). Обращались съ этимъ вопросомъ и къ Максиму греку, и онъ, будтобы, подобно митр. Даніилу, стоялъ за двуперстіе и отвѣчалъ согласно съ словомъ Ѳеодоритовымъ, наименовавъ, по своему, самые персты («совокупленіемъ тріехъ перстовъ, сирѣчь *пальца и еже отъ средняго и малаго*, тайну исповѣдуемъ богоначальныхъ тріехъ Vпостасей..., протяженіемъ же *долгаго и средняго* сошедшаяся два естества во Христѣ»...),—если только не предположить, что сказаніе Максима о крестномъ знаменіи испорчено еще первымъ собирателемъ его сочиненій, вскорѣ послѣ его смерти ([152]).

Такимъ-то образомъ, еще до Стоглаваго собора, впродолженіе, можетъ быть, цѣлаго столѣтія, мало по малу подготовлялось и распространяемо было у насъ ученіе о двуперстіи нашими книжниками и грамотѣями: неудивительно, если и

([151]) Посланіе это въ Прав. Собесѣдн. 1863, I, 343—348.

([152]) Оно помѣщено между сочиненіями Максима: въ спискѣ XVI в. М. Синод. библ. № 191, л. 64 об. (Опис. II, 2, 525); въ спискѣ конца XVI в. бывшей библ. Царскаго № 241, л. 223 (Опис. 204), въ спискѣ 1587 г. бывшей библіот. Ундольскаго № 487, л. 128 (Опис. 352), и даже въ древнѣйшемъ спискѣ библ. Хлудова, писанномъ въ 1563 г., т. е. спустя шесть-семь лѣтъ по смерти Максима, № 73, гл. 40 (См. *Попов.* Опис. рукоп. Хлудова, стр. 150—152, М. 1872). То было еще первое время послѣ Стоглаваго собора, и ревнитель двуперстія, собирая сочиненія Максима, легко могъ или только исказить по своему сочиненіе его о крестномъ знаменіи или даже приписать Максиму собственное издѣліе. А можетъ быть, Максимъ писалъ свои статьи о крестномъ знаменіи и сугубой аллилуіи уже послѣ Стоглаваго собора, и въ этихъ статьяхъ, какъ думаютъ (Бесѣд. къ глагол. старообр. стр. 194, изд. 3), только оказалъ снисхожденіе къ господствовавшему предубѣжденію, дабы еще болѣе не раздражить противъ себя своихъ враговъ

успѣло оно пріобрѣсти себѣ жаркихъ послѣдователей и приверженцевъ преимущественно между книжными же людьми. Но въ массы народа оно не проникало или проникало весьма мало: тамъ продолжали креститься по-старому, тремя перстами, какъ научились отъ предковъ. Это засвидѣтельствовалъ самъ царь на Стоглавомъ соборѣ, когда сказалъ: «христіане *рукою* крестятся *не по существу*», что означало: «христіане рукою крестятся *не двумя перстами*», какъ и поняли царя отцы собора, и потому постановили извѣстное правило о двуперстіи, для пастырей и мірянъ. И, замѣчательно, царь не сказалъ: «нѣкоторые христіане».... а сказалъ вообще: «христіане рукою крестятся не по существу». Это показываетъ, какъ велико еще было тогда число державшихся троеперстія. Происходили ли на Стоглавомъ соборѣ разногласія и споры по вопросу о перстосложеніи для благословенія и крестнаго знаменія? Свѣдѣній объ этомъ не сохранилось никакихъ; но сомнительно, чтобы происходили: такъ какъ на соборѣ присутствовали все лица, болѣе или менѣе, книжныя, которыя знали, что написано объ этомъ предметѣ въ употреблявшихся тогда свидѣтельствахъ, и при томъ написано отъ имени св. отцевъ, и привыкли вѣрить всему написанному. Гораздо вѣроятнѣе, что члены собора, безъ долгихъ колебаній, постановили свое знаменитое правило о двуперстіи и, въ основаніе своего опредѣленія, «по простотѣ и невѣжеству», привели и слово Ѳеодоритово, нимало не подозрѣвая его подложности, и повѣсть о св. Мелетіѣ, не замѣчая въ ней очевиднаго искаженія, и столько же искаженную статью съ проклятіемъ на некрестящихся двумя перстами, которую изложили въ своемъ опредѣленіи даже два

раза, сперва такъ: «аще кто двѣма персты не благословляетъ, якоже и Христосъ, или не воображаетъ крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ», а чрезъ нѣсколько строкъ такъ: «иже кто не знаменуется двѣма персты, якоже и Христосъ, да есть проклятъ». Вотъ какъ, наконецъ, ученіе о двуперстіи, столько времени проводившееся у насъ только путемъ книжнымъ, достигло своей высшей силы:—утверждено цѣлымъ соборомъ и даже возведено на степень догмата, ограждено проклятіемъ! Это проклятіе въ дѣлѣ совершенно обрядовомъ, узаконившее для всѣхъ и навсегда одно только двуперстіе для благословенія и крестнаго знаменія и поразившее анаѳемою всѣхъ православныхъ—грековъ, русскихъ и прочихъ, которые употребляли другое перстосложеніе, было величайшею ошибкою Стоглаваго собора. Рано или поздно, оно неизбѣжно должно было вызвать и дѣйствительно вызвало, черезъ столѣтіе съ небольшимъ, новое проклятіе, но только павшее уже на крестящихся двумя перстами по Стоглаву, и послужило, хотя отдаленною, но самою коренною и главнѣйшею причиною русскаго раскола.

Теперь, казалось, уже не нужно было для распространенія ученія, утвержденнаго соборомъ, употреблять порчи прежнихъ сочиненій, хотя и отъ этого не отказывались ([153]); теперь за распространеніе двуперстія принялись сами духовныя власти. Митрополитъ Макарій разсылалъ свои наказныя

([152]) Въ доказательство указываемъ на извѣстную уже намъ статью Панагіота: въ двухъ книжкахъ Макарьевскихъ Чети-миней, декабрьской и іюньской, писанныхъ до Стоглаваго собора, она укоряла латинянъ, зачѣмъ они не крестятся тремя перстами; а въ книжкѣ августовской, писанной послѣ Стоглаваго собора, укоряетъ уже, зачѣмъ не крестятся двумя перстами.

граматы по всей Россіи, къ духовенству бѣлому и монашествующему, съ наставленіями о двуперстіи; всѣ епархіальные архіереи обязаны были имѣть у себя книгу Стоглавъ и ею руководствоваться; къ тому же обязывались и всѣ поповскіе старосты (благочинные) и мѣстные соборы ([154]). Есть, однакожъ, свидѣтельства, что и теперь, несмотря на все вліяніе духовенства, ученіе о двуперстіи, особенно въ началѣ, имѣло мало успѣха ([155]); что троеперстія продолжали держаться по мѣстамъ въ нѣкоторыхъ нашихъ обителяхъ ([156]); что и подъ конецъ XVI столѣтія троеперстіе для крестнаго знаменія употреблялось еще, хотя уже вмѣстѣ съ двуперстіемъ ([157]). Есть прямыя и неоспоримыя свидѣтельства, что даже въ началѣ XVII в. троеперстіе для крестнаго знаменія не только не было вытѣснено у насъ, но оставалось еще господствующимъ въ Россіи, какъ и въ Греціи.

([154]) Акт. Эксп. I, № 232, стр. 227. 228.

([155]) Въ такомъ смыслѣ можно понимать извѣстныя слова бывшаго троицкаго игумена Артемія, сказанныя въ 1554 г., что „на соборѣ де о крестномъ знаменіи слово было, да недоспѣли ничего“ (Акт. Эксп. I, стр. 252).

([156]) Въ 1567 г. іеромонахъ Ошевенской обители Ѳеодосій составилъ житіе преп. Александра Ошевенскаго и въ концѣ житія, описывая случившееся надъ нимъ самимъ чудо, между прочимъ сказалъ: „и увѣдѣхъ бывшаа надъ собою, яко десная моя рука ослабѣ, длань же о запястьи согнуся, *три же персты верхнихъ* едва возмогохъ вмѣсто содвигнути, иже на лицы своемъ *крестное знаменіе воображати*, два же перста нижнихъ ко длани прикорчившася“. Этотъ іеромонахъ крестился, очевидно, тремя перстами (Славяно-русск. рукоп. *Ундольскаго*, № 276, житіе Александра Ошевен. XVI в., Опис. стр. 214—215).

([157]) Сохранилась Слѣдованная лицевая Псалтырь, писанная въ 1594 г., въ Москвѣ, по повелѣнію боярина Дим. Иван. Годунова, со множествомъ иконописныхъ изображеній на поляхъ рукописи. Тутъ можно насчитать болѣе 100 рукъ, сложенныхъ для благословенія и для крестнаго знаменія, и между ними встрѣчаются и съ троеперстнымъ сложеніемъ, и съ двуперстнымъ, и съ именословнымъ (Прав. Собесѣдн. 1869, III, 105—124. 185—211). О другомъ экземплярѣ этой самой Псалтыри, писанной тѣмъ же писцомъ, см. Прав. Соб. 1870, III, 92—110.

Иностранецъ Петрей, родомъ шведъ, который, по его собственнымъ словамъ, нѣсколько разъ бывалъ въ Россіи, еще при Борисѣ Годуновѣ (1598—1604) и послѣдующихъ царяхъ до Михаила Ѳеодоровича, посломъ отъ своего государя, нѣсколько лѣтъ жилъ между русскими, тщательно наблюдалъ ихъ вѣру и обряды и вносилъ въ свою лѣтопись лишь то, что видѣлъ своими глазами, вотъ какъ описываетъ крестное знаменіе у русскихъ: «въ домахъ у москвитянъ, какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ, есть живописные образа....; при всякомъ входѣ и выходѣ они кланяются и крестятся предъ образами....; особливо когда идутъ спать, встаютъ съ постели, выходятъ изъ-за стола или изъ дому, и опять входятъ въ него, они наклоняютъ голову и *крестятся три раза тремя согнутыми перстами, большимъ, указательнымъ и самымъ длиннымъ*»..... ([158]). А о грекахъ вотъ что говоритъ ученый грекъ Христофоръ Ангелъ, уроженецъ пелопонесскій, который, вслѣдствіе гоненій за вѣру, принужденъ былъ въ 1608 г. удалиться въ Англію и тамъ издалъ впослѣдствіи небольшое сочиненіе о своихъ соотечественникахъ: «когда входятъ они въ церковь, каждый идетъ на свое мѣсто и, ставши, снимаетъ шапку или головный уборъ, и *соединяетъ три перста правой руки, т. е. первый перстъ и вторый и третій вмѣстѣ*, знаменуя, что Богъ есть святая Троица, и

([158]) *Петрея* Исторія о вел. княжествѣ москов., въ Чтен. М. Истор. Общ. 1867, II, отд. IV, стр. 401—402. Подобное же свидѣтельство находимъ и у секретаря Голштинскаго посольства, бывшаго у насъ въ 1633, 1636 и 1638 г., *Адама Олеарія*, который говоритъ: „русскіе для осѣненія себя крестнымъ знаменіемъ употребляютъ сложенными *три главныхъ перста* правой руки“ (*Олеар.* Опис. путешествія Голшт. посольства въ Московію, кн. III, гл 26, въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1868—1870).

полагаетъ три соединенные перста сперва *на челѣ* въ знакъ того, что св. Троица находится на небѣ; а потомъ полагаетъ *на чревѣ* въ означеніе того, что Сынъ Божій и Слово сошелъ на землю и воплотился, и распятъ былъ и умеръ за наши грѣхи; далѣе полагаетъ *на правомъ плечи*, показывая, что Онъ восшелъ изъ ада и возсѣлъ одесную Отца; наконецъ полагаетъ на лѣвомъ плечѣ, выражая (мольбу), чтобы Онъ не оставилъ насъ ошуюю (на страшномъ судѣ), но избавилъ насъ отъ лѣвой страны» ([159]). Спросимъ теперь послѣдователей Стоглава: какимъ же это образомъ могло случиться, что въ началѣ XVII столѣтія троеперстіе для крестнаго знаменія было господствующимъ и въ Греціи и даже въ Россіи, если справедливо, какъ вы утверждаете, что не только со времени Стоглаваго собора, но и прежде его и вообще изначала въ церкви православной употреблялось только одно истинное перстосложеніе–двуперстное?

Перейдемъ къ вопросу объ аллилуіи. Нынѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ нѣкоторыхъ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, еще XIV вѣка, правда, немногихъ, двухъ–трехъ, изъ которыхъ одна принадлежала митрополиту Кипріану, а другая, кажется, московскому Чудову монастырю, встрѣчаются

([159]) Свидѣтельство это разсмотрѣно въ Прав. Собесѣдн. 1864, II, 76 — 81. Можно прибавить здѣсь еще свидѣтельство Льва Аллація (род. 1586 г., ум. 1669), который хорошо зналъ и латинянъ и грековъ и говоритъ о перстосложеніи послѣднихъ для крестнаго знаменія слѣдующее: Graeci tribus primis manus dexterae digitis extensis et inter se connexis, reliquis duobus intra palmam paululum plicatis, frontem tangunt, et manum eodem modo digestam versus pectus extendunt, postea a dextera pectoris parte in sinistram progrediuntur; tandem inclinato capite cum humeris in faciem procumbunt (De cons. eccl. orient. et occid. III, cap. 18, p. 1357–1358).

выраженія: «аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ, Боже» ([160]). Есть основаніе думать, что эта сугубая аллилуіа занесена къ намъ въ книгахъ изъ Сербіи ([161]), и къ концу XIV или въ началѣ XV столѣтія имѣла у насъ уже немало послѣдователей; но тогда же встрѣтила и жаркихъ обличителей. Въ «Уставѣ о пѣтьи меѳимона», по рукописи того времени, между прочимъ, говорилось: «иже *мнози* поютъ подвоицю—алѣлугіа, а не втрегубна, на грѣхъ себѣ поютъ. Пѣти: алѣлугіа, алѣлугіа, алѣлугіа, слава Тобѣ, Боже. Алѣлугіа речется: пойте Богу,—то Отцу; второе: пойте Богу,—а то Сыну; а се третьее: пойте Богу,—а то Св. Духу. Таже: слава Тобѣ, Боже. Первое, пой алѣлугіа трижды Пресвятѣй Троицѣ—Отцю и Сыну и Святому Духу; а се единому Богу, въ Троицѣ сущю: слава Тобѣ. Пой же вся со крестьяны, но по-трижда, а не подважда; аще ли подвоижды, то разлу-

---

([160]) Уставъ церк. XIV в. М. Синод. библ. № 383, л. 3 об.; Устав. церк. XIV в. тойже библ. № 384, л. 14 (Опис. III, I, стр. 277. 283). Въ Слѣдован. своей Псалтыри (Рукоп. Моск. дух. акад. № 142), и именно въ „Часословцѣ“, начинающемся съ л. 145, излагая чинъ полунощницы, м. Кипріанъ пишетъ: „псаломъ 50—помилуй мя Боже..., таже блажени непорочніи, таже слава и нынѣ, *аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже 3-жды и поклоны 3*; слава и нынѣ, руцѣ твои сотвористѣ мя, слава и нынѣ, *аллилуіа 3-жды съ тріми поклоны*“ (л. 146 об.). Затѣмъ, излагая чинъ утрени, пишетъ: „прильпѣ душа моя по тебѣ, мене же пріятъ десница твоя: слава и нынѣ, *аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже 3 жды бес поклонов*“ (л. 155 об.). И далѣе: „духъ твой благый наставитъ мя на землю праву: слава и нынѣ, *аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже 3-жды бес поклонов*“ (л. 155). Далѣе, въ чинѣ 3-го часа: „помилуй мя Боже: слава и нынѣ, *аллилуіа 3 жды и поклона 3*“ (л. 165). Послѣднее повторяется и на л. 173 об. и 179.

([161]) Кромѣ того, что м. Кипріанъ, родомъ сербъ, принесъ къ намъ свою псалтырь, вѣроятно, изъ Сербіи, уцѣлѣла еще другая псалтырь, писанная на пергаменѣ не позже XIV в., съ явными признаками сербскаго происхожденія, въ которой послѣ 134-го псалма сдѣлана замѣтка киноварью: „аллилуіа сугуби“. Псалтырь эта принадлежитъ нынѣ Г. Барсову (Прав. Обозр. 1872, II, 718).

чаешь Отца и Сына и Св. Духа» ([162]). Въ какихъ мѣстахъ появились-было у насъ эти первые послѣдователи сугубой аллилуіи, и кто написалъ противъ нихъ приведенное обличеніе и наставленіе, неизвѣстно. Но въ 1419 г. недоумѣніе относительно аллилуіи обнаружилось именно въ Псковѣ, и по поводу этого недоумѣнія вызванъ былъ псковичами подать свой голосъ самъ митрополитъ Фотій, который тогда же отвѣчалъ имъ: «что ми пишете о аллилуіи...., сице глаголи: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава Тобѣ, Боже; аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава Тобѣ, Боже; аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава Тобѣ, Боже» ([163]).

Несмотря, однакожъ, на такое ясное и рѣшительное наставленіе первосвятителя русской церкви, данное псковичамъ, Пскову суждено было вскорѣ сдѣлаться мѣстомъ самыхъ горячихъ споровъ о сугубой аллилуіи. Въ первой четверти XV вѣка въ псковскомъ Снѣтогородскомъ монастырѣ принялъ постриженіе, вмѣстѣ съ именемъ Евфросина, одинъ изъ мѣстныхъ поселянъ, нѣкто Елеазаръ, который потомъ въ 1425 г. удалился изъ монастыря въ пустыню, въ 25-ти стадіяхъ отъ Пскова, гдѣ и основалъ впослѣдствіи на рѣкѣ Толвѣ свой монастырь, извѣстный подъ именемъ Елеазарова. Этотъ-то инокъ Евфросинъ, какъ свидѣтельствуетъ списатель его

([162]) Этотъ коротенькой „Уставъ о пѣтьи меѳимона“ помѣщенъ въ рукописи XIV—XV в. новгород. Соф. библ., нынѣ с. п. б. дух. акад. № 1264, л. 15 об., и начинается такъ: „Меѳимонъ же нарѣчается печать и замокъ Святыя Троица, Отца и Сына и Св. Духа; а ключь есть честный крестъ, сиче рещи, отмычюще: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“. .. и проч. Впослѣдствіи уставъ этотъ о меѳимонѣ встрѣчается и въ рукописяхъ XVI в. (Опис. рук. М. Синод. библ. II, 3, стр. 741).

([163]) Это посланіе Фотія напечатано нами сполна въ прилож. къ IV т. нашей Исторіи, подъ № XXVIII.

житія, еще до принятія монашества и по принятіи скорбѣлъ и «сѣтовалъ безмѣрною печалію предъ Богомъ о пресвятыя аллилуіа», потому что видѣлъ будто бы «великъ расколъ посреди Христовой церкви и разногласіе, овѣмъ бо двоящимъ, овѣмъ троящимъ пресв. аллилуіа». Многихъ онъ спрашивалъ изъ «старѣйшихъ отъ церковныя чади о великой той вещи», и никто не могъ ему «протолковати тайны о божественнѣй аллилуіа». Тогда онъ отправился въ Царьградъ, бесѣдовалъ тамъ съ самимъ патріархомъ Іосифомъ и получилъ отъ него повелѣніе двоить аллилуію; посѣтилъ софійскій соборъ, и слышалъ въ немъ сугубую аллилуію; обошелъ всѣ окрестные монастыри и св. мѣста, вездѣ спрашивалъ о тайнѣ аллилуіи и отъ всѣхъ слышалъ наказъ—сугубить ее. Возвратившись на родину и передавъ братіи, вмѣстѣ съ иконою отъ патріарха, писаніе его объ аллилуіи, Евфросинъ уставилъ въ своей обители «чинъ дважды глаголати св. аллилуіа». Но лишь только узнали объ этомъ въ Псковѣ, какъ на Евфросина возстало все псковское духовенство, и во главѣ всѣхъ—священникъ Іовъ, пользовавшійся за свою ученость величайшимъ уваженіемъ и прозванный «столпомъ церковнымъ»,—возстало потому, что «утвердися обычай единъ всѣмъ псковичемъ по мірскимъ церквамъ и монастырскимъ пресвятая троити аллилуіа». Немедленно отправлены были изъ Пскова къ Евфросину діаконъ Филиппъ и какой-то священникъ, «оба мудра зѣло философа», съ послапіемъ отъ лица Троицкаго собора, которое написано было Іовомъ. Они убѣждали преподобнаго отказаться отъ сугубой аллилуіи и, между прочимъ, говорили: «вся церковь Божія по всей странѣ нашей троитъ аллилуію...; всѣ мы издревле навыкли, смотря другъ на друга, троить аллилуію...;

мы Троицу славимъ троеніемъ аллилуіи: ибо аллилуія Отцу, аллилуія Сыну, аллилуія Св. Духу, и потомъ единаго Бога изображаемъ, когда послѣ каждой тройной аллилуіи поемъ: слава Тебѣ, Боже». Евфросинъ отвѣчалъ, что онъ не отъ своего самочинія ввелъ у себя обычай двоить аллилуію, а принялъ его отъ вселенской церкви, отъ самаго патріарха цареградскаго Іосифа, давшаго ему на то и свое писаніе; прочелъ затѣмъ посланіе Іова и сказалъ своимъ собесѣдникамъ, что трудъ этотъ послужитъ только въ погибель учителю ихъ Іову-Столпу, что отнынѣ Іовъ не столпъ благочестія, а столпъ, исполненный смрада, что онъ отторгнулся отъ церкви Христовой и возлюбилъ тьму, такъ какъ взялъ уже за себя третью жену, и, что не имъ, невѣгласамъ съ ихъ жалкимъ учителемъ, разсуждать о тайнѣ и сокровенной силѣ божественной аллилуіи, и, отпустивъ ихъ, написалъ троицкому псковскому собору посланіе, въ которомъ повторилъ тѣже мысли въ свою защиту и тѣже укоры своему главному противнику Іову. Послѣ этого, руководимые Іовомъ, псковичи уже всѣ вооружились противъ Евфросина, открыто называли его еретикомъ, а его монаховъ вѣроотступниками, такъ что преподобный принужденъ былъ обратиться съ жалобою на Іова къ новгородскому владыкѣ Евѳимію и просилъ его разрѣшить ихъ прю. Но владыка, вмѣсто того, чтобы разрѣшить эту прю и наложить епитимію на Іова, будтобы только ссылаясь на свою немощь разсуждать о такой высокой тайнѣ, сокровенной въ Богѣ, отвѣчалъ Евфросину: «если ты самъ своими очами и ушами видѣлъ и слышалъ отъ самаго цареградскаго патріарха Іосифа, а такъ же отъ всего клироса вселенской церкви и отъ всѣхъ живущихъ тамъ, что должно

двоить святую аллилуію, то и твори такъ, какъ пріялъ отъ вселенской церкви, по благословенію вселенскаго патріарха, и незазирай моей грубости». Тогда Евфросинъ понялъ, что никто изъ высшихъ властей не хочетъ ополчиться за него противъ его гонителей, и возложивъ всю надежду на Бога, только въ молитвѣ искалъ и находилъ для себя утѣшеніе до самой своей кончины († 1481). Нѣтъ ни основанія, ни нужды отвергать достовѣрность житія Евфросинова въ тѣхъ главныхъ чертахъ, которыя мы изложили, хотя въ подробностяхъ оно дѣйствительно представляетъ немало странностей, даже нелѣпостей ([164]). Не станемъ, въ частности, отвергать, что Евфросинъ ходилъ въ Царьградъ и научился тамъ отъ всѣхъ сугубить аллилуію: по крайней мѣрѣ, онъ самъ утверждалъ это, и ему вѣрили его современники. Но въ насъ невольно раждается сомнѣніе: правду ли онъ говорилъ; не было ли тутъ какого либо недоразумѣнія и самообольщенія, особенно если Евфросинъ былъ точно такимъ страннымъ фанатикомъ сугубой аллилуіи еще отъ юности своей, какимъ изображается въ житіи? Извѣстно, что только въ 1410 году прибылъ къ намъ изъ Цареграда митрополитъ Фотій, родомъ грекъ и знатокъ церковныхъ правилъ и установленій, и что въ 1419 г. онъ, въ своемъ посланіи, подлинность котораго не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, прямо и рѣшительно училъ псковичей троить аллилуію; а преп. Евфросинъ могъ быть въ Царьградѣ и у патріарха Іосифа отнюдь непозже 1437 г., когда Іосифъ отправился на флорентійскій соборъ,

([164]) Мы довольно подробно указали ихъ въ нашей Ист. Русск. раскола, стр. 33—41, изд. 2.

гдѣ и скончался. Какъ же могло случиться въ такой короткій промежутокъ времени, что въ Царьградѣ и его окрестностяхъ, въ 1437 г., уже всѣ двоили, а не тропли аллилуію? Все ли понялъ и уразумѣлъ Евфросинъ, что слышалъ въ Царьградѣ относительно аллилуіи, а не то ли одно ему и слышалось и грезилось, что хотѣлось слышать, какъ иногда бываетъ съ фанатиками?

Впрочемъ, повторяемъ, современники вѣрили Евфросину, что греки въ Константинополѣ двоятъ аллилуію. Сохранилось посланіе какого-то сторонника Іова-Столпа «господину Аѳанасію, честнѣйшему во иноцѣхъ общежительныя великыя лавры св. Николы ктитору», который былъ жаркимъ сторонникомъ Евфросина. Въ этомъ обширномъ посланіи неизвѣстный авторъ, сначала напомнивъ Аѳанасію объ его писаніи, которое онъ прислалъ предъ тѣмъ въ псковскіе соборы священникамъ объ аллилуіи съ порицаніями на Іова, говоритъ, между прочимъ, что напрасно онъ-Аѳанасій, въ защиту сугубой аллилуіи, ссылается на грековъ, потому что греки «*на сихъ лѣтѣхъ*, къ своей погибели, отъ истины свернулися», и «развращеннымъ грековомъ» вѣрить не слѣдуетъ; напрасно ссылается на самаго патріарха Іосифа и константинопольскую церковь, потому что патріархъ Іосифъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Исидоромъ, на флорентійскомъ соборѣ, не устоялъ въ правдѣ, за что̀ и подвергся праведному суду Божію и не возвратился на свой престолъ, а «на мѣстѣ святѣмъ, сирѣчь въ соборнѣй и апостольстѣй церкви Константина града, теперь уже мерзость и запустеніе». Съ другой стороны, авторъ старается отстаивать трегубую аллилуію и для этого, кромѣ разныхъ соображеній и богословствованій, большею частію, мало толковыхъ, —а) указываетъ на службу великомученику

Георгію (23 апрѣля), въ которой три первыя стихиры настиховнѣ, написанныя Ѳеофаномъ исповѣдникомъ, оканчиваются, каждая, троекратнымъ возглашеніемъ: аллилуія, аллилуія, аллилуія ([165]); б) напоминаетъ Аѳанасію, только-что сказавъ объ измѣнѣ патріарха Іосифа на флорентійскомъ соборѣ: «подобаше ти, отче, паче патріарха и Аѳона, послушати, аки самаго Христа, киръ митрополита кіевскаго и московскаго и всея Русіи Фотія», который прислалъ къ намъ въ Псковъ, за своею печатью, «грамоту, яже и до нынѣ лежитъ во Святѣй Троицѣ, въ нейже написано сице: аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже».... и проч.; в) наконецъ приводитъ извѣстный уже намъ уставъ о пѣтьи меѳимона, оглавляя его: «слово лаодикійскаго собора», научающій не двоить, а троить аллилуію ([166]). Посланіе это написано, очевидно, вскорѣ послѣ флорентійскаго собора, можетъ быть, еще при жизни преп. Евфросина, какимъ-то ближайшимъ единомышленникомъ Іова-Столпа (не діакономъ ли Филиппомъ?): потому что авторъ, напомнивъ въ началѣ Аѳанасію, что онъ писалъ въ Псковъ объ Іовѣ, присовокупляетъ: «вѣмъ, отче, вѣмъ, и ко мнѣ, сирѣчь *и на насъ*, писалъ еси». А кто былъ этотъ Аѳанасій, такой жаркій послѣдователь Евфросина и ревнитель сугубой аллилуіи, съ точностію сказать нельзя. Видно только, что его лавра св. Николая принадлежала къ

([165]) Это дѣйствительно и видимъ въ Шестодневѣ XV в., писанномъ и употреблявшемся въ Псковѣ (Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, I, стр. 581).

([166]) Посланіе къ Аѳанасію напеч. въ Прав. Собесѣдн. 1866, II, 140—166. Но тамъ несправедливо усвояется оно новгородскому архіепископу Макарію (стр. 137—139), какъ усвоялось прежде и другими (*Григор.* Истинно-древн. церк. II, 146, изд. 4).

числу монастырей псковской области, а самъ онъ былъ лице достопочтенное: къ нему съ уваженіемъ и съ глубокимъ смиреніемъ относится авторъ и неразъ проситъ у него извиненія за свое писаніе и проситъ его молитвъ о себѣ грѣшномъ (Спес. нашей Истор. IV, 202). Достойно замѣчанія, что ни Аѳанасій, ни самъ Евфросинъ, во все продолженіе спора объ аллилуіи, ни разу не сослались ни на Москву, ни на другіе русскіе города, а указывали только на Царьградъ: не свидѣтельствуетъ ли это, что тогда еще ни въ Москвѣ, ни въ другихъ мѣстахъ Россіи, не двоили аллилуіи ([167])?

Къ концу XV вѣка вопросъ объ аллилуіи обратилъ на себя вниманіе, какъ и слѣдовало, новгородскаго, а вмѣстѣ и псковскаго, владыки Геннадія, и извѣстно небольшое посланіе къ нему (отъ 1491 г.) Димитрія толмача, находившагося тогда, по его порученію, въ Римѣ: «ты велѣлъ мнѣ, господине, отписать тебѣ о трегубномъ аллилуіѣ. Высмотрѣлъ я въ книгахъ; ино, господине, того и здѣсь въ книгахъ не показано, какъ говорить, трегубно или сугубно.... Но помнится мнѣ, что и у насъ о томъ бывалъ споръ между великими людьми, и они судили, что то и другое одинаково: ибо трегубное аллилуія, а четвертое: *слава Тебѣ, Боже*, являютъ три-ѵпостасное, единосущное Божество, а сугубая аллилуія являетъ въ двухъ естествахъ единое божеское лице Христа. Потому

([167]) Въ Слѣдованной Псалтыри (библіотеки Кирилло-бѣлоз. монастыря, нынѣ с. п. б. дух. акад., № 259), писанной въ предѣлахъ тогдашней ростовской епархіи, именно въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ, въ лѣто 6989 (1481), какъ засвидѣтельствовалъ самъ писецъ двукратно (л. 173 об. и 232 об.), по окончаніи стиховъ, поемыхъ всякую недѣлю „по непорочнахъ“ („*Благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ*“), въ заключеніи послѣдняго стиха („*Жиз-*

какъ ни молвитъ человѣкъ тою мыслію, такъ и добро» ([168]). Изъ этихъ словъ Димитрія къ Геннадію открывается, что и прежде *у насъ*, т. е. вѣроятно, въ Москвѣ или въ Новгородѣ,—такъ какъ оба они—и Димитрій и Геннадій жили и въ Москвѣ и потомъ въ Новгородѣ,—бывалъ споръ объ аллилуіи, и что тогда какіе-то великіе люди порѣшили-было его весьма разумно (рѣчь, очевидно, не о псковскихъ спорахъ). Къ сожалѣнію это разумное рѣшеніе не нашло себѣ послѣдователей, особенно въ Псковѣ. Въ самомъ началѣ XVI вѣка какой-то инокъ обители преп. Евфросина псковскаго, приступая къ начертанію повѣсти о немъ, съ скорбію говорилъ, что въ церкви Божіей произошелъ расколъ, что одни двоятъ, а другіе троятъ пресвятую аллилуію, и какъ двоящіе укоряютъ троящихъ, такъ и троящіе двоящихъ. Вслѣдствіе этого-то онъ, безвѣстный инокъ, воодушевляемый фанатическою приверженностію къ сугубой аллилуіи, считая ее дѣломъ чрезвычайно-важнымъ для угожденія Богу, предполагая въ ней какую-то высшую, сокровенную премудрость и желая «открыть свѣтъ вѣдѣнія церкви Божіей, великую тайну пресвятой аллилуіи», и написалъ извѣстную уже намъ, въ главныхъ чертахъ, повѣсть о преп. Евфросинѣ, и кромѣ того изложилъ въ ней разсказъ о томъ, будто ему, автору повѣсти, двѣ ночи, во время тонкаго сна, являлся преп. Евфросинъ съ своимъ сподвижникомъ Сераціономъ и говорилъ: «опиши тайну святыя аллилуіи», а на третью ночь явилась

подавца родши“. .) написано: „аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже“ (л. 57 об.).

([168]) Напеч. въ Прав. Собесѣдн. 1861, I, 111—112.

даже сама пресв. Богородица съ архангеломъ и тѣмиже двумя преподобными, и сама весьма подробно объяснила ему тайну сугубой аллилуіи и сказала: «воспиши тайну сію, еяже азъ, Богородица, тебѣ повелѣваю». Не можемъ не остановить, въ частности, вниманія на послѣдующихъ словахъ разскащика: когда Богородица, говоритъ онъ, удалилась, приступилъ ко мнѣ ангелъ и строго повелѣлъ мнѣ написать все, что я отъ Нея слышалъ. Я убоялся и затрепеталъ, и со слезами сказалъ ему во умиленіи: «господи, ты вѣси, яко *многи*, въ чудесѣхъ просіявше и въ великихъ знаменіяхъ, *творящіи* божественная аллилуія. Онъ же, отвѣщавъ, рече ми: невѣдый тайны сея не судится ему; *нынѣ же* вѣдый уже осужденъ будетъ отъ Бога». Не ясно ли свидѣтельствуетъ здѣсь самъ составитель перваго житія Евфросинова, что прежде въ православной церкви тропли аллилуію? ([169]).

Надобно допустить, что въ первой половинѣ XVI вѣка сугубая аллилуія проникла и въ Москву. Самъ Максимъ грекъ былъ защитникомъ ея и называлъ ее древнимъ преданіемъ со временъ Игнатія богоносца, будтобы наученнаго ей ангелами, если только неподложно приписываемое Максиму «словцо къ смѣющимъ трижды глаголати аллилуія чрезъ преданія церковнаго, а четвертое—слава Тебѣ, Боже» ([170]).

([169]) Списокъ этого перваго житія Евфросинова—въ рукоп. *Ундольск.*, XVI в., № 306, л. 1—112 (Опис. стр. 229).

([170]) Оно такъ же находится во всѣхъ указанныхъ нами (примѣч. 152), Сборникахъ сочиненій Максима грека XVI в. и даже Хлудовскомъ, писанномъ въ 1563 г. Кромѣ того, находится, подъ именемъ же Максима грека, въ Сборникѣ, писанномъ въ 1562—1563 г. Евѳиміемъ Турковымъ, бывшимъ потомъ игуменомъ Іосифо-волоколамскаго монастыря (Волок. Сборн. въ библ. моск. дух. акад. № 514, л. 499)-

Самъ вел. князь Василій Ивановичъ неразъ повторялъ предъ кончиною своею: *аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже*, по свидѣтельству описателя этой кончины, повидимому, очевидца, если только послѣдній говоритъ правду ([171]). Въ 1547 г. псковскій пресвитеръ Василій вновь написалъ житіе преп. Евфросина, повторивъ дословно, хотя и въ другомъ порядкѣ, всѣ сказанія прежняго жизнеописателя Евфросинова, вмѣстѣ съ разсказомъ о явленіи ему Богородицы и Ея подробными объясненіями сугубой аллилуіи. И, на основаніи этого житія, Соборъ 1549 г., подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія, причислилъ Евфросина къ лику святыхъ. А вслѣдъ затѣмъ преп. Евфросину составлена особая служба съ восхваленіемъ въ ней сугубой аллилуіи, и самое житіе его, написанное Василіемъ, внесено митрополитомъ въ его знаменитыя Чети-минеи ([172]). Наконецъ, Стоглавый соборъ (1551 г.) далъ объ аллилуіи слѣдующій отвѣтъ, хотя царь о ней вовсе не спрашивалъ: «въ Псковѣ и въ псковской землѣ по многимъ монастырямъ и церквамъ, да и въ новгородской землѣ по многимъ мѣстамъ, донынѣ говорили трегубую аллилуію, вопреки апостольскимъ и отеческимъ

([171]) Собр. Р. Лѣт. VI, 271. 274. Въ Требникѣ нашей библ., нач. XVI в., № 89, принадлежавшемъ впослѣдствіи старцу Антонію, постриженнику Чудова монастыря, какъ значится въ подписи, въ двухъ мѣстахъ читается: „аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже трижды“ (—стр. 1002 и 1094). А въ Слѣдованной Псалтыри нашей библ., № 91, писанной ок. 1540 г., какъ можно заключать изъ одной замѣтки писца (л. 504), по окончаніи пѣсни: *Жизнодавца родши*...., сказано: „аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже, —сіе же трищи глаголи“ (—л. 492 об.). Наконецъ, въ Уставѣ нашей библ., первой половины XVI в., № 88, по окончаніи тойже самой пѣсни, написано: „аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа“ (л. 425).

([172]) Службы Евфросину—въ Трефол. Тр.-Серг. лавр. исх. XVI в. № 624, подъ 15 числ. мая; въ Сборн. Румянц. Муз. № 397, л. 219 (Опис. стр. 596).

преданіямъ. Но мы узнали достовѣрно отъ писателя житія преп. отца нашего Евфросина псковскаго, новаго чудотворца, какъ, ради его св. молитвъ, пречистая Богородица извѣстила и запретила о трегубой аллилуіи и повелѣла православнымъ христіанамъ говорить сугубую аллилуію, а третье—слава Тебѣ, Боже. И потому отнынѣ всѣмъ православнымъ христіанамъ говорить сугубую аллилуію, а третье—слава Тебѣ, Боже, какъ и предала св. соборная и апостольская церковь, а не трегубить аллилуіи, какъ прежде сего говорили во Псковѣ и по многимъ мѣстамъ, а четвертое приговаривали—слава Тебѣ, Боже. Это не есть преданіе православныхъ, но ересь латинянъ: они не славятъ Троицу, но четверятъ, и признаютъ Св. Духа исходящимъ отъ Отца и Сына, и тѣмъ творятъ Св. Духа раболѣпнымъ. И потому не подобаетъ трегубить аллилуію, но дважды говорить—аллилуія, а въ третій разъ—слава Тебѣ, Боже: ибо по-еврейски—*аллилуія*, а по нашему, по-русски—*слава Тебѣ, Боже*» (Стогл. гл. 42). При чтеніи этого рѣшенія соборнаго не знаешь, чему болѣе удивляться, «простотѣ» ли, или «невѣжеству». На чемъ основали отцы собора свое рѣшеніе? Преимущественно на частномъ разсказѣ безвѣстнаго инока, будто ему являлась во снѣ пресв. Богородица, подробно объяснила ему тайну аллилуіи и повелѣла двоить, а не троить ее въ церкви! И притомъ тогда, когда самыя эти объясненія, приписываемыя разсказомъ Богородицѣ, заключаютъ въ себѣ смѣсь самыхъ странныхъ, нелѣпыхъ, даже еретическихъ мыслей, какія могли придти въ голову лишь грубому невѣждѣ, и когда самъ разсказчикъ открыто сознался, что онъ «отъ великихъ глаголъ» Богородицы только «*мало нѣчто въ растлѣнней* своей *памяти* удержалъ и гру-

бымъ разумомъ написалъ» ([173]). По истинѣ, простота изумительная! Затѣмъ отцы собора говорятъ, будто сугубую аллилуію предала св. соборная и апостольская церковь: это неправда историческая; будто трегубая аллилуія есть ересь латинянъ, когда они употребляютъ аллилуію въ своемъ богослуженіи и однажды, и дважды, и трижды, и пять разъ, и гораздо болѣе, и никакая аллилуія, ни трегубая, ни сугубая, ни другая, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа ересью; будто латиняне четверятъ Троицу и дѣлаютъ работнымъ Св. Духа, тогда какъ они вовсе не четверятъ Троицы и не дѣлаютъ работнымъ Св. Духа, хотя и невѣрно учатъ объ Его исхожденіи и отъ Сына; будто аллилуія значитъ—слава тебѣ, Боже, между тѣмъ какъ она значитъ—хвалите Бога ([174]). Тутъ цѣлый рядъ примѣровъ невѣжества. Напрасно думаютъ, будто самъ предсѣдатель Стоглаваго собора Макарій держался не сугубой, а трегубой аллилуіи, и въ доказательство указываютъ на то, что онъ помѣстилъ въ своей Чети-минеи и посланіе митрополита Фотія въ Псковъ о трегубой аллилуіи и такого же рода посланіе неизвѣстнаго къ ктитору лавры св. Николая, Аѳанасію: въ тойже своей Чети-минеи Макарій помѣстилъ и житіе преп. Евфросина псковскаго съ прославленіемъ сугубой аллилуіи и, на основаніи этого житія, призналъ даже, вмѣстѣ съ соборомъ, преп. Евфросина въ ликѣ святыхъ.

([173]) Житіе Евфросина напечатано, и всякъ можетъ видѣть, какія недостойныя разглагольствія и толкованія вложилъ авторъ въ уста Преев. Богородицы (Памятн. стар. Русск. Литер. IV, 67—116).

([174]) Объ аллилуіи у латинянъ—см. Gregor. Magn. Liber responsalis sive antiphonarius, in Patrolog. cursu compl. LXXVII, p. 726—850, ed. Migne.

ГЛАВА VII.

ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО.

I.

Кормчая книга, судя по сохранившимся спискамъ ея XV и XVI в., употреблялась тогда у насъ въ разныхъ видахъ. Списывалась еще, а слѣд. и употреблялась, она и въ томъ видѣ, въ какомъ извѣстна была въ Россіи до митрополита Кирилла II, когда содержала въ себѣ одни каноны безъ толкованій. Два списка ея XV—XVI в. представляютъ номоканонъ схоластиковъ (VI в.), въ которомъ помѣщены только правила св. апостоловъ, четырехъ вселенскихъ и шести помѣстныхъ соборовъ и св. Василія великаго, и притомъ правила изложены неотдѣльно, сперва апостольскія, потомъ каждаго собора порознь и Василія великаго, а всѣ сведены въ одинъ составъ, распредѣлены по предметамъ и расположены въ нѣкоторой системѣ, въ 50-ти титлахъ или граняхъ-отдѣленіяхъ. Впрочемъ, наши Кормчія, по номоканону Іоанна Схоластика, содержали въ себѣ, кромѣ этого номоканона въ его древнѣйшемъ, болгарскомъ переводѣ, и нѣкоторыя правила двухъ остальныхъ вселенскихъ соборовъ, шестаго и седмаго, вмѣстѣ съ свѣдѣніями объ нихъ, равно какъ немало и другихъ дополнительныхъ статей позднѣйшаго происхожденія,

греческаго и болгарскаго ([175]). Другіе два списка Кормчей XV—XVI в. представляютъ сборникъ церковныхъ правилъ, извѣстный подъ именемъ патріарха Фотія, только еще неполный: тутъ прежде всего, находится, послѣ пролога или предисловія, номоканонъ, въ которомъ такъ же, какъ и въ номоканонѣ Схоластика, всѣ каноны расположены, по предметамъ, въ нѣкоторой системѣ, но не въ 50-ти, а въ 14-ти титлахъ-граняхъ, и самыя правила не приведены въ текстѣ, а только сдѣланы указанія на нихъ; затѣмъ слѣдуетъ изложеніе (*συνταγμα*) самаго текста правилъ: св. апостоловъ, св. соборовъ—сперва вселенскихъ, всѣхъ семи, потомъ помѣстныхъ, кромѣ двухъ, послѣднихъ по времени (бывшихъ въ Константинополѣ по дѣлу Фотія и находящихся уже собственно въ фотіевомъ Сборникѣ каноновъ), и св. отцевъ; наконецъ помѣщены разныя дополнительныя статьи, не только греческаго происхожденія,—между ними и извѣстныя 87 главъ, извлеченныхъ Іоанномъ Схоластикомъ изъ новеллъ Юстиніана,—но, по крайней мѣрѣ, въ одномъ спискѣ, и русскаго, каковы—правило церковное митрополита Іоанна II и отвѣты новгородскаго владыки Нифонта на вопросы Кирика. Правила въ этой Кормчей всѣ не сокращенныя, а полныя, какъ и въ помянутыхъ выше Кормчихъ по номоканону Схоластикову, но переводъ правилъ здѣсь совершенно другой, хотя такъ же весьма

([175]) Списокъ славянской Кормчей, по номоканону Іоанна Схоластика, XIII в., находящійся въ Румянц. Муз. № 230, описанъ Востоковымъ (Опис. Р. Муз. стр. 275–279). Другой списокъ этой самой Кормчей XV—XVI в., въ которомъ недостаетъ только трехъ послѣднихъ листовъ Румянцевскаго списка (отъ л. 136 до л. 139), находится въ библ. москов. дух. академіи, № 54. О третьемъ такомъ же спискѣ, писанномъ на бумагѣ, свидѣтельствуетъ Розенкампфъ (Обозр. Кормч. стр. 4, изд. 2).

древній, ([176]). Очень естественно, если Кормчія съ одними канонами безъ толкованій списывались у насъ въ XV и XVI столѣтіяхъ весьма рѣдко и сохранились въ небольшомъ числѣ экземпляровъ: потому что хотя и такими Кормчими, по номоканону ли схоластикову или фотіеву, неполному, еще можно было пользоваться, но онѣ не представляли уже тѣхъ удобствъ, какія можно было находить въ Кормчихъ не съ одними канонами, а и съ толкованіями на каноны, появившихся у насъ со времени митрополита Кирилла II.

Съ этого времени, какъ извѣстно, Кормчія съ толкованіями начали распространяться у насъ въ двоякомъ видѣ, въ двухъ редакціяхъ. Прототипомъ для Кормчихъ одной редакціи и фамиліи былъ списокъ рязанскій (1284 г.), вѣрнѣе, кирилловскій,— тотъ самый, который митр. Кириллъ получилъ изъ Болгаріи и съ котораго рязанскій списокъ былъ только точною копіею. Здѣсь уже полный фотіевъ номоканонъ и полное изложеніе правилъ, т. е. со включеніемъ и правилъ двухъ соборовъ константинопольскихъ – фотіевыхъ; правила большею частію въ сокращенномъ текстѣ, но немало и полныхъ; толкованія Аристина, который, впрочемъ, болѣе ясныя правила оставилъ безъ толкованій, и лишь изрѣдка Зонаровы; въ числѣ дополнительныхъ статей однѣ греческія и нѣтъ русскихъ; переводъ

([176]) Древнѣйшій списокъ такой Кормчей, Ефремовскій, XI—XII в. хранится въ Моск. Синод. библ., № 227. Другой списокъ ея, Соловецкій, XV - XVI в., содержащій въ концѣ и нѣкоторыя русскія статьи, принадлежитъ нынѣ казанской дух. академіи, № 1056 (*Срезневск.* Свѣд. и замѣтки о малоизвѣстн. и неизвѣстн. памятникахъ, ст. XLIV, въ Сборн. II-го отд. Ак. наукъ, XII, стр. 65—66; *Павлов.* Первонач. Славяно-русск. Номокан., стр. 25 – 54, Казань 1869). Третій списокъ этой же самой Кормчей, но безъ русскихъ статей, нач. XVI в., находится въ библіотекѣ Троице-Сергіевой лавры, № 207.

всей этой Кормчей сербскій, совершенный «потщаніемъ и любовію многою и желаніемъ» перваго архіепископа сербскаго Саввы (1219—1234) (177). Прототипомъ для Кормчихъ другой редакціи и фамиліи служилъ списокъ новгородскій – софійскій (нпс. ок. 1282 г.), съ полнымъ такъ же фотіевымъ помокапономъ и изложеніемъ правилъ: здѣсь правила, большею частію, полныя и въ томъ самомъ переводѣ, въ какомъ они употреблялись у насъ еще до митр. Кирилла по фотіеву же Сборнику, не совсѣмъ полному; но есть правила хотя въ этомъ самомъ переводѣ, однакожъ не цѣльныя, а усѣченныя, то въ началѣ, то въ концѣ, то съ пропусками въ срединѣ; есть правила, хотя полныя, однакожъ въ другомъ переводѣ и именно въ томъ, въ какомъ они изложены въ рязанской-кирилловской Кормчей, изъ которой, слѣдовательно, и заимствованы; много правилъ сокращенныхъ, заимствованныхъ

(177) Нашей Истор. V, 5—10; *Срезневск.* Свѣд. и замѣт. о малоизв. и неизв. памятн., ст. XLVII, въ Сборн. II-го отд. Ак. наукъ, XII, 1617; *Павлов.* Первонач. Слав русск. Номок., 62—75. А въ доказательство того, что въ этой Кормчей немало и полныхъ правилъ, достаточно указать на два слѣдующіе примѣра: а) изъ числа 85-ти правилъ апостольскихъ болѣе четверти здѣсь полныя, именно: 1. 2. 23. 24. 43. 48. 49. 50. 52. 53. 55. 56. 57. 58. 60. 66. 69. 70. 71. 72. 73. 75. 77. 78; б) всѣ 19-ть правилъ собора Гангрскаго — такъ же полныя. Для сличенія съ полными правилами (по изд. С. п. б. 1839) правилъ рязанской Кормчей мы пользовались спискомъ ея, писанномъ въ 7060, т. е. 1552 г., по благословенію новгородскаго владыки Серапіона (Новгород. Соф. библ., нынѣ С. п. б. дух. академіи, № 1175), а равно и печатною Кормчею 1653 года. Означенный списокъ 1552 г. совершенно сходенъ съ Кормчею Румянц. Муз. № 232, съ л. 16-го по л. 198, которая, въ свою очередь, сходна, судя по оглавленію, съ рязанскимъ спискомъ 1284 г. даже и въ томъ, что помѣщено въ ней съ самаго начала до 16 листа. Разность же между этими списками – та, что въ рязанскомъ спискѣ дѣйствительно помѣщены всѣ 64 главы, показанныя въ оглавленіи его; въ румянцевскомъ помѣщены только 44 главы, хотя въ оглавленіи показаны всѣ тѣже самыя 64 гл.; а въ новгородскомъ - серапіоновскомъ помѣщено 55 главъ, хотя въ оглавленіи такъ же перечислены всѣ 64 гл. и обозначено ихъ содержаніе.

прямо изъ рязанской Кормчей въ томъ же переводѣ; всѣ толкованія—буквально тѣже, что и въ кирилловской Кормчей и изъ нея заимствованы; между дополнительными статьями находятся и русскія, но нѣкоторыя изъ греческихъ такъ же заимствованы изъ кирилловской Кормчей въ томъ же переводѣ ([178]). Кормчія обѣихъ этихъ фамилій, рязанской и софійской, дошли до насъ отъ XV и XVI в. въ большомъ числѣ; а это свидѣтельствуетъ, что какъ тѣми, такъ и другими Кормчими тогда у насъ пользовались ([179]). Но, кажется, со-

---

([178]) *Ундольск.* Опис. Славян. рукоп. Моск. Синод. библ., въ Чтен. М. Ист. Общ. 1867, II, отд. III, 46–56; *Павлов.* Первонач. Слав.-русск. Номокан., 75—79. 90—94. Есть въ этой Кормчей правила не цѣльныя, усѣченныя, и такихъ весьма много: наприм., изъ числа апостольскихъ до 25-ти, и именно: 8. 25. 31—38. 40. 41. 46. 47. 50. 51 (съ пропускомъ въ срединѣ). 52. 53. 55. 68. 74. 76. 81. 82. Есть правила полныя, но заимствованныя изъ рязанской или кирилловской Кормчей: таковы — а) всѣ 17 правилъ св. ап. Павла и б) всѣ 19 правилъ собора Гангрскаго. Много правилъ сокращенныхъ, заимствованныхъ изъ тойже Кормчей: таковы, напримѣръ, — а) правила апостольскія: 3. 26. 27. 29. 30. 80; б) всѣ правила третьяго вселенскаго собора, кромѣ правила седьмаго; в) всѣ правила двухъ соборовъ константинопольскихъ, бывшихъ при Фотіѣ, г) всѣ 26 правилъ св. Василія великаго о времени согрѣшающихъ, равно какъ и многія другія правила св. Отцевъ. Дополнительныя статьи, заимствованныя въ софійскую Кормчую изъ кирилловской: а) Димитрія епископа Кизическаго о Яковитахъ; б) изложеніе, рекше воспоминаніе церковнаго соединенія св. отецъ, собравшихся въ Константинѣ градѣ при Константинѣ и Романѣ; в) Никиты-мниха Стифата объ опрѣснокахъ; г) о Фрязѣхъ и прочихъ латинахъ; д) отъ различныхъ титель Іустиніана царя, новыхъ заповѣдей главы избранны. Замѣтимъ однакожъ, что о рязанской Кормчей, съ которой намъ удалось познакомиться лишь бѣгло, мы судили, главнымъ образомъ, на основаніи новгородскаго списка ея, указаннаго въ предыдущемъ примѣчаніи, а о Кормчей софійской — частію на основаніи описанія ея Ундольскимъ (Чтен. М. Ист. Общ. 1867, II, отд. III), преимущественно же на основаніи трехъ ея списковъ, которыми мы пользовались: списка XV в. бывшей Новгор. Соф. библ., нынѣ С. п. б. дух. акад., № 1173; списка XVI в. бывшей Кириллов. библ., нынѣ с. п. дух. акад. № 1079, и списка 1580 г.—*тойже библ.*, № 1078. Первый списокъ сходенъ, по порядку статей, съ Кормчею Румянц. Муз. № 231; а два послѣдніе списка, совершенно сходные между собою во всемъ отъ начала до конца, сходны съ Кормчею тогоже Муз. № 238, ч. I (Опис. Р. Муз. стр. 319–328).

([179]) Кромѣ списковъ той и другой фамиліи, указанныхъ Розенкампфомъ

фійской редакціи оказываемо было предпочтеніе: по крайней мѣрѣ, у тогдашнихъ нашихъ писателей и соборовъ мы встрѣчаемъ, большею частію, правила полныя ([180]). Что же касается толкованій, которыя въ Кормчихъ обѣихъ фамилій одни и тѣже, то наши писатели и соборы не только приводили ихъ вслѣдъ за правилами почти всегда, но нерѣдко приводили эти толкованія вмѣсто самихъ правилъ и подъ именемъ правилъ, показывая такимъ образомъ какбы одинаковое уваженіе и толкованіямъ и правиламъ ([181]). Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что сохранившіяся Кормчія той и другой фамилій оказываются вѣрными своимъ прототипамъ и сход-

---

(Обозр. Кормчей стр. 7—10, изд. 2), можно указать еще на слѣдующіе списки Кормчей XV—XVI в., преимущественно софійской фамиліи: бывшей библ. Царскаго № 213; библ. Моск. Истор. Общ. №№ 108. 109; бывшей Солов. библ., нынѣ казанск. дух. акад., четыре списка (*Павл.* Первонач. Слав.-русск. Номок., стр. 78); бывшей кириллов. библ., нынѣ С. п. б. дух. акад., №№ 1078. 1079; библіотеки Тр.-Сергіевой лавры №№ 205. 206.

([180]) Напримѣръ: у преп. Іосифа Волок. (Просвѣтит., стр. 568), архіеп. новгор. Геннадія (Акт. Экси. I, стр. 479), митроп. Даніила (Соборник., Слов. XIV—XVI), въ Соборномъ Уложеніи Стоглаваго собора (Стогл., стр. 212. 265. 386, изд. Казан.). Но на соборѣ 1531 г. противъ князя-старца Вассіана приведено 115 (128) правило карѳаг. собора сокращенное по рязанской редакціи (Преніе м. Даніила съ Вассіаномъ въ Чтен. М. Истор. Общ. 1847, IX, отд. IV, стр. 7. Снес. это правило по старопеч. Кормчей 1653).

([181]) Подъ именемъ или вмѣсто правилъ приводятся толкованія, наприм., въ Просвѣтителѣ преп. Іосифа Волок. (стр. 516—517) и въ Стоглавѣ (стр. 262. 266. 393). До какой степени простиралось у насъ уваженіе къ толкованіямъ, наглядным свидѣтельствомъ можетъ служить рукописная Кормчая бывшей Кирилловской библ., нынѣ с. п. б. дух. акад., XVII в., № 1080. Здѣсь подъ именемъ правилъ св. апостоловъ, соборовъ и отцевъ изложены вовсе не правила, а одни толкованія на нихъ и притомъ въ сокращенномъ видѣ; самыя же правила оставлены лишь тѣ, немногія, на которыя у Аристина нѣтъ толкованій. И потому, наприм., *первое правило* св. апостоловъ читается такъ: „трпе убо епископи, безъ всякаго извета, должни суть поставляти епископа, аще нѣсть мощно всѣмъ сущимъ во области епископомъ совокуплятися едино“ (это сокращенное толкованіе Аристиново); а *второе правило* св. апостоловъ, на которое у Аристина толкованія нѣтъ, помѣщено само: „единъ епископъ поставляетъ пресвитера и діакона и прочая причетники“. И такъ—всѣ вообще правила.

ными между собою только по изложенію и переводу правилъ и толкованій, а по дополнительнымъ статьямъ, ихъ числу и размѣщенію, немало разнятся и отъ своихъ образцовъ и между собою, и что русскія статьи встрѣчаются въ Кормчихъ не одной софійской, но и рязанской фамиліи, хотя не во всѣхъ ([182]).

Съ начала XVI в., если не раньше, у насъ появляется особый разрядъ Кормчихъ, въ которыхъ помоканонъ Фотіевъ, доселѣ содержавшій одни указанія на правила церкви, излагавшіяся отдѣльно отъ него, соединяется съ ними, по образцу помоканона схоластикова, и всѣ апостольскія, соборныя и отеческія правила, вмѣстѣ съ толкованіями на нихъ, излагаются по гранямъ и главамъ помоканона. Кормчія этого рода, при всемъ сходствѣ между собою, имѣютъ и свои отличія. Въ одной изъ нихъ (XVI в.), которая, судя по признакамъ правописанія, принесена къ намъ изъ юго-славянскихъ странъ или снята со списка, прежде принесеннаго оттуда, изложены по гранямъ помоканона тѣ самыя правила и толкованія, которыя содержатся въ Кормчихъ рязанской фамиліи, т. е. правила сокращенныя и толкованія Аристиновы ([183]). Въ другой, появившейся несомнѣнно въ Россіи, кромѣ того, что по гранямъ помоканона расположены эти

([182]) *Розенкампф.* Обозр. Кормчей, стр. 8—9. Яснѣе это можно видѣть изъ Опис. Кормчихъ Румянц. Муз. (стр. 279—331). Въ Кормчей Румянц. Муз. № 232, рязанской фамиліи, есть русскія статьи; но въ такой же Кормчей бывшей новг. соф. библ., нынѣ с. п. б. дух. акад., № 1175, писанной въ 1552 г., нѣтъ этихъ статей.

([183]) Описана въ Опис. Румянц. Муз. подъ *№* 236, стр. 313—315. Тамъ же упоминается о спискѣ подобной Кормчей конца XV вѣка. Снес. *Розенк.* Обозр. Кормч. стр. 9.

самыя правила и толкованія, къ каждой грани прибавлены еще соотвѣтствующія статьи изъ разныхъ греческихъ дух. писателей: надъ этимъ потрудился игуменъ Іосифо-волоколамскаго монастыря Нифонтъ (1523—1544), по благословенію митрополитовъ Даніила и Макарія (184). Наконецъ, третья Кормчая, такъ же русскаго происхожденія, отличается отъ двухъ упомянутыхъ, прежде всего, тѣмъ, что въ ней по гранямъ помоканона расположены правила, съ толкованіями, полныя, какъ они содержатся въ Кормчихъ софійской редакціи. Но, кромѣ того, Кормчая эта имѣетъ и другія отличія.

Она изложена княземъ-инокомъ Вассіаномъ Косымъ, извѣстнымъ врагомъ монастырскихъ вотчинъ. Списывалъ онъ ее, какъ самъ говоритъ, съ Симоновскихъ правилъ, т. е. съ Кормчей Симонова монастыря, которая, судя по этой, снятой съ нея, копіи, принадлежала къ софійской фамиліи, а сличалъ съ другимъ спискомъ Кормчей, вывезеннымъ изъ св. горы аѳонской (185). Но, будучи проникнутъ подозрѣніемъ, что «рус-

---

(184) Свѣдѣнія объ этой Кормчей оставляемъ на отвѣтственности Розенкампфа (Обозр. Корм. стр. 9 - 10).

(185) Въ самомъ концѣ своей Кормчей (которая извѣстна намъ по списку Импер. публ. библіотеки изъ собр. графа Толстова, отд. I, № 169) Вассіанъ сдѣлалъ слѣдующую замѣтку: „сіа книга списана, по благословенію господина нашего Варлаама митрополита всеа Русіи, в лѣто 7025-го, мѣсяца маіа 27 дня; писана з Симановскых правил да съ другого списка—с правилъ архіепископа Васіана ростовьскаго, что̀ вывез из святои горы Сава савиньскаго монастыря, что̀ въ Твери". Въ составѣ Кормчей князя старца Вассіана можно различать три главныя части. Въ первой, *предварительной*, послѣ общаго заглавія: „Книга глаголемая Кормчая". . и проч., содержатся: а) оглавленіе статей этой Кормчей, впрочемъ недоведенное до конца (л. 3—4); б) сказаніе о вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ, гдѣ и когда были (л. 5 — 20); в) предисловіе сведшаго правила въ 14 титлъ и - г) другое предисловіе сведшаго правила (л. 20—25); д) „сказаніе св. помѣстнаго собора, иже въ Карѳагенѣ: сіе из Зонары вынято", т. е. сказаніе объ этомъ соборѣ (л. 25); е) наконецъ, оглавленіе всѣхъ 14 граней и всѣхъ ихъ главъ, безъ указанія однакожъ на правила и безъ изложенія

скія наши правила», т. е. употреблявшіяся въ Россіи Кормчія, повреждены, особенно въ тѣхъ статьяхъ, на которыя ссылались защитники монастырскихъ вотчинъ, и суть «не правила, а кривила», и вообще не раздѣляя того высокаго понятія о Кормчей, какое имѣли его современники, считавшіе Кормчую за книгу богодухновенную и приравнивавшіе даже градскіе законы, въ ней помѣщенные, правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ, Вассіанъ отнесся къ этой книгѣ въ своемъ изложеніи ея, довольно смѣло и небрежно: иное въ ней

правилъ (л. 26 — 40). Изъ этихъ статей вторая, третья и четвертая — тѣже самыя, какія и въ старо-печатной Кормчей, и въ томъ же самомъ переводѣ (Кормч. 1653 г., л. 5 — 25). Во второй, *существенной*, части, съ новымъ счетомъ листовъ и озаглавленной: „Изложеніе правиломъ апостольскымъ и отеческымъ, имѣл толкованіе Алексія діакона и законухранителя Аристина, по гранемъ"... и проч., дѣйствительно излагаются по гранямъ и главамъ граней правила апостольскія, соборныя и отеческія, вмѣстѣ съ толкованіями на нихъ (л. 1 — 303 об.). Это правила и толкованія тѣ самыя и въ томъ же переводѣ, какія содержатся въ Кормчихъ софійской фамиліи. Въ третьей, *дополнительной* или прикладной, части изложены очень многія, большею частію, мелкія статьи безъ всякой между ними связи и послѣдовательности.... Нѣкоторыя изъ нихъ — тѣ самыя, которыя находятся и въ печатной Кормчей, и въ томъ же переводѣ, каковы: а) три небольшія статьи св. Василія великаго — о времени сорѣвнующихъ; наказаніе пресвитеру о бож. литургіи; о нерадящихъ о епитиміяхъ (л. 303 об. — 307); б) св. Меѳодія, патр. цареградскаго, завѣщаніе о отвергшихся... (л. 310 — 317); в) св. Кирилла алекс. о правой вѣрѣ противъ Несторія (л. 317 — 318); г) о Ааронихъ ризахъ.... и — д) разумъ о сложеніи обою закону Христова іерейства... (л. 326 об. — 329). Другія встрѣчаются, по крайней мѣрѣ, въ рукописныхъ Кормчихъ, — напримѣръ: а) статья о поставленіи Сербскаго патріарха (л. 318 — 322), встрѣчающаяся въ нашихъ Кормчихъ соф. фамиліи еще XV го (Новг. Соф. библ., нынѣ с. п. дух. акад., № 1173) и XV — XVI го в. (Рум. Муз. № 231); б) св. Василія вел. толкованіе священническаго чина, что̀ есть іерей... (л. 370 — 371 об.); в) толкованіе о св. церкви (л. 373 — 376); г) поученіе епископле къ іереямъ (л. 376 — 377). Есть довольно статей и отрывковъ изъ другихъ книгъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, напримѣръ: а) краткія сказанія о нѣкоторыхъ соборахъ помѣстныхъ и вселенскихъ, при чемъ приводятся и правила ихъ, впрочемъ немногія, съ толкованіями, которыя не распредѣлены прежде по гранямъ номоканона (л. 351 — 361); б) отрывокъ изъ 63-го слова Никона черногорца о сокращеніи епитимій (л. 329 об. — 331); в) замѣтка о видахъ грѣха (л. 332 об.); г) свѣдѣнія о нѣкоторыхъ праздникахъ, о постахъ въ среду и

перемѣшалъ ([186]), другое изложилъ короче ([187]) или двукратно ([188]), вмѣсто правилъ и наравнѣ съ правилами помѣстилъ кое-гдѣ статьи совсѣмъ другаго достоинства ([189]), а, главное,

---

пятокъ, о поклонахъ, о снѣдяхъ въ разные дни — изъ устава Студійскаго, изъ типиковъ іерусалимскаго и св. горы, о церковныхъ службахъ — изъ церковнаго устава (л. 380 — 406). Изъ русскихъ статей здѣсь помѣщены только три: а) „Кирила епископа Туровьскаго сказаніе о черноризьчестемъ чину... из Софейских правил харатейных великого Новагорода“ (л. 322 об. – 326 об.); б) правило архіепископа новгород. Иліи съ бѣлгород. епископомъ (л. 336 об.), и — в) „Іоанна митрополита рускаго правила“ (л. 377 об. — 378). Сюда же слѣдуетъ отнести и собственныя статьи или прибавки Вассіана, о которыхъ скажемъ далѣе.

([186]) Напримѣръ, въ грани 4-й, гл. 1-й, подъ именемъ 1-го правила св. ап. Павла помѣщено 45-е правило собора Анкирскаго, а вслѣдъ затѣмъ подъ именемъ 45-го правила собора Анкирскаго приведено 1-е правило ап. Павла (л. 109 об.). Въ грани 1-й, гл. 26-й, послѣ другихъ правилъ, приведено и 14-е правило св. апостолъ съ двумя толкованіями на него; но какъ приведено? Сперва помѣщено толкованіе на него Ѳеодора Вальсамона, потомъ уже — самое правило въ переводѣ соф. редакціи и, наконецъ, толкованіе на него Аристиново (л. 60—61).

([187]) Наприм., въ грани 1-й, гл. 24 й (о поставляющихся мзды ради), вмѣсто цѣлыхъ посланій о томъ, помѣщавшихся въ Кормчихъ, — Тарасія и Геннадія архіеп. константинопольскихъ, помѣщено по одному небольшому отрывку (л. 52 — 53). Въ статьѣ: „Іоанна митрополита рускаго правила“ — изложено собственно только три правила этого митрополита изъ 35-ти, именно 16, 17 и 21, и притомъ сокращенно (см. нашей Истор. II, 372, изд. 2); за ними помѣщены три-четыре правила Нифонта новгород. безъ упоминанія о немъ, и, послѣ замѣтки: „а се во иномъ правилѣ обрѣтохъ“, слѣдуютъ еще нѣсколько правилъ изъ отвѣтовъ Нифонта Кирику и изъ неизвѣстныхъ авторовъ (л. 378 – 380).

([188]) Наприм., въ грани 3-й, гл. 2-й, приведши 75-е правило Трульскаго собора въ переводѣ соф. редакціи съ толкованіемъ Аристина, приводитъ еще — „тогоже събора о томъ же ис правилъ из новгородскыхъ из Софѣйскихъ правило 75“. Это правило (о поющихъ въ церквахъ) съ обширнымъ толкованіемъ неизвѣстнаго, дѣйствительно, встрѣчается, въ видѣ особой статьи, въ Кормчихъ соф. редакціи и въ самой харатейной (См. Опис. ея въ статьѣ *Ундольск.* Чтен. М. Истор. Общ. 1867, II, отд. III, стр. 55; Опис. рукоп. Румянц. Муз. стр. 286). Равнымъ образомъ два раза помѣщенъ извѣстный отвѣтъ Константинопол. патріарха Николая грамматика на вопросъ о Постниковомъ помоканонѣ: сперва – на л. 344-мъ въ томъ самомъ видѣ и переводѣ, какъ и въ печ. Кормчей (л. 582 об.); при чемъ въ концѣ замѣчено киноварью: „сіе изъ нашихъ правилъ“; а въ другой разъ — на л. 352-мъ об., подъ заглавіемъ: „отъ греческихъ правилъ“..., въ видѣ разсказа, въ которомъ упоминается и о толкованіи Вальсамона на этотъ отвѣтъ.

([189]) Наприм., въ грани 9-й, гл. 28-й приведено изъ толковаго Апостола

многія статьи исключилъ изъ Кормчей, которыя прежде въ ней помѣщались, а нѣсколько другихъ статей внесъ въ Кормчую, отъ себя прибавилъ. Исключилъ, напримѣръ, дорогія для защитниковъ церковныхъ имѣній статьи: а) слово (подложное) 165 св. отецъ пятаго вселенскаго собора на обидящихъ св. Божія церкви; б) всѣ вообще такъ-называемые градскіе законы греческихъ царей на пользу церкви; в) церковные уставы русскихъ князей—св. Владиміра и Ярослава, издавна помѣщавшіеся въ Кормчихъ софійской редакціи, хотя нѣкоторыхъ другихъ русскихъ статей тѣхъ же Кормчихъ не исключилъ. Прибавилъ, вопервыхъ, новыя, впрочемъ весьма немногія, толкованія на правила, именно толкованія Вальсамоновы, прежде у насъ неизвѣстныя, которыя перевелъ для него съ греческаго Максимъ грекъ ([190]); а вовторыхъ прибавилъ нѣкоторыя новыя статьи, видимо направленныя противъ русскихъ монастырей и ихъ вотчинъ. Таковы:—а) «Сказаніе старца Максима св. горы къ старцу Васіану о св. горѣ жительства» ([191]); б) замѣтка самаго Вассіана относительно

зачало 137-е (л. 268); въ грани 11, гл. 3 приведены — отрывокъ изъ слова на Римляны и зачало 40-е изъ толков. Апостола (л. 137—138); въ гр. 11, гл. 6 — отрывки изъ завѣта Ѳеодора Студита, изъ 63-го слова Никонской книги и изъ Постникова номоканона (л. 145—146); въ гр. 14, гл. 7 — отрывокъ изъ житія Климента, папы римскаго (л. 303).

([190]) Приведши толкованіе Вальсамона на 14-е правило св. апостоловъ, Вассіанъ сдѣлалъ замѣчаніе: „сіе правило переведено съ богородицкихъ правилъ съ соборныхъ съ греческихъ на Москвѣ *Максимомъ старцомъ* св. горы, что̀ переводилъ Псалтырь толковую“ (л. 61). Кромѣ этого толкованія Вальсамонова, Вассіанъ приводитъ въ своей Кормчей еще только три толкованія, несомнѣнно принадлежащія Вальсамону (л. 337—340). Другія толкованія его, можетъ быть, приведены въ разныхъ мѣстахъ этой Кормчей безъ указанія на имя автора.

([191]) Здѣсь, между прочимъ, говорится, что на св. горѣ монахи содержатся милостынею и собственными трудами, и что сами „игумени на всякой службѣ монастырской тружаются съ братіею, мірскихъ же служителей во всей св. горѣ

монастырскихъ селъ, которую онъ помѣстилъ по окончаніи оглавленія всѣхъ 14-ти граней ([192]), и—в) особенно статья самаго же Вассіана, довольно обширная, подъ заглавіемъ: «Събраніе нѣкоего старца, на въспомиианіе своего обѣщанія, отъ св. писаніа о отверженіи міра». Здѣсь сначала Вассіанъ выражаетъ мысль, что иноки не должны имѣть селъ и владѣть ими, но должны жить въ безмолвіи и питаться своими руками и милостынею отъ христолюбцевъ; а если не хранятъ своего обѣщанія, то св. писаніе именуетъ ихъ отступниками, предаетъ проклятію, осуждаетъ на вѣчныя муки. Потомъ утверждаетъ (несовсѣмъ справедливо), что какъ древніе начальники монастырей—Пахомій великій, Пларіонъ, Евѳимій, Савва освященный и другіе, такъ (будтобы) и русскіе—Антоній и Ѳеодосій печерскіе, Сергій радонежскій, Кириллъ бѣлозерскій, Варлаамъ новгородскій, Діонисій глушицкій, Дамитрій прилуцкій и Павелъ комельскій—селъ при своихъ монастыряхъ не имѣли и учили своихъ учениковъ жить по евангелію и своему обѣщанію. Наконецъ, останавливается на трехъ соборныхъ правилахъ и толкованіяхъ на нихъ (IV всел. собора прав. 24 и VII всел. соб. прав. 12 и 18), въ которыхъ, по прежнему, употреблявшемуся у насъ переводу, упоминалось о монастырскихъ селахъ, и высказавъ недовѣ-

---

пѣтъ“ (—л. 351 об.—352). Статья эта напечатана въ собр. сочиненій Максима грека, III, 243—245.

([192]) Окончивъ оглавленіе всѣхъ граней, Вассіанъ написалъ на тойже страницѣ киноварью: „по сей грани 11-й аще именуются села монастырскіе въ правилѣхъ, но не инокомъ повелѣваетъ ими владѣти, но данныа имъ села отъ съборныя церкви епископомъ ихъ хранятся отъ съборныя церкви икономомъ, и окормляются отъ него всякыми потребами повелѣніемъ отъ епископа ихъ, или милостынею отъ христолюбцовъ, аще недовлѣется своимъ рукодѣліемъ“ (ч. I, л. 40).

ріе къ этому переводу, представляетъ новый переводъ означенныхъ правилъ, вмѣстѣ съ новыми толкованіями Ѳеодора Вальсамона, сдѣланный Максимомъ грекомъ съ греческаго номоканона, что̀ былъ вывезенъ еще митрополитомъ Фотіемъ изъ Царяграда и хранился въ московскомъ успенскомъ соборѣ (193). При этомъ, однакожъ, Вассіанъ позволилъ себѣ кое-что, несовсѣмъ похвальное. Вальсамонъ въ своемъ толкованіи на 24 прав. IV всел. собора, для болѣе подробнаго ознакомленія съ дѣломъ, указалъ на узаконенія Іустиніана царя, въ которыхъ ясно упоминается и о монастырскихъ селахъ: Вассіанъ не захотѣлъ привести этихъ узаконеній, несогласныхъ съ его любимою мыслію, но ограничился такъ же лишь указаніемъ на нихъ (194). А въ толкованіи того же Вальсамона на 12-е правило VII всел. собора, запрещающее отдавать и продавать кому либо епископскія и монастырскія угодія или имѣнія, къ числу которыхъ Вальсамонъ относитъ и *загородныя* угодья (— προάστεια), хотя и не опустилъ слѣдующихъ словъ: «*приградіе селное* (такъ перевелъ Максимъ

---

(193) Это „Събраніе нѣкоего старца“.., помѣщенное въ Кормчей Вассіана на л 331-341, мы встрѣтили такъ же въ Сборникѣ первой половины XVI в., новгор Соф. библ., нынѣ с. п. б. дух. акад., № 1451, л 93-102 Но здѣсь нѣтъ всей послѣдней части, въ которой Вассіанъ представляетъ новый переводъ трехъ правилъ и Вальсамоновы на нихъ толкованія, а въ замѣнъ того излагаются убѣжденія инокамъ хранить правила св. отцевъ, въ мірскія дѣла не вступаться, селъ при монастыряхъ не имѣть и жить по монашескому обѣщанію.

(194) Вотъ потому-то это же самое толкованіе Вальсамона, которое Вассіанъ привелъ здѣсь въ доказательство своей любимой мысли, что монастыри не должны имѣть селъ, митрополитъ Даніилъ привелъ впослѣдствіи противъ Вассіана въ доказательство, что монастыри могутъ имѣть села: у Даніила, кромѣ указаній на означенныя узаконенія, приведены и самыя узаконенія (Пренія м. Даніила съ старцемъ Васьяномъ, въ Чтен. М. Ист. Общ. 1847, IX, отд. IV, 4 5), которыя, чтобы лучше понять, можно прочитать въ печатной Кормчей (л. 352, изд. 1653).

грекъ —προαστειον), *аще насельникы обитаемо вновь*, доброприходно будетъ, сіе убо ради доброприходіа да непродастся», но внизу страницы прибавилъ къ этому мѣсту отъ себя такое толкованіе: «*лѣтопровожденіе*—сіе тлъкуется *проастіонъ*, сирѣчь пашни и виноградъ, а не села съ житейскыми христіаны» (л. 339), между тѣмъ какъ у Вальсамона говорится здѣсь о *приградіи селомъ* или проастіонѣ, именно *обитаемомъ насельникы*. Нельзя оставить безъ вниманія еще одной прибавки, которую сдѣлалъ Вассіанъ въ своей Кормчей на самой послѣдней ея страницѣ, и въ которой онъ ясно выразилъ свое, очень невысокое, понятіе объ этой книгѣ, говоря: «есть въ св. правилѣхъ супротывно св. евангелію и апостолу и всѣхъ св. отецъ жительству. Но не смѣхъ на своей души сего положити, и о семъ возвѣстихъ господину отцу моему митрополиту Варлааму и всему священному собору. И *они ми не велѣли ничего выставливати*, глаголя: кто цѣломудръ разумъ имѣетъ, тъй лучшаго дьржится, еже есть по Бозѣ; такожде и и мы хотимъ и благословляемъ» (л. 406).

Пусть будетъ справедливо, что митрополитъ Варлаамъ, вмѣстѣ съ священнымъ соборомъ, благословилъ Вассіана, какъ онъ свидѣтельствуетъ, заняться Кормчею, списать ее съ Симоновскихъ правилъ и сличить съ другимъ спискомъ, принесеннымъ съ Аѳона, хотя и въ этомъ есть основаніе сомнѣваться ([195]); но чтобы Варлаамъ и весь свящ. соборъ поручили Вассіану изложить Кормчую въ томъ направленіи, въ какомъ онъ ее изложилъ, и иное исключить изъ нея, а другое къ ней прибавить, чтобы Варлаамъ сочувствовалъ

([195]) Нашей Истор. Р. Церкви VI, стр. 195.

идеямъ Вассіана и даже одобрилъ его Кормчую для назидательнаго чтенія,—на это нѣтъ никакихъ указаній (196). Напротивъ, изъ послѣдняго замѣчанія самаго же Вассіана очевидно, что м. Варлаамъ и свящ. соборъ не велѣли ему ничего «выставливати», т. е. выкидывать изъ Кормчей, ничего опускать въ ней; а онъ, между тѣмъ, несмотря на такое запрещеніе, немало выставилъ изъ Кормчей, что прежде въ ней помѣщалось,—слѣд. дѣйствовалъ самовольно. Съ другой стороны, самъ же Вассіанъ говоритъ, въ послѣсловіи къ своей Кормчей, что, по благословенію м. Варлаама, списалъ и сличилъ ее въ 1517 г.; а въ то время она еще не могла имѣть своихъ главнѣйшихъ особенностей и дополненій, т. е. ни новаго перевода нѣкоторыхъ правилъ и толкованій на нихъ Вальсамона, ни самой дополнительной статьи, направленной противъ монастырскихъ вотчинъ и содержащей въ себѣ тотъ же новый переводъ правилъ и толкованій. Эти прибавленія къ своей Кормчей Вассіанъ могъ сдѣлать только при пособіи Максима грека, который прибылъ къ намъ уже въ 1518 г. и, дѣйствительно сочувствуя идеямъ Вассіана о нестяжательности монастырей, могъ сообщить ему понятія о греческомъ текстѣ нѣкоторыхъ правилъ, будтобы несходномъ съ существовавшимъ въ Россіи переводомъ, о греческихъ толкователяхъ правилъ, такъ же прежде у насъ неизвѣстныхъ, и самъ перевелъ вновь для Вассіана нѣсколько правилъ и толкованій Вальсамона (197).

---

(196) *Павлов.* О Кормчей инока князя Вассіана Патрикѣева, въ Учен. Записк. Казан. Универс. 1864, вып. II, 495; Историч. Очеркъ секуляризаціи церк. земель въ Россіи, I, 72. 76, Одесс. 1871.

(197) Приведши въ первой части своей Кормчей сказаніе о карѳагенскомъ со-

Потому-то современники называли Максима «пособникомъ» Вассіану въ дѣлѣ составленія имъ своей Кормчей, и эту Кормчую усвояли не одному Вассіану, но вмѣстѣ и Максиму, и замѣченныя въ ней погрѣшности вмѣняли какъ тому, такъ и другому ([198]). Преданіе о переводѣ Максимомъ нѣкоторыхъ правилъ и толкованій перешло и въ потомство, и къ концу XVII в. Максиму приписывали уже переводъ всей Кормчей и говорили, что онъ перевелъ ее именно въ 1521 г. и что книга правилъ его перевода еще сохранялась тогда въ патріаршей библіотекѣ, хотя ни прежде, ни въ послѣдующее время слѣдовъ этой книги, будтобы переведенной самимъ Максимомъ въ 1521 г., и даже упоминанія о ней нигдѣ не встрѣчается ([199]). Извѣстно, что Вассіановская Кормчая под-

---

борѣ изъ Зонары (см. выше примѣч 185), Вассіанъ тутъ же присовокупилъ слѣдующее: „Максимъ грекъ сказывалъ, что̀ псалтырь толковую переводилъ съ греческаго языка на рускый: правила переводилъ по гранемъ и по главамъ Фотѣй митрополитъ (?) Костянтина града; а толковники кажетъ—а) Іоаннисъ Зонарасъ мнихъ, патріархъ антіохійскій, б) Ѳеодоръсъ Валсамонъ, г) Матфеосъ іеромонахосъ, д) Арменопулосъ, е) Хоматіоносъ архіепископъ ахридійскый“ (л. 25—26).

([198]) Снес. Пренія митр. Даніила съ инокомъ Максимомъ грек. и съ старц. Васьяномъ, Чтен. М. Ист. Общ. 1847, VII, отд. II, стр. 11—12; IX, отд. IV, стр. 2. 8.

([199]) Разумѣемъ патріарха Іоакима (свидѣтельство его приведено пр. *Евген.* въ Истор Словарѣ дух. писат.. II, 37, изд. 2) и монаха Евфимія, изъ словъ котораго можно догадываться, что эта Кормчая, приписываемая Максиму, не походила на Вассіанову: потому что содержала изложеніе правилъ не по гранямъ, а по порядку соборовъ (см. Опис. рукоп. Хлудова, стр. 201—203, М. 1872). Особенно замѣчательно то обстоятельство, что ни самъ Максимъ грекъ, неоднократно указывавшій, въ защиту себя, на свои литературные труды на пользу церкви, каковы переводъ толковой псалтыри, сочиненія противъ латинянъ, магометанъ и проч., ни разу не упомянулъ о такомъ важномъ своемъ трудѣ, какъ новый переводъ цѣлой Кормчей, еслибы онъ дѣйствительно существовалъ, ни митр. Даніилъ и другіе владыки, судившіе Максима на двухъ соборахъ (въ 1526 и 1531 г.) и вмѣнявшіе ему нѣкоторыя неточности или описки даже въ Вассіановой Кормчей, такъ же ни разу не упомянули о его собственной Кормчей, т. е. имъ самимъ переведенной.

верглась осужденію на соборѣ 1531 г.; но еще до осужденія она могла распространиться въ нѣсколькихъ спискахъ, да и послѣ осужденія могла оставаться въ употребленіи у всѣхъ, раздѣлявшихъ убѣжденія Вассіана и Максима относительно монастырскихъ вотчинъ (200). А какъ въ этой Кормчей, кромѣ извѣстныхъ измѣненій, которыя собственно и осуждены на соборѣ, изложены тѣже самыя св. правила съ толкованіями на нихъ, какія употреблялись у насъ и прежде, и притомъ изложены по гранямъ номоканона, что на практикѣ представляло большія удобства, да еще прибавлены по мѣстамъ, хотя немногія, толкованія Вальсамоновы, прежде у насъ неизвѣстныя, то неудивительно, если Кормчею Вассіана пользовались и люди, не раздѣлявшіе его убѣжденій: самъ митр. Даніилъ во время своихъ преній на соборѣ съ княземъ старцемъ Вассіаномъ привелъ противъ него толкованіе патріарха Вальсамона въ томъ самомъ переводѣ, въ какомъ оно изложено въ Вассіановской Кормчей, и одинъ изъ членовъ Стоглаваго собора, какъ можно догадываться, Кассіанъ рязанскій, имѣлъ при себѣ на соборѣ Сборникъ, въ которомъ, между прочимъ, помѣщено было «Събраніе нѣкоего старца», заимствованное изъ Вассіановой Кормчей (201).

Наконецъ, въ первой же половинѣ XVI в. появилась у насъ и такъ-называемая сводная Кормчая (202). Въ этой Кормчей,

---

(200) Кромѣ списка публичной библ., выше нами описаннаго, извѣстны еще два списка этой Кормчей: московскаго государств. Древнехранилища № 145 и Румянц. Музеума, изъ рукописей Пискарева, № 474 (*Павлов.* Ист. Очеркъ секул. церк. земель въ Россіи I, 72).

(201) *Тихонравов.* Замѣтка для исторіи Стоглава, въ Лѣтоп. Русск. Литер., т. V, отд. III, 137—144.

(202) Описана подробно Востоковымъ, хотя и по списку позднему (у *Розен-*

послѣ Фотіева номоканона, съ нѣкоторыми впрочемъ пропусками, помѣщены правила св. апостоловъ, потомъ вселенскихъ соборовъ, по ихъ порядку, и за ними только двухъ помѣстныхъ, бывшихъ при Фотіѣ. Правила изложены—весьма многія въ одномъ лишь переводѣ, многія—въ двухъ переводахъ, нѣкоторыя—въ трехъ, а весьма немногія—даже въ четырехъ. Два перевода этихъ правилъ, тогда у насъ общеупотребительные, заимствованы изъ Кормчихъ рязанской и софійской фамиліи; въ третьемъ переводѣ правила выбраны изъ сочиненій Никона черногорца; немногія же правила въ четвертомъ переводѣ могли быть заимствованы такъ же изъ какихъ либо книгъ, если не изъ Кормчихъ по номоканону Іоанна Схоластика: такъ какъ даже два правила изъ трехъ, которыя вновь перевелъ Максимъ грекъ для князя-старца Васcіана, взяты изъ извѣстной статьи послѣдняго, направленной противъ монастырскихъ вотчинъ, и внесены въ сводную Кормчую ([203]). Къ правиламъ присоединены толкованія на нихъ,

---

кампф. Обозр. Кормч., Прилож. № VII, стр. 535–596, изд. 2). Но сохранился и списокъ XVI в., первоначальный, о которомъ бывшій владѣлецъ его—Ундольскій высказалъ слѣдующее: „изъ многихъ пробѣловъ, разныхъ почерковъ, а главное—изъ современной подписи: *„Книга Правила Митрополичи, казенные“*, съ достовѣрностію можно заключить, что сей экземпляръ есть подлинникъ составителя“ (Славяно-русск. рукописи *Ундольскаго*, № 27, стр. 31—32). Мы имѣли случай познакомиться еще со спискомъ этой самой Кормчей, XIX в., находящимся въ библіотекѣ рукописей кіево софійскаго собора за № 54, а прежде принадлежавшимъ кіевскому митрополиту Евгенію.

([203]) И именно, изъ помѣщенныхъ въ этой Кормчей четырехъ переводовъ 24-го правила Халкидонскаго собора—переводъ послѣдній и трехъ переводовъ 18-го правила VII всел. собора—переводъ первый суть переводы Максима грека и заимствованы изъ означенной статьи Васcіана (*Розенк.* Обозр. Кормч. стр. 569. 590). Вполнѣ вѣримъ барону Розенкампфу, что онъ встрѣтилъ въ сводной Кормчей полныя правила и въ такомъ славянскомъ переводѣ, который различествовалъ отъ всѣхъ прочихъ, дотолѣ извѣстныхъ; но думаемъ, что отсюда не слѣдуетъ еще,

за исключеніемъ впрочемъ немногихъ правилъ, которыя оставлены безъ всякихъ толкованій и придаточныхъ статей При большей части правилъ толкованія только Аристиновы; при нѣкоторыхъ—еще какого-то неизвѣстнаго автора; при восьми правилахъ встрѣчаются и толкованія Зонаровы, при четырехъ—Вальсамоновы, при двухъ—Матѳея Властаря. Первыя толкованія, т. е. Аристиновы, цѣликомъ взяты изъ прежнихъ нашихъ Кормчихъ; всѣ прочія могли быть выбраны изъ разныхъ книгъ, гдѣ они въ славянскомъ переводѣ были приведены ([204]). Кромѣ толкованій, присоединены еще, то къ тѣмъ, то къ другимъ правиламъ: а) правила другихъ соборовъ съ толкованіями и правила нѣкоторыхъ св. отцевъ, помѣщавшіяся въ прежнихъ нашихъ Кормчихъ; б) узаконенія греческихъ царей, особенно Іустиніана, равно какъ и немногія другія статьи, помѣщавшіяся, въ качествѣ дополнительныхъ, въ тѣхъ же Кормчихъ; в) отрывки изъ толковаго Евангелія и толковаго Апостола, изъ толкованій на Евангелія св. Златоуста и Ѳеофилакта болгарскаго; г) статьи изъ разныхъ писаній св. отцевъ: Діонисія ареопагита, Василія и Аѳанасія великихъ, Іоанна Златоустаго, Ефрема сирина, Іоанна лѣствичника, Іоанна Дамаскина и другихъ; д) статьи изъ писаній болѣе позднихъ греческихъ писателей — Ѳеодора Студита, Анастасія синайскаго, Діодоха, Никифора цареградскаго патріарха, Варсонофія, Петра Дамаскина, Григорія синаита

будто въ этомъ переводѣ существовала тогда у насъ вся книга правилъ или Кормчая, а тѣмъ болѣе—будто этотъ переводъ всей Кормчей сдѣланъ именно митрополитомъ Кипріаномъ (Обозр. Кормч. 10. 64. 201).

([204]) Въ описаніи сводной Кормчей у Розенкампфа показаны: а) толкованія Зонары—на стр. 539. 540. 552. 557. 566. 577. 584, и кромѣ того два сказанія

и болѣе всѣхъ изъ Тактикона и Пандекты Никона черногорца; е) отрывки изъ Лимонаря, Лавсаика, Синаксарей, Патериковъ, Пролога и вообще изъ житій Святыхъ; ж) наконецъ, русскія статьи: отрывки, по одному, изъ отвѣтовъ Нифонта новгородскаго Кирику, изъ правила митрополита Кирилла II, изъ похвальнаго слова Григорія Самвлака препод. отцамъ, изъ житій — Ѳеодосія печерскаго, Алексія митрополита и Іоны митрополита; изъ повѣстей — о Ефремѣ митрополитѣ и о поставленіи русскихъ митрополитовъ; посланіе митрополита Фотія о проторехъ, краткія повѣсти или сказанія о Пафнутіѣ боровскомъ и Іосифѣ волоколамскомъ и до пяти отрывковъ изъ разныхъ писаній этого самаго Іосифа.

Сводная Кормчая составлялась исподоволь, и добавочныя статьи въ ней, подходящія то къ однимъ, то къ другимъ правиламъ, приписывались разновременно: на это указываютъ многіе пробѣлы, оставленные въ ея первоначальномъ спискѣ, и то, что многія статьи написаны въ немъ разными почерками. А какъ первоначальный списокъ этотъ принадлежалъ митрополиту и считался его «казеннымъ», то сводная Кормчая, вѣроятно, и составлена по порученію какого либо нашего митрополита, если даже не подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Какого же именно? Сводная Кормчая не могла явиться прежде 1518 года: потому что содержитъ въ себѣ, между прочимъ, нѣсколько статей изъ сочиненій

о соборахъ—на стр. 570. 571; б) толкованія Вальсамона — на стр. 542. 549. 569. 592; в) толкованія Матѳея Властаря — на стр. 548. 566. Толкованія неизвѣстнаго Розенкампфъ гадательно приписывалъ Димитрію Хоматену, болгарскому-ахридскому архіепископу или митрополиту XII — XIII в. (Обозр. Кормч. 10. 64. 201 535).

преп. Іосифа волоцкаго († 9 сент. 1515 г.) и даже повѣсть о немъ и о его кончинѣ, а главное—содержитъ взятыя изъ Вассіановой Кормчей правила и толкованія въ переводѣ Максима грека, который прибылъ къ намъ только въ 1518 г. ([205]). Съ другой стороны, несомнѣнно, что въ 1531 г. сводная Кормчая уже существовала и употреблялась: потому что когда на бывшемъ въ томъ году соборѣ противъ князя-старца Вассіана митрополитъ Даніилъ велѣлъ прочитать, въ обличеніе старца, свидѣтельства отъ божественныхъ писаній относительно монастырскихъ селъ, то прочитаны были тѣ именно свидѣтельства, хотя не всѣ, какія собраны въ сводной Кормчей при 24-мъ правилѣ четвертаго вселенскаго собора и, между ними, толкованіе Вальсамоново на это правило, заимствованное въ нее изъ Кормчей Вассіановой ([206]). Предположить, не составлена ли сводная Кормчая по порученію митрополита Варлаама, еще святительствовавшаго около трехъ лѣтъ по прибытіи къ намъ Максима грека, нѣтъ основаній,

([205]) Надобно прибавить, что, напримѣръ, 18 правило VII всел. собора въ переводѣ Максима грека помѣщено въ сводной Кормчей *на первомъ мѣстѣ*, а затѣмъ уже слѣдуютъ другой и третій переводъ тогоже правила и добавочныя къ нему статьи (—стр. 590). Явный знакъ, что правило это въ Максимовомъ переводѣ помѣщено въ сводной Кормчей при самомъ первоначальномъ составленіи ея, а не приписано въ ней впослѣдствіи.

([206]) Прочитано было именно восемь статей: св. Симеона новаго богослова; изъ книги Отечника или отъ Старческаго о преп. Геласіѣ; толкованіе Вальсамона на 24 правило Халкидонскаго собора; отъ завѣта св. Ѳеодора Студита; тогоже отъ устава о числѣ мнихъ; тогоже о приношеніи, отъ житія св. исповѣдника Николы, игумена студійскаго монастыря; отъ житія св. Саввы, архіепископа сербскаго. Въ соборномъ актѣ статьи эти напечатаны сполна (Чтен. М. Истор. Общ. 1847, IX. отд. IV, 3—6), а въ описаніи сводной Кормчей напечатаны первыя ихъ строки, по которымъ и можно убѣдиться, что и въ соборномъ актѣ и въ Кормчей статьи однѣ и тѣже (*Розенк.* Обозр. Кормчей 569. 570). Прибавимъ, что въ толкованіи Вальсамоновомъ на 24-е правило халкидонскаго собора, помѣщенномъ въ сводной Кормчей, мы дѣйствительно нашли ту самую ссылку

тѣмъ болѣе что, какъ извѣстно, по порученію этого митрополита составлялась тогда княземъ-старцемъ Вассіаномъ совсѣмъ другая Кормчая. Остается допустить, что сводная Кормчая появилась при преемникѣ Варлаама (съ 1522 г.), митрополитѣ Даніилѣ. И едвали ошибочно будетъ сказать, что она составлялась при его ближайшемъ, непосредственномъ участіи: на это указываютъ—а) самый методъ въ составленіи ея—тотъ самый, какимъ составлены всѣ 16 словъ въ извѣстномъ Соборникѣ м. Даніила, изъ которыхъ каждое, во второй своей части, представляетъ точно такой же сводъ или подборъ чужихъ свидѣтельствъ, относящихся къ какому либо предмету и изложенныхъ безъ всякой между собою связи; и—б) то особенное вниманіе или уваженіе, какое оказано въ сводной Кормчей сочиненіямъ преп. Іосифа въ ряду всѣхъ другихъ русскихъ сочиненій, несмотря на его еще недавнюю кончину,—уваженіе, которое такъ естественно было въ инокѣ Іосифовой обители и бывшемъ преемникѣ преп. Іосифа по игуменству. Но относя появленіе сводной Кормчей ко времени митрополита Даніила, мы должны согласиться, что она дополнялась и при митрополитѣ Макаріѣ нѣкоторыми статьями: такова, по крайней мѣрѣ, повѣсть о поставленіи русскихъ митрополитовъ, которая доводитъ рядъ ихъ до Макарія и точно опредѣляетъ время его поставленія ([207]). Надобно такъ же

князя старца Вассіана на свою собственную Кормчую, о которой упомянули выше, въ примѣч. 201.

([207]) *Розенк.* Обозр. Кормчей, 542. На этомъ-то основаніи Розенкампфъ и думалъ, что сводная Кормчая составлена при митр. Макаріѣ (стр. 10), хотя въ другомъ мѣстѣ высказалъ мнѣніе, что она составлена въ Россіи еще до XVI вѣка (стр. 201). Митр. Даніилъ любилъ заниматься Кормчею книгою, когда былъ еще игуменомъ, какъ свидѣтельствуетъ его „Собраніе“ Кормчей, доселѣ сохра-

признать и то, что Кормчая эта употреблялась во дни м. Макарія: на Стоглавомъ соборѣ приводились толкованія на нѣкоторыя правила св. апостоловъ и соборовъ не Аристиновы, а неизвѣстнаго толковника, которыя находятся въ сводной Кормчей; въ главахъ же Стоглава (87—89) о проторехъ читаемъ тѣ самыя статьи, хотя не всѣ, которыя собраны въ этой Кормчей, и даже повторена ошибка ея въ имени патріарха Нила, котораго посланіе усвоено ею Филоѳею ([208]).

Кромѣ Кормчей книги, въ ея различныхъ видахъ, у насъ употреблялись и другіе каноническіе сборники болѣе частнаго содержанія, пришедшіе къ намъ изъ Греціи. Таковы: 1) покаянный номоканонъ Іоанна Постника, константинопольскаго патріарха VI в., содержащій въ себѣ правила для духовниковъ, какъ исповѣдывать кающихся и,—главное,—какія налагать на нихъ епитиміи за тѣ или другіе грѣхи, извѣстный у насъ еще въ XII и XIII в., разумѣется, въ славянскомъ переводѣ, и—2) подобный же номоканонъ безъименнаго автора, появившійся въ Греціи не прежде XI—XII в. и излагающій, кромѣ покаянныхъ или епитимійныхъ правилъ, еще нѣкоторыя другія правила—о правахъ и обязанностяхъ лицъ духовнаго сана, о созиданіи церквей, о семейныхъ отношеніяхъ мірянъ,

---

нившееся въ библіотекѣ воскресенскаго новоіерусалимскаго монастыря подъ № 28 (*Амфилох.* Описаніе этой библ., стр. 105, М. 1876).

([208]) Толкованія неизвѣстнаго изъ сводной Кормчей, которыя приведены были на соборѣ, смотр. въ гл. 54 и 90 Стоглава (стр. 262 и 386, по изд. Казан.), и снес. въ описаніи сводной Кормчей у Розенкампфа стр. 538 и 577, гдѣ приведены первыя строки этихъ толкованій. А статьи, помѣщенныя въ гл. 87—89 Стоглава (стр. 375—385), именно: изъ посланія цареград. патріарха *Филоѳея* (вмѣсто: *Нила*), отъ свитка новыхъ заповѣдей царя Іустиніана и изъ посланія Фотія митроп. кіевскаго, снес. въ Опис. сводной Кормчей со стр. 575—576, гдѣ точно обозначены всѣ эти статьи.

о степеняхъ родства, о незаконныхъ бракахъ и под. Оба эти номоканона встрѣчаются въ нашихъ рукописяхъ XV—XVI в., первый иногда отдѣльно отъ послѣдняго, впрочемъ съ прибавленіемъ разныхъ другихъ статей, а послѣдній всегда въ соединеніи съ первымъ, и изъ перваго находимъ заимствованія въ нашихъ Кормчихъ того времени, а изъ послѣдняго заимствована Стоглавымъ соборомъ цѣлая 53 глава его соборнаго Уложенія ([209]). Не говоримъ уже о двухъ, неразъ упомянутыхъ нами, обширныхъ сборникахъ Никона черногорца—Пандектахъ и Тактиконѣ, въ которыхъ сведено безчисленное множество свидѣтельствъ изъ правилъ апостольскихъ и соборныхъ, изъ писаній св. отцевъ, изъ древнихъ уставовъ, изъ житій святыхъ и другихъ книгъ о самыхъ разнообразныхъ и

([209]) Номоканонъ Іоанна Постника, вслѣдствіе долговременнаго употребленія и переписыванія, подвергся еще въ Греціи немалымъ измѣненіямъ не только въ своемъ содержаніи, но даже въ самомъ заглавіи: въ однихъ экземплярахъ онъ надписывался именемъ Іоанна Постника, константинопольскаго патріарха, въ другихъ именемъ Іоанна монаха, ученика св. Василія, по прозванію *чадо послушанія*, какъ замѣтилъ еще преп. Никонъ черногорецъ (Тактиконъ, Слов. IV, рукоп. нашей библ. № 74, л. 52 об.). У насъ этотъ номоканонъ въ XII в. неоднократно приводится въ извѣстныхъ „вопрошаніяхъ“ Кирика (Памятн. Росс. Слов. XII в., 187. 190. 194), а затѣмъ встрѣчается въ Кормчей XIII в. подъ именемъ Іоанна мниха, чада, по послушанію, св. Василія (Опис. рукоп. Румянц. Муз. № 230, стр. 277), и въ спискахъ XVI в. подъ именемъ Іоанна Постника (Славяно-русск. рукоп. *Ундольскаго*, №№ 35. 36). Другой, названный нами, номоканонъ—неизвѣстнаго, изданный въ подлинникѣ Котелеріемъ (Monum. Ecclesiae Graecae, I, p. 68—159), у насъ встрѣчается въ XV в. безъ имени автора (въ Соловецк. Кормчей 1493 г., л. 389—455; Правосл. Собесѣдн. 1860, II, 316 и дал.), въ XVI в. — подъ именемъ Василія великаго (Слав.-русск. рукоп. *Ундольскаго*, № 28), а въ послѣдующее время—подъ именемъ Зинара или Зонара (тамъ же № 42; Опис. Румянц. Муз. стр. 329), и по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ заключаетъ въ себѣ и номоканонъ Іоанна Постника. Глава 53-я Стоглава заимствована именно изъ 2-й главы этого псевдо-Зонарина Сборника. Подробнѣе о номоканонѣ Іоанна Постника и другомъ — *Павлов.* Номоканонъ при больш. Требникѣ, 19—28, Одесс. 1872, и *свящ. М. Горчаков.* Къ исторіи епитим. Номокан. правосл. церкви, 16—22, Спб. 1874.

часто самыхъ мелкихъ предметахъ церковнаго права и церковной жизни: изъ этого богатаго источника, какъ мы замѣчали въ своемъ мѣстѣ, много черпали наши писатели — Іосифъ волоколамскій, князь-инокъ Вассіанъ, митрополитъ Даніилъ и составители нашихъ Кормчихъ, особенно сводной ([210]).

Составлялись такъ же и у насъ разные каноническіе сборники, иногда даже подъ именемъ Кормчихъ, въ которыхъ однакожъ недоставало самаго существеннаго содержанія настоящихъ Кормчихъ—полнаго изложенія правилъ св. апостоловъ, св. соборовъ и св. отцевъ, а помѣщались только, тамъ и сямъ, нѣкоторыя изъ этихъ правилъ и свѣдѣнія о соборахъ; преимущественно же излагались, безъ всякаго порядка, такъ-называемыя дополнительныя статьи Кормчихъ, принадлежащія болѣе позднимъ соборамъ и духовнымъ писателямъ, греческимъ и русскимъ, выписки изъ градскихъ законовъ греческихъ императоровъ, церковные уставы русскихъ князей, отрывки изъ церковнаго и монастырскихъ уставовъ и вообще самая разнородная и безпорядочная смѣсь ([211]).

Уже то одно, что въ нашихъ Кормчихъ XV—XVI в. по-

([210]) Подробное описаніе Сборниковъ Никона черногорца, съ указаніемъ самихъ источниковъ, которыми онъ пользовался, см. у *Розенкампфа*, Обозр. Кормчей, Прилож. VI, стр. 516—534.

([211]) Для примѣра можемъ указать—1) на Соловецкую Кормчую 1493 г., подробно описанную въ Правосл. Собесѣдн. (1860, II, 202. 306), въ которой три части и собственно вторая надписана именемъ Кормчей (стр. 209); 2) на Кормчую новгород. Соф. библ., нынѣ с. п. б. дух. акад., XVI в., № 1176, которая, по содержанію, имѣетъ большое сходство, но не тождество, съ этою именно второю частію Соловецкой Кормчей, только гораздо короче ея; 3) на Сборникъ, подъ заглавіемъ: „Правила“, тойже новгор. Соф. библ., нынѣ с. п. б. дух. акад., XVI в., № 1454, подробно описанный въ Лѣтоп. занятій Археогр. Коммисіи (вып. III, отд. III, 29—43), который, по составу своему, отличается отъ обоихъ, прежде названныхъ нами, Кормчихъ.

мѣщались и нѣкоторыя русскія статьи каноническаго содержанія, каковы: правило церковное митрополита Іоанна къ Іакову черноризцу, правило митрополита Кирилла или владимірскаго собора 1274 г., правило митр. Максима о постѣ, церковные уставы Владиміра и Ярослава и проч., даетъ поводъ заключить, что эти статьи имѣли у насъ тогда практическое употребленіе. И дѣйствительно, изъ исторіи самихъ соборовъ нашихъ начала и половины XVI столѣтія мы видимъ, что они руководствовались, кромѣ древнихъ церковныхъ правилъ и вообще узаконеній, перешедшихъ къ намъ, въ Кормчей книгѣ, изъ Греціи, постановленіями и русскихъ соборовъ, русскихъ іерарховъ и князей, какъ тѣми, которыя помѣщались иногда въ Кормчей, такъ и другими ([212]). Въ свою очередь постановленія новыхъ нашихъ соборовъ служили дальнѣйшимъ раскрытіемъ нашего церковнаго законодательства и давали новыя руководства для пастырей и всѣхъ вѣрующихъ. Въ этомъ отношеніи наиболѣе важно обширное «Уложеніе» собора 1551 года, изложенное въ книгѣ «Стоглавъ», которое, съ самаго появленія своего, сдѣлалось какбы второю Кормчею собственно-русской церкви и долго оставалось ея главнѣйшимъ руководствомъ, наравнѣ съ древнею Кормчею. Наши князья настоящаго періода, особенно великіе, подтверждали прежнія жалованныя граматы нашимъ святителямъ, монастырямъ и вообще духовенству, и издали множество новыхъ подобныхъ граматъ,

---

([212]) Такъ соборъ 1503 г. указывалъ въ своемъ рѣшеніи о вдовыхъ священникахъ на правила митрополитовъ Петра и Фотія, а въ своемъ отзывѣ о церковныхъ имуществахъ на уставъ св. Владиміра. Стоглавый же соборъ ссылается въ своемъ Уложеніи—на соборъ 1503 г., на посланія митр. Кипріана и Фотія, на разсужденіе преп. Іосифа волоколамскаго, на уставъ Владиміровъ и друг.

въ которыхъ касались преимущественно церковныхъ владѣній, а отчасти и другихъ правъ церкви и ея іерархіи. Судебникъ в. кн. Іоанна III и особенно Судебникъ царя Іоанна IV, кромѣ того что ограждали неприкосновенность церковнаго суда, служили для него постояннымъ руководствомъ при обсужденіи дѣлъ болѣе гражданскаго характера и при наложеніи взысканій за преступленія (Стогл. гл. 68).

II.

Управленіе и судъ русской церкви, совершавшіеся втеченіе настоящаго періода на основаніи исчисленныхъ нами узаконеній, духовныхъ и гражданскихъ, оставались въ своемъ устройствѣ и главныхъ чертахъ тѣми же самими, какими были и прежде; но въ нѣкоторыхъ частностяхъ опредѣлились теперь и уяснились съ большею точностію и подробностію.

Вѣдомству церковнаго управленія и суда подлежали: 1) всѣ вообще члены церкви, т. е. какъ духовныя лица, такъ и міряне,—а) по дѣламъ, относящимся къ вѣрѣ и церкви; б) брачнымъ, семейнымъ и касающимся чистоты нравовъ ([212]); 2) въ частности, всѣ лица собственно духовныя, бѣлаго и монашествующаго духовенства, не только по духовнымъ своимъ должностямъ и обязанностямъ, но и по дѣламъ гражданскимъ, за исключеніемъ немногихъ; къ этимъ лицамъ причислялись еще

([212]) Въ уставѣ Владиміровомъ, который считался еще дѣйствующимъ (Стогл. гл. 63), дѣла эти перечислены подробно (см. нашей Истор. Р. Церкви I, 185. 281, изд. 2).

люди *богадѣльные*, жившіе въ содержимыхъ церковію богадѣльняхъ, больницахъ, странноприимницахъ, и *домовные*: дворовые люди у архіереевъ и другихъ духовныхъ лицъ и всѣ свѣтскіе служебные чины, состоявшіе при архіереяхъ и у нѣкоторыхъ монастырей ([214]); наконецъ, всѣ вообще церковныя имущества и въ особенности земельныя владѣнія, равно какъ и всѣ міряне, жившіе на церковныхъ земляхъ. Самостоятельность этого своего вѣдомства во всѣхъ его частяхъ, независимость своего управленія и суда отъ князей, бояръ и вообще отъ властей свѣтскихъ, неотъемлемость церковныхъ имуществъ и владѣній предстоятели церкви отстаивали всякій разъ, когда вызываемы были обстоятельствами, и съ этою цѣлію, напримѣръ, на Стоглавомъ соборѣ, указывали на правила, или на толкованія правилъ, св. апостоловъ (2), св. соборовъ—халкидонскаго (8 и 9), карѳагенскаго (15) и даже на правило пятаго вселенскаго собора, несомнѣнно, подложное, не сознавая, впрочемъ, его подложности ([215]); на постановленія гре-

---

([214]) *Богадѣльные* перечисляются въ церковномъ уставѣ Владиміра, а *домовные* упоминаются, хотя не перечисляются въ уставѣ вел. кн. Ярослава (Снес. А. Э. I, стр. 184). Въ Судебникахъ же Іоанна III и Іоанна IV говорится только: „а попа и діакона, и черница и черницу, и старую вдовицу, которые питаются отъ церкви Божіи, ино ихъ судити святителю или его судіямъ“ (А. И. I, стр. 155. 248).

([215]) Это правило, подъ именемъ то *правила*, то *слова*, то *завѣщанія св. отецъ 165 о обидящихъ церкви божіи*, встрѣчается не только въ Кормчихъ XVI в. (Румянц. Муз. № 232, Опис. стр. 296; Кириллов. библ., нынѣ с. п. б. дух. акад. № 1079, л. 530 и др.) и, между прочимъ, въ сводной Кормчей (*Розенкампф.* О Кормч. 571, изд. 2), которою пользовался Стоглавый соборъ, но и въ Сборникѣ 1493 г. (Соловецк. библ. № 858, л. 543—544) и приводится, какъ правило пятаго вселенскаго собора, еще въ посланіи митрополита Филиппа въ Новгородъ, писанномъ въ 1467 г. (А. И. I, № 82, стр. 133). Въ Кормчихъ оно изложено довольно пространно (какъ и напечатано въ Псковской Лѣтописи, въ П. Собр. Р. Лѣт. IV, 238—239, и въ Правосл. Собесѣдн. 1861, III, 457—459); въ Стоглавѣ (стр. 268) и посланіи митрополита Филиппа приведено въ краткомъ

ческихъ императоровъ: Константина великаго, Юстиніана и Мануила Комнина; на церковный уставъ св. вел. князя Владиміра и на двѣ граматы митрополита кіевскаго Кипріана въ Новгородъ и Псковъ (Стогл. гл. 33—66). Нѣкоторыя изъ этихъ правилъ и постановленій, за нарушеніе правъ церкви, угрожали разными наказаніями, анаѳемою и вѣчнымъ проклятіемъ. Защищая, однакожъ, съ ревностію неприкосновенность своего вѣдомства отъ всякихъ посягательствъ на него со стороны князей, бояръ и другихъ мірскихъ людей, церковь русская, тѣмъ не менѣе, всегда признавала надъ собою власть главы государства—вел. князя московскаго, какъ своего покровителя и защитника,—и государь великій князь имѣлъ самое обширное вліяніе на дѣла церкви по всѣмъ отраслямъ ея жизни.

Высшая, правительственная и судебная, власть въ русской церкви, съ тѣхъ поръ какъ она фактически перестала зависѣть отъ цареградскаго патріарха, сосредоточивалась исключительно въ ея собственныхъ соборахъ. Соборы въ настоящій періодъ бывали у насъ весьма часто: принято было за правило, чтобы епархіальные архіереи для соборныхъ совѣщаній собирались въ Москву къ митрополиту каждый годъ, по крайней мѣрѣ, однажды; но иногда, по требованію обстоятельствъ, они собирались и чаще, или, собравшись разъ, проживали въ Москвѣ очень долго и составляли, съ небольшими промежутками, цѣлый рядъ соборовъ; съ этою цѣлію нѣкоторые, если не всѣ, архіереи имѣли для себя въ Москвѣ по-

---

видѣ, хотя и не одинаково. Еще иначе читается оно въ другихъ рукописяхъ (наприм. въ Уставѣ XVI в. моей библ. № 88, л. 553).

стоянныя подворья ([216]). Созывалъ соборы обыкновенно митрополитъ, съ соизволенія или даже по приказанію вел. князя, но нерѣдко созывалъ и самъ непосредственно вел. князь своими граматами къ епископамъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось митрополита, его избранія или суда надъ нимъ. Засѣданія соборовъ происходили иногда въ церкви: въ архангельскомъ соборѣ, въ успенскомъ или его придѣлѣ; но большею частію въ палатахъ государевыхъ или митрополичьихъ ([217]). Соборы составлялись иногда изъ однихъ только архіереевъ, которые, если не могли явиться на соборъ, присылали свои повольныя граматы, наприм. при избраніи митрополита или епископа. Но, большею частію, на соборахъ присутствовали, кромѣ архіереевъ, и настоятели монастырей — архимандриты, игумены, строители, такъ же протоіереи, священники, монахи и вообще низшее духовенство; часто присутствовалъ и самъ государь, иногда съ своими дѣтьми, братьями и со всѣми боярами ([218]). Предсѣдательствовалъ на соборѣ всегда митрополитъ, и только, если его не было или дѣло касалось его лично, старѣйшій изъ присутствовавшихъ архіепископовъ. Право голоса на соборахъ принадлежало, разу-

---

([216]) А. И. I, № 101, стр. 145; нашей Ист. Р. Церкв. VI, 118—135. 253—268; П. Собр. Р. Лѣт. III, 157. 170; *Карамз.* VI, примѣч. 629, подъ 1479 г. Кобенцель, бывшій у насъ въ 1575 г. посломъ императора Максимиліана II, такъ же говоритъ: Mitropolites ille Moscovitiens singulis annis synodum celebrat, in qua archiepiscopi et episcopi omnes comparere debent (Apud Starczew. II, p 15). Новгородскому владыкѣ подворье въ Москвѣ подарено было царемъ Ив. Васильевичемъ IV (*Макар.* Опис. Новгор. архіер. дома, стр. 64, с. п б 1857).

([217]) Нашей Истор. VI, 14. 39. 49. 51. 55. 63. 80. 101. 126. 142. 215. 217. 222. 252. 290. 310; А. Юрид. № 360.

([218]) Тамъ же VI, 14. 49. 56. 63. 98. 118. 135. 125. 254. 305.

мѣется, прежде всего митрополиту и прочимъ архіереямъ, и случалось, что, наприм., при разсмотрѣніи недоумѣній дьяка Висковатова, всѣ объясненія, впродолженіе двухъ засѣданій, давалъ подсудимому исключительно самъ митрополитъ, а при судѣ надъ Максимомъ грекомъ и княземъ-старцемъ Вассіаномъ дѣлалъ вопросы и обличенія то самъ митрополитъ, то, по его порученію, одинъ изъ архіереевъ. Но предоставлялось и другимъ духовнымъ лицамъ, присутствовавшимъ на соборахъ, выражать свои мнѣнія, и иногда, если эти лица отличались высокимъ умомъ и образованіемъ, ихъ голосъ имѣлъ даже преобладающее значеніе на соборѣ, какъ, наприм., голосъ преп. Іосифа волоколамскаго на соборахъ 1503—1504 годовъ. Государь, присутствуя на соборахъ, иногда, какъ на соборѣ Стоглавомъ, обращался къ отцамъ собора съ рѣчью, устною и письменною, и предлагалъ имъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые они должны были дать отвѣты; иногда принималъ участіе въ допрашиваніи еретиковъ, какъ Башкина и его товарищей; иногда, указывая на нужды отечества, прямо требовалъ отъ духовенства жертвъ, какъ по вопросу о церковныхъ владѣніяхъ, и вообще высказывалъ, не стѣсняясь, свои мысли предъ отцами собора, пока происходили ихъ разсужденія о томъ или другомъ предметѣ; но затѣмъ постановлять самыя опредѣленія и рѣшенія предоставлялъ уже отцамъ собора. А бояре, находившіеся на соборахъ, не вмѣшивались даже и въ разсужденія соборовъ, и когда однажды дьякъ Висковатовъ, слушая на соборѣ разговоръ государя съ митрополитомъ объ иконахъ, позволилъ себѣ высказать свое мнѣніе, то митр. Макарій, назвавъ это мнѣніе «негораздымъ», замѣтилъ дьяку: «зналъ бы ты свои дѣла, которыя на тебѣ

положены» ([249]). Рѣшенія или вообще дѣянія нашихъ соборовъ въ настоящій періодъ касались всѣхъ отраслей и предметовъ церковнаго управленія и суда. Къ дѣяніямъ перваго рода, касавшимся управленія, относятся: разсмотрѣніе и одобреніе толковой Псалтыри, переведенной Максимомъ грекомъ; установленіе новыхъ праздниковъ въ честь русскихъ Святыхъ, разсмотрѣніе житій ихъ и церковныхъ службъ имъ; распоряженіе о продолженіи пасхаліи на восьмую тысячу лѣтъ; избранія и поставленія митрополитовъ и епископовъ; постановленія о невзиманіи пошлинъ съ поставляемыхъ на священныя степени и о лѣтахъ этихъ лицъ, о вдовыхъ священникахъ, о мужеско-женскихъ монастыряхъ и перечисленіи Іосифо-волоколамскаго монастыря въ вѣдѣніе вел. князя московскаго; постановленія о бѣломъ клобукѣ и красной печати для митрополита, о четвертомъ бракѣ для царя Ивана Васильевича; разсужденія и приговоры о церковныхъ вотчинахъ и почти все многосложное «соборное уложеніе о многоразличныхъ чинѣхъ церковныхъ» Стоглаваго собора. Къ рѣшеніямъ и вообще дѣяніямъ нашихъ соборовъ, касавшимся церковнаго суда, относятся: всѣ статьи Стоглава «о святительскомъ судѣ», въ которыхъ кратко обозначены не только предметы и лица, подсудные церковной власти, но и устройство церковныхъ судовъ и порядокъ судопроизводства въ нихъ; рѣшенія о ереси жидовствующихъ и самихъ еретикахъ, о ересяхъ Башкина и Ѳеодосія Косаго, о недоразумѣніяхъ дьяка Висковатаго и ви-

([249]) Тамъ же VI, 99 126—128. 135. 181. 195. 221. 254. 263-264. Мѣра участія государя на соборахъ довольно точно обозначена, наприм., въ двухъ граматахъ о соборѣ 1503—1504 г. (А. Э. I, № 383), но не совсѣмъ точно въ третьей граматѣ о томъ же соборѣ (А. Э. I, № 382).

новности его; судебные приговоры о митрополитѣ Филиппѣ II, архіепископахъ — ростовскомъ Ѳеодосіѣ и новгородскомъ Серапіонѣ, о старцѣ Максимѣ грекѣ и князѣ-старцѣ Вассіанѣ ([220]). Соборныя рѣшенія и постановленія одни подписывались только архіереями, другія и низшими духовными лицами—архимандритами, игуменами, и утверждались согласіемъ государя, который привѣшивалъ къ нимъ свою печать; а обнародывались то отъ лица собора, то отъ лица митрополита, то отъ лица самаго государя ([221]). Неизлишне присовокупить, что, принимая такое участіе въ дѣяніяхъ соборовъ, государь охотно допускалъ и участіе соборовъ въ дѣлахъ его государственныхъ. Такъ, когда Іоаннъ III, отправившись съ войскомъ противъ татарскаго хана Ахмата, колебался вступить съ нимъ въ борьбу, соборъ русскихъ іерарховъ послалъ своему вел. князю посланіе и убѣждалъ его постоять мужественно за вѣру и отечество. Іоаннъ IV самъ предложилъ свой Судебникъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Стоглаваго собора. Тотъ же государь пригласилъ всѣхъ святителей со множествомъ духовенства участвовать въ земской думѣ, собиравшейся въ Москвѣ, чтобы рѣшить вопросъ, продолжать ли или прекратить борьбу съ Польшею. Не говоримъ уже о томъ, что въ случаяхъ важнѣйшихъ, наприм. предпринимая войну противъ враговъ, государь обыкновенно испрашивалъ благословенія митрополита, епископовъ и всего освященнаго собора ([222]).

([220]) Тамъ же VI, 91. 99. 101. 119—126. 142. 163. 180—193. 216. 228. 253—268. 290. 309. 312. 314.

([221]) А. Э. I, №№ 231. 232. 284. 382. 383; Собр. Госуд. грам. I, №№ 200. 202; А. И. I, № 285.

([222]) А. И. I, № 90; Стоглав. гл. 4, стр. 47—48; П. Собр. Р. Лѣт. IV, 317; VIII, 184.

Митрополиту, какъ главѣ русской митрополіи и первоіерарху русской церкви, принадлежала такъ же власть, простиравшаяся на всю отечественную церковь, но гораздо меньшая сравнительно съ властію соборовъ. Избираемый и поставляемый соборомъ русскихъ святителей, впрочемъ, не иначе, какъ по волѣ вел. князя, который притомъ самъ вручалъ ему, торжественно въ церкви, архипастырскій жезлъ, митрополитъ имѣлъ особенно-высокое значеніе въ глазахъ вѣрующихъ: всѣ они, безъ всякаго различія званій и состояній, видѣли въ немъ своего общаго отца духовнаго, верховнаго учителя и руководителя къ вѣчной жизни. Самъ вел. князь всегда называлъ митрополита своимъ *отцемъ*, даже въ офиціальныхъ бумагахъ, и просилъ себѣ его благословенія, а митрополитъ всегда называлъ вел. князя своимъ духовнымъ *сыномъ* и преподавалъ ему благословеніе ([223]). Всѣ архіепископы и епископы именовали митрополита такъ же своимъ *отцемъ*, а иногда и своимъ *господиномъ*, даже *государемъ*, какъ именовали его и князья, и бояре и другіе вѣрующіе; а онъ и всѣхъ архіереевъ, какъ и всѣхъ вѣрующихъ, называлъ своими *сынами*, своими *дѣтьми*, и всѣмъ архіереямъ, какъ и мірянамъ, преподавалъ и посылалъ свое благословеніе ([224]). Изрѣдка только удостоивалъ, въ своихъ посланіяхъ, называть какого либо архіепископа или епископа своимъ сыномъ и вмѣстѣ братомъ, но отнюдь не допускалъ, чтобы и его самаго осмѣлился подчиненный архіерей назвать такъ же своимъ братомъ ([225]). И хотя обыкновенно

([223]) А. Э. I, №№ 80. 213. 383; А. И. I, №№ 159. 160. 282. 283 и другіе.

([224]) А И. I, №№ 53. 56. 60. 61. 62. 64. 65. 66. 104. 114. 129. 274. 277; А. Э. I, №№ 75. 99. 229. 238; Дополн. къ А. И. I, № 35; А. Юрид. № 360.

([225]) А. И. I, №№ 44. 268. 269.

титуловали митрополита *преосвященнымъ*, какъ и другихъ епархіальныхъ архипастырей, но для отличія отъ нихъ, ему усвоили такъ же титулъ *святѣйшаго* ([226]). Призванный имѣть архипастырское попеченіе о всей отечественной церкви, митрополитъ иногда разсылалъ свои окружныя посланія по всей Россіи, въ которыхъ то извѣщалъ о своемъ вступленіи на каѳедру и преподавалъ всѣмъ свое первое святительское благословеніе, то училъ своихъ духовныхъ чадъ вѣрѣ и благочестію, то призывалъ ихъ къ дѣламъ милосердія и благотворительности къ бѣдствующимъ христіанамъ востока ([227]); а иногда обращался съ своимъ словомъ только въ нѣкоторыя страны, въ нѣкоторые города по указанію обстоятельствъ: нѣсколько разъ писалъ въ западный край Россіи и къ епископамъ, и къ князьямъ, и ко всѣмъ вѣрующимъ, и всѣхъ убѣждалъ и умолялъ пребывать твердыми въ православіи, не отдѣляться отъ русской митрополіи, не принимать себѣ особаго митрополита, поставленнаго въ Римѣ, ученика измѣнника – Исидора; писалъ неразъ въ Вятку и Пермь и обличалъ тамошнихъ христіанъ за ихъ приверженность къ языческимъ суевѣріямъ, за ихъ беззаконные браки и несоблюденіе церковныхъ уставовъ, строго укорялъ самое духовенство за его крайнее нерадѣніе о своемъ долгѣ и нечестіе и угрожалъ нераскаяннымъ отлученіемъ отъ церкви; писалъ неразъ къ жителямъ Новгорода и Пскова, порицалъ ихъ своеволіе и самоуправство въ дѣлахъ церковныхъ, училъ ихъ повиноваться своему владыкѣ, не отнимать церковныхъ имуществъ, не вмѣшиваться въ церковные

([226]) А. Э. I, № 229, стр. 222; № 232; А. И. I, № 274.
([227]) А. И. I, №№ 43 103. 264. 300; нашей Истор. Р. Церкв. VII, 382–386.

суды, жить въ мирѣ и любви и благочестіи ([228]). Тоюже самою своею духовною властію митрополитъ старался дѣйствовать и ко благу отечества: обращался съ рѣчью, писалъ посланія къ самому государю и наставлялъ его не только въ христіанскихъ, но и въ его царскихъ обязанностяхъ; слалъ посланія и къ князьямъ удѣльнымъ и убѣждалъ ихъ покоряться вел. князю, не нарушать данной клятвы и заключенныхъ съ нимъ договоровъ, не проливать напрасно христіанской крови, угрожалъ за вѣроломство судомъ Божіимъ и отлученіемъ отъ общества вѣрующихъ; писалъ въ Новгородъ, Псковъ, Вятку, и такъ же убѣждалъ не измѣнять великому князю, не предаваться на сторону его враговъ, просить у него помилованія и прощенія за допущенную измѣну; обращался съ рѣчами и посланіями къ государевымъ воинамъ и одушевлялъ ихъ именемъ вѣры стоять мужественно противъ враговъ за царя и отечество ([229]). Какъ общій отецъ всѣхъ вѣрующихъ, митрополитъ часто являлся предъ вел. княземъ, своимъ духовнымъ сыномъ, въ качествѣ печальника и ходатая за провинившихся предъ нимъ и опальныхъ, и испрашивалъ имъ помилованіе; своими кроткими увѣщаніями часто примирялъ вельможъ, бояръ и другихъ гражданъ, примирялъ супруговъ, родителей и дѣтей, и такимъ образомъ вносилъ согласіе и любовь въ бытъ общественный и семейный ([230]). Но всѣ такія дѣйствія и непосредственныя отно-

([228]) А. И. I, №№ 45. 47. 63. 66. 77. 97. 98. 112. 261. 267. 277. Въ 1572 г. митрополитъ прислалъ въ Новгородъ разомъ три граматы, которыя и прочитаны были, одна за другою, въ софійскомъ соборѣ, въ слухъ всего народа и духовенства (П. Собр. Р. Лѣт. III, 171).

([229]) Нашей Истор. VI, 30—33; VII, 405—423; А. И. I, №№ 60. 98. 139. 261. 280. 281; А. Э. I, № 372.

([230]) Нашей Истор. VI, 168. 204. 209—211. 214; А. И. I, №№ 46. 282; Дополн. А. И. I, № 11.

шенія митрополита ко всѣмъ сынамъ русской церкви совершались только по временамъ, когда открывался случай или требовала нужда; а главныя, постоянныя, непрерывавшіяся отношенія первосвятитель нашъ имѣлъ къ подвѣдомымъ ему епархіальнымъ архіереямъ, и чрезъ нихъ — то дѣйствовалъ и на все духовенство и на всѣхъ вѣрующихъ. Еще предъ рукоположеніемъ своимъ всѣ архіереи давали, въ своемъ исповѣданіи, обѣтъ повиноваться во всемъ своему господину и отцу митрополиту; а митрополитъ, отпуская каждаго изъ нихъ, по рукоположеніи, на епархію, давалъ ему настольную грамату, которою уполномочивалъ его творить все святительское во ввѣренной ему епархіи и призывалъ всѣхъ вѣрующихъ епархіи покоряться своему новому архипастырю ([231]). Послѣ того митрополитъ, большею частію, слалъ архіереямъ грамоты съ своими распоряженіями относительно тѣхъ или другихъ предметовъ церковной жизни, а нерѣдко вызывалъ архіереевъ къ себѣ, то одного, то нѣсколькихъ, то всѣхъ, и давалъ имъ наставленія лично, или имѣлъ съ ними соборныя разсужденія и совѣщанія ([232]). Случалось, что инымъ архіереямъ поручалъ какое либо особое дѣло на пользу церкви, а другимъ вмѣнялъ въ обязанность вліять пастырски на удѣльныхъ князей или на народъ въ пользу великаго князя, ко благу общаго отечества—Россіи ([233]). И имѣя постоянный надзоръ за служеніемъ и самою жизнію епархіальныхъ владыкъ, однихъ одобрялъ и благодарилъ за ревность по вѣрѣ

([231]) А. И. I, №№ 61. 68; А. Э. I, № 375, стр. 470.

([232]) А. Э. I, № 267; А. И. I, № 271; Дополн. А. И. I, № 221; А. Юрид. № 360.

([233]) Нашей Истор. VI, 101. 372. 380; А. И. I, №№ 51. 56.

и заботливость о паствѣ, другимъ угрожалъ за неповиновеніе и небрежность къ своему долгу, третьихъ обличалъ за какіе либо пороки и убѣждалъ исправиться и жить, какъ подобаетъ архипастырю ([234]). Епархіальные архіереи обращались къ митрополиту съ своими недоумѣніями, на которыя и получали отъ него разрѣшенія; доносили ему о появившихся ересяхъ и расколахъ; высылали ему ежегодно, каждый отъ своей епархіи, опредѣлённыя пошлины; просили иногда его ходатайства за себя предъ вел. княземъ и под. ([235]). Для правильнаго пониманія дѣятельности митрополита, какъ главы русской митрополіи, необходимо сдѣлать два замѣчанія. Дѣятельность эта, вопервыхъ, не была вполнѣ самостоятельною: почти всѣ свои распоряженія, болѣе важныя, митрополитъ предпринималъ не иначе, какъ съ вѣдома или соизволенія или даже по приказанію вел. князя. Потому-то и епархіальные владыки, донося, напримѣръ, о появленіи ересей митрополиту, доносили вмѣстѣ о томъ же и вел. князю, и, получая отъ митрополита какія либо рѣшенія, тѣже самыя рѣшенія получали и отъ вел. князя ([236]). А вовторыхъ — дѣятельность эта была только духовно-административная: судебной

([234]) Нашей Истор. VII, 365—367; А. И. I, №№ 268. 271; Дополн. А. И. I, № 13.

([235]) А. И. I, № 104; А. Э. I, №№ 253. 380. Высылать митрополиту пошлины отъ своей епархіи каждый архіерей давалъ обѣщаніе еще предъ рукоположеніемъ своимъ (А. Э. I, стр. 463. 470), и новгородцы въ своей договорной граматѣ съ вел. князьями московскими (1471 г.), между прочимъ, сказали: „а пошлины вамъ, великимъ княземъ, и вашему отцу митрополиту отъ владыки имати по старинѣ, а лишнего не прибавляти“ (А. Э. I, № 91). О полученіи такихъ пошлинъ или поминковъ отъ новгород. владыки упоминаетъ, съ благодарностію, митрополитъ Ѳеодосій (А. И. I, № 275, стр. 507).

([236]) А. И. I, № 285; А. Э. I, №№ 382. 383.

власти митрополитъ лично не имѣлъ ни надъ архіереями, ни надъ другими членами церкви внѣ своей епархіи, и хотя къ нему восходили донесенія и жалобы на архіепископовъ и епископовъ, хотя иногда онъ поручалъ, съ соизволенія вел. князя, производить предварительныя разслѣдованія о проступкахъ какого либо архіерея, но потомъ ограничивался одними административными распоряженіями,—дѣлалъ виновному внушеніе, замѣчаніе и под., или даже предлагалъ отказаться отъ каѳедры; а дѣйствительно судить архіепископа или епископа могъ только съ соборомъ епископовъ ([237]).

Епархіальнымъ архіереямъ, въ томъ числѣ и митрополиту, который имѣлъ свою особую епархію, принадлежала не одна административная, но равно и судебная власть, каждому лишь въ предѣлахъ его собственной епархіи. Самыя вѣрныя и довольно подробныя свѣдѣнія объ епархіальномъ управленіи настоящаго періода и объ епархіальномъ судѣ находимъ въ книгѣ Стоглавъ: такъ какъ Стоглавый соборъ изложилъ о томъ и другомъ предметѣ, большею частію, не новыя постановленія и правила, а тѣ самыя, какія существовали въ его время и до него, но только часто были нарушаемы или вовсе оставались въ пренебреженіи, и если сдѣлалъ какія либо поясненія и измѣненія, то немногія. Этими свѣдѣніями мы и воспользуемся, дополняя ихъ, по возможности, свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ.

Духовное управленіе каждаго архипастыря, безъ сомнѣнія, простирается на всю его духовную паству; но онъ не столько самъ непосредственно можетъ дѣйствовать на всѣхъ вѣрую-

([237]) Нашей Истор. VI, 51. 120–121. 145.

щихъ своей епархіи, особенно при обширности ея, сколько дѣйствуетъ чрезъ подвѣдомое ему низшее духовенство. Потому-то главная забота нашихъ архипастырей въ дѣлѣ епархіальнаго управленія сосредоточивалась, какъ и всегда, на епархіальномъ духовенствѣ, и заключалась въ томъ, вопервыхъ, чтобы давать всѣмъ приходамъ и церквамъ епархіи достойныхъ пастырей, которые были бы способны и учить своихъ прихожанъ вѣрѣ, и совершать для нихъ церковное богослуженіе, и вообще руководить ихъ на пути къ вѣчной жизни, вовторыхъ — чтобы употреблять надлежащія мѣры противъ уклоненій этихъ пастырей отъ своего призванія и долга, и въ третьихъ — чтобы внимательно и постоянно наблюдать за ихъ пастырскимъ служеніемъ и жизнію и руководить ими.

Поставленіе священниковъ и другихъ членовъ причта для церквей епархіи соединено было у насъ съ крайними затрудненіями ([238]). При архіерейскихъ каѳедрахъ не существовало

([238]) При сельскихъ нашихъ церквахъ, большею частію, состояли только священникъ и одинъ причетникъ — дьячекъ или пономарь, да кромѣ того просвирня и сторожъ (*Неволин.* О пятин. новгород., Писцов. книг. въ Прилож. стр. 23—25. 32—43. 87 и многр. друг.); при нѣкоторыхъ—священникъ и оба причетника (тамъ же 76. 78. 83. 199. 230. 237) и лишь при весьма немногихъ—священникъ, діаконъ, дьячекъ и пономарь (тамъ же 291). При городскихъ церквахъ, при однѣхъ былъ полный причтъ, при другихъ неполный — безъ діакона (А. Э. I, № 205). При соборныхъ городскихъ церквахъ и въ монастыряхъ бывало по нѣсколько священниковъ и діаконовъ, наприм., при Дмитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ—четыре священника (А. Э. I, № 159); при женскомъ успенскомъ монастырѣ во Владимірѣ — четыре священника и два діакона (А. Э. I, № 155); при одномъ изъ мужескихъ монастырей въ Переяславлѣ—четыре священника и два діакона, а при другомъ два священника (А. Э. I, № 191). Причты каѳедральныхъ соборовъ были многочисленнѣе: напримѣръ, при новгородскомъ софійскомъ соборѣ въ 1552 -1554 г. состояли протопопъ, восемнадцать поповъ, протодіаконъ, четыре діакона, да архидіаконъ, два псаломщика и 17 дьячковъ (Собр. Р. Лѣт. III, 251; А.

училищъ, и архіереи не имѣли возможности сами назначать достойныхъ людей на всѣ открывавшіяся въ приходахъ священно – и церковнослужительскія мѣста. Забота объ этомъ предоставлена была мѣстнымъ прихожанамъ; а прихожане, по тойже самой причинѣ, т. е. по неимѣнію училищъ и образованныхъ людей, часто выбирали себѣ въ попы малограмотныхъ или почти безграмотныхъ и приводили ихъ къ своему архипастырю для поставленія. Архіереи сознавали, что ставить такихъ людей священниками и діаконами противно свящ. правиламъ, а не ставить — церкви будутъ безъ пѣнія и православные станутъ умирать безъ покаянія. Къ этому присоединялись еще злоупотребленія. Въ Новгородѣ, напримѣръ, прихожане открыто торговали церковными мѣстами и со всякаго, кто желалъ поступить на мѣсто священника, діакона, дьячка, пономаря, даже просвирни, требовали денегъ; за священническія мѣста брали по пятнадцати, двадцати и тридцати рублей, и избирали тѣхъ, кто давалъ больше, а не тѣхъ, кто былъ грамотнѣе и достойнѣе по жизни. Присылалъ ли самъ владыка къ какой либо церкви священника, гораздаго граматѣ и благочестиваго, прихожане не принимали его, если онъ не давалъ имъ большихъ денегъ. Равно и къ церквамъ ружнымъ, существовавшимъ въ разныхъ городахъ, княжескіе дворецкіе и дьяки, а въ Псковѣ намѣстникъ владыки, избирали въ члены причта только тѣхъ, кто давалъ больше денегъ, не обращая вниманія, насколько

Э. III, № 306, стр. 453). При владимірскомъ успенскомъ соборѣ въ 1534 г. состояли протопопъ, семь священниковъ, протодіаконъ, четыре діакона и проч. (Сборн. *Муханова*, изд. 2, № 319).

они граматны и достойны священнаго сана. Для устраненія этихъ недостатковъ, о которыхъ засвидѣтельствовалъ на Стоглавомъ соборѣ самъ государь, соборъ постановилъ—а) чтобы въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ открыты были училища, въ которыхъ дѣти обучались бы «граматѣ,, книжному письму, церковному пѣнію и налойному чтенію», и такимъ образомъ приготовлялись на служеніе церкви, и—б) чтобы по всѣмъ епархіямъ прихожане къ своимъ приходскимъ церквамъ, а дворецкіе, дьяки или владычные намѣстники къ церквамъ ружнымъ избирали священниковъ, діаконовъ и прочихъ членовъ причта «искусныхъ и граматѣ гораздыхъ, и житіемъ непорочныхъ», а денегъ отъ нихъ и мзды себѣ не требовали и не принимали (Стогл. гл. 25. 26 и 41, вопр. 14. 15) ([239]). Вмѣстѣ съ тѣмъ соборомъ изложены и въ руководство епископамъ по этому предмету слѣдующія правила: 1) епископы должны съ великимъ испытаніемъ избирать въ свящ. санъ (разумѣется, изъ числа представляемыхъ прихожанами) достойныхъ, священное писаніе въ конецъ вѣдующихъ и могущихъ строить все пастырское, исполнять церковный чинъ по божественному уставу, а особенно упасти врученное имъ стадо словесныхъ овецъ; 2) должны испытывать отъ отца духовнаго и отъ седми свидѣтелей (какъ было положено еще на Владимірскомъ соборѣ 1274 года) о чистотѣ жизни избраннаго и о лѣтахъ его возраста: если будетъ достоинъ и тридцати лѣтъ, такого ставить въ попы,

---

([239]) Въ приговорѣ тогоже собора по жалобницамъ новгородскихъ священниковъ такъ же сказано: „а *избирати* по всѣмъ церквамъ поповъ и діаконовъ *прихожаномъ* искусныхъ и граматѣ гораздыхъ и житіемъ непорочныхъ“ (Стогл. стр. 422; снес. А. Э. I, № 229).

а 25-ти лѣтъ — ставить въ діаконы, согласно съ древними канонами церкви; если же будутъ и весьма достойны, но по лѣтамъ несовершенны, такихъ не ставить до урочныхъ лѣтъ. 3) Когда діаконскаго или священническаго сана будутъ искать причетники, хотя и совершенные по лѣтамъ, но еще несовершенно умѣющіе граматѣ, то такихъ предварительно посылать по соборнымъ церквамъ, чтобы тамъ они, подъ руководствомъ протоіерея и священниковъ, обучались и навыкли всему церковному чину, и тогда-то уже, если окажутся достойными, да будутъ поставлены. 4) А если эти причетники, ищущіе свящ. сана, граматѣ мало умѣютъ и по лѣтамъ несовершенны или даже и совершенны, то святителямъ отсылать такихъ къ мастерамъ въ училище, пока не научатся совершенно граматѣ и всему церковному чину, и затѣмъ достойныхъ поставлять въ свящ. санъ. 5) Поставленнымъ святители повелѣваютъ служить седмицу у соборныхъ церквей, и когда новопосвященный отслужитъ свою урочную седмицу, — епископъ, отпуская его къ порученной ему церкви, дастъ ему отъ правилъ св. апостоловъ хиротонію (ставленную грамату) и прочтетъ ему свитокъ, содержащій въ себѣ подробнѣйшее поученіе святителя къ священнослужителямъ, какъ имъ проходить свое пастырское служеніе, положитъ этотъ свитокъ на престолѣ и велитъ новопоставленному взять свитокъ съ престола себѣ на память и въ руководство (Снес. А. И. I, № 109). 6) Въ особенности же поучаютъ въ это время святители новорукоположенныхъ священниковъ, чтобы они сами жили въ чистотѣ, страхѣ Божіемъ и въ прочихъ добродѣтеляхъ, блюли себя отъ невоздержанія, пьянства и прочихъ злыхъ дѣлъ и служили примѣромъ для своихъ дѣтей

духовныхъ; равно поучаютъ и діаконовъ, чтобы хранили свое діаконство чисто и непорочно, жили безъ всякаго зазору, были прилежны къ церкви Божіей, въ покорности священнику, а ко всѣмъ христіанамъ въ любви и смиреніи, и всѣмъ показывали образъ добрыхъ дѣлъ во славу Божію (Стогл. гл. 89).

Несмотря, однакожъ, на все попеченіе церковнаго правительства поставлять на приходы достойныхъ пастырей, многіе изъ нихъ дѣлались виною разныхъ безпорядковъ и нестроеній въ церкви, и первое мѣсто между такими священнослужителями занимали такъ-называемые *безмѣстные* или безприходные. Прихожане, избирая себѣ духовныхъ пастырей по своему усмотрѣнію, принимая ихъ къ себѣ по договору, какбы по найму, считали себя въ правѣ и удалять ихъ отъ своей церкви по своему усмотрѣнію, и часто, не стѣсняясь договоромъ, дѣйствительно удаляли, безъ вѣдома епархіальнаго владыки, а себѣ нанимали другихъ священниковъ или священноиноковъ, иногда же и сами священники, недовольные почему либо прихожанами такъ же нарушали договоръ и оставляли свои мѣста. Оттого классъ безмѣстныхъ священниковъ былъ унасъ весьма многолюденъ, и всѣ они, не имѣя, чѣмъ содержаться, начинали бродить и отыскивать себѣ приходовъ и средствъ для жизни. Съ этою цѣлію многіе выпрашивали себѣ у своего епархіальнаго начальства *отпускныя граматы*, въ которыхъ сами архіереи разрѣшали имъ отправляться во всѣ епархіи, въ какія пожелаютъ, и священнодѣйствовать повсюду, гдѣ имъ позволятъ мѣстныя церковныя власти; а другіе пускались странствовать по епархіямъ и безъ отпускныхъ и даже безъ ставленныхъ граматъ, и нерѣдко находили прихожанъ, нанимавшихъ ихъ для служенія въ своей приходской церкви, или

нанимались совершать службы въ монастыряхъ, нуждавшихся въ священнослужителяхъ. Въ Псковъ, напримѣръ, приходили такіе священнослужители, принадлежавшіе какъ къ бѣлому, такъ и черному духовенству, не только изъ предѣловъ новгородскихъ, московскихъ, тверскихъ, но и изъ Литвы, т. е. совсѣмъ изъ другой митрополіи, западно-русской, и, не предъявляя никакихъ граматъ мѣстнымъ духовнымъ властямъ, обращались прямо къ прихожанамъ разныхъ церквей, старались такъ или иначе пріобрѣсть ихъ расположенность, предлагали имъ свои услуги,—и прихожане часто принимали этихъ пришлецовъ и удаляли своихъ прежнихъ пастырей—игуменовъ, священноиноковъ, священниковъ и діаконовъ, заставляя ихъ, въ свою очередь, по неволѣ «волочиться безъ мѣстъ». Для устраненія такого рода безпорядковъ, наши архипастыри настойчиво подтверждали своимъ намѣстникамъ и другимъ подчиненнымъ властямъ, чтобы они убѣждали прихожанъ не прогонять отъ себя самовольно своихъ пастырей и не принимать новыхъ безъ воли и распоряженія владыки, а съ другой стороны, чтобы внимательно слѣдили за приходящими въ епархію безмѣстными священниками и діаконами, имѣютъ ли они ставленныя и отпускныя граматы, и если не имѣютъ, то отнюдь не дозволяли бы имъ священнодѣйствовать и занимать мѣста въ приходахъ. Настоятелямъ же монастырей Стоглавый соборъ угрожалъ даже отлученіемъ, если они будутъ дозволять въ своихъ монастыряхъ священнослуженіе такимъ священникамъ и діаконамъ, у которыхъ не окажется ставленныхъ и отпускныхъ граматъ ([240]).

([240]) Грамат. новгор. архіеп. Макарія, въ Истор. Княж. Псков. II, 82—85;

Кромѣ безмѣстныхъ священниковъ, въ городахъ, гдѣ находились каѳедры архіереевъ, немало нестроеній производили и другіе пришлые священнослужители. Въ каждый изъ этихъ городовъ стекалось духовенство изъ всѣхъ мѣстъ епархіи, а въ Москву и со всѣхъ концевъ Россіи. Тутъ бывали архимандриты, игумены и священноиноки, протоіереи, священники, діаконы, имѣвшіе право священнослуженія и запрещенные. Одни изъ нихъ приходили въ столицу или въ свой епархіальный городъ по своей волѣ, по дѣламъ своихъ монастырей или церквей или по дѣламъ домашнимъ, а другіе по требованіямъ суда—«за поруками, за приставами, по кабаламъ, по срочнымъ, въ бояхъ, грабежахъ и въ прочихъ различныхъ дѣлахъ». Многіе, проживая въ этихъ городахъ иногда довольно долго, старались отъискивать случаи наниматься иногда въ помощь приходскимъ священнослужителямъ, а иногда для отправленія службъ въ домовыхъ церквахъ, которыхъ особенно въ Москвѣ было очень много и которыя, большею частію, не имѣли у себя причтовъ. Для того, чтобы имѣть право наниматься, всѣ пришлые священнослужители бѣлаго и монашествующаго духовенства, по изстари-заведенному обычаю, должны были являться къ тіуну мѣстнаго первосвятителя и получать отъ тіуна, за опредѣленную плату, *знамя* или свидѣтельство на мѣсяцъ, на два и болѣе, и потомъ сходились на извѣстные городскіе перекрестки или крестцы (въ Москвѣ—на Ильинской улицѣ въ торгу) и предлагали свои услуги

А. Э. I, №№ 168. 293; Стоглав. гл. 51; А. Юрид. № 389; А. до юрид. быта Россіи, II, № 219; Доп. А. И. I, № 209.

желающимъ. Но нѣкоторые священнослужители не обращались къ тіуну за знаменемъ и совершали службы, по найму, безъ знамени. Да и сами тіуны часто злоупотребляли: они охотно выдавали знамя за плату, а не разыскивали, имѣютъ ли право получавшіе знамя священнодѣйствовать, есть ли у нихъ ставленныя, благословенныя и отпускныя граматы, а такъ же, по доброй ли волѣ они пришли въ городъ или по дѣламъ судебнымъ. Стоглавый соборъ не оставилъ безъ вниманія и этихъ злоупотребленій, и имѣя въ виду преимущественно Москву, гдѣ они случались чаще, постановилъ: а) впредь всѣ пріѣзжіе архимандриты, игумены, священноиноки, протоіереи, священники и діаконы, которые пожелаютъ наниматься въ Москвѣ для отправленія церковныхъ службъ, должны являться къ митрополичему тіуну; б) тіунъ прежде всего долженъ разсматривать, имѣютъ ли они граматы ставленныя, благословенныя и отпускныя, и по какимъ дѣламъ пріѣхали въ столицу, по своимъ ли, чтобы бить челомъ царю или митрополиту и проч., или пріѣхали за поруками, за приставомъ и въ какой либо пенѣ; в) тѣмъ, которые пріѣхали по своимъ дѣламъ и имѣютъ всѣ надлежащія граматы, тіуну выдавать знамена; а тѣмъ, у кого граматъ не будетъ, хотя бы и по своимъ дѣламъ они пріѣхали, знаменъ не выдавать; г) всѣмъ же, пріѣхавшимъ за поруками въ какихъ либо дѣлахъ, духовныхъ или иныхъ, хотя бы у нихъ и были надлежащія граматы, знаменъ не выдавать; д) а если эти пріѣхавшіе за поруками начнутъ служить безъ знаменъ и потомъ будутъ обличены, то приводить ихъ къ митрополиту и быть имъ подъ запрещеніемъ, по правиламъ; е) наконецъ, если тіунъ станетъ выдавать знамена тѣмъ, которые пріѣхали за поруками и за приставомъ, или у кото-

рыхъ не будетъ ставленныхъ, благословенныхъ и отпускныхъ граматъ, тогда тіуну быть отъ митрополита въ великой опалѣ и изъ тіунства быть извержену (Стогл. гл. 69, стр. 325—328). Само собою разумѣется, что этими же правилами, по примѣру Москвы, должны были руководиться и въ другихъ епархіальныхъ городахъ.

Еще болѣе заботъ причиняли у насъ церковному правительству своимъ поведеніемъ вдовые священники и діаконы. Мы уже знаемъ, какъ въ Москвѣ боролся съ ними самъ митрополитъ Ѳеодосій и не могъ искоренить зла; какъ въ Псковѣ сами священнослужители всѣхъ пяти соборовъ торжественно предъ лицемъ вѣча положили отлучить отъ службы всѣхъ вдовыхъ поповъ и діаконовъ псковской области за ихъ позорную жизнь, и какъ, наконецъ, московскій соборъ 1503 г. постановилъ: всѣхъ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ, имѣющихъ наложницъ, разлучить съ ними, лишить сана и изключить изъ клира; а прочимъ, которые, по смерти своихъ женъ, хотя живутъ честно и незазорно, но не хотятъ постричься въ монашество, запретить священнослуженіе, съ тѣмъ чтобы они стояли въ церкви на клиросѣ вмѣстѣ съ чтецами и пѣвцами, пользуясь за это отъ своихъ преемниковъ четвертою частію доходовъ, и только могли причащаться въ алтарѣ, священники, надѣвъ епитрахиль, а діаконы — стихарь съ ораремъ (нашей Истор. VI, 55. 57. 122). Но это соборное постановленіе съ теченіемъ времени почти потеряло силу, и вотъ уже на Стоглавомъ соборѣ царь Иванъ Васильевичъ говорилъ: «нынѣ вдовыхъ поповъ два жеребья: одни обѣдни не служатъ, но церковью и приходомъ владѣютъ и

дѣтьми духовными, даютъ молитвы родильницамъ и имена дѣтямъ, крестятъ, вѣнчаютъ, исповѣдуютъ, провожаютъ умершихъ и совершаютъ всѣ священнодѣйствія, кромѣ божественной литургіи; а другіе сами всегда во всякомъ безчиніи и пьянствѣ, и ихъ нестроеніе міру на соблазнъ» (Стогл. гл. 5, вопр. 18). Отцы Стоглаваго собора, ссылаясь на всѣ прежде бывшія въ Россіи по этому предмету распоряженія митрополитовъ Петра, Фотія, собора 1503 г. и соображенія преп. Іосифа волоколамскаго, вновь подтвердили тѣже самыя распоряженія и только изложили ихъ нѣсколько подробнѣе въ слѣдующихъ статьяхъ: а) вдовымъ попамъ и діаконамъ не служить, т. е. не священнодѣйствовать; б) которые изъ нихъ обѣщаются пребывать въ чистотѣ, тѣмъ стоять на клиросѣ и отъ служащихъ священниковъ и діаконовъ, поступившихъ на ихъ мѣста, получать во всѣхъ церковныхъ доходахъ четвертую часть ([241]); в) этимъ же вдовымъ попамъ разрѣшается держать у себя въ домѣ епитрахили и причащаться въ алтарѣ, въ епитрахили, только не служить, а діаконамъ причащаться въ алтарѣ—въ стихарѣ съ ораремъ, только не служить; г) а если тѣ вдовые попы и діаконы не захотятъ

([241]) Въ такомъ случаѣ мѣста вдовыхъ священниковъ и діаконовъ предоставлялись, по возможности, ихъ близкимъ родственникамъ: „а который попъ или діаконъ овдовѣетъ, сказано въ приговорѣ Стоглаваго собора,—а будетъ у него сынъ, или братъ, или зять, или племянникъ, и на его мѣсто пригожъ и грамотѣ гораздъ и искусенъ, ино его въ попы на мѣсто поставити“ (А. Э. I, 229). Да и гораздо прежде Стоглаваго собора у насъ уже существовалъ обычай передавать мѣста священниковъ ихъ дѣтямъ или близкимъ родственникамъ: еще въ 1500 г. Сакранъ, бывшій каноникомъ въ Краковѣ, въ числѣ недостатковъ русской церкви считалъ и тотъ, что въ ней сыновья духовныхъ лицъ имѣли право наслѣдства на тѣ мѣста, которыя занимали ихъ отцы (Sacran. Elucidarius errorum rithus Ruthen., error 29, apud Lasic. De Russorum Moscovit. et Tartarorum religione, sacrificiis..., p. 195, Spirae 1582).

стоять на клиросѣ и начнутъ заниматься мірскими дѣлами, то имъ въ мірѣ и пребывать и подлежать царской дани, а на клиросѣ уже не становиться и четвертой части отъ служащихъ поповъ и діаконовъ не получать; д) если вдовые попы и діаконы, стоящіе на клиросѣ, пожелаютъ постричься въ монашескій чинъ и захотятъ священнодѣйствовать, то, съ благословенія святительскаго, если будутъ достойны, да совершаютъ божественную литургію и всѣ другія священнодѣйствія, но только въ монастыряхъ, а не въ мірскихъ мѣстахъ; въ мірскихъ мѣстахъ имъ не жить и не дѣйствовать; е) впредь вдовымъ попамъ и діаконамъ св. церквами не владѣть, духовныхъ дѣтей не держать и не вступаться ни во что церковное, а только пребывать въ чистотѣ и стоять на клиросѣ; ж) тѣмъ изъ нихъ, которые обѣщаются хранить чистоту и стоять на клиросѣ, получать отъ святителей *благословленныя епитрахильныя и орарныя граматы*, не платя за нихъ пошлинъ; а въ граматахъ тѣхъ писать, что такимъ-то вдовымъ священникамъ и діаконамъ, обѣщавшимся пребывать въ чистотѣ, по 5-му правилу VI вселенскаго собора, въ дому у себя женскаго пола не держать изъ лицъ зазорныхъ, а только мать, или сестру, или тетку по отцу или матери, или дочь (Стогл. гл. 77—81). Нельзя, однакожъ, при этомъ не замѣтить, что хотя Стоглавый соборъ запретилъ вдовымъ священникамъ, даже послѣ постриженія ихъ въ монашество, занимать священническія мѣста на приходахъ и вообще священнодѣйствовать внѣ монастырей, но у насъ и до Стоглаваго собора и послѣ существовалъ обычай, по которому очень нерѣдко при церквахъ приходскихъ,

вмѣсто бѣлыхъ священниковъ, состояли іеромонахи или игумены и носили названіе *черныхъ поповъ* ([242]).

Что касается до причетниковъ, т. е. дьячковъ и пономарей, а равно и просвирень, которыя такъ же причислялись у насъ къ церковному причту, то здѣсь встрѣчались безпорядки другаго рода. Дьячки и пономари, по свидѣтельству царя Ивана Васильевича на Стоглавомъ соборѣ, часто были двоеженцами и троеженцами, и, несмотря на то, входили въ алтарь и касались свящ. предметовъ; а просвирнями бывали черницы, которыя и жили при мірскихъ церквахъ. Соборъ подтвердилъ, чтобы дьячки и пономари по всѣмъ церквамъ были единобрачные, а отнюдь не второбрачные, чтобы въ просвирни избирались не черницы, которыя обязаны жить въ монастыряхъ, а честныя единобрачныя вдовы не моложе сорока или пятидесети лѣтъ (Стогл. гл. 5, вопр. 24; гл. 8. 12).

Для постояннаго и ближайшаго надзора за всѣми лицами епархіальнаго духовенства, за ихъ служеніемъ церкви и образомъ жизни, и вообще для того, чтобы дѣло епархіальнаго управленія могло совершаться удобнѣе и успѣшнѣе, наши архипастыри имѣли у себя разныхъ помощниковъ. Эти помощники или служебныя лица были и духовнаго званія и свѣтскаго, и носили тѣ самыя имена, какія носили подобные же чины у нашихъ князей по управленію княжествами:

([242]) А. Э. I, №№ 71. 85. 176. 296; Доп. А. И. I, № 220. Флетчеръ замѣчаетъ: „Кромѣ обыкновенныхъ поповъ или священниковъ, у нихъ есть еще такъ называемые *черные попы*, которые могутъ занимать священническія мѣста, хотя пострижены въ монахи въ какомъ либо монастырѣ“ (О Госуд. Русск., гл. 21, стр. 77).

одни назывались намѣстниками, старостами (поповскими), десятскими (священниками); другіе боярами, десятинниками, тіунами, недѣльщиками и проч. Надобно однакожъ помнить, что тогда въ Россіи административная власть не отдѣлялась отъ судебной и что дѣло администраціи и суда, какъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, такъ и въ духовномъ, неразрывно соединено было съ собираніемъ разныхъ пошлинъ съ подлежащихъ лицъ на содержаніе самой административной и судебной власти. А потому очень естественно, что тѣже служебныя лица, которыя у нашихъ архіереевъ участвовали въ епархіальномъ управленіи, участвовали, болѣе или менѣе, и въ епархіальномъ судѣ, и въ собираніи церковныхъ пошлинъ, и лишь нѣкоторые, не участвуя въ первомъ, участвовали только во второмъ и третьемъ, или только во второмъ.

Какъ у нашихъ князей по городамъ высшіе чины были намѣстники, такъ и у нашихъ архіереевъ были свои *намѣстники*. Митрополитъ имѣлъ намѣстниковъ въ Москвѣ, Владимірѣ, Кіевѣ, пока послѣдній не отошелъ къ западной митрополіи, и иногда даже въ нѣкоторыхъ незначительныхъ городахъ, наприм., въ Кричевѣ—городкѣ Бѣлорусіи. У владыки новгородскаго были намѣстники въ Новгородѣ, Псковѣ и такъ же иногда въ незначительныхъ городахъ, каковъ Волоколамскъ, гдѣ нѣсколько времени состоялъ намѣстникомъ владыки Геннадія преп. Іосифъ волоколамскій. Были намѣстники и у казанскаго владыки (въ 1556 г.) и у прочихъ нашихъ архіепископовъ и епископовъ даже подъ конецъ настоящаго періода. Въ должность намѣстниковъ избираемы были, судя, по нѣкоторымъ яснымъ и прямымъ свидѣтельствамъ, лица духовнаго званія, преимущественно монашествующіе, отъ

чего и назывались иногда намѣстниками *черными*, хотя изъ другихъ сохранившихся свидѣтельствъ объ этихъ намѣстникахъ никакъ нельзя видѣть, какого званія они были, а есть свидѣтельства и о намѣстникахъ свѣтскихъ. Власть намѣстниковъ была весьма обширна: они какбы замѣняли собою своихъ епархіальныхъ владыкъ въ тѣхъ округахъ, которые владыки имъ поручали. Здѣсь вѣдѣнію намѣстниковъ подлежали всѣ церкви и монастыри, все духовенство, бѣлое и монашествующее, и по управленію, и по суду, и по собиранію пошлинъ (243). Но, при такой многосложности своихъ обязанностей и при обширности округовъ, эти главные помощники епархіальныхъ архіереевъ не могли непосредственно услѣдить за всѣми членами ввѣреннаго имъ духовенства и сами нуждались въ помощникахъ.

Были въ епархіальномъ вѣдомствѣ и другія служебныя лица, которымъ поручались меньшіе округи и въ нихъ одни только приходскія церкви и одно бѣлое духовенство: то были *старосты поповскіе* или *священническіе*. О поповскихъ старо-

(243) О намѣстникахъ митрополита—А. И. I, №№ 48. 260; А. Э. I, №№ 105. 159 (здѣсь-то упоминаются „митрополичи намѣстники *черные*“); *Горчаков.* О земел. владѣн. всеросс. митрополитовъ, Приложен. стр. 37—41, С. п. б. 1871. О намѣстникахъ новгородскаго владыки—А. Э. I, №№ 92. 103; А. И. I, №№ 111. 284 (здѣсь: „оставляю вамъ, сынове, *въ свое мѣсто*, намѣстника своего“...); нашей Истор. Р. Церкви VI, 111. О намѣстникахъ казанскаго и прочихъ архіепископовъ и епископовъ—А. Э. I, № 248; А. Юридич. № 389. Были такъ же у митрополита и владыки новгор. и намѣстники, несомнѣнно, свѣтскіе; но тѣ не участвовали, кажется, въ дѣлахъ духовнаго управленія и суда, а завѣдывали дѣлами по архіерейскимъ имуществамъ (А. Юридич. № 16; Собр. Р. Лѣт. VI, 202). Впрочемъ, въ 1548 г. у владыки новгородскаго упоминается во Псковѣ только одинъ намѣстникъ, завѣдывавшій, слѣд. и духовными дѣлами, и этотъ намѣстникъ былъ, несомнѣнно, свѣтскій—Неудача Цыплятевъ (*Куприянов.* Отрывки изъ расходн. книгъ Новгор. Соф. собора за 1548 г., въ Извѣст. Археолог. Общ. т. III, вып. 1, 39—40). Да и прежде, именно въ 1471 г., владычный намѣстникъ въ Псковѣ былъ свѣтскій (Собр. Р. Лѣт. IV, 236).

стахъ въ епархіи митрополита неразъ упоминается почти съ самаго начала настоящаго періода ([244]). Въ новгородской епархіи они существовали, подъ названіемъ соборскихъ старостъ, въ Новгородѣ и Псковѣ, по семи въ каждомъ, сколько было мѣстныхъ соборовъ; а соборами въ томъ и другомъ городѣ, какъ мы знаемъ, назывались тѣ церкви, къ которымъ причислялось по нѣскольку другихъ приходскихъ церквей вмѣстѣ съ ихъ священнослужителями. Эти-то священнослужители, и составлявшіе собственно соборъ при избранной церкви,—такъ какъ они обязывались собираться въ ней по временамъ для соборныхъ богослуженій и для совѣщаній о дѣлахъ церковныхъ,—избирали изъ среды себя одного старосту и подчинялись ему. Избранный такимъ образомъ соборскій староста завѣдывалъ какъ приходскими церквами избравшихъ его священнослужителей, такъ и церковными причтами, и заправлялъ дѣлами своего собора ([245]). Но, вѣрно, старосты поповскіе существовали не вездѣ въ русской церкви; вѣрно, не безъ основанія ростовскій попъ Скрипица укорялъ, въ началѣ XVI в., нашихъ архіереевъ, что они ни сами, ни чрезъ избранныхъ священниковъ не надзирали за священниками по городамъ и селамъ, а надзирали, по царскому чину, чрезъ бояръ, недѣльщиковъ, дворецкихъ, тіуновъ, доводчиковъ, ради своихъ прибытковъ (нашей Истор. VI, 124); потому что царь Иванъ Васильевичъ, указывая на безпорядки въ духовенствѣ, предложилъ отцамъ Стоглаваго собора, чтобы они «уставили»

([244]) *Горчаков.* О позем. влад. всеросс. митр., Прилож. стр. 37—40; А. Э. I, №№ 105. 197.

([245]) А. И. I, № 284; нашей Истор. Р. Церкви, VI, 380; см. такъ же выше примѣч. 15 и текстъ, къ которому оно относится.

старостъ поповскихъ «надо *всѣми* священники», а такъ же уставили «и прочія чины», и именно «*церковныхъ* чиновниковъ» (Стогл. гл. 5, вопр. 1). Стоглавый соборъ довольно подробно обсудилъ этотъ предметъ и сдѣлалъ слѣдующія постановленія:

1) Въ Москвѣ и по всѣмъ городамъ Россіи и русской митрополіи избирать *протопоповъ* въ каждомъ городѣ, по царскому повелѣнію и святительскому благословенію, священниковъ искусныхъ, добрыхъ и житіемъ непорочныхъ (Стогл. гл. 6).

2) Этимъ протопопамъ по всѣмъ городамъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи священнослужителей церквей соборныхъ, придѣльныхъ и ружныхъ и заботиться, чтобы означенные священнослужители всякій день совершали въ своихъ церквахъ божественныя службы, сполна по уставу, съ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ, и чтобы вели жизнь трезвую и благочестивую и повиновались во всемъ своимъ протопопамъ безъ всякаго прекословія. Если же какіе либо соборные, ружные и придѣльные священники и діаконы начнутъ не слушаться протопоповъ, предаваться пьянству и нерадѣть о богослуженіи, такихъ протопопамъ соборнѣ наказывать, т. е. вразумлять, наставлять, чтобы они исправились и были усердны къ своему долгу. А если, по первомъ и по второмъ наказаніи, не исправятся, то о такихъ безчинникахъ протопопамъ возвѣщать святителямъ, а отъ святителей такимъ священникамъ и діаконамъ быть въ духовномъ запрещеніи и отлученіи отъ церкви по свящ. правиламъ. Но, съ другой стороны, если и протопопы соборныхъ церквей сами начнутъ упиваться или безчинствовать и пренебрегать своимъ долгомъ, тогда соборнымъ священникамъ возвѣщать о томъ святителей, а отъ святи-

телей тѣмъ протопопамъ такъ же быть въ великомъ запрещеніи и въ конечномъ отлученіи (—гл. 29).

3) Въ Москвѣ быть седми соборамъ и седми *старостамъ поповскимъ*, по уложенію царскому, да къ нимъ избирать *десятскихъ священниковъ* (—гл. 6). Между седмью соборами разчислить всѣ приходскія церкви Москвы съ ихъ священнослужителями. При каждомъ соборѣ священнослужители причисленныхъ къ нему церквей избираютъ себѣ изъ своей среды поповскаго старосту-священника, исполненнаго разума духовнаго, рачителя божественному писанію и украшеннаго всякими добродѣтелями; а онъ самъ изберетъ себѣ десятскихъ священниковъ, достойныхъ и искусныхъ. Избранныхъ старостъ приводить предъ митрополита, и митрополитъ, испытавъ ихъ и довольно наставивъ, «придастъ имъ законъ божественныхъ писаній соборнаго уложенія—о церковномъ благочиніи и о священническомъ духовномъ попеченіи». Старостамъ и всѣмъ священникамъ, причисленнымъ къ тому или другому собору, собираться въ свой соборъ для торжественныхъ богослуженій и крестныхъ ходовъ, а такъ же и для духовныхъ совѣщаній о дѣлахъ церковныхъ, и для того имѣть въ своемъ соборѣ «божественныя правила полныя» и обращаться къ нимъ (А. Э. I, № 232; снес. Стогл. гл. 35).

4) Равнымъ образомъ и по всѣмъ городамъ уставить *поповскихъ старостъ и десятскихъ священниковъ*, гдѣ сколько придется; а по селамъ, и погостамъ, и волостямъ, по всей русской земли, уставить надъ попами десятскихъ священниковъ (Стогл. гл. 6). Списки избранныхъ старостъ и десятскихъ священниковъ представляются владыкамъ, которые и посылаютъ имъ «наказъ по соборному уложенію» (А. Э. I, № 231, стр. 227).

5) Поповскимъ старостамъ и десятскимъ священникамъ, какъ въ Москвѣ, такъ и по всѣмъ городамъ и селамъ, каждому въ своемъ предѣлѣ, накрѣпко вѣдать и назирать священниковъ и діаконовъ, чтобы они совершали всѣ церковныя службы сполна по уставу, чинно и немятежно, сами жили по священству, въ чистотѣ, и въ прочихъ добродѣтеляхъ, и воздерживались отъ пьянства, да и дѣтей своихъ духовныхъ всѣхъ учили страху Божію и благочестію. А если нѣкоторые священники и діаконы начнутъ жить въ слабости и пьянствѣ и другихъ недостойныхъ дѣлахъ, или начнутъ нерадѣть о церкви Божіей и о своихъ дѣтяхъ духовныхъ, то старостамъ и десятскимъ накрѣпко уговаривать такихъ священниковъ и діаконовъ, чтобы они покаялись и исправились, да не будетъ соблазна мірскимъ людямъ; если же не послушаютъ и не исправятся, то писать объ нихъ святителямъ, и отъ святителей быть имъ въ великомъ запрещеніи и конечномъ изверженіи по правиламъ. Да тѣмъ же старостамъ и десятскимъ у всѣхъ поповъ и діаконовъ дозирать ставленныхъ, благословенныхъ и отпу́скныхъ граматъ, и у кого не будетъ этихъ граматъ, такимъ священникамъ и діаконамъ не дозволять служить, а посылать ихъ за поруками къ святителямъ для полученія граматъ. Но если какихъ либо безчинныхъ священниковъ и діаконовъ начнутъ покрывать старосты и десятскіе, или протопопы, то имъ самимъ быть отъ святителей въ наказаніи и отлученіи по правиламъ (Стогл. гл. 34. 69).

6) Для большаго утвержденія церковнаго благочинія святители посылаютъ, каждый въ своемъ предѣлѣ, по всѣмъ городамъ и селамъ *соборныхъ священниковъ*, добрыхъ и искусныхъ, могущихъ и другихъ духовно пользовать. Эти священники

должны обращаться ко всѣмъ священникамъ и діаконамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ съ духовнымъ поученіемъ и вмѣстѣ дозирать, чтобы церковные чины и божественныя службы совершались во всѣхъ церквахъ по уставу и свящ. правиламъ (—гл. 69).

7) Наконецъ, святителямъ, каждому въ своемъ предѣлѣ, посылать по всѣмъ городамъ и селамъ, гдѣ будутъ архимандриты, игумены и протопопы, свои граматы, чтобы тѣ *архимандриты, игумены и протопопы* надзирали и досматрйвали за самими старостами поповскими и десятскими и за всѣми священниками и діаконами. И если какіе либо старосты, десятскіе и прочіе священники сдѣлаются небрежными къ своему долгу и не станутъ слушаться архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ, то послѣдніе должны писать о всемъ этомъ святителямъ, и тѣмъ поповскимъ старостамъ и десятскимъ священникамъ быть отъ святителей въ великомъ запрещеніи по свящ. правиламъ (—гл. 69).

Такимъ образомъ для надзора за бѣлымъ духовенствомъ и для управленія имъ у насъ установился цѣлый рядъ духовныхъ властей, находившихся въ распоряженіи епархіальныхъ архіереевъ. Что же касается монашествующаго духовенства и монастырей, то въ управленіи ими архіереи дѣйствовали исключительно чрезъ подчиненныхъ имъ настоятелей и настоятельницъ монастырей—архимандритовъ, игуменовъ, строителей и игуменій. Руководствомъ при управленіи монастырями, мужескими и женскими, общежительными и особными, служили уставы, въ нихъ существовавшіе, а равно и тѣ правила, которыя, по поводу безпорядковъ и нестроеній, оказавшихся въ иноческомъ мірѣ, даны были нашими соборами и пре-

имущественно Стоглавымъ. Уставы эти и правила нами уже разсмотрѣны въ другомъ мѣстѣ (VII, 61—83. 90—103).

Была еще мѣра, къ которой обращались иногда наши архіереи въ управленіи своими епархіями: это созываніе соборовъ изъ мѣстнаго духовенства. Такъ ростовскій архіепископъ Ѳеодосій въ 1458 г., путешествуя по епархіи, созвалъ въ Бѣлозерскъ на соборъ всѣхъ игуменовъ, священниковъ и діаконовъ бѣлозерскаго края. Судя по граматѣ, которою они созывались, можно догадываться, что архипастырь имѣлъ цѣлію преподать наставленія и сдѣлать распоряженія къ искорененію недостатковъ, замѣченныхъ въ этомъ духовенствѣ ([246]). Въ Казани, при архіепископѣ Германѣ, былъ соборъ мѣстнаго духовенства въ 1565 г. для разсужденій и совѣщаній о томъ, какъ отправлять службу на праздникъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы, случившійся въ недѣлю крестопоклонную. Были соборы и въ другихъ епархіяхъ ([247]).

Съ особенною подробностію Стоглавый соборъ изложилъ статьи «о святительскомъ судѣ» (гл. 53—69). И надобно сознаться, что хотя мы знали еще изъ уставовъ св. Владиміра и Ярослава, а затѣмъ и изъ граматъ послѣдующихъ князей, какія лица и предметы подлежали у насъ вѣдомству церковнаго суда, хотя неразъ видѣли впродолженіе вѣковъ, что наши архіереи дѣйствительно пользовались своею судебною властію и отстаивали неприкосновенность своего судеб-

---

([246]) А. И. I, *№* 64.

([247]) Опис. рукоп. графа Толстова, отд. I, *№* 25, стр. 12; Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, ч. I, 341—342. Въ приходо-расходн. книгахъ Корнильева-комельскаго монастыря, вологодской епархіи, за 1578 г., записано: „старецъ Родіонъ... съ игуменомъ Іоною ѣздилъ ко владыкѣ *на соборъ*, издержали 10 алтынъ 2 денги“ (Лѣтоп. занятій Археогр. Комм. V, отд. II, 19).

наго вѣдомства, но доселѣ мы не имѣли возможности составить себѣ понятія ни объ устройствѣ нашихъ епархіальныхъ судовъ, ни о судопроизводствѣ въ нихъ. Въ статьяхъ Стоглава о святительскомъ судѣ, въ первый разъ находимъ эту возможность, правда, несовсѣмъ удовлетворительную: потому что статьи не отличаются опредѣленностію и точностію выраженій. Въ каждой епархіи у насъ существовали—одинъ судъ по дѣламъ духовнымъ, или почти исключительно духовнымъ, и нѣсколько судовъ по дѣламъ недуховнымъ, свѣтскимъ.

Судъ по дѣламъ духовнымъ находился при каѳедрѣ епархіальнаго архіерея и состоялъ изъ лицъ только духовныхъ. Здѣсь судилъ самъ архіерей «соборне» съ архимандритами, игуменами и вообще избранными священнослужителями, или судилъ тотъ, кому онъ «повелѣвалъ судить», т. е. его намѣстникъ. Въ Москвѣ такимъ намѣстникомъ митрополита, по крайней мѣрѣ, со времени Стоглаваго собора, всегда былъ епископъ сарскій и подонскій, можетъ быть, потому что онъ постоянно жилъ въ Москвѣ и имѣлъ у себя небольшую епархію; у прочихъ архіереевъ должность намѣстниковъ исполняли, вѣроятно, архимандриты или другія подобныя лица духовнаго сана. А бояре митрополита и вообще святителей въ духовномъ судѣ не засѣдали, кромѣ писарей, которые записывали дѣла ([248]).

([248]) Стогл., стр. 293. 294. 298. Флетчеръ передаетъ объ этихъ соборныхъ судахъ нашихъ епископовъ и ихъ духовныхъ помощникахъ-намѣстникахъ слѣдующее извѣстіе: „у епископовъ (кромѣ свѣтскихъ чиновниковъ) есть такъ же свои помощники, составляющіе соборы, въ которыхъ засѣдаютъ попы, принадлежащіе къ ихъ епархіи и живущіе въ городахъ, гдѣ они сами имѣютъ пребываніе, въ числѣ двадцати четырехъ членовъ при каждомъ“ (О Государствѣ Русск. гл. 21, стр. 74, въ русск. перев.). Число членовъ представляется слишкомъ великимъ и потому сомнительнымъ. А у Іоанна Фабера, за полстолѣтіе прежде, о тѣхъже намѣстникахъ нашихъ архіереевъ читаемъ: habent et episcopi suos vicarios et of-

Суду этому подлежали: а) всѣ міряне епархіи по дѣламъ духовнымъ, т. е. по преступленіямъ противъ вѣры и церкви, каковы—ересь, расколъ, отправленіе языческихъ обрядовъ и под.; б) всѣ лица духовенства, бѣлаго и монашествующаго, и причислявшіяся къ нимъ—просвирня и другія, такъ же по дѣламъ духовнымъ,—по преступленіямъ противъ вѣры и церкви, а лица собственно духовныя и по преступленіямъ противъ обязанностей своего духовнаго званія и служенія; в) настоятели и настоятельницы монастырей: архимандриты, игумены, строители и игумены—не только по дѣламъ духовнымъ, но и по всѣмъ «прочимъ» (Стогл. гл. 66 — 68) ([248]). Такимъ

---

ficiales, quemadmodum et nostri, qui iurisdictionem in subditos exercent et iustitiam in rebus ecclesiasticis administrant (Moscovit. religio, apud Starczew. I, 6).

([248]) О подсудности духовному суду въ епархіи всего духовенства по дѣламъ духовнымъ, а настоятелей и настоятельницъ монастырей и по всѣмъ прочимъ, прямо говорится въ Стоглавѣ (стр. 293. 294. 300 - 302). А о подсудности тому же суду и мірянъ епархіи по дѣламъ духовнымъ заключаемъ изъ того, говоря далѣе о другихъ епархіальныхъ судахъ, гдѣ предсѣдательствовали архіерейскіе бояре и десятинники, Стоглавъ повелѣваетъ, чтобы они судили не только поповъ, діаконовъ и причетниковъ, но и *мірскихъ людей* во всякихъ дѣлахъ, „опричь духовныхъ дѣлъ“ (стр. 302. 304. 305). Гдѣжъ могли судиться міряне по этимъ послѣднимъ дѣламъ, кромѣ суда духовнаго? Доказательствомъ же того, что въ каждой епархіи былъ только одинъ духовный судъ при каѳедрѣ архіерея, а не было судовъ въ другихъ мѣстахъ, по городамъ или селамъ, служатъ слѣдующія слова Стоглава къ десятинникамъ, имѣвшимъ свои суды по десятинамъ, на которыя были раздѣлены епархіи: „а въ духовныхъ дѣлехъ десятинники не судятъ никого, а срочатъ имъ срокъ передъ святители ставитись, и святители ихъ сами судятъ и кому повелятъ отъ священныхъ, да потомъ имъ и управу чинятъ“ (стр. 307). Несомнѣнно, что и до Стоглаваго собора судъ по духовнымъ дѣламъ въ каждой епархіи существовалъ только одинъ—при каѳедрѣ архіерея, и десятинники отнюдь не судили духовенства по этимъ дѣламъ, а только отдавали обвиняемыхъ на поруки и назначали имъ явиться на судъ къ самому архіерею (А. И. I, № 299, стр. 544). Очевидно, однакожъ, что десятинникамъ и по духовнымъ дѣламъ предоставлено было важное право надъ лицами духовнаго званія: право предавать ихъ суду, по своему усмотрѣнію, и отсылать ко владыкѣ.

образомъ эти лица, конечно, по вниманію къ ихъ сану, вовсе были изъяты отъ подсудности другимъ судамъ епархіальнымъ.

Суды по дѣламъ недуховнымъ въ каждой епархіи существовали—одинъ въ томъ самомъ городѣ, гдѣ находилась каѳедра архіерея, а прочіе въ тѣхъ городахъ и мѣстахъ, гдѣ имѣли пребываніе десятинники, завѣдывавшіе десятинами, на которыя раздѣлены были наши епархіи ([250]). По устройству своему всѣ эти суды были одинаковы, а различались только тѣмъ, что въ первомъ судѣ—при каѳедрѣ епархіальнаго владыки судили или предсѣдательствовали, по его назначенію, его бояре, въ томъ числѣ его дворецкій, а въ прочихъ судахъ судили десятинники, тоже лица свѣтскія, назначавшіяся владыкою ([251]). Кромѣ предсѣдателей или главныхъ судей въ каждомъ изъ этихъ судовъ засѣдали: поповскіе старосты и десятскіе священники—по два или по три, каждый по одной недѣлѣ; градскіе ста-

---

([250]) Въ новгородской, наприм., епархіи было въ 1577 г. четырнадцать десятинъ, и именно слѣдующія: Бѣжецкая, Деревская, Курская, Шелонская, Залесская и Тесовская въ Шелонской и Вотской пятинѣ, Вотская, Орѣховская, Корельская, Ладожская и Поволховская, Нагорская въ Обонежской пятинѣ, Коловья въ Обонежской пятинѣ, Заонежская, Руская и Ржевская. Всѣ онѣ поименованы, по порядку, въ приходной книгѣ новгор. владыки за 1577 г., съ обозначеніемъ, сколько съ каждой десятины собиралось тогда на владыку и десятинника пошлинъ (Рукоп. Кир.-бѣлоз. монаст., въ с. п. б. дух. акад., № 1548, л. 50—157; 158—244). Но, кажется, книга эта сохранилась не вся, и въ епархіи новгородской были тогда и другія десятины, кромѣ 14-ти поименованныхъ: по крайней мѣрѣ, при записи другихъ доходовъ тогоже года, въ книгѣ упоминаются еще десятины: Устюжская (л. 3), Новоторжская (л. 11), Городецкая (л. 14). Въ Псковѣ же и его области вовсе не видимъ ни десятинъ, ни десятинниковъ: тамъ всѣми церковными дѣлами завѣдывалъ владычный намѣстникъ.

([251]) Объ нихъ-то, конечно написалъ бывшій у насъ Антоній Поссевинъ: „(русскіе епископы) ежегодно поставляютъ по городамъ нѣкоторыхъ мірянъ, какъ внѣшнихъ своихъ викаріевъ, и поручаютъ имъ тщательно наблюдать за поведеніемъ священниковъ и взыскивать съ нихъ пѣню за проступки“ (De Moscowia, apud Starczew. Hist. Ruthen. scriptor exteri, II, 275).

росты и цѣловальники и земскій дьякъ, которыхъ назначалъ самъ государь. Значитъ, суды эти, по составу, были почти исключительно свѣтскіе и дѣйствовали подъ контролемъ государственной власти: духовные члены засѣдали въ нихъ только какбы депутатами и перемѣнялись каждую недѣлю. Прибавимъ, что сами бояре и дворецкіе, предсѣдательствовавшіе на судѣ при каѳедрѣ владыки, не находились въ полной его волѣ: онъ не могъ, по крайней мѣрѣ, со временъ Стоглаваго собора, ни отослать ихъ отъ себя, ни вмѣсто ихъ поставлять новыхъ безъ вѣдома и соизволенія государева, какъ не могъ держать у себя и дьяковъ безъ тогоже вѣдома ([252]). Судамъ епархіальнымъ, въ которыхъ главными судіями были бояре и десятинники, подлежали: а) всѣ міряне епархіи по дѣламъ недуховнымъ—изъ числа тѣхъ, которые перечислены еще въ церковномъ уставѣ св. Владиміра, какъ подвѣдомыя церкви, каковы: похищеніе женщинъ, подкинутіе незаконнорожденныхъ дѣтей, прелюбодѣяніе, блудъ, драка между мужемъ и женою объ имѣніи, нанесеніе побоевъ снохою свекрови, тяжбы о наслѣд-

([252]) Къ концу настоящаго періода эти бояре достигли еще бо́льшаго могущества, если вѣрить Флетчеру. „У русскихъ архіереевъ,—говоритъ онъ,—есть свои чиновники, называемые *боярами владычными*, изъ лицъ свѣтскаго званія, имѣющихъ степень князей или дворянъ. Они управляютъ дѣлами архіереевъ и держатъ за нихъ судъ. Кромѣ разныхъ притѣсненій, дѣлаемыхъ простому народу, они такъ же тягостны для поповъ, какъ князья и дьяки для бѣдныхъ простолюдиновъ въ подчиненныхъ имъ областяхъ. Самъ по себѣ архіепископъ или епископъ не имѣетъ власти рѣшать поступающія къ нему дѣла и не иначе можетъ сдѣлать приговоръ, какъ съ согласія своего чиновника—дворянина. Причина та, что эти бояре или дворяне опредѣляются на свои мѣста не архіереями, а самимъ царемъ или его думою, и никому, кромѣ его, не должны давать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Если епископъ, при вступленіи въ должность, получитъ право избрать самъ себѣ чиновника, то это считается особеннымъ и высокимъ къ нему благоволеніемъ государя“ (О Госуд. Русскомъ, гл. 21, стр. 74).

ствѣ и проч.; б) всѣ лица бѣлаго духовенства—протоіереи, священники, діаконы и причетники, равно какъ и причислявшіеся къ нимъ,—такъ же по дѣламъ недуховнымъ, именно: по рядным граматамъ, по завѣщаніямъ, по кабаламъ, въ поклажахъ, въ бояхъ, грабежахъ и во всякихъ тому подобныхъ преступленіяхъ, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ, по которымъ все вообще духовенство, бѣлое и черное, подлежало судамъ мірскимъ. Что же касается, въ частности, монашествующаго духовенства, то хотя до Стоглаваго собора оно судимо было, по дѣламъ недуховнымъ, десятинниками, наравнѣ съ бѣлымъ духовенствомъ, но Стоглавымъ соборомъ оно все освобождено отъ подсудности боярамъ и десятинникамъ: соборъ опредѣлилъ, чтобы настоятелей и настоятельницъ и по этимъ дѣламъ, какъ мы уже прежде сказали, судили сами архіереи, а прочихъ иноковъ и инокинь по всѣмъ дѣламъ, кромѣ духовныхъ, судили въ своихъ обителяхъ сами настоятели съ соборными старцами и настоятельницы, и сами же, по суду, чинили управу (Стогл. гл. 67—69) ([253]).

Порядокъ судопроизводства во всѣхъ судахъ епархіи былъ почти одинаковъ. Составныя части его были слѣдующія:

1) Предварительное слѣдствіе или обыскъ. Когда къ архіерею, по какимъ либо дѣламъ духовнымъ или инымъ, наприм., по обидамъ, по рядным и духовнымъ граматамъ, по кабаламъ, займамъ и проч., кромѣ душегубства и разбоя съ

([253]) Подлинныя слова Стоглаваго собора подтверждающія, что и прежде *исконі* у насъ существовали, по десятинамъ, суды десятинниковъ и что они судили по дѣламъ недуховнымъ не только *весь священническій*, но и *иноческій чинъ*,—см. Стогл. стр. 304. А объ освобожденіи иноковъ отъ подсудности боярамъ и десятинникамъ—см. стр. 294. 295. 300—302. 305.

поличнымъ, приходили жалобщики, архіерей приказывалъ своимъ боярамъ или десятинникамъ давать жалобщикамъ приставовъ, которые и отправлялись за отвѣтчиками, съ приставными граматами. Въ тоже время, по приказанію владыки, посылались его недѣльщики или недѣльщики десятинниковъ производить, по жалобамъ, «правду и обыскъ» на мѣстѣ. При этомъ обыскные списки писали земскіе дьяки предъ земскими старостами и десятскими или дьяки церковные. По окончаніи обыска недѣльщики отдавали поповъ, діаконовъ и причетниковъ на поруки, но не иначе, какъ предъ десятскими священниками, а мірянъ—не иначе, какъ предъ земскими старостами или предъ земскими десятскими, и назначали обвиняемымъ сроки явиться въ подлежащій судъ (Стогл. гл. 69, стр. 318—320; спес. А. Э. I, № 231). Впрочемъ, для настоятелей и настоятельницъ монастырей сдѣлано было исключеніе. Къ нимъ владыка не посылалъ, въ случаѣ жалобъ на нихъ, своихъ недѣльщиковъ для обыска, а посылалъ только свои граматы за печатьми черезъ самихъ же жалобщиковъ, чтобы настоятели или настоятельницы управились съ ними сами на соборѣ предъ братіею или сестрами;—если же не управятся, то присылали бы, вмѣсто себя, къ отвѣту своихъ слугъ или, когда пожелаютъ, пріѣзжали бы сами. Только по дѣламъ духовнымъ они должны были непремѣнно пріѣзжать сами ко владыкѣ. А если они и слугъ, вмѣсто себя, не присылали къ отвѣту, и сами не являлись, въ такомъ случаѣ владыка посылалъ за ними приставовъ—представить ихъ на судъ (Стогл. гл. 68, стр. 300—302). Вести обыскъ или слѣдствіе недѣльщики должны были со всею справедливостію и «поклоннаго» ни отъ кого не принимать; если же они обличались во взяточниче-

ствѣ, то съ нихъ взыскивалось втрое по цареву Судебнику (—гл. 69, стр. 320. 321).

2) Производство дѣлъ на судѣ. На судѣ снова производился обыскъ: допрашивались истцы и отвѣтчики, выслушивались свидѣтели, дѣлались очныя ставки; но ни «крестнаго цѣлованія» (присяги), ни «поля» (судебнаго поединка) для лицъ священническаго и иноческаго чина, какъ и на предварительномъ слѣдствіи, не допускалось. Если же свидѣтелей вовсе не было, а между тѣмъ, по сану тяжущихся, нельзя было прибѣгнуть ни къ присягѣ, ни къ поединку, въ такомъ случаѣ, предоставляя дѣло волѣ Божіей, кидали жребій, и чей прежде вынимался, того и оправдывали. Судные списки на судѣ духовномъ писались въ одномъ экземплярѣ, а на судѣ у бояръ и у десятинниковъ въ двухъ: одинъ списокъ писался для бояръ или десятинниковъ, а другой слово въ слово списывали себѣ засѣдавшіе въ судѣ градскіе старосты и цѣловальники и земскій дьякъ. Оба эти списка подписывались всѣми членами суда и хранились дьяками въ ларцѣ за печатями бояръ и десятинниковъ. Если бояре и десятинники начинали судить неправедно, брали «посулы» и волочили дѣла, то прочіе члены суда должны были говорить имъ, чтобы судили въ правду и посуловъ не брали; а если бояре и десятинники не слушались, то старосты, цѣловальники и земскій дьякъ должны были писать къ святителямъ и къ самому царю. Тогда виновные подвергались великой опалѣ, взятое ими взыскивалось втрое по цареву судебнику, и сами они иногда лишались своего мѣста (Стогл. гл. 66. 68; снес. А. Э. I, № 231).

3) Рѣшеніе дѣлъ. Когда на судѣ духовномъ разбиралъ дѣло самъ владыка соборнѣ съ архимандритами и игуменами, тогда

онъ, по окончаніи обыска, тутъ же и постановлялъ рѣшеніе и приказывалъ «чинить управу». А когда, вмѣсто владыки, на судѣ присутствовалъ его намѣстникъ, тогда, по окончаніи суда, намѣстникъ представлялъ судный списокъ и обоихъ истцовъ ко владыкѣ; владыка выслушивалъ судный списокъ на соборѣ, спрашивалъ истцовъ, такъ ли ихъ судили, и за тѣмъ утверждалъ судебный приговоръ и приказывалъ чинить управу. Равнымъ образомъ и бояре, по окончаніи всякаго дѣла въ ихъ судѣ, находившемся при каѳедрѣ епархіальнаго архіерея, представляли ему судные списки и обоихъ истцовъ; владыка такъ же выслушивалъ судный списокъ, спрашивалъ истцовъ, таковъ ли имъ былъ судъ, и если они говорили, что таковъ, утверждалъ рѣшеніе суда, а если говорили, что не таковъ, то поручалъ членамъ того же суда переизслѣдовать дѣло и доложить вновь, и затѣмъ давалъ приказъ чинить управу. Но десятинникамъ, суды которыхъ находились, болѣе или менѣе, вдали отъ мѣстопребыванія владыки, предоставлено было самимъ, по обыску и суду, чинить на мѣстѣ управу во всякихъ дѣлахъ, и только въ которыхъ дѣлахъ невозможно было имъ учинить тамъ управу, они представляли судные списки и обоихъ истцовъ ко владыкѣ, который, по выслушаніи списковъ, и приказывалъ чинить управу (—гл. 68) ([254]).

([254]) Псковскій намѣстникъ новгородскаго владыки, какъ лице свѣтское, безъ сомнѣнія, самъ не судилъ духовенства по дѣламъ духовнымъ, а подобно десятинникамъ, отсылалъ только виновныхъ на судъ владыки; равно и по дѣламъ недуховнымъ, вслѣдствіе отдаленности Пскова отъ Новгорода, подобно десятинникамъ, чинилъ управу на мѣстѣ въ большинствѣ случаевъ. Недовольные же рѣшеніями намѣстника могли приносить жалобы владыкѣ, особенно когда послѣдній пріѣзжалъ въ Псковъ творить свой *мѣсячный судъ* (нашей Истор. V, 109): ибо и въ настоящій періодъ владыки продолжали, по установившемуся обычаю, ѣздить въ Псковъ и проживали тамъ по мѣсяцу, иногда нѣсколько менѣе, а иногда только

4) Судныя пошлины. Бояре, дворецкіе, десятинники и дьяки съ каждаго суднаго дѣла, какъ только оно оканчивалось, брали гривенную пошлину по цареву судебнику, а лишняго не должны были брать. Если же кто либо изъ нихъ, вопреки судебнику, бралъ лишнее и посулы, то съ виновнаго, по обыскѣ, безъ суда, взыскивалось втрое и отдавалось истцу. А если бояринъ, или дворецкій, или десятинникъ, или дьякъ во второй и въ третій разъ были обличаемы въ томъ же, тогда бояринъ лишался боярства, дворецкій дворечества, десятинникъ десятины и дьякъ дьячества, кромѣ того, что съ виновнаго взыскивалось втрое и отдавалось истцамъ (— гл. 69). Надобно замѣтить, что если противъ архіерейскихъ бояръ, десятинниковъ и прочихъ судебныхъ чиновъ, за ихъ неправосудіе и взяточничество, принимались такія строгія мѣры, то виною тому были сами же эти чиновники и ихъ крайнія злоупотребленія, которыя и вынудили царя сказать отцамъ Стоглаваго собора: «у васъ, святителей, бояре, и дьяки, и тіуны, и десятинники, и недѣльщики судятъ и управу чинятъ неправо, и волочатъ, и продаютъ съ ябедники содного (за одно), а десятинники поповъ по селамъ продаютъ безъ милости и дѣла оставливаютъ съ ябедники содного, и церкви отъ десятинниковъ и отъ ихъ великихъ продажъ стоятъ многія пусты, безъ пѣнія, и поповъ нѣтъ; достоитъ вамъ, святителемъ, вельми о семъ порадѣти и запретити» (Стогл. гл. 5, вопр. 7).

до десяти дней (П. Собр. Р. Лѣт. IV, 214—217. 230. 232. 246. 254. 269. 271. 287. 297; V, 31. 32). Макарій архіепископъ поставилъ въ Псковѣ, на случаи своихъ пріѣздовъ, *владычень* дворъ (Тамъ же IV, 300. 301).

Кромѣ постоянныхъ епархіальныхъ судовъ, въ каждой епархіи открывался по временамъ такъ-называемый судъ смѣстный или общій, узаконенный еще уставомъ св. Владиміра: это случалось тогда, когда лица духовнаго вѣдомства имѣли дѣла и тяжбы съ лицами мірскаго вѣдомства, и наоборотъ. Судъ составлялся тогда изъ судей мірскихъ и святительскихъ, обыкновенно засѣдавшихъ въ судѣ у святительскихъ бояръ и десятинниковъ, и главнымъ судьею бывалъ тотъ, къ вѣдомству котораго принадлежалъ отвѣтчикъ. Судныя пошлины дѣлились между судьями обоихъ вѣдомствъ пополамъ (Стогл. гл. 67, стр. 296; Судебник. Іоанна IV, ст. 30, въ А. И. I, № 153).

Если сравнить наши епархіальные суды, по изображенію ихъ въ Стоглавѣ, съ судами нашими свѣтскими по судебникамъ Іоанна III и особенно Іоанна IV, то нельзя не замѣтить, что первые во многихъ чертахъ какбы скопированы съ послѣднихъ и построены на однихъ съ ними началахъ. Иначе и не могло быть по той живой связи, какая всегда существовала у насъ между церковію и государствомъ, и при томъ неизбѣжномъ вліяніи, какое они взаимно оказывали другъ на друга.

Вслѣдствіе этого-то неотразимаго вліянія государственной жизни на жизнь нашей церкви мы видимъ у себя такъ же, что наше церковное управленіе и судъ, подобно гражданскимъ, неразрывно были соединены съ собираніемъ пошлинъ съ тѣхъ самихъ лицъ, которыя подлежали управленію и суду. Какъ наши князья, на содержаніе себя и своихъ чиновниковъ, собирали дани со всѣхъ своихъ подданныхъ, которыми правили и которыхъ судили, такъ и наши архіереи, на содержаніе

себя и служившихъ при нихъ лицъ, собирали пошлины со всѣхъ подвѣдомыхъ ихъ управленію и суду. Къ этому вѣдомству въ каждой епархіи, прежде всего, принадлежали духовенство бѣлое и духовенство монашествующее: съ нихъ-то преимущественно и собирались пошлины. Однѣ изъ этихъ пошлинъ собирались съ отдѣльныхъ лицъ того и другаго духовенства, другія съ цѣлыхъ причтовъ приходскихъ церквей и съ цѣлыхъ монастырей.

Ставился ли кто въ санъ священника, діакона, причетника, или іеродіакона и іеромонаха,—онъ платилъ пошлину, получая *ставленную* грамату,—а именно поставляемый въ діакона и за тѣмъ во священника платилъ рубль московскій да благословенную гривну, поставляемый только въ діакона—полтину да благословенную гривну, поставляемый только во священника изъ діаконовъ платилъ такъ же полтину да благословенную гривну: рубли и полтины шли «на весь соборъ», т. е. на весь соборный клиръ, служившій при архіереѣ, а благословенныя гривны взимались въ казну архіерея, вѣроятно, за ставленныя граматы. Отправлялся ли новопоставленный священникъ или діаконъ къ своей приходской церкви,—онъ являлся къ архіерею за благословеніемъ, получалъ отъ него, кромѣ ставленной, еще *благословенную* грамату, чтобы священнодѣйствовать именно въ назначенной ему церкви извѣстнаго прихода, и платилъ за эту грамату полтину. Отлучался ли священникъ или діаконъ въ другую епархію,—онъ предварительно испрашивалъ у своего владыки *отпускную* грамату и платилъ за нее полтину. Ставился ли кто изъ монашествующихъ въ санъ игумена, архимандрита,—онъ получалъ отъ архіерея *настольную* грамату и платилъ за нее рубль.

Такъ опредѣлилъ размѣръ всѣхъ этихъ пошлинъ Стоглавый соборъ въ руководство для всѣхъ архіереевъ, а прежде онѣ въ разныхъ епархіяхъ были различны и зависѣли отъ произвола, хотя брать пошлины собственно за поставленіе на церковныя степени московскимъ соборомъ 1503 г. было запрещено совершенно ([255]). Если священникъ и діаконъ перемѣщались въ другой приходъ, они получали *перехожія* граматы и платили «перехожія гривны»; а если они прежде не имѣли никакого прихода и были только-что рукоположены и въ первый разъ отправлялись на приходъ, они получали *новичныя* памяти и платили «новичныя гривны». Когда священники и діаконы, равно священноиноки и настоятели монастырей, приходя въ Москву и другіе епархіальные города, желали тамъ священнодѣйствовать въ церквахъ по найму,—для чего въ Москвѣ выходили на извѣстный крестецъ или перекрестокъ,— они должны были напередъ брать у тіуна мѣстнаго архіерея грамату или запись, называвшуюся «знамя» и платили за нее, по старинѣ, *крестцовую* пошлину—за каждый мѣсяцъ по десяти денегъ, а иные по два алтына; съ тѣхъ же, которые рѣшались священнодѣйствовать безъ знамени, взыскивался штрафъ по два рубля. Вдовые священники и діаконы, хотя не платили ничего собственно за *епитрахильныя* и

([255]) Стогл. гл. 41, вопр. и отв. 4. Снес. нашей Истор. VI, 119. Благословенная гривна съ ставленника шла архіерею—А. Э. I, № 229, стр. 221. Образцы ставленныхъ, благословенныхъ, отпускныхъ и настольныхъ граматъ—въ Акт. Юридич. №№ 381–390; Акт. относящ. до юрид. быта Россіи 1, №№ 24–26. Стоглавъ ясно различаетъ ставленныя граматы отъ благословенныхъ (стр. 315. 327). Ставленныя граматы дьячкамъ и пономарямъ первый началъ давать въ новгородской епархіи архіепископъ Геннадій (А. И. I, № 104, стр. 147; снес. А. Юрид. №№ 387. 388).

орарныя граматы, о которыхъ мы выше упоминали, за то платили «писчій алтынъ» дьякамъ за написаніе граматы и «печатный алтынъ» печатнику за приложеніе къ ней печати ([256]). И надобно прибавить, что нѣкоторыя изъ перечисленныхъ граматъ, именно—ставленныя, настольныя и благословенныя оплачивались не только при первоначальномъ полученіи ихъ, но и впослѣдствіи. Онѣ заявляемы были каждому новому архіерею епархіи для утвержденія его подписью,—при чемъ за каждую грамату взималась пошлина; заявляемы были каждому, вновь назначенному въ тотъ или другой городъ, десятиннику всѣмъ духовенствомъ города,—причемъ такъ же платилась пошлина; заявляемы были ежегодно десятинникамъ или поповскимъ старостамъ и десятскимъ священникамъ при собираніи ими церковныхъ даней со всего епархіальнаго духовенства,—при чемъ такъ же платилась особая пошлина. Пошлина эта называлась «явленная куница съ граматою». Впрочемъ, Стоглавый соборъ запретилъ поводесятинникамъ, а вѣроятно и поповскимъ старостамъ и десятскимъ священникамъ, брать пошлины съ заявляемыхъ имъ граматъ: потому что послѣ этого собора явленная куница съ граматою уже не упоминается въ числѣ собираемыхъ съ духовенства ежегодныхъ пошлинъ, а упоминается только благословенная куница, какъ и прежде ([257]).

Кромѣ пошлинъ съ отдѣльныхъ лицъ бѣлаго и чернаго духовенства за разныя граматы, собирались еще пошлины съ

([256]) Стогл. стр. 167. 315–317. 326 367; А. И. I, № 210.

([257]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 170; Стогл. 315. 316; А. Э. I, №№ 125 137. 197; А. И. I, №№ 142. 149. 150. 170. 181 187. 189. Дополн. къ А. И. I, № 46.

цѣлыхъ церковныхъ причтовъ епархіи или отъ всѣхъ церквей, а такъ же отъ всѣхъ монастырей. Къ числу этихъ пошлинъ принадлежали: а) «святительская дань» или «сборное»— самая главная (по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ) пошлина въ ряду прочихъ; б) «архіерейскій подъѣздъ», — назначалась на разъѣзды архіерея для обозрѣнія епархіи; в) «десятинничи, доводчичи, заѣздщичи, зазывщичи или зазывныя пошлины, соборная куница, людское» и проч., т. е. пошлины архіерейскимъ десятинникамъ, доводчикамъ, заѣздщикамъ, зазывщикамъ, на соборный архіерейскій клиръ, на архіерейскихъ людей и под.; г) «даньнскія пошлины», «съ оброкомъ куница»,—взимавшаяся за самое собираніе дани и оброчныхъ денегъ, и др. Вообще же пошлины эти раздѣлялись на два рода: однѣ шли на самаго архіерея, а другія на его десятинниковъ и прочихъ подчиненныхъ ему служебныхъ чиновъ и людей. Число тѣхъ и другихъ пошлинъ не было опредѣлено какимъ либо уставомъ для всей русской церкви, а въ разныхъ епархіяхъ было различно и зависѣло отъ мѣстныхъ архіереевъ, которые иногда вводили у себя и новыя пошлины ([258]). Собирались церковныя пошлины иногда дважды

([258]) Напримѣръ, *ростовскіе* архіереи, освобождая нѣкоторые монастыри и церкви отъ церковныхъ пошлинъ, выражались въ своихъ граматахъ: „ненадобѣ имъ (игуменамъ, попамъ и дьяконамъ) моя *дань* Петровская и Рожественая, ни десятина, ни данскіе пошлины, ни десятинничи пошлины, ни доводщычи, ни заѣздчичи, ни зазывщычи, ни благословенная куница, ни явленная куница съ грамотою, ни полоть, ни иные никоторые пошлины, ни что по ряду; ни казенныхъ алтыновъ не даютъ, ни писчего, ни людского“ (грамата 1489 г. А. Э. I, № 125). Тѣже пошлины перечисляются и въ граматахъ ростовскихъ владыкъ 1500 г. и 1533 г.; но только въ первой не упомянуты: десятина, зазывщычи пошлины, полоть, писчее, казенные алтыны (А. Э. I, № 137), а въ послѣдней не упомянуты — десятина и писчее, за то прибавлены: съ оброкомъ куница, полюдная пшеница и соборная куница (А. Э. I, № 176). Тѣже—и въ граматахъ 1554—1576 г. (А.

въ годъ—около Рождества Христова и Петрова дня, а иногда только однажды въ годъ—около Рождества Христова, и собирались однѣ пошлины деньгами, другія натурою, т. е. хлѣбомъ и под.; впрочемъ и эти послѣднія мало по малу, съ

Э. I, №№ 202. 293. 294). Владыки *новгородскіе* въ такихъ же своихъ грамагахъ, вовсе не упоминая о своей святительской *дани*, говорятъ только о своемъ *подъѣздѣ* и вообще выражаются короче, наприм., въ граматѣ 1543 года: „и тому попу и всему причту церковному не надобѣ имъ платити мой подъѣздъ, ни иные мои никоторые пошлины; такъже и десятиники мои у нихъ корму, и дару, и всѣхъ своихъ десятиничнихъ пошлинъ, не емлютъ: а давати тому попу и всему причту въ нашъ подъѣздъ, и въ благословенную куницу, и за казенные пошлины, урокомъ, по пяти алтынъ въ годъ, за все про все, а въ десятильничь кормъ, и въ даръ, и во всѣ десятинничи пошлины давати имъ по пяти алтынъ въ годъ, за все про все“ (А. И. I, № 142). Тоже—и въ граматахъ новгор. владыкъ 1549, 1563, 1572–1574 г. (А. И. I, №№ 150. 170. 181. 187. 189). Въ такихъ же граматахъ *митрополита* не упоминается вовсе о подъѣздѣ и пошлины исчисляются иначе, напримѣръ: „не надобѣ имъ ни которая моя дань, ни *Сборное*, ни Петровское, ни Рожественное, ни къ старостѣ поповскому съ тяглыми попы тянути, ни иная ни которая пошлина“ (грамата 1478 г., А. Э. I, № 105); или: „не надобѣ имъ мое Сборное, ни Петровское, ни къ старостѣ поповскому съ тяглыми попы не тянутъ ни вочто...; а даютъ тѣ попы въ мою казну оброкомъ, съ году на годъ, 30 алтынъ, то за кормъ и за данскія пошлины; а десятиннику моему даетъ попъ 7 алтынъ за всѣ его десятинничи пошлины, за кормы и за осенній проѣздъ, то ему и съ тіуномъ и съ доводчики на весь годъ; а коли явитъ тотъ попъ грамоту моему десятиннику на въѣздъ, и онъ ему даетъ въѣзжаго и за явленную куницу пять алтынъ, то ему и съ тіуномъ и съ доводчикомъ на весь годъ; а заѣзщику моему даетъ тотъ попъ заѣзда два алтына“ (Грам. 1542 г., А. Э. I, № 197). У *вологодскаго* архіерея упоминаются еще нѣкоторыя новыя пошлины: „не надобѣ имъ моя дань рожественная, ни даньскія пошлины, ни десятинничи, ни *недѣльщичи*, ни *конюховое*, ни *поварское*, ни людское, ни иныхъ пошлинъ“ (А. Э. I, № 214). Въ подобныхъ же граматахъ *великаго князя* довольно подробно перечисляются самыя лица, на которыхъ собирались пошлины съ духовенства, наприм., въ граматѣ 1500 г.: „а что шло съ монастыря архіепископу новгородскому, и его намѣстнику, и тіуну, и его людямъ, и дьякомъ владычнимъ, и попомъ софѣйскимъ, огкупа и пошлинъ, и имъ откупа и пошлинъ ... не давати ничего“ (А. И. I, № 111); въ граматѣ 1554 года: „архіепископъ, и его намѣстники, и тіуны, и дьяки, и люди владычни, и попы софѣйскіе откупа и пошлинъ съ нихъ не емлютъ никакихъ“ (Доп. А. И. I, № 48); въ граматѣ 1560 года: „архіепископъ, и бояре его, и дьяки, и тіуны, и попы софѣйскіе, и дьяки пѣвчіе и подьяки, пошлинъ съ нихъ никакихъ не емлютъ“ (тамъ же № 114). Архіепископъ новгор. Сергій въ 1484 г., по словамъ лѣтописи, „многы игумены и попы испродаде, и *многы новыя пошлины введе*“ (П. Собр. Р. Лѣт. V, 41).

теченіемъ времени, перелагались на денежныя ([259]). Самый размѣръ пошлинъ въ разныхъ епархіяхъ и въ разныя времена былъ различенъ, да и въ каждой епархіи, въ одно и тоже время, неодинаковъ для всѣхъ церквей и монастырей: это зависѣло вездѣ отъ мѣстнаго архіерея, который, при назначеніи пошлинъ съ каждой церкви и монастыря своей епархіи, принималъ во вниманіе количество ихъ матеріальныхъ средствъ и доходовъ, и потому съ однихъ требовалъ больше, съ другихъ меньше и, судя по обстоятельствамъ, то увеличивалъ, то уменьшалъ оброки съ одной и тойже церкви или монастыря, и, по временамъ, отмѣняя старый, назначалъ «новый окладъ». Случалось, впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, наприм., въ Псковѣ, по уставной граматѣ архіепископа Геннадія, пошлины собирались со всѣхъ церквей и монастырей, безъ всякаго различія между ними, въ одномъ и томъ же размѣрѣ ([260]). Въ платежѣ пошлинъ отъ церквей уча-

---

([259]) А. Э. I, №№ 105. 125. 137; Дополн. къ А. И. 1, № 46; Стоглав. стр. 309; А. И. I, № 187.

([260]) Митрополитъ Даніилъ извѣщалъ дмитровскаго князя Юрія Ивановича (1522—1533 г.): „здѣсе есмя съ своимъ господиномъ и сыномъ вел. княземъ приговорили на томъ: что мнѣ послати въ всю свою митрополью дѣтей боярскихъ, а велѣти имъ переписати у всѣхъ церквей приходы, сколько у которые церкви прихода дѣтей боярскихъ и ихъ людей да и хрестьянскихъ вытей,— и которые будутъ церкви приходомъ скудны, ино тѣмъ священникомъ полегчити, а которые будутъ церкви приходомъ обильны, ино на тѣхъ священниковъ дани прибавити.... А нынѣча *есми* на всѣхъ игуменѣхъ и на попѣхъ *вельлз* дань имати бо́льшую“ (А. И. I, № 129). Владыка новгород. Леонидъ въ 1574 г. установилъ: „давати имъ (игумену монастыря съ братіею и всему церковному причту въ монастырѣ) въ домъ св. Софѣи Премудрости Божіи и мнѣ за мой подъѣздъ и за благословенную куницу, и за всѣ десятинничи пошлины, *по новому окладу*, на всякъ годъ, по рублю по московскому“ (А. И. I, № 189). О пошлинахъ въ Псковѣ по уставной граматѣ Геннадія—*Евген.* Истор. Княж. Псков. II, 90—92, и Древн. Росс. Вивліоѳ. XV, 15—19.

ствовали всѣ члены церковныхъ причтовъ, пропорціонально доходамъ, ими получаемымъ, а отъ монастырей особныхъ или необщежительныхъ—настоятели, монастырскіе священники и діаконы (ибо извѣстно, что во многихъ нашихъ тогдашнихъ монастыряхъ никто изъ иноковъ и сами даже настоятели не имѣли священническаго сана, т. е. вовсе не было іеромонаховъ и іеродіаконовъ, а существовали, какъ и при церквахъ приходскихъ, свои бѣлые священники и діаконы, которые и совершали въ монастыряхъ всѣ церковныя службы и были духовниками братіи) и всѣ иноки, такъ же пропорціонально получаемымъ ими доходамъ; отъ общежительныхъ же монастырей всѣ пошлины вносились настоятелями изъ общей монастырской казны ([261]). Собираніемъ пошлинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наприм. въ кіевскомъ намѣстничествѣ при митрополитѣ Іонѣ и въ области псковской, завѣдывали архіерейскіе намѣстники, которые дѣйствовали при этомъ, конечно, не сами только непосредственно, а съ помощію подчиненныхъ имъ чиновъ ([262]). Обыкновенно же, какъ свидѣтельствуетъ Стоглавый соборъ, «въ митрополіи и въ архіепископіяхъ и епископіяхъ по городамъ и десятинамъ ѣздили десятинники и заѣздщики и собирали на святителей дань по книгамъ и свои пошлины по граматамъ и по книгамъ, по старинѣ». Но какъ отъ этихъ десятинниковъ и заѣздщиковъ священникамъ и діаконамъ и всему священническому и иноческому чину была нужда и продажа великая и налоги тяжкіе, то соборъ и опредѣлилъ, что-

---

([261]) А. Э. I, № 38, стр. 384; А. И. I, №№ 129. 142. 149. 150. 170. 187. 189.

([262]) А. И. I, №№ 48. 260. 284.

бы впредь, по цареву совѣту и соборному уложенію, десятинникамъ и заѣздщикамъ по городамъ и десятинамъ за собираніемъ пошлинъ не ѣздить, а чтобы собирали святительскую дань и десятинничи и заѣздщичи пошлины по книгамъ и граматамъ поповскіе старосты и десятскіе священники вмѣстѣ съ земскими старостами и цѣловальниками, засѣдающими у святительскихъ бояръ и десятинниковъ въ судѣ, да съ году на годъ отдавали святителямъ сполна на Рождество Христово или на Зборъ (въ Сборное воскресенье—недѣлю Православія); если же чего сполна не привезутъ по книгамъ, то недостающее предоставлялось святителямъ взыскивать съ самихъ сборщиковъ по государеву указу ([263]). Впрочемъ, и послѣ Стоглаваго собора, наприм., въ новгородской епархіи, собирать церковныя пошлины, по прежнему, продолжали десятинники, дьяки, подъячіе и вообще свѣтскіе чиновники, а иногда эти пошлины доставляли сами приходскіе священники и настоятели монастырей прямо въ архіерейскую казну ([264]). Въ какомъ размѣ-

---

([263]) Стогл. стр. 53. 308—310; А. Э. I, № 231.

([264]) Въ приходной книгѣ новгород. владыки, за 1577 г., записано: „іюня въ 18 день взято у *новоторжскаго десятинника*, у Казарина у Волынского, *его собранія* новоторжскія десятины съ поповскихъ старостъ, попа Уара да попа Ивана, всякихъ доходовъ софѣйскіе и архіепископли пошлины 33 рубли, 10 алтынъ и 3 деньги; платилъ самъ Казаринъ... Іюля въ 23 день привезъ Богданъ Мамонтовъ изъ Опскова денегъ 71 рубль, три алтыны, а взялъ у *дьяковъ*, у Ипозема у Жихорева да у меншого у Башева, что *онъ сбирали* в Опсковѣ софѣйскую и архіепископлю пошлину... Августа въ 19 день взято у *подячего*, у Луки у Игнатьева, по его книгамъ, подъѣздовъ, и десятинничихъ кормовъ, и венечные пошлины, и перехожихъ, и новичныхъ гривенъ, его собранія ладожскіе, и нагорскіе, и коловые и заонежскіе десятины, 38 рублевъ 12 алтынъ... Декабря въ 31 день из устюжскіе десятины съ Устюжна, съ посаду, у Троицкаго попа Ивана взято подъѣзда гривна московская, десятиннича корму полчетвернадцать алтынъ и восмь московокъ“.... (Рукоп. Кир.-бѣлоз. мон., въ с. п. б. дух. акад., № 1548, л. 3. 11. 12. 15). А. И. I, №№ 189. 198. 199.

рѣ собиралась та или другая церковная пошлина и до чего восходила общая сумма архіерейскаго дохода отъ пошлинъ,— объ этомъ мы имѣемъ только немногія и очень неполныя свѣдѣнія. По новгородской епархіи въ 1577 г. съ каждой приходской церкви или съ каждаго попа съ причтомъ собиралось на владыку: за подъѣздъ—отъ одной до 12-ти гривенъ, да за куницу—отъ пяти до 25-ти денегъ и отъ одной до трехъ гривенъ, т. е. обѣ эти пошлины съ церквей были далеко неравномѣрны; а на десятинника, за десятинничій кормъ, собиралось со всѣхъ церквей, безъ различія, совершенно одинаковая пошлина, именно «полчетвернадцать (35) алтынъ и восмь московокъ» ([265]). Въ псковской области, по уставной граматѣ архіепископа Геннадія, за архіерейскій подъѣздъ назначена была двоякая пошлина: поплѣшная и кормовая. Первая взималась съ каждой *плѣши* или головы, съ каждаго игумена, попа, діакона въ одномъ и томъ же размѣрѣ—по полтинѣ и 15-ти денегъ московскаго счета; а кормовая, обнимавшая все разнообразіе житейскихъ потребностей для владыки и его свиты и переложенная, въ каждой отдѣльной статьѣ, на денежный счетъ, составляла въ цѣломъ 488 рублей московскихъ. Всего же та и другая пошлины вмѣстѣ доставляли владыкѣ за его подъѣздъ 1103 рубля московскихъ съ двумя деньгами. Такъ продолжалось до 1551 г., когда царь Иванъ Васильевичъ, по просьбѣ псковичей, понизилъ размѣръ поплѣшной пошлины съ полтины и 15-ти денегъ по московскому счету на полтину новгородскую; а размѣръ кормовой ограничилъ 200-ми

([265]) Рукоп. Кир. бѣлоз. монаст., въ с. п. б. дух. акад., № 1548, л. 50 – 244.

рублями московскими. Но черезъ четыре года, по ходатайству новгородскаго владыки Пимена, царь снова возвысилъ эти пошлину: велѣлъ псковскому духовенству платить владыкѣ кормовую пошлину вообще по 400 рублей московскихъ, а поплѣшную съ каждаго отдѣльнаго лица, какъ было прежде, по полтинѣ и 15-ти денегъ, только не по московскому, а по новгородскому счету, который былъ выше московскаго ([266]). Кромѣ пошлинъ со всего духовенства епархіи, бѣлаго и монашествующаго, были еще пошлины, поступавшія только отъ нѣкоторыхъ церквей и монастырей: такова, кажется, была пошлина «за великоденское яйцо», взимавшаяся для новгородскаго владыки съ духовенства одного Новгорода и его соборскихъ старостъ и монастырей, а равно съ духовенства и монастырей псковскихъ ([267]).

Не одни духовные подлежали управленію и суду епархіальнаго архіерея, но, хотя не въ такой степени, подлежали и міряне; потому участвовали и они въ платежѣ пошлинъ въ архіерейскую кассу. Мы не говоримъ уже о пошлинахъ *судныхъ*, которыя, по Судебнику, должны были платить всѣ, какъ духовные, такъ и мірскіе люди всякаго сословія, судив-

---

([266]) Древн. Росс. Вивліоѳ. XV, 15—19; *Евген.* Истор. Княж. Псков., II, 90—92, Приб. XII.

([267]) Въ приходной книгѣ новгород. владыки за 1577 г. записано: „съ великого Новагорода, со шти соборовъ, у поповъ взяти за великоденское яйцо 10 рублевъ въ новгородское число, а въ московское число 21 рубль и 20 алтынъ. Взято у шти соборскихъ старостъ, у попа у Викула съ товарищи, за великоденское яйцо, 15 рублевъ, 8 ден. въ московское число. Изъ Ситецкаго монастыря у андрѣевскаго игумена з братею взяти, за великоденское яйцо, 4 алтыны....“, — и потомъ записано, что еще съ девяти монастырей взято по четыре же алтына съ каждаго (Рукоп. Кир. бѣлоз. мон., въ с. п. б. дух. акад., № 1548, л. 162—163). Объ этой пошлинѣ съ псковскаго духовенства—въ Древн. Росс. Вивл. XV, 18.

шіеся въ епархіальныхъ судахъ и оказавшіеся виновными: такъ какъ объ этихъ пошлинахъ нами сказано прежде. Мы имѣемъ въ виду собственно «пошлину вѣнечную» или «вѣнечныя знамена». Наши приходскіе священники того времени, по крайней своей необразованности, сами, большею частію, не въ состояніи были рѣшать вопросовъ о степеняхъ родства, въ какихъ разрѣшается бракъ и не разрѣшается, и вообще мало были знакомы съ церковными правилами относительно браковъ. Потому въ разныхъ городахъ и участкахъ каждой епархіи избирались особые священники, искусные въ этомъ дѣлѣ, и называвшіеся «знаменщиками». Къ нимъ-то и должны были въ той мѣстности обращаться всѣ, желавшіе вступить въ бракъ, и, если бракъ оказывался возможнымъ, непротивнымъ канонамъ, получали отъ нихъ «знамя» или разрѣшительную грамату на вступленіе въ бракъ. Знамя предъявлялось затѣмъ приходскому священнику, который и совершалъ бракъ, а за знамя взыскивалъ съ брачущихся вѣнечную пошлину; впрочемъ, иногда она взыскивалась самими знаменщиками еще при выдачѣ знамени. До Стоглаваго собора вѣнечная пошлина бралась въ большомъ размѣрѣ и была обременительна для христіанъ,—на что царь и обратилъ вниманіе собора. Отцы собора отвѣчали, что хотя пошлина эта не имѣетъ основанія въ канонахъ церкви, но «искони ведется», и, ссылаясь на указы вел. князей Ивана Васильевича III и Василія Ивановича, постановили, съ соизволенія самаго царя: брать съ перваго брака алтынъ, со втораго два алтына, а съ троеженцевъ по четыре алтына. Собирать вѣнечную пошлину по всѣмъ городамъ и сёламъ епархіи отъ всѣхъ приходскихъ священниковъ должны были, по соборному уложе-

нію, поповскіе старосты и десятскіе священники, вмѣстѣ съ земскими старостами и цѣловальниками, каждый годъ одновременно съ собираніемъ прочихъ пошлинъ на архіерея и передавали, по книгамъ, въ архіерейскую казну казначею. Съ священниковъ, утаившихъ что либо изъ вѣнечной пошлины и обличенныхъ въ томъ, взыскивалось, по цареву судебнику, пеня—по два рубля и по четыре алтына и по полуторы деньги, которая такъ же поступала къ тому же архіерейскому казначею. Но по мѣстамъ, и вѣнечную пошлину, вмѣстѣ со всѣми прочими, продолжали собирать, какъ мы замѣтили уже, десятинники и вообще свѣтскіе чиновники ([268]).

Хотя, по общему правилу, все духовенство епархіи, бѣлое и монашествующее, подлежало суду своего архіерея и обязано было вносить ему пошлины, но изъ этого правила нерѣдко дѣлались исключенія, одни—по волѣ великихъ князей, а другія по волѣ самихъ архипастырей. Князья иногда давали монастырямъ и причтамъ приходскихъ церквей такъ-называемыя *несудимыя* граматы. Въ однѣхъ изъ этихъ граматъ они освобождали монастыри и причты отъ всякой подсудности епархіальному архіерею, даже и по дѣламъ духовнымъ; въ другихъ—отъ всякой подсудности, кромѣ дѣлъ духовныхъ; въ третьихъ—отъ подсудности, по крайней мѣрѣ, архіерейскимъ десятинникамъ и другимъ чиновникамъ, которые особенно бывали тяжки духовенству во время своихъ «наѣздовъ», когда требовали себѣ и кормовъ, и подводъ, и проводниковъ и, разумѣется, разныхъ подарковъ. Тѣми же своими граматами кня-

([268]) А. Э. I, *№№* 195. 231; Стогл. гл. 5, вопр. 4; гл. 46. 69, стр. 52. 218. 309—312. См. выше примѣч. 264.

зья иногда освобождали монастыри и причты и отъ всякихъ архіерейскихъ пошлинъ, или опредѣляли, чтобы, взамѣнъ разныхъ пошлинъ, вносима была только одна опредѣленная небольшая сумма, или чтобы, по крайней мѣрѣ, пошлины эти собирались съ монастырей и причтовъ не архіерейскими десятинниками, а особымъ царскимъ чиновникомъ, и передавались по назначенію ([269]). Граматы такого рода, отнимавшія у архіереевъ право судить подчиненныхъ имъ архимандритовъ, игуменовъ, строителей, поповъ и цѣлые церковные причты, не могли не смущать нѣкоторыхъ и въ то время,— и самъ царь Иванъ Васильевичъ, указывая на несудимыя граматы, спросилъ отцевъ Стоглаваго собора: «коея ради вины сіе тако бысть и тако ли сему достоитъ быти» (Стогл. 5, вопр. 14). Отцы отвѣчали, что «тѣ граматы даваны кромѣ (противъ) священныхъ правилъ», и постановили: «впредь таковымъ граматамъ не быти» (—гл. 67). Но это постановленіе собора вскорѣ было забыто, и тотъ же Иванъ Васильевичъ продолжалъ давать церквамъ и монастырямъ несудимыя граматы, какъ давалъ прежде ([270]). Архипастыри, съ своей стороны, жаловали подобнаго же рода граматы нѣкоторымъ церквамъ и монастырямъ своихъ епархій, и этими граматами иногда освобождали церковные причты и монастыри и отъ подсудности своимъ намѣстникамъ или десятинникамъ, оставляя весь судъ лично за собою или за настоятелемъ монастыря, и отъ всѣхъ пошлинъ ([271]); а большею частію освобождали только отъ всѣхъ

([269]) А. Э. I, №№ 159. 173; А. И. I, №№ 111. 141. 147. 149.

([270]) Дополн. А. И. 1, №№ 46. 48. 114. 130.

([271]) *Горчаков.* О земел. влад. митропол., Прилож. стр. 37—41, с. п. б. 1871; А. Э. I, №№ 71. 85. 176. 197. 296; Доп. А. И. I, № 220.

пошлинъ, или указывали, чтобы причты и монастыри, вмѣсто всѣхъ пошлинъ, платили ежегодно лишь небольшую сумму денегъ, или чтобы они платили сполна однѣ пошлины архіерейскія, а десятильничьи—въ уменьшенномъ размѣрѣ, какой означался въ жалованной граматѣ ([272]).

Были еще люди, составлявшіе особый классъ, которые хотя подлежали церковному вѣдомству, управленію и суду, но оставлялись свободными отъ всякихъ пошлинъ, шедшихъ на епархіальнаго архіерея и его чиновъ. Это люди *богадѣльные:* нищіе, престарѣлые, увѣчные, больные. Изъ писцовыхъ книгъ XV—XVI в. очевидно, что вблизи многихъ нашихъ сельскихъ церквей, вмѣстѣ съ домами священно-и церковно-служителей, равно и вблизи монастырей, на церковной и монастырской землѣ существовали и богадѣльныя избы или келліи, числомъ иногда до двадцати, въ которыхъ жили всякаго рода нищіе, старцы и старицы, и «питались о церкви Божіи», изрѣдка и «о приходѣ» ([273]). Царь Иванъ Васильевичъ засвидѣтельствовалъ на Стоглавомъ соборѣ, что и по всѣмъ нашимъ городамъ существовали богадѣльныя избы, въ которыя ежегодно отпускалась изъ царской казны милостыня — хлѣбъ, соль, деньги и одежда, и такъ же поступала милостыня отъ христолюбцевъ. Но только въ этихъ избахъ,—замѣтилъ царь,— по злоупотребленію завѣдывавшихъ ими прикащиковъ, живутъ «мужики съ женами и мало больныхъ», а нищіе, престарѣ-

---

[272]) А. Э. I, №№ 125. 137. 278. 285. 291. 293; А. И. I, №№ 142. 150. 170. 181. 187.

([273]) *Неволин.* О пятин. новгород., Приложен. стр. 140. 146. 151. 153. 165. 175. 256. 259. 261. 262. 292. 294. 302. 305. 319. 324—326. 330. 335. 336. 352. 355 и др. Снес. А. И. I, № 153, стр. 248.

лые, страдальцы, не имѣющіе гдѣ главу подклонить, скитаются по міру и умираютъ съ голоду, безъ напутствія,—почему и потребовалъ соборнаго рѣшенія объ этомъ предметѣ (Стогл. гл. 5, вопр. 12). Соборъ далъ отвѣтъ: да повелитъ царь по всѣмъ городамъ переписать всѣхъ прокаженныхъ и престарѣвшихся, устроить въ каждомъ городѣ богадѣльни мужескія и женскія, помѣщать въ нихъ только этихъ несчастныхъ, не имѣющихъ гдѣ главу подклонить, снабжать ихъ пищею и одеждою и такъ же принимать на содержаніе ихъ милостыню отъ боголюбцевъ, да приставить для служенія имъ здоровыхъ строевъ — мущинъ и женщинъ, сколько потребуется; а надзоръ за богадѣльнями поручить добрымъ священникамъ и цѣловальникамъ или градскимъ добрымъ людямъ; священникамъ же кромѣ того вмѣнить въ обязанность, чтобы они, посѣщая богадѣльни, поучали живущихъ тамъ страху Божію и чистотѣ, исповѣдывали и пріобщали больныхъ, погребали умершихъ и поминали ихъ на церковныхъ службахъ; а здоровые строи съ женами по богадѣльнямъ не жили бы, но питались бы отъ боголюбцевъ, ходя по дворамъ, какъ было доселѣ, и трудились бы, если еще въ силахъ работать (—гл. 73). Не видно, чтобы на самомъ дѣлѣ исполнилось это постановленіе Стоглаваго собора; вѣроятнѣе, что оно, подобно многимъ другимъ его постановленіямъ, осталось безъ послѣдствій.

III.

Вѣдомству церковнаго управленія и суда подлежали, наконецъ, недвижимыя имущества нашего духовенства, и, въ частности, земельныя владѣнія, а вмѣстѣ и люди, жившіе

на церковныхъ земляхъ. Эти же имущества составляли главнѣйшій источникъ для содержанія духовенства ([274]).

Въ настоящій періодъ, какъ и прежде, недвижимыя имущества принадлежали у насъ архіерейскимъ каѳедрамъ, монастырямъ и церквамъ и были весьма разнообразны. Сюда относились: а) дома, дворы, подворья, огороды ([275]); б) разныя хозяйственныя и промышленныя строенія и заведенія, каковы—мельницы, лавки, соляныя варницы и проч. ([276]); в) земли ненаселенныя съ ихъ принадлежностями: пашни, лѣса, луга, рѣки и озера съ рыбною ловлею, бобровыя и бортныя угодья и под. ([277]); г) населенныя земли: починки, деревни, села,

---

([274]) Недвижимыя имущества нашего духовенства неразъ служили предметомъ ученыхъ изслѣдованій, каковы: *Милютин.* О недвижим. имуществахъ духовенства въ Россіи (Чтен. М. Истор. Общ. 1859, IV; 1860, III; 1861, II и III); *священн. Горчаков.* О земельныхъ владѣніяхъ всеросс. митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода, с. п. б. 1871; *Павлов.* Истор. очеркъ секуляризаціи церк. земель въ Россіи, Одесс. 1871.

([275]) А. И. I, №№ 116. 125. 141; А. Юрид. №№ 94. 113. 114. 117. 229; Доп. А. И. I, № 224. Наприм., у Троице-Сергіева монастыря въ половинѣ XVI в. упоминаются дворы, кромѣ Москвы, въ Дмитровѣ (А. Э. I, № 69), Твери, Угличѣ, Кашинѣ (А. Э. I, № 79), Переяславлѣ Залѣсскомъ (А. Э. I, № 164), Ростовѣ, Костромѣ (А. Э. I, № 179), Нерехтѣ, Плесѣ, Солигаличѣ, на Холую, Балахнѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ, Суздалѣ, Владимірѣ, Гороховцѣ, Ярославлѣ, Устюгѣ и Боровскѣ. *А. Горск.* Истор. Опис. Сергіев. лавры, Рукопис. Тр.-Серг. лавры, по дополн. катал. ея библ., № 205, л. 181. О подворьяхъ и амбарахъ Кирилло-бѣлоз. монастыря—см. далѣе примѣч. 354.

([276]) А. И. I, №№ 93. 144. 158; Дополн. А. И. I, №№ 16. 48; А. Юрид. № 421. У Троице-Серг. монастыря, въ XVI в., были соловарни: въ Усольѣ переяславскомъ, у Соли Галицкой—двѣ варницы (А. Э. I, № 52), въ Нерехтѣ—четыре варницы, у Новой Соли на Холую—три варницы (А. Э. I, № 200), на Балахнѣ—пять варницъ, на Тотьмѣ—двѣ варницы (*Горск.* въ означ. Рукописи л. 181 об.—182).

([277]) А. И. I, №№ 55. 76. 80. 85; Доп. А. И. I, №№ 26. 48; А. Юрид. №№ 88. 89. 142. Такія земли съ пашнями, лѣсами, рѣками, соляными варницами и рыбными ловлями купилъ себѣ въ 1568 г. К.-бѣлозерскій монастырь въ Двинскомъ уѣздѣ за 800 рублей (А. Юр. I, № 85).

слободы и цѣлыя волости ([278]). Послѣдняго рода имущества, въ ряду прочихъ, имѣли самое важное значеніе. Способы пріобрѣтенія духовенствомъ недвижимыхъ имуществъ были различны. Однѣ земли, села, угодія поступали во владѣніе духовенства—чрезъ пожалованія отъ князей, удѣльныхъ и великихъ, и укрѣплялись за нимъ *жалованными* княжескими граматами; другія — чрезъ пожертвованія отъ прочихъ лицъ всякаго званія, въ томъ числѣ, и отъ поступавшихъ въ монашество, и укрѣплялись *данными* и *вкладными* граматами этихъ лицъ; третьи—чрезъ духовныя завѣщанія, какъ князей, такъ и другихъ лицъ всякаго званія, и укрѣплялись этими самими *духовными* граматами ([279]). Иногда архіерейскіе дома, монастыри, даже церкви пріобрѣтали себѣ земли покупкою и укрѣпляли за собою *купчими* записями; иногда промѣнивали свои земли и вотчины на другія, болѣе почему либо выгодныя, которыя и укрѣпляли за собою *мѣновыми* записями. Случалось, что во владѣніе того или другаго монастыря переходили земли или угодія *по закладнымъ*: это именно тогда, когда лица, занимавшія деньги у монастыря и обезпечивавшія свой долгъ залогомъ своего недвижимаго имущества, не успѣвали выплатить долга къ назначенному сроку ([280]). Для большаго укрѣпленія и огражденія своихъ владѣльческихъ правъ, лица духовнаго званія, не довольствуясь всѣми исчисленными граматами и записями, считали необходимымъ и

([278]) А. Э. I, №№ 102. 105. 113. 118—122. 124 и многр. друг.

([279]) А. И. I, №№ 38. 84. 85. 162; А. Э. I, №№ 135. 136. 169; А. Ю. №№ 111—116. 121 — 126. 409 — 422; А. до юрид. быта Россіи I, № 63, ст. VI—IX.

([280]) А. Ю. №№ 73. 74. 77. 85. 88—90. 100. 106. 241; А. до юрид. быта Россіи II, № 126, ст. III; №№ 147. 156; Доп. А. И. I, №№ 18. 20.

имѣли обычай испрашивать у князей подтвердительныя граматы на свои владѣнія, пріобрѣтенныя тѣмъ или другимъ образомъ, и особенно испрашивали такія граматы у каждаго новаго великаго князя ([281]).

Земельныя и вотчинныя владѣнія нашего духовенства увеличивались весьма быстро втеченіе настоящаго періода, такъ что къ концу его они обнимали, по свидѣтельству иностранцевъ, посѣщавшихъ тогда Россію, цѣлую треть всего государства (разумѣется, въ его тогдашнемъ объемѣ). Если и принять это свидѣтельство, которое иностранцы, всего вѣроятнѣе, слышали отъ самихъ же русскихъ, а одинъ прямо усвояетъ даже самому царю, не за точное, а хоть за нѣсколько приблизительное указаніе на размѣръ тогдашнихъ владѣній нашей церкви, — и въ такомъ случаѣ нельзя не сознаться, что они были уже огромны ([282]). Замѣтимъ, одна-

---

([281]) А. И. I, №№ 111. 141. 148. 151. 163. 166. 177. 200; А. Э. I, №№ 48. 52. 60. 130. 131. 148. 159. 164. 171. 174. 177 и мног. друг.

([282]) Адамъ Климентъ, посѣтившій Россію въ 1553 г., пишетъ: Plurima ibi extruuntur Basilianorum coenobia; his magni sunt agrorum reditus, nam tertiam fundorum partem totius imperii tenent monachi (Rerum Moscovit. scriptores varii, pag. 152, Francofurt. 1600). Горсей, бывшій у насъ въ 1584 г., разсказываетъ, что когда царь Иванъ Васильевичъ созвалъ соборъ въ 1580 г. по вопросу о пожертвованіяхъ съ церковныхъ имуществъ на нужды государства и узналъ, что собравшіеся намѣреваются дать отрицательный отвѣтъ, то пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ епископовъ и игуменовъ и произнесъ предъ ними грозную рѣчь, въ которой, между прочимъ, выразился, — „вы захватили себѣ въ собственность, какъ оказывается, *третью часть* городовъ, посадовъ и деревень нашего государства“ (Записка *Горсея* о Россіи въ русск. переводѣ, напеч. въ „Библ. для чтенія“ за 1865 г., № 4—6). Петрей, неразъ приходившій къ намъ подъ конецъ XVI и въ началѣ XVII в., говоритъ, что въ Россіи одна треть земли принадлежала церкви, одна треть боярамъ и одна треть государю (Исторія о вел. княжествѣ моков., въ Чтен. М. Истор. Общ. 1867, II, отд. V, стр. 418). Тоже о размѣрѣ церковныхъ вотчинъ въ Россіи повторяетъ и Олеарій, бывшій у насъ въ 1633 г. и послѣ (Опис. путешествія въ Московію, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1868—1870).

кожъ, что дошло до насъ и домашнее свидѣтельство подобнаго рода, хотя касающееся не всей Россіи, а только одной мѣстности ея вблизи столицы: разумѣемъ описаніе поземельныхъ владѣній въ Горетовомъ станѣ московскаго уѣзда, сдѣланное въ 1586 году. Оно наглядно показываетъ, что въ этомъ станѣ одна и самая меньшая часть владѣній принадлежала помѣщикамъ и вотчинникамъ, именно 5780 четвертей пахатной земли въ одномъ полѣ и постольку же въ каждомъ изъ двухъ остальныхъ полей; 656 десятинъ разнаго лѣсу и на 7079 копенъ сѣнокосной земли; другая и сравнительно большая часть принадлежала государю или правительству, и именно 8639 четвертей пахатной земли въ полѣ и постольку же въ двухъ остальныхъ поляхъ, 12 десятинъ лѣсу и на 2545 копенъ сѣнокосной земли, а третья и самая большая часть принадлежала духовенству (митрополиту, девяти монастырямъ и двумъ московскимъ соборамъ), именно 9422 четверти пахатной земли въ полѣ и постольку же въ двухъ остальныхъ поляхъ, 169 десятинъ лѣсу и на 5710 копенъ сѣнокосной земли (***). Конечно, это—частный примѣръ и въ другихъ станахъ и мѣстностяхъ Россіи могло быть совсѣмъ другое, но мы и не дѣлаемъ общаго заключенія.

Каѳедра русскаго митрополита если и потеряла недвижимыя имущества въ западной Россіи, съ отдѣленіемъ кіевской митрополіи отъ московской, за то болѣе и болѣе пріобрѣтала ихъ въ Руси восточной, при каждомъ новомъ митрополитѣ,

---

(***) Приправочная книга по московскому уѣзду 7094 году во Временникѣ М. Истор. Общ. XIII, отд. II, стр. 115. 147—166. 182—184, и Предисл. стр. VI—VIII. Двѣ четверти земли равнялись десятинѣ.

начиная съ Іоны, и особенно при митрополитахъ Филиппѣ I, Геронтіѣ и Симонѣ ([284]). Къ концу XV и въ началѣ XVI столѣтія владѣнія митрополита находились въ пятнадцати уѣздахъ: московскомъ, владимірскомъ, ростовскомъ, суздальскомъ, переяславскомъ, муромскомъ, костромскомъ, вологодскомъ, нижегородскомъ, бѣлозерскомъ, коломенскомъ, дмитровскомъ, звенигородскомъ, галичскомъ и юрьевопольскомъ ([285]). О вотчинахъ митрополичихъ въ семи изъ названныхъ уѣздовъ (именно: переяславскомъ, юрьевскомъ, владимірскомъ, ростовскомъ, костромскомъ, вологодскомъ и отчасти московскомъ) сохранились извлеченія изъ писцовыхъ книгъ 1492—1508 г., дающія возможность заключать, что въ этихъ семи уѣздахъ числилось за митрополитомъ—селъ и деревень 531, дворовъ въ нихъ 1825, людей 1818, земли $57^1/_2$ сохъ, т. е. гадательно около 17250 десятинъ, а въ трехъ поляхъ—втрое болѣе ([286]).

([284]) А. Э. I, №№ 50. 61. 74. 75; А. до юрид. быта Россіи т. I, № 63, VIII. XI. XII; № 103, III; № 118, II—V; т. II, № 147, II. III; № 156, II. III; № 175, III; № 178, I.

([285]) А. до юрид. быт. Россіи т. I, № 63, XII; № 69; № 80; № 118, VIII; № 119; т. II, № 15, V; № 126, II; № 147; № 178, II; А. Э. I, №№ 9. 12. 13. 17. 18. 50. 61. 74. 75. 139; А. И. I, № 215; А. Юрид. №№ 8. 17; *Горчаков.* О земел. влад. митроп., Прилож. I, стр. 1—79.

([286]) Это извлеченіе напечатано у *Горчак.* въ названномъ соч., Прилож. I, стр. 1—10. *Сохою* называлось самое большое условное пространство населенной и обработываемой земли, которое назначалось и принималось правительствомъ за единицу для взиманія съ землевладѣльцевъ всякаго рода податей въ пользу государства. Величина сохъ была неодинакова въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разныя времена: такъ, въ Новгородѣ, къ концу XV и въ началѣ XVI в., соха заключала въ себѣ отъ 12 до 15 десятинъ земли, а въ трехъ поляхъ отъ 36 до 45 десятинъ, хотя иногда то увеличивалась въ размѣрѣ, то сокращалась; въ московскомъ же государствѣ, въ первой половинѣ XVI в., на соху доброй земли иногда полагалось 600 четвертей, т. е. 300 десятинъ, а иногда и больше, иногда и меньше (*Бѣляев.* О поземельномъ владѣніи въ Московск. госуд., стр. 51—70, во Временн. М. Истор. Общ. XI). Мы приняли здѣсь соху въ 300 десятинъ какъ бы за среднюю величину для приблизительнаго обозначенія въ десятинахъ земель-

Числа эти должны удвоиться, если мы предположимъ, что, по крайней мѣрѣ, столько же числилось владѣній за митрополитомъ и въ остальныхъ восьми уѣздахъ, о которыхъ свидѣтельства писцовыхъ книгъ не сохранились до насъ или доселѣ не обнародованы. Между тѣмъ владѣнія московской каѳедры продолжали увеличиваться и при слѣдующихъ митрополитахъ—Варлаамѣ, Даніилѣ, Макаріѣ и другихъ ([287]), такъ что въ послѣдніе годы XVI вѣка русскій первосвятитель получалъ съ помѣстій своихъ однѣми только деньгами до 22000 талеровъ, составлявшихъ около 13000 золотыхъ, или, по другому свидѣтельству, до 3000 рублей, а чрезъ полстолѣтіе имѣлъ въ своихъ вотчинахъ отъ шести до семи тысячъ дворовъ ([288]). Едвали еще не богаче митрополита имѣніями былъ новгородскій архіепископъ. Когда въ 1478 г. в. кн. Иванъ Васильевичъ, осадивъ Новгородъ, потребовалъ себѣ отъ новгородцевъ волостей, и новгородцы уже согласились уступить

ныхъ владѣній митрополита: ибо несомнѣнно, что въ разныхъ уѣздахъ московскихъ владѣній соха имѣла весьма различную величину и простиралась отъ 17 до 50, до 65, даже до 100 *вытей* и болѣе (см. далѣе примѣч. 295). А такъ какъ въ *выти* считалось отъ 5-ти до 10-ти десятинъ въ одномъ полѣ (*Бѣляев.* тамъ же стр. 64—65), то соха, наприм., въ 17 вытей заключала въ себѣ отъ 85-ти до 160 десятинъ въ одномъ полѣ, а въ трехъ поляхъ отъ 255-ти до 480 десятинъ; соха же въ 100 вытей заключала въ себѣ отъ 500 до 1000 десятинъ въ одномъ полѣ, а въ трехъ—отъ 1500 до 3000 десятинъ.

([287]) А. Э. I, №№ 139. 206; А. И. I, № 178; А. до юрид. быта Россіи, т. I, № 118, VI. VIII; т. II, № 147, V—VII. IX—XV. XVIII—XXI; № 149, VIII—XI; № 153, V; № 156, XI. XII. XV. XVI; А. Юрид. № 8.

([288]) До 22 тыс. талеровъ или 13 т. золотыхъ, по свидѣтельству Антонія Поссевина (Starczevsk. Hist. Ruthen. script. exteri, vol. II, p. 275). До 3 т. рублей, по словамъ Кетчера, бывшаго въ Москвѣ въ то самое время, когда нашъ митрополитъ возводился въ санъ патріарха (О госуд. Русскомъ, гл. 21). Отъ 6 до 7 т. дворовъ, по свидѣтельству одной современной росписи (напеч. у *Горчак.* въ Прилож. стр. 88) и Котошихина (О Россіи въ царств. Алекс. Мих., стр. 118. изд. 2).

ему половину волостей владыки и шести богатыхъ монастырей, то вел. князь,—говоритъ лѣтопись,—пожаловалъ владыку, половины волостей его не взялъ, а взялъ только у него десять волостей преимущественно въ пятинахъ Обонежской и Бѣжецкой, всего до 320 сохъ, т. е. отъ 11520 до 14400 десятинъ земли въ трехъ поляхъ: сколькожъ было тогда десятинъ въ половинѣ волостей владыки и сколько во всѣхъ его волостяхъ! ([289]). А чрезъ нѣсколько лѣтъ вел. князь взялъ у владыки еще болѣе 400 деревень въ одной Деревской пятинѣ, какъ видно изъ писцовой книги ея 1495 г., и болѣе 230 деревень въ Вотской пятинѣ, оставивъ за владыкою въ этой послѣдней всего двѣнадцать деревень, какъ показываетъ писцовая книга ея 1499—1500 г. ([290]). Несмотря, однакожъ, на всѣ эти лишенія, владыку новгородскаго продолжали считать самымъ крупнымъ вотчинникомъ между нашими архіереями и въ послѣдніе годы настоящаго періода ходила молва, будто онъ получалъ съ своихъ имѣній отъ десяти до двѣнадцати тысячъ рублей, тогда какъ митрополитъ (вскорѣ сдѣлавшійся патріархомъ) получалъ только три ([291]). Другіе архіереи бы-

---

([289]) Въ лѣтописяхъ (VI, 216; VIII, 195) поименованы самыя волости, взятыя тогда у владыки; а это даетъ возможность опредѣлить, что четыре изъ нихъ находились въ Обонежской пятинѣ, четыре въ Бѣжецкой, одна (первая) частію въ Обонежской, а частію въ Вотской, и одна (послѣдняя) въ Деревской (Снес. *Неволин*. О пятин. новгор., Алфавитн. указател. главныхъ мѣстностей.....). О величинѣ сохъ новгородскихъ мы сдѣлали замѣтку выше въ примѣч. 286.

([290]) Относительно Деревской пятины—см. *Неволин*. О пятин. новг., прилож. стр. 191. 204. 205. 207. 216. 223; относительно Вотской—тамъ же стр. 13. 15. 18. 21. 25. 36; Временникъ М. Истор. Общ. XI, Окладн. книга—стр. 43. 351. 421—426; Временникъ тогоже общ. XII, Оклад. книга—стр. 8. 10. 76. 86. 134. 136. 143—145. 160—163. 171. 172. 178. 180—186. 188. А подробнѣе о той и другой пятинѣ—въ Новгор. писцовыхъ книгахъ, изд. Археогр. Комм., т. I—III.

([291]) Флетчеръ именно говоритъ: „Ежегодный доходъ патріарха съ помѣстьевъ, кромѣ другихъ статей, простирается до 3000 рублей или марокъ, а митрополи-

ли далеко не такъ богаты. Напримѣръ, за суздальскимъ епископомъ числилось: двѣ слободки въ самомъ Суздалѣ на посадѣ, тринадцать селъ съ деревнями и пустошами въ суздальскомъ уѣздѣ, два села съ деревнями и пустошами въ московскомъ уѣздѣ и одно село съ деревнями и пустошами во владимірскомъ уѣздѣ ([292]). Казанскому архіепископу, кромѣ того, что съ самаго начала положена была десятина изъ всѣхъ доходовъ казанской земли и опредѣлено было пособіе деньгами и хлѣбомъ отъ всѣхъ владыкъ и монастырей, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ, царь, при самомъ учрежденіи епархіи, пожаловалъ: а) въ уѣздѣ казанскомъ—пахатной земли на 2000 четвертей, т. е. 1000 десятинъ; пожни на сѣно между рѣками Волгою и Тереузикомъ; три села со всѣми угодьями, съ лѣсами, лугами и проч.; озера—три Кабана, Царево и другія вокругъ него; воды и рыбныя ловли по обѣ стороны рѣки Волги отъ устья Казанки до рѣки Камы и далѣе по Камѣ; б) въ самой Казани—слободу за рѣкою Булакомъ, огородъ, мѣсто на посадѣ для дворовыхъ людей владыки,—мѣсто въ городѣ для расширенія двора владыки и два мѣста для двухъ

товъ и архіепископовъ до 2500 рублей. Изъ епископовъ одни получаютъ 1000 р., другіе 800, иные 500. Были и такіе, которымъ приходилось даже, *какъ мнѣ сказывали*, десять или двѣнадцать тысячъ рублей въ годъ, какъ, наприм., митрополитъ новгородскій" (О государствѣ Русск., гл. 21). Надобно помнить, что, кромѣ новгородскихъ вотчинъ, владыка новгородскій имѣлъ еще земли и вотчины въ псковской области (А. И. I, № 277; П. Собр. Р. Лѣт. IV, 229) и что нѣкоторыя изъ взятыхъ у него Иваномъ III вотчинъ были возвращены ему-владыкѣ слѣдующими князьями (*Макар.* Опис. новгор. архіер. дома, прилож. №№ 6 и 13, с. п. б. 1857). Впрочемъ, все таки сомнительно, чтобы владыка этотъ былъ богаче самаго митрополита, ибо и въ 1655 г. за новгор. архіерейскимъ домомъ числилось только 1432 двора крестьянскихъ, когда у москов. архипастыря было ихъ болѣе 6000 (тамъ же стр. 52).

([292]) А. И. I, № 200.

мельницъ на устьѣ Булака ([293]). Самою бѣдною каѳедрою считалась смоленская, и хотя в. кн. Василій Ивановичъ, по взятіи Смоленска, утвердилъ за мѣстнымъ владыкою его прежнія вотчины, но этого оказалось недостаточнымъ, и въ пособіе ему, со всѣхъ прочихъ владыкъ русскихъ — съ митрополита, архіепископовъ и епископовъ взимаема была пошлина изъ ихъ казны во все княженіе Василія Ивановича ([294]).

Въ ряду монастырей, по количеству недвижимыхъ имуществъ всякаго рода, первое мѣсто занималъ знаменитый монастырь Троице-Сергіевъ. Въ «Кормовой книгѣ» его, исх. XVI в., упоминающей только о тѣхъ его владѣніяхъ, которыя пожалованы были этому монастырю князьями и другими лицами на поминъ душъ, мы насчитали: волость—1, по имени Вохну на Клязьмѣ, въ девять сохъ; селъ—88 въ радонежскомъ, московскомъ, переяславскомъ, суздальскомъ, дмитровскомъ, стародубскомъ, звенигородскомъ, ростовскомъ, углицкомъ, галичскомъ, тверскомъ и другихъ уѣздахъ; при этихъ селахъ малыхъ селъ и деревень—1080 и земли—122 сохи разной величины, а вытей—3768, и слѣд. отъ 18840 до 37680 десятинъ въ одномъ полѣ, въ трехъ же—отъ 56520 до 113040 десятинъ,—между тѣмъ какъ при нѣкоторыхъ еще селахъ не показано ни количества сохъ и вытей, ни числа деревень, а сказано только: село такое-то съ деревнями ([295]). Но кромѣ селъ и деревень, пожалованныхъ Троице-

---

([293]) Никон. Лѣт. VII, 231; А. Ю. № 209; А. И. I, № 162.

([294]) Собр. госуд. грам. I, № 148; Стогл. гл. 100, стр. 428.

([295]) Рукопись Тр.-Серг. лавры, исх. XVI в., № 821, подъ названіемъ: „Кормовая книга“. Въ этой рукописи переплетены вмѣстѣ три списка одной и тойже кормовой книги: первый, безъ начала и конца, писанный прежде другихъ (л. 1—29); второй—полный, пис. въ 1591 г. (л. 31—92); третій—такъ же полный,

Сергіеву монастырю на поминъ душъ, были у него и другія села и деревни, которыя онъ пріобрѣлъ самъ покупкою, и если намъ неизвѣстно, сколько ихъ было, то извѣстно, что на пріобрѣтеніе ихъ употреблено монастыремъ изъ собственной казны, въ разныя времена, 16934 рубля—сумма, по тогдашнему времени, громадная ([296]). Неудивительно, если Троицкая лавра слыла, къ концу настоящаго періода, чрезвычайно богатою и если Флетчеру передавали, будто она получала съ своихъ помѣстій до ста тысячъ рублей дохода, слѣд. несравненно болѣе, нежели сколько получали всѣ наши

пис. въ 1593 г. (л. 92—151). Первоначально эта кормовая книга Тр.-Сергіева монастыря составлена, какъ сказано въ самомъ началѣ ея, по приказу царя Ивана Васильевича, при игуменѣ Серапіонѣ,—вѣроятно, въ послѣдній годъ его игуменства (1551-й), когда Стоглавый соборъ опредѣлилъ, чтобы настоятели всѣхъ монастырей тщательно розыскали, кѣмъ и какіе *вклады* сдѣланы были въ монастыри на поминъ душъ, записали въ синодики имена тѣхъ, по комъ сдѣланы вклады, и назначивъ для торжественнаго поминовенія ихъ извѣстные дни, *ставили* по нимъ въ тѣ дни *кормы* для всей монастырской братіи (Стогл. гл. 5, вопр. 15, и гл. 75). Такъ какъ въ этой кормовой книгѣ, при большей части селъ съ деревнями, показано, сколько въ нихъ находилось вытей и сколько, по царевымъ писцовымъ книгамъ, полагалось сохъ, то и легко видѣть, до какой степени различна была въ разныхъ мѣстахъ величина сохи: были сохи въ 17 вытей—наименьшая величина (л. 43. 44), были—въ 22, въ 23, въ 28, въ 33, въ 34, въ 40 вытей (л. 42—44. 48—52. 54), были—въ 50, въ 52, въ 55, въ 65, въ 66 и въ 100 вытей (л. 52. 56—59), а въ одномъ селѣ—Петровскомъ на 110 вытей положено было, по царевымъ писцовымъ книгамъ, только полъ-сохи (л. 55). Объ уѣздахъ, въ которыхъ находились владѣнія Тр.-Сергіева монастыря см. А. Э. I, №№ 154. 174. 194 и др.

([296]) Именно при *игуменахъ*: Саввѣ—8 р., Зиновіѣ—34 р., Мартиніанѣ—45 р., Вассіанѣ—54 р., Авраміѣ—35 р., Памвѣ—50 р., Іаковѣ—460 р., Порфиріѣ 1-мъ—705 р., Арсеніѣ—20 р., Александрѣ—30 р., Іосифѣ I—610 р., Алексіѣ—550 р., Никандрѣ—1080 р., Іонѣ—1858 р., Серапіонѣ—1450 р., Иларіонѣ—60 р.; при *архимандритахъ*: Елевѳеріѣ—200 р., Меркуріѣ—1745 р., Кириллѣ I—50 р., Памвѣ—2840 р., Ѳеодосіѣ—2500 р., Варлаамѣ—400 р., Іонѣ—300 р., Митрофанѣ—850 р., Діонисіѣ—550 р. (*Горск.* Истор. Опис. Серг. лавры, Рукоп. лавр. библ., по дополн. катал., № 205, л. 180).

архіереи вмѣстѣ съ своихъ владѣній ([297]). Села и деревни и разныя угодія Кирилло-бѣлозерскаго, такъ же весьма богатаго, монастыря, какими владѣлъ онъ къ концу XV-го въ бѣлозерскомъ княжествѣ и около половины XVI в. — въ уѣздахъ бѣлозерскомъ и вологодскомъ, подробно перечислены въ двухъ княжескихъ подтвердительныхъ граматахъ ([298]). Всей вотчины у этого монастыря, какъ показано въ итогѣ «Вытной книги» его, писанной во второй половинѣ XVI в., и именно въ уѣздахъ бѣлозерскомъ, вологодскомъ и еще романовскомъ, было: «15 селъ большихъ, да 8 меньшихъ, да 3 приселка; а деревень къ тѣмъ селамъ *тяглыхъ*, которыхъ христьяне платили оброкъ (монастырю) хлѣбной и денежной, 892 деревни; а вытей тяглыхъ 1460 (съ дробями); а сошнаго письма во всей отчинѣ 29 сохъ и пол-полъ чети ($\frac{1}{16}$) сохи» (—т. е. на каждую соху по 50-ти вытей), и слѣд. всего земли— отъ 7300 до 14600 десятинъ, а если взять въ трехъ поляхъ, то отъ 21900 до 43800 десятинъ. Кромѣ того во владѣніяхъ этого монастыря находилось 94 деревни и 83 выти *нетяглыхъ*, что были «за попы, и за слугами, и за кузнецы, и за плотники, и за извощики», приблизительно—отъ 415 до 830 или, въ трехъ поляхъ, отъ 1245 до 2490 десятинъ ([299]). У Савво-Сторожевскаго монастыря, судя по уцѣлѣв-

([297]) Флетчеръ пишетъ: „Монахи владѣютъ помѣстьями весьма значительными. Нѣкоторые изъ монастырей имѣютъ доходу отъ помѣстьевъ по тысячѣ или по двѣ тысячи рублей въ годъ. Одинъ монастырь, называемый Троицкимъ, получаетъ отъ помѣстьевъ и повинностей въ его пользу до ста тысячъ рублей или марокъ годоваго дохода“ (О госуд. Русск. гл. 21).

([298]) А. Э. I, № 377; А. И. I, № 163. Послѣдняя грамата дана 20 марта 1556 г.; а въ томъ же году, 3-го февр. царь дозволилъ Кириллову монастырю купить еще новую вотчину въ 2000 рублей (А. Э. I, № 246).

([299]) *Рукопись Кирилло-бѣлоз. монастыря, нынѣ Спб. дух. академіи, подъ*

шимъ актамъ, находилось во владѣніи—10 селъ, 70 деревень, 40 селищъ и нѣсколько пустошей. У николаевскаго Угрѣшскаго монастыря такъ же было во владѣніи 10 селъ съ множествомъ деревень въ уѣздахъ московскомъ, коломенскомъ, переяславскомъ и костромскомъ. У рязанскаго богословскаго—три села, 23 деревни, два починка да пустошь; у переяславскаго Данилова—пять селъ, два сельца, двѣ слободки и десять деревень ([300]). Изъ женскихъ монастырей, которые вообще были бѣднѣе мужескихъ, самыми богатыми считались два московскихъ: воскресенскій и поводѣвичій. У перваго въ одномъ Горетовомъ стану находилось: два села, два сельца, 20

заглавіемъ: „Книги вытные“, № 1308, второй половины XVI вѣка. Состоитъ изъ трехъ частей. Первая, подъ заглавіемъ: „Книги вытные *сѣмянные* въ селѣхъ и деревнехъ“, описываетъ, по порядку, села и деревни Кириллова монастыря, сколько въ каждомъ вытей и сколько и кому именно изъ крестьянъ въ тѣхъ селахъ и деревняхъ выдавалось монастырскихъ сѣмянъ—ржи, пшеницы, ячменя, овса для засѣва означенныхъ вытей (л. 21—152). Вторая часть, подъ заглавіемъ: „Книги вытные *оброчные хлѣбные* въ селѣхъ и деревнехъ“, описываетъ такъ же по порядку, сколько крестьяне каждаго изъ тѣхъ селъ и деревень платили хлѣбомъ оброку въ монастырь съ засѣянныхъ ими вытей монастырскими сѣмянами (л. 153—276). Третья, подъ заглавіемъ: „Книги вытные *оброчные* селъ и деревень *денежные*, а въ тѣхъ селѣхъ во всѣхъ и въ деревняхъ сѣютъ христіане на своихъ пашняхъ сѣмена свои, а не монастырскіе“,—описываетъ такъ же по порядку, какія это села и деревни, сколько въ нихъ вытей и сколько христіане даютъ монастырю оброку деньгами, хлѣбомъ, а иногда и яйцами (л. 277—321). Общій итогъ, изъ котораго мы привели въ текстѣ нѣсколько словъ, помѣщенъ въ самомъ концѣ книги (л. 322—328). Въ 1558 г. за Кирилловскимъ монастыремъ считалось 23 сохи безъ четверти (А. Юрид. № 209, ст. II). А къ концу XVI в. число вытей и сохъ этого монастыря нѣсколько уменьшилось, хотя земельныя владѣнія его находились уже въ одинадцати уѣздахъ (см. далѣе примѣч. 342. 352).

([300]) *Смирнов.* Истор. Опис. Савв.-Сторожев. монастыря, стр. 117—121, М. 1846. Жалов. грамата XVI в. Николо-Угрѣш. монастырю, въ Лѣтоп. занятій Археогр. Комм., вып. V, отд. II, 1—3. Древн. грам. и акты Рязанск. края №№ 19. 20. О разореніи переясл. Данилова монаст. и вотчинъ его поляками—Чтен. М. Истор. Общ. 1859, II, отд. V, 10—12. О вотчинахъ Соловецкаго монастыря, см. въ Опис. этого монастыря архим. *Досиѳея*, ч. I, стр. 223, М. 1836.

деревень населенныхъ и одна пустая, 32 пустоши да три селища, а въ нихъ пахатной земли въ трехъ поляхъ 7209 четвертей, лѣсу 131 десятина и сѣнокосу на 1220 копенъ; у поводѣвичаго же монастыря въ томъ же стану было: село, двѣ деревни, починокъ и 22 пустоши, а въ нихъ 2060 четвертей пахатной земли въ трехъ поляхъ, 11 десятинъ лѣсу и на 350 копенъ сѣнокосу, да въ Бѣжецкомъ верху село Михайлова гора съ деревнями и починками ([301]).

Между повгородскими монастырями болѣе другихъ богатыми признавались шесть: юрьевскій, аркадіевскій, благовѣщенскій, никольскій у Неревскаго конца, антоніевъ и михайловскій на Сковородкѣ. У каждаго изъ нихъ въ 1478 г. вел. кн. Иванъ Васильевичъ взялъ себѣ половину земельныхъ имѣній, и именно: у юрьевскаго—720 обежъ, т. е. отъ 8640 до 10800 десятинъ; у аркадіевскаго—333 обжи, т. е. отъ 3996 до 4995 десятинъ; у благовѣщенскаго—253 обжи, т. е. отъ 3036 до 3795 десятинъ; у никольскаго въ Неревскомъ концѣ—251 обжу, т. е. отъ 3012 до 3765 десятинъ; у антоніева—50 сохъ, т. е. 150 обжей или отъ 1800 до 1950 десятинъ; у михайловскаго на Сковородкѣ—97 обжей т. е. отъ 1064 до 1455 десятинъ ([302]). По этому можемъ судить, до чего простиралась тогда и полная пропорція земли у названныхъ монастырей. Но если существовали у насъ монастыри *богатые* своими вотчинами, то еще несравненно болѣе существовало монастырей бѣдныхъ, или, по тогдашнему названію,

---

([301]) Приправочн. книга по моск. уѣзду, во Времен. XIII, отд. II, стр. 147—152. 158—159; А. И. I, № 188.

([302]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 216; VIII, 195. Снес. III, 143, гдѣ число обжей, отнятыхъ у этихъ монастырей, показано нѣсколько иначе.

убогихъ, малоземельныхъ, каковы, наприм., были почти всѣ (за исключеніемъ шести) монастыри въ области новгородской, по свидѣтельству самихъ новгородцевъ въ 1478 г. предъ в. кн. Іоанномъ ([303]). Многіе монастыри совсѣмъ не имѣли у себя крестьянъ и сами обработывали небольшія, принадлежавшія имъ, пустоши, или не имѣли и пустошей, а содержались только ругою, приношеніями окрестныхъ жителей и собираніемъ пожертвованій въ разныхъ мѣстахъ Россіи ([304]).

Обращаясь, наконецъ, къ церквамъ и бѣлому духовенству, мы находимъ, что и имъ предоставлена была доля въ земельныхъ владѣніяхъ церковныхъ, но доля самая скромная и незначительная. «Имъ даются,—писалъ о нашихъ священникахъ одинъ иностранецъ въ первой четверти XVI в.,—маленькіе домики съ полями и лугами, отъ которыхъ они снискиваютъ пропитаніе, какъ и ихъ сосѣди, своими собственными руками или руками слугъ..... Приходовъ, одаренныхъ помѣстьями и владѣніями, немного» ([305]). И, дѣйствительно, изъ писцовыхъ книгъ новгородскихъ открывается, что причты нашихъ сельскихъ церквей, состоявшіе, большею частію, изъ священ-

---

([303]) Тамъ же Стогл. гл. 5, вопр. 31. Какъ не велики были вотчины нѣкоторыхъ новгородскихъ монастырей и какъ мало приносили монастырямъ доходу, можно видѣть изъ Переписной окладной книги по Новгороду (Временникъ М. Истор. Общ. XI, стр. 29—35. 39—41. 54. 84. 193. 251. 253 и др.). Снес. А. И. I, *№* 222. Были бѣдные монастыри и въ другихъ мѣстахъ Россіи; наприм., за Чердынскимъ богословскимъ монастыремъ числилось всего—пашни 16 десятинъ, лѣсу пашеннаго 37 десятинъ, да сѣна 500 копенъ (А. И. I, *№* 207).

([304]) А. И. I, *№№* 147. 184. 191; Доп. А. И. I, *№№* 33. 66 и др.; Стогл. гл. 5, вопр. 13. 19. 31. 37. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ даже въ половинѣ XVI в. были еще свящ. сосуды въ церквахъ—потиръ и дискосъ деревянные или оловянные, а лжица и копіе желѣзныя (А. до юрид. быта Россіи II, *№* 218).

([305]) *Герберштейн.* Записки о Московіи, перев. *Анонимов.*, стр. 47, Спб. 1866.

ника и дьячка, имѣли, кромѣ дворовыхъ мѣстъ, то по одной десятинѣ въ полѣ, и слѣд. всего три десятины, то по двѣ десятины въ полѣ, то по три, по четыре и такъ далѣе—до десяти десятинъ въ полѣ, и слѣд. до 30-ти въ трехъ поляхъ, никакъ не болѣе; а нѣкоторые даже вовсе не имѣли пашни ([306]). Немногіе имѣли еще и луговые участки, съ которыхъ снимали отъ 6 до 60 копенъ сѣна ([307]), и весьма немногіе имѣли и небольшія деревни, одну, двѣ, три, которыя отдавали на оброкъ, или по нѣскольку торговыхъ лавокъ, которыя отдавали въ наймы ([308]). Нѣкоторыя городскія церкви владѣли такъ же небольшими деревнями, пустошами и другими участками земли: наприм., у Спасской церкви города Орѣшка было пять маленькихъ деревень, съ нѣсколькими десятинами земли, у Іоанно-предтеческой церкви тогоже города —три подобныя деревни; а изъ новгородскихъ церквей, у церкви св. Іоанна въ Плотницкомъ концѣ было 11 пустошей въ 65 десятинъ земли, у церкви св. Николая на Запольской улицѣ—33 пустоши, заключавшихъ въ себѣ до 576 десятинъ, у другихъ церквей—по одной, по двѣ и по пяти пустошей ([309]). Изъ московскихъ соборовъ успенскій имѣлъ въ одномъ

([306]) Новгор. писцов. книги, т. III, стр. 182. 278. 358. 486. 553. 637. 680. 712. 726. 756. 832. 861. 933; Окладн. книг. во Временн. М. Истор. Общ. XI, 55. 91. 142. 199. 286; XII, 33. 76. 143. 170. Причты безъ пашни – Новг. писц. кн. III, 603. 795.

([307]) Новг. писц. книг. III, 82. 414. 471. 569. 892; Окладн. книг. во Времени XI, 42. 257. 431; *Неволин.* О пятин. Новгор., прилож. стр. 285. 287.

([308]) Акт. Юрид. №№ 228. 229; *Неволин.* О пятин. новгор. прилож. стр. 212. 262. 281. 287. 289. 291. 300. 302. 311. 313. 319; Окладн. книг. во Временн. XII, 76. 143. Да и царь Иванъ Васильевичъ говорилъ на Стоглавомъ соборѣ о приходскихъ церквахъ: „у *иныхъ* села есть, да и огороды, и сады, и пожни, и иныя пошлины, и лавки поземные“ (Стогл. гл. 5, вопр. 31).

([309]) Окладн. книг. во Временн. XI, 198. 234. 255. 256. 286; XII, 33;

только Горетовомъ стану московскаго уѣзда 498 четвертей или 245 десятинъ пахатной земли въ трехъ поляхъ, а соборъ архангельскій имѣлъ въ томъ же одномъ стану до 2592 четвертей или 1296 десятинъ пахатной земли въ трехъ поляхъ, да еще нѣсколько луговыхъ участковъ, съ которыхъ собиралось до 540 копенъ сѣна ([310]). Не знаемъ, владѣли ли московскіе соборы и населенными землями, но дмитріевскій соборъ во Владимірѣ и церковь св. Леонтія въ Ярославлѣ или близъ Ярославля несомнѣнно имѣли земли, деревни и крестьянъ ([311]).

Между тѣмъ, какъ болѣе и болѣе увеличивались земельныя владѣнія нашего духовенства, усиливались и попытки къ отобранію или, по крайней мѣрѣ, къ ограниченію ихъ. Въ началѣ періода попытки эти имѣли еще прежній характеръ: касались только отдѣльныхъ духовныхъ землевладѣльцевъ, совершались только по мѣстамъ, и совершались по однимъ личнымъ побужденіямъ, а не въ силу и не по сознанію какихъ либо высшихъ началъ и цѣлей. Такъ поступили псковичи въ 1463 г., когда, прогнѣвавшись на новгородцевъ и на владыку, отняли у послѣдняго земли и угодія, принадлежавшія ему въ псковской области, и сами пользовались ими втеченіе двухъ лѣтъ, а потомъ, съ перемѣною обстоятельствъ, воз-

---

Писцов. книг. во Временн. М. Истор. Общ. VI, 68. 76. 87. 114. 115. 119; А. И. I, № 151. См. такъ же объ Іоанновской церкви города Переяславля—въ Сборн. *Муханова*, изд. 2, *№* 306.

([310]) Приправочн. книг. по москов. уѣзду 7094 г., во Временн. XIII, отд. II, стр. 115. 162—165. Замѣчательно, что новгородскій софійскій соборъ не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, въ половинѣ XVI в., ни селъ, ни деревень, ни поженъ (А. Э. III, *№* 306, стр. 453).

([311]) А. Э. I, *№* 159; Сборн. *Муханова*, изд. 2, *№* 280.

вратили ему все отнятое, покорившись увѣщаніямъ митрополита. Такъ же неразъ поступали (1463—1467) и многіе изъ новгородцевъ, иногда даже посадники и тысяцкіе, захватывая насильно тѣ или другія земли и угодія какого либо мѣстнаго монастыря и церкви для собственной корысти,— чѣмъ и вызывали справедливыя обличенія и вразумленія со стороны тогдашнихъ митрополитовъ ([342]).

Въ послѣдней четверти XV вѣка въ первый разъ у насъ высказана мысль объ отобраніи церковныхъ имѣній во имя государственныхъ нуждъ и интересовъ, и высказана самимъ вел. княземъ московскимъ. Когда Іоаннъ III осадилъ Новгородъ въ 1478 г., и смирившіеся новгородцы выслали къ нему своихъ пословъ съ готовностію признать надъ собою его верховную власть, тогда Іоаннъ, между прочимъ, потребовалъ, чтобы на него-князя отписаны были въ области новгородской волости и села, какъ это существовало во всей Низовой землѣ, т. е. во всѣхъ московскихъ владѣніяхъ: «ибо безъ того,—прибавилъ Іоаннъ,—намъ великимъ князьямъ, государство свое на своей отчинѣ въ Новгородѣ держать нельзя». Особыя дворцовыя волости и земли вел. князю были необходимы не столько для содержанія его самаго и его двора, сколько для содержанія и кормленія разныхъ служилыхъ людей, которые теперь во множествѣ должны были придти на службу въ новопокоренный край отъ имени вел. князя. Выслушавъ требованіе Іоанна, новгородскіе послы прежде

([342]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 229; А. И. I, №№ 77. 82. 277. Прежде подобные же случаи были: въ 1175 г. (П. Собр. Р. Лѣт. II, 159. 160), при митрополитѣ Кипріанѣ (нашей Истор. V, 95; А. И. I, №№ 7. 9) и при м. Фотіѣ (нашей Истор. V, 94).

всего просили его, чтобы онъ не вступался въ вотчины и волости бояръ новгородскихъ, и Іоаннъ согласился; потомъ предложили ему двѣ государственныя волости—Великіе Луки да Ржеву Пустую,—Іоаннъ не принялъ; наконецъ предложили десять волостей церковныхъ: четыре владычныхъ и шесть монастырскихъ,—Іоанну показалось этого мало, и онъ потребовалъ половины волостей владычнихъ и монастырскихъ, и приказалъ представить ему вѣрный ихъ списокъ, безъ всякой утайки. Когда списокъ былъ представленъ,—тогда вел. князь, только по снисхожденію, взялъ у владыки не половину, а десять волостей и, только по просьбѣ новгородцевъ, взялъ половину волостей у шести монастырей, а не у всѣхъ ([313]). Вскорѣ однакожъ Іоаннъ, въ силу тогоже сознаннаго имъ принципа, отобралъ у владыки и монастырей новгородскихъ, не шести только, а и прочихъ, гораздо бо̀льшее количество земельныхъ владѣній, и—что̀ особенно замѣчательно—отобралъ, по благословенію Симона митрополита, и раздалъ въ помѣстья служилымъ людямъ—дѣтямъ боярскимъ ([314]). Въ тоже время явилась и другая мысль въ средѣ са-

---

([313]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 215—217; VIII, 193—195; Ник. Лѣт. VI, 92—97.

([314]) Это второе отобраніе церковныхъ вотчинъ въ новгородской области совершилось не въ 1500 г., какъ говорятъ лѣтописи (—IV, 271; *Татищ.* Истор. Росс. кн. V, стр. 135, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1847, № 4; Никон. Лѣт. VI, 157), а прежде: потому что отобранныя теперь вотчины у владыки и монастырей ясно обозначены въ писцовыхъ новгородскихъ книгахъ (см. выше примѣч. 290 и самый текстъ, къ которому оно относится), изъ которыхъ одна—Деревской пятины—составлена въ 1495—1496 г. (изд. Археогр. Комм. 1859—1862 т. I и II); другая Шелонской пятины, еще не изданная, писана въ 1497—1498 г. (*Неволин.* О пятин. новгор. стр. 11, примѣч. 5), а третья—Вотской пятины—писана въ 1499—1500 г. (изд. Археогр. Комм. въ 1868 г., т. III, и во Времен. М. Истор. Общ. 1851 г., №№ XI. XII). Не о третьемъ ли уже отобраніи вотчинъ у новгородскаго духовенства говорятъ лѣтописи подъ 1500 годомъ?

маго духовенства, мысль объ отобраніи церковныхъ владѣній во имя высшихъ нравственныхъ интересовъ. Строгіе бѣлозерскіе пустынники, Нилъ сорскій и другіе, которыхъ всегда съ уваженіемъ принималъ у себя вел. князь, начали говорить ему, что владѣть вотчинами монастырямъ неприлично, что вотчины отвлекаютъ иноковъ отъ ихъ обѣтовъ, обременяютъ мірскими попеченіями, ведутъ къ духовному разслабленію и безпечности, что вотчины надобно взять у монастырей для ихъ же собственной нравственной пользы и преуспѣянія. Все, казалось, благопріятствовало намѣреніямъ Іоанна; недоставало только одного: рѣшенія по этому важному вопросу высшей церковной власти—собора, и Іоаннъ велѣлъ быть собору. Но соборъ (1503 г.), какъ мы знаемъ, выслушавъ мнѣнія Нила сорскаго, а съ другой стороны—Іосифа волоколамскаго, представилъ государю отрицательный отвѣтъ, и въ этомъ отвѣтѣ, ссылаясь на законъ Моусеевъ, на правила соборовъ, на постановленія греческихъ императоровъ и русскихъ князей, на практику церкви восточной и отечественной, подъ конецъ выразился: «святители и монастыри земли держали и держатъ, а отдавати ихъ не смѣютъ и не благоволятъ, понеже вся таковая стяжанія церковная—Божія суть стяжанія, нареченна и данна Богу, и непродаема, ни отдаема, ни емлема никимъ никогдажъ въ вѣки вѣка» ([315]). Соборъ остановилъ дѣло, но не могъ подавить и искоренить самихъ идей, которыя легли въ его основу. Открылась, преж-

([315]) Нашей Истор. VI, 125—133. Отвѣтъ собора, по рукописи 1563 г., напечатанъ сполна въ соч. А. *Павлова*: Истор. очерк. секуляризаціи церк. земель въ Россіи, I, стр. 42—47.

де всего, литературная борьба, доходившая до ожесточенія. Съ одной стороны ратовалъ князь-старецъ Вассіанъ, ученикъ преп. Нила сорскаго, отстаивавшій идеи своего учителя, съ другой—преп. Іосифъ волоколамскій, защищавшій рѣшенія собора и свои собственныя убѣжденія, а кромѣ того, по порученію какого-то архіепископа, въ 1505 г. написано неизвѣстнымъ особое, довольно солидное сочиненіе о неприкосновенности церковныхъ имуществъ. По смерти Іосифа, Вассіанъ нашелъ себѣ сильнаго помощника въ Максимѣ грекѣ; но оба они на бывшихъ противъ нихъ соборахъ, между прочимъ, осуждены были и за то, что укоряли св. церкви и монастыри въ незаконномъ будтобы обладаніи вотчинами ([316]). Сами великіе князья Иванъ III и Василій Ивановичъ, повидимому, покорились рѣшенію собора, и Иванъ III далъ, наприм., въ 1504 г. двѣ несудимыя граматы митрополиту на его вотчины въ московскомъ и владимірскомъ уѣздахъ, а Василій Ивановичъ и подтверждалъ монастырямъ прежнія граматы на вотчины, и жаловалъ духовенству новыя вотчины ([317]). Но, между тѣмъ, оба эти государя уложили, чтобы жители вновь присоединенныхъ къ Москвѣ городовъ—Твери, Микулина, Оболенска, Торжка, Бѣлоозера, Рязани, а равно и потомки прежнихъ удѣльныхъ князей суздальскихъ, яро-

([316]) Нашей Истор. VI, 138—140. 182—202. Преп. Іосифъ волоцкій написалъ еще особое, хотя необширное, сочиненіе о неприкосновенности монастырскихъ имуществъ, сохранившееся въ Сборникѣ первой половины XVI в. (Опис. рукоп. графа Толстова, стр. 413, отд. II, № 254, л. 268).

([317]) Граматы Ивана III—А. Э. I, № 139. Граматы Василія Ивановича—А. Э. I, №№ 124. 169; А. И. I, №№ 91. 131; Доп. А. И. I, № 219. По взятіи Смоленска въ 1514 г. Василій Ивановичъ далъ обѣщаніе „во всѣ монастыри и въ церковныя земли и въ воды не вступатися и нерушити ихъ ничѣмъ“. Собр. госуд. грам. I, № 148.

славскихъ и стародубскихъ, составлявшіе тогда до 30-ти служебныхъ родовъ разныхъ названій, отнюдь не отдавали своихъ вотчинъ въ монастыри на поминъ души безъ доклада и соизволенія государя: мѣра весьма важная ([318]). При Василіѣ Ивановичѣ, если не при отцѣ его, установленъ нѣкоторый государственный контроль надъ монастырскими имуществами, и какъ пріемъ, такъ и сдача этихъ имуществъ производились по описямъ великокняжескими чиновниками ([319]). При супругѣ Василія Ивановича Еленѣ, въ малолѣтство Ивана IV, состоялось еще болѣе важное постановленіе, чтобы монастыри ни отъ кого вообще не принимали ни въ закладъ, ни по душѣ, и не покупали вотчинъ, безъ доклада государю, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, отобранія этихъ вотчинъ на государя, хотя въ тоже время своевольные бояре раздали множество вотчинъ и всякаго рода угодій монастырямъ и архіереямъ ([320]).

Когда Иванъ Васильевичъ IV началъ самъ царствовать, онъ думалъ повторить попытку своего дѣда объ отобраніи церковныхъ имуществъ и обратился съ запросомъ къ митрополиту Макарію. Макарій отвѣчалъ обширнымъ посланіемъ, въ которомъ несомнѣнно воспользовался отвѣтомъ собора 1503

([318]) А. Э. I, № 227, стр. 219. Роды означенныхъ князей указаны въ соч. *Хлѣбникова*: О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи, стр. 25. Спб. 1869.

([319]) Въ 1514 г. этотъ законъ представляется уже дѣйствующимъ, какъ видно изъ граматы вел. князя, по которой сдавали тогда великокняжескіе писцы Соловецкій монастырь во временное завѣдываніе іеромонаху Геласію и соборнымъ старцамъ (*Досиѳ.* Опис. Соловецк. монастыря I, § 14, стр. 67).

([320]) Объ означенномъ постановленіи свидѣтельствуетъ грамата, данная въ 1535 г. Глушицкому монастырю (напеч. въ Истор. Росс. іерарх. III, 712—714). О раздачѣ вотчинъ боярами—Стогл. гл. 101, стр. 431, изд. Казан.

г. на такой же запросъ Ивана III, но изложилъ мысли гораздо подробнѣе и послѣдовательнѣе. Онъ, въ первой части посланія, раскрывалъ ту мысль, что всѣ цари греческіе, отъ перваго христіанскаго царя Константина и до послѣдняго; никогда не дерзали отнимать церковныя вотчины, страшась грозныхъ за то прещеній св. соборовъ и св. отцевъ, напротивъ сами давали церквамъ и монастырямъ села и разныя угодья, слѣдуя примѣру равноапостольнаго Константина и его завѣщанію; что равно и всѣ вел. князья русскіе, начиная съ св. Владиміра, никогда не дерзали отнимать церковныя имущества, страшась тѣхъ же соборныхъ прещеній, напротивъ сами давали церквамъ и монастырямъ села и угодья, слѣдуя примѣру равноапостольнаго Владиміра и его завѣщанію или церковному уставу; что даже нечестивые ханы татарскіе никогда не отнимали имѣній у русскаго духовенства, напротивъ давали, въ огражденіе ихъ, ярлыки русскимъ митрополитамъ, и что, слѣдовательно, тѣмъ болѣе не подобаетъ благочестивому и боговѣнчанному царю отбирать у Божіихъ церквей и монастырей недвижимыя имущества, а подобаетъ самому, по примѣру своихъ царскихъ прародителей и родителей, подавать Богу въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ. Затѣмъ, во второй части посланія, Макарій раскрывалъ другую мысль, именно ту, что какъ въ церкви вселенской всѣ святѣйшіе папы, патріархи, митрополиты и прочіе святители никогда не попускали продавать или отдавать церковныя имущества, напротивъ оградили ихъ на соборахъ страшными клятвами, такъ и въ церкви русской всѣ митрополиты, начиная отъ перваго, и всѣ архіепископы, епископы и настоятели монастырей никогда не попускали тогоже; потому и онъ-митро-

политъ Макарій, давшій при самомъ рукоположеніи своемъ торжественную клятву предъ всею церковію хранить неизмѣнно ея законы и правила, хотябы за то угрожали ему смертію, не можетъ не только дерзнуть, но и помыслить, чтобы отдать или продать недвижимыя имущества «изъ дому Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцовъ». Въ заключеніе митрополитъ писалъ: «и того ради молимъ твое царское величество и много со слезами челомъ бьемъ, чтобы еси царь и государь вел. князь Иванъ Васильевичъ, всея Русіи самодержецъ, по тѣмъ божественнымъ правиломъ, у Пречистые Богородицы и у великихъ чудотворцовъ изъ дому тѣхъ недвижимыхъ вещей, вданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, не велѣлъ взяти» ([321]). Если отстаивая въ посланіи неприкосновенность и неотъемлемость церковныхъ владѣній вообще, Макарій выражался однакожъ, что не дерзаетъ ни отдать, ни продать собственно имѣній своей митрополичей каѳедры, если умолялъ царя не брать недвижимыхъ вещей именно изъ дому Преч. Богородицы и великихъ чудотворцевъ: то или потому, что писалъ отвѣтъ государю только отъ своего лица, а не отъ лица собора, или потому, что на эти-то имѣнія митрополичьи, можетъ быть, государь прежде всего и предъявилъ свое притязаніе митрополиту, съ нихъ-то и намѣревался начать отобраніе архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ. Посланіе Макарія писано, несомнѣнно, прежде Стоглаваго собора и вполнѣ подѣйствовало на Ивана Васильевича: потому что въ 1551 г. онъ далъ митрополиту льготную

([321]) Посланіе м Макарія напечатано въ изд. *Тихонравова*: Лѣтописи русск. литературы и древн., т. V, отд. III, 126 и слѣд.

грамату на всѣ его вотчины ([322]), и на Стоглавомъ соборѣ уже не возбуждалъ вопроса объ отобраніи церковныхъ имуществъ; а между тѣмъ отцы собора, несмотря на это, сочли нужнымъ изложить въ своемъ соборномъ уложеніи всѣ доказательства неприкосновенности и неотъемлемости означенныхъ имуществъ, и нѣкоторыя даже дословно въ томъ самомъ видѣ, какъ они изложены въ посланіи Макарія (Стогл. гл. 60—63. 75). Стоглавому собору царь только указалъ въ своихъ вопросахъ на нравственные и экономическіе безпорядки въ монастыряхъ, происходившіе преимущественно отъ обладанія ими вотчинами и богатствами. И соборъ, рѣшая эти вопросы и принимая мѣры противъ указанныхъ безпорядковъ, относительно самихъ имуществъ монастырскихъ постановилъ лишь три слѣдующія правила: а) монастырскихъ и вообще церковныхъ имѣній ни отдавать, ни продавать, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда сами вкладчики напишутъ въ своемъ завѣщаніи, что пожертвованныя ими вотчины могутъ или должны быть возвращены ихъ потомкамъ за извѣстный выкупъ; б) монастыри, имѣющіе у себя довольно земель и селъ для своего содержанія, не должны просить у царя ни новыхъ угодій, ни льготныхъ граматъ, развѣ только въ случаѣ крайней нужды (Стогл. гл. 75); в) монастыри и монастырскія казны вѣдаютъ великокняжескіе дворецкіе и дьяки, и приказываютъ по книгамъ новымъ архимандритамъ, игуменамъ и строите-

---

([322]) Въ описи домовой патріаршей казны 1634 года, между прочимъ, записано: „Грамата блаженныя памяти государя и вел. князя Ивана Васильевича всея Русіи 7059 года за приписьми дьяковъ Федора, а чей — слова того незнать, ветхо добрѣ, за рукою Сидорова, *льготная на всѣ* патріарши *вотчины*, печати у нее нѣтъ“ (*Горчаков.* О земел. владѣн. митрополитовъ..., Прилож. II, стр. 84).

лямъ съ соборными старцами, и считаютъ или повѣряютъ ихъ во всякомъ приходѣ и расходѣ (гл. 49. 68, стр. 235. 298). Царю, однакожъ, этого показалось недостаточнымъ, и онъ послѣ того уже, какъ окончено было соборное уложеніе, въ особомъ приговорѣ вмѣстѣ съ отцами Стоглаваго собора постановилъ еще слѣдующее: 1) отобрать у архіереевъ и монастырей всѣ тѣ владѣнія, которыя пріобрѣтены ими незаконно,—въ частности: а) отобрать тѣ помѣстныя и черныя земли, которыя владыки и монастыри насильно поотнимали за долги у дѣтей боярскихъ и у крестьянъ, или которыя неправильно записали за владыками и монастырями писцы, и возвратить старинымъ владѣльцамъ; б) отобрать села, волости и всякія угодья, которыя розданы владыкамъ и монастырямъ боярами въ малолѣтство государя, и возвратить тѣмъ, кому принадлежали при Василіѣ Ивановичѣ; в) отобрать и тѣ вотчины, которыя, вопреки узаконенію Ивана III и Василія Ивановича, жители городовъ Твери, Микулинска, Торжка и другихъ, такъ же потомки князей суздальскихъ, ярославскихъ и стародубскихъ подавали монастырямъ на поминъ душъ, безъ вѣдома государева; впрочемъ эти послѣднія вотчины отобрать у монастырей за опредѣленную денежную имъ плату изъ казны и раздать въ помѣстья боярскимъ дѣтямъ. 2) Впредь архіереи и монастыри не должны ни у кого покупать и никто не долженъ продавать имъ вотчинъ безъ доклада государю; равно архіереи и монастыри ни отъ кого не должны принимать и никто не долженъ имъ давать вотчинъ по душахъ безъ доклада же государю: иначе всѣ эти вотчины, купленныя, проданныя, подаренныя, будутъ безденежно отбираемы на государя. 3) Вотчинъ, которыя какъ прежде даны

были, такъ и впредь будутъ даваемы монастырямъ на поминъ душъ, никому у монастырей не выкупать; но если сами вкладчики въ своей данной или духовной граматѣ написали или напишутъ, кто изъ ихъ родственниковъ имѣетъ право выкупить эти вотчины и за какую цѣну, въ такомъ случаѣ названные родственники могутъ воспользоваться своимъ правомъ, какъ было при вел. кн. Иванѣ III и Василіѣ Ивановичѣ (Стогл. гл. 101, стр. 430—434).

Государь и на этомъ не остановился. Онъ ясно видѣлъ тотъ нравственный вредъ, какой причиняло монастырямъ обладаніе селами и разными угодьями и, при случаѣ, высказывалъ свои мысли и архіереямъ и монашествующей братіи ([323]). Объ этомъ же нравственномъ вредѣ для иноковъ и о неприличіи имъ владѣть вотчинами говорили тогда и другіе, какъ духовныя лица, такъ и мірскія ([324]). Тоже самое и еще съ большею рѣзкостію проповѣдывали тогда извѣстный еретикъ Ѳеодосій Косой и его послѣдователи, ссылаясь на князя-старца Васcіана и на Максима грека, такъ что монахъ Зиновій, опровергая лжеученіе этого еретика, вынужденъ былъ защищать противъ него и вотчинныя права нашихъ монастырей и святителей ([325]). А между тѣмъ болѣе и болѣе чувствовалась потребность въ свободныхъ земляхъ для надѣленія ими служилыхъ людей и для другихъ цѣлей государ-

([323]) Наприм., въ посланіи къ архіепископу казанскому Гурію (Продолж. Древней Росс. Вивліоѳ. V, 244) и въ посланіи въ Кирилло-бѣлоз. монастырь (А. И. I, *№* 204).

([324]) Наприм., извѣстный Артемій, бывшій игуменомъ Троице-Серг. монастыря, и другіе заволжскіе старцы (см. посланіе Артемія къ царю Ивану IV, въ Опис. рукописей *Ундольскаго* стр. 369) и князь Курбскій (Сказанія кн. Курбск. I, 49. 51. 52. 162. 164 и др.).

([325]) *Зинов.* Истины показаніе, стр. 888—927.

ственныхъ. И вотъ въ 1573 г., по приказу государеву, митрополитъ и весь освященный соборъ и всѣ бояре приговорили: «въ большіе монастыри, гдѣ земель много, впредь вотчинъ не отказывать; если же кто завѣщаетъ вотчину, то ее не записывать за монастыремъ въ Помѣстной Избѣ, а отдавать роду и племени—служилымъ людямъ, чтобъ въ службѣ убытка не было и земля изъ службы не выходила; но кто дастъ вотчину малымъ монастырямъ, у которыхъ земель мало, тѣ вотчины, съ доклада государю, записывать, а безъ доклада и безъ боярскаго приговора не записывать (А. И. I, стр. 270). Наконецъ, въ 1580 г., по волѣ государя, состоялся соборъ всѣхъ русскихъ архіереевъ со множествомъ настоятелей монастырей и другихъ старцевъ, который, въ виду бѣдственныхъ обстоятельствъ отечества, истощеннаго продолжительными войнами съ сосѣдями и сознавая, что у правительства оскудѣли средства для служилыхъ людей воинскаго чина, между тѣмъ какъ у владыкъ и монастырей много вотчинъ, даже излишнихъ, и много богатства, нерѣдко употребляемаго на позорную жизнь, уложилъ, вмѣстѣ съ царскимъ сигклитомъ, слѣдующее: 1) всякія земли и угодья, которыя доселѣ принадлежали митрополиту, владыкамъ и монастырямъ, должны оставаться за ними неприкосновенно, и никто никакимъ судомъ и тяжбою не долженъ отнимать у нихъ этихъ вотчинъ и выкупать, хотябы какое мѣсто и не было утверждено за ними крѣпостями, и впредь съ монастырями о вотчинахъ не тягаться. 2) Но тѣ земли, которыя нынѣ состоятъ въ закладѣ за митрополитомъ, владыками и монастырями, отобрать на государя; а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. Такъ же

и въ вотчинахъ *княженецкихъ*, т. е. служилыхъ князей, которыя прежде сего пожертвованы были владыкамъ и монастырямъ, воленъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ; а которыя вотчины княженецкія доселѣ купили себѣ владыки и монастыри, тѣ отобрать на государя, въ деньгахъ же воленъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. 3) Впредь вотчинникамъ своихъ вотчинъ по душамъ въ монастыри не отдавать, а давать за вотчины монастырямъ деньги, сколько какое село стоитъ; самыя же села передавать наслѣдникамъ, хотябы и дальнымъ. Равно впредь митрополиту, владыкамъ и монастырямъ земель себѣ не покупать и не принимать подъ залогъ; а если кто и послѣ сего купитъ себѣ землю или начнетъ держать подъ залогомъ, тѣ земли отбирать на государя безденежно. Вообще впредь митрополиту, владыкамъ и монастырямъ не прибавлять себѣ земель никакимъ образомъ и жить только на тѣхъ земляхъ, что̀ нынѣ за ними. А если какой монастырь убогъ и у него земли мало или вовсе нѣтъ, пусть бьетъ челомъ государю, и государь, приговоря съ митрополитомъ соборнѣ и съ боярами, устроятъ тотъ монастырь землею, чтобы ему можно было жить ([326]). Такимъ образомъ, если, съ одной стороны, соборъ утвердилъ за владыками и монастырями всѣ прежнія ихъ владѣнія и торжественно призналъ неотъемлемость и неотчуждаемость этихъ владѣній, то съ другой—самъ же исключилъ нѣкоторыя изъ нихъ и передалъ на государя и на его волю, а главное—безусловно запретилъ владыкамъ и монастырямъ на будущее время увеличивать свои

([326]) Собр. госуд. грамм. I, № 200.

владѣнія, какимъ бы то ни было образомъ, кромѣ одного пожалованія, обѣщаннаго впрочемъ лишь монастырямъ убогимъ. Это было послѣднее и самое важное рѣшеніе вопроса о церковныхъ имуществахъ въ царствованіе Ивана IV, перешедшее и къ его преемникамъ. Надобно, однакожъ, сознаться, что какъ, повидимому, ни старался царь грозный ограничивать вотчинныя права духовенства, какія ни утверждалъ противъ нихъ узаконенія, онъ самъ же первый и нарушалъ эти узаконенія. Несмотря, наприм., на приговоръ 1573 г., чтобы въ большіе монастыри, гдѣ земель много, впредь не давать вотчинъ, онъ далъ въ 1575 г. одному изъ богатѣйшихъ монастырей — Кирилло-бѣлозерскому два села по бояринѣ своемъ Иванѣ Бѣльскомъ, одно въ ростовскомъ, другое въ московскомъ уѣздѣ, со многими деревнями и пустошами ([327]). Несмотря на соборное постановленіе 1580 г., запрещавшее впредь всякое увеличеніе монастырскихъ владѣній, пожаловалъ въ 1583 г. тому же Кирилло-бѣлозерскому монастырю еще три села съ деревнями и починками, одно въ Бѣжецкомъ верху да два въ костромскомъ уѣздѣ ([328]).

Какъ же владѣла и управляла русская церковь своими недвижимыми имуществами и каковъ былъ характеръ ея владѣнія и управленія? Такъ-называемыя церковныя имѣнія въ Россіи не были общимъ достояніемъ всей церкви или всего духовенства и не находились подъ вѣдѣніемъ и распоряже-

---

([327]) А. Юрид. № 126.

([328]) Въ Бѣжецкомъ верху — село Вильгощее, въ костромскомъ уѣздѣ — село Стрѣтенское и село Цыбино. Рукописный Сборникъ Кирилло-бѣлоз. монастыря, нынѣ Спб. дух. акад., безъ №, въ двухъ огромныхъ книгахъ, содержащій въ себѣ копіи жалованныхъ граматъ и крѣпостныхъ актовъ на имѣнія означеннаго монастыря, кн. II, л. 414—416.

ніемъ высшей церковной власти, хотя послѣднія съ половины XVI вѣка и дѣлала иногда, по волѣ государя, нѣкоторыя общія постановленія относительно этихъ имѣній. Нѣтъ, церковныя имѣнія у насъ были лишь частною собственностію отдѣльныхъ церковныхъ учрежденій и принадлежали то архіерейскимъ домамъ или каѳедрамъ, то монастырямъ, то церквамъ. Каждый архіерей распоряжался имѣніями своей каѳедры совершенно самостоятельно и независимо отъ митрополита и отъ собора отечественныхъ іерарховъ; каждый настоятель монастыря съ своею братіею и каждый настоятель церкви съ причтомъ точно такъ же совершенно самостоятельно распоряжались имѣніями своего монастыря или своей церкви и совершенно независимо отъ своего епархіальнаго архіерея. Всѣ эти духовные землевладѣльцы и вотчинники, по одному собственному усмотрѣнію, и принимали въ даръ жертвуемыя имъ земли и вотчины, и сами покупали себѣ села и разныя угодья, и мѣняли ихъ, и продавали, по крайней мѣрѣ, до изданія извѣстныхъ соборныхъ опредѣленій, и вообще пользовались всѣми правами, какими пользовались тогда у насъ и прочіе частные землевладѣльцы и вотчинники. Но, съ другой стороны, наши духовные вотчинники имѣли и важныя преимущества предъ прочими частными вотчинниками, по отношенію къ населеннымъ своимъ землямъ, — преимущества, состоявшія въ тѣхъ льготахъ, какія предоставляемы были духовенству жалованными граматами нашихъ князей. Сначала льготы эти давались только на отдѣльныя вотчины, и на нѣкоторыя въ бо́льшемъ размѣрѣ, на другія въ меньшемъ, такъ что одинъ и тотъ же духовный владѣлецъ въ разныхъ своихъ вотчинахъ пользовался неодинаковыми правами; но потомъ

съ конца XV столѣтія болѣе и болѣе обобщались и распространялись на всѣ церковныя владѣнія, по мѣрѣ того, какъ вел. князья выдавали архіереямъ, монастырямъ и церквамъ однѣ и тѣже свои жалованныя граматы разомъ на всѣ ихъ вотчины ([329]). По силѣ этихъ льготъ управленіе нашихъ духовныхъ владѣльцевъ ихъ недвижимыми, населенными имѣніями отличалось особеннымъ характеромъ: оно походило не столько на управленіе частныхъ собственниковъ принадлежавшими имъ вотчинами, сколько на управленіе самаго государя его дворцовыми вотчинами и областями всего государства.

Главная льгота, которою пользовались владѣльцы духовнаго званія, состояла въ томъ, что ихъ земли и вотчины, подобно вотчинамъ самаго государя, были освобождены изъ-подъ зависимости отъ мѣстныхъ государственныхъ властей или чиновниковъ и въ административномъ, и въ судебномъ, и въ финансовомъ отношеніяхъ, тогда какъ владѣнія прочихъ частныхъ вотчинниковъ не были свободны отъ этой зависимости, по крайней мѣрѣ, въ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ ([330]). Другая льгота, восполнявшая первую, была та, что духовные владѣльцы сами вѣдали свои вотчины съ полною самостоятельностію и имѣли въ нихъ, по примѣру государя—въ его вотчинахъ и во всемъ государствѣ, своихъ особыхъ чиновниковъ, свои собственные органы власти. Для управленія государствомъ, государь поставлялъ надъ городами и уѣздами своихъ *намѣстниковъ*, а надъ волостями и станами—*волостелей*, съ подвѣдомыми имъ низшими чинами: *тіунами*,

([329]) А. Э. I, №№ 139. 273. 377; А. И. I, №№ 163. 200 и др.

([330]) *Бѣляев.* О поземельномъ владѣніи въ москов. государствѣ, Временн. М. И. Общ. XI, отд. I, стр. 11—24.

недѣльщиками, праведчиками, доводчиками, приставами, становщиками и другими: отъ этихъ-то властей, которымъ подчинены были въ ихъ округахъ, по управленію, суду и отбыванію податей и повинностей, всѣ лица и земли, освобождены были церковныя имѣнія, какъ и дворцовыя; этимъ-то чинамъ, состоявшимъ на государственной службѣ, строго было заповѣдано, чтобы они въ церковныхъ вотчинахъ, какъ и дворцовыхъ, не вмѣшивались ни во что, не вступались ни въ земли, ни въ поселянъ, не судили ихъ ни въ чемъ, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ, и даже не въѣзжали къ нимъ ни за чѣмъ и не брали съ нихъ ни кормовъ, ни подводъ и ничего другаго ([331]). Для управленія своими дворцовыми вотчинами государь имѣлъ особыхъ чиновниковъ: во главѣ всѣхъ—*дворецкаго*, который жилъ при дворцѣ, завѣдывалъ всею хозяйственною въ немъ частію, всѣми должностными лицами по этой части и домовою прислугою, всѣми имѣніями вел. князя и доходами съ нихъ и облеченъ былъ высшею судебною властію въ предѣлахъ своего вѣдомства; а затѣмъ въ дворцовыхъ волостяхъ — *волостелей*, въ отдѣльныхъ вотчинахъ—*прикащиковъ*, въ селахъ—*посельскихъ*, равно какъ и низшихъ чиновниковъ—тіуновъ, недѣльщиковъ, приставовъ и другихъ, которые употреблялись по дѣламъ управленія, суда и собиранія доходовъ въ дворцовыхъ вотчинахъ ([332]). По примѣру государя, и наши архіе-

([331]) Относительно вотчинъ дворцовыхъ—А. Э. I, №№ 143. 183. 201. 240; церковныхъ—А. Э. I, №№ 60. 75. 131. 139. 159. 208; А. И. I, №№ 58. 111; Д. А. И. I, № 193 и др.

([332]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 280—281; Древн. Русск. Вивліоѳ. XX, 2. 140; А. Э. I, №№ 143. 159. 183. 198. 240. 256. 259. Въ послѣднемъ актѣ упоминается *дворецкій большаго Дворца*.

реи имѣли, каждый, при своемъ архіерейскомъ дворѣ—*дворецкаго*, сосредоточивавшаго въ себѣ главное завѣдываніе какъ имуществомъ и прислугою архіерейскаго дома, такъ и всѣми архіерейскими вотчинами и служившими въ нихъ лицами ([333]); иногда *намѣстниковъ*—въ тѣхъ городахъ и уѣздахъ, гдѣ находились архіерейскія имѣнія, каковъ былъ, напримѣръ, въ городѣ Владимірѣ намѣстникъ митрополита изъ свѣтскихъ людей, служившій именно по дѣламъ вотчиннымъ ([334]); *волостелей*, *прикащиковъ*, *посельскихъ*—въ архіерейскихъ волостяхъ, отдѣльныхъ вотчинахъ и селахъ, а равно и прочихъ служилыхъ людей—тіуновъ, доводчиковъ, недѣльщиковъ, приставовъ и др. ([335]). У монастырей если и не было дворец-

([333]) Кромѣ одного архіерейскаго дворецкаго, бывшаго изъ монашествующаго духовенства (А. до юрид. быта Россіи II, № 156, ст. I. II), всѣ прочіе дворецкіе, сколько извѣстно, были изъ бояръ и дѣтей боярскихъ, вообще изъ мірскихъ людей (А. до юрид. б. Россіи т. I, № 103, ст. I; № 118, ст. VII; т. II, № 147, ст. I. V. VI. X. XIII и др.; № 156, ст. IV. V. XI. XII. XV. XVI; А. Ю. № 17). У новгородскаго владыки въ 1548 г. дворецкимъ былъ Иванъ Михайловичъ Волуевъ (*Куприановъ.* Отрывки изъ расход. книг. соф. дома, въ Изв. Археогр. Общ. III, вып. I, 36. 40. 41). Собственно казною архіерейскаго дома завѣдывалъ не дворецкій, а казначей (тамъ же 37. 41. 44; Стоглав. стр. 311 и др.).

([334]) Въ 1515 г., когда во Владимірѣ были у митрополита намѣстники *черные*, т. е. изъ монаховъ, занимавшіеся дѣлами духовными (А. Э. I, № 159), тамъ же былъ у него и намѣстникъ изъ свѣтскихъ—Ѳедоръ Васильевичъ Тиронъ, занимавшійся дѣлами хозяйственными (А. до юрид. б. Россіи, т. II, № 147, ст. X). Въ 1518 г. тамъ же упоминается намѣстникъ митрополита, разбиравшій тяжебное дѣло по церковнымъ имуществамъ, Юрій Григорьевичъ Мануиловъ (А. Ю. № 16), который потомъ въ 1524 г. возведенъ былъ на высшую степень митрополичьяго дворецкаго (А. до ю. б. Россіи, т. II, № 147, ст. XIV). Такой же намѣстникъ изъ свѣтскихъ, Юрій Репеховъ, былъ и у новгород. владыки, доставлявшій въ 1476 г. *кормы* вел. князю, прибывшему въ Новгородъ (Собр. Р. Лѣт. VI, 202).

([335]) А. Э. I, №№ 45. 75. 92; А. Ю. № 8; А. до ю. б. Россіи, т. I, № 103; т. II, № 156, ст. XIV; №№ 178. 183. 217. 218.

кихъ для главнаго завѣдыванія вотчинами, потому что оно сосредоточивалось обыкновенно въ лицѣ самаго настоятеля и монастырскаго собора, не было такъ же намѣстниковъ и волостелей, то были свои прикащики, посельскіе, тіуны, недѣльщики, доводчики и другіе ([336]). Даже церкви и церковные причты, владѣвшіе обыкновенно немногими землями и вотчинами, хотя большею частію сами непосредственно завѣдывали ими, иногда имѣли для того и своихъ прикащиковъ ([337]). Изъ всѣхъ перечисленныхъ чиновъ дворецкіе, намѣстники, волостели, прикащики, иногда и посельскіе совмѣщали въ себѣ, каждый въ кругѣ своего вѣдомства, троякую власть: по управленію, по суду и по собиранію доходовъ и оброковъ. Но одни изъ этихъ чиновъ (дворецкіе) были не у всѣхъ духовныхъ владѣльцевъ; другіе (намѣстники, волостели, посельскіе) не у всѣхъ и не всегда; а самыми постоянными и у всѣхъ духовныхъ владѣльцевъ управителями имѣній являются прикащики. Права и обязанности чиновныхъ лицъ, непосредственно завѣдывавшихъ населенными вотчинами, опредѣлялись въ особыхъ наказахъ или уставныхъ граматахъ, какіе выдавали имъ, равно какъ самимъ поселянамъ, духовные владѣльцы ([338]).

По управленію имѣніями, архіерейскими и монастырскими, главная обязанность прикащика или вообще управителя, какъ

([336]) А. Э. I, №№ 34. 64. 119. 221. 244. 248. 255. 258. 268; А. Ю. №№ 46. 47. Изъ указанныхъ актовъ (А. Э. I, №№ 221. 255) видно, что прикащиками и посельскими въ монастырскихъ вотчинахъ бывали иногда монахи и назывались: старецъ-прикащикъ, старецъ-посельскій.

([337]) А. Э. I, № 159; Сборн. *Муханова*, изд. 2, № 280.

([338]) А. Э. I, №№ 221. 255. 258. 268. 307.

бы онъ ни назывался—прикащикомъ, волостелемъ или посельскимъ, состояла въ томъ, чтобы всячески радѣть объ этихъ имѣніяхъ и получаемыхъ съ нихъ доходахъ: онъ охранялъ архіерейскія или монастырскія земли отъ сторонняго завладѣнія; мѣнялъ ихъ, продавалъ, прикупалъ къ нимъ новыя, разумѣется, по волѣ владѣльцевъ; призывалъ на эти земли поселенцевъ, заключалъ съ ними условія, надѣлялъ ихъ участками, взыскивалъ съ нихъ оброки, принималъ и хранилъ хозяйственные запасы, расходовалъ ихъ и во всемъ отдавалъ отчетъ владѣльцамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣйствій, каковы: мѣна, продажа, покупка земель, приглашеніе новыхъ поселенцевъ, въ монастыряхъ часто производились непосредственно настоятелями, а въ архіерейскихъ домахъ—дворецкими ([339]). Затѣмъ на прикащикѣ или управителѣ лежала обязанность имѣть попеченіе и о самихъ поселенцахъ. Безъ его вѣдома и разрѣшенія крестьяне подвѣдомой ему вотчины не могли ни мѣнять, ни продавать свои недвижимыя и нѣкоторыя даже движимыя имущества; безъ его дозволенія не могли вступать въ бракъ ни между собою, ни съ лицами сторонними; не могли принимать въ свои домы людей прохожихъ. Прикащикъ слѣдилъ, чтобы крестьяне не играли зернью, не держали въ своемъ селѣ или деревни скомороховъ, волхвовъ, бабъ-ворожей, татей, разбойниковъ и другихъ лихихъ людей. Вообще крестьяне каждой вотчины подчинены были своему прикащику во всѣхъ отношеніяхъ и должны были слушаться его во

([339]) *Горчаков.* О земел. влад. русск. митрополитовъ, приложен. стр. 42. 43. 49. 52—62. 63—65. 78—80; А. Ю. №№ 73. 74. 88—90. 100. 106; А. Э. I, №№ 34. 75; Доп. А. И. I, № 193; А. до юрид. б. Россіи т. II, № 147, ст. II. V—VIII; № 156, ст. XIV и др.

всемъ, хотя, съ другой стороны, въ случаѣ неудовольствій на него, имѣли право приносить жалобы самимъ владѣльцамъ ([340]). Въ помощь прикащику обыкновенно назначался владѣльцами *доводчикъ*, который былъ главнымъ исполнителемъ его распоряженій, а самими крестьянами избирались изъ среды ихъ *старосты* и *цѣловальники*, такъ же *десятскіе*, *пятидесятскіе*, *сотскіе*, *закащики*, служившіе орудіями прикащика для ближайшаго полицейскаго надзора за крестьянами и отвѣчавшіе за сохраненіе порядка и благочинія между ними ([341]). Слѣдуетъ присовокупить, что, заботясь о житейскомъ бытѣ и поведеніи своихъ поселянъ, архіереи и монастыри не оставляли безъ попеченія и ихъ духовныхъ нуждъ, строили и содержали въ своихъ имѣніяхъ церкви и помѣщенія для духовенства, давали церковнымъ причтамъ, хотя и небольшіе, надѣлы изъ собственной земли: напримѣръ, Кирилло-бѣлозерскій монастырь къ концу XVI в. имѣлъ въ своихъ вотчинахъ (51 село и сельцо, 1 слобода и 3 волости) 80 церквей, въ нѣкоторыхъ большихъ вотчинахъ по двѣ, даже по три церкви, въ томъ числѣ и теплыя, а церковной пашни при всѣхъ этихъ церквахъ числилось 36 вытей, т. е. отъ 180 до 360 десятинъ въ одномъ полѣ ([342]).

([340]) А. Э. I, №№ 221. 244. 255. 258. 307.

([341]) А. Э. I, №№ 194. 221. 244. 258.

([342]) Рукопись Кирилло-бѣлоз. монастыря, нынѣ с. п. б. дух. акад., подъ заглавіемъ: „Книги переписные монастырскіе вотчинъ всѣхъ селъ 109 (т. е. 1601) году“, № 1309, л. 149. Въ это время земельныя владѣнія Кир.-бѣлоз. монастыря находились уже въ одинадцати уѣздахъ: бѣлозерскомъ, вологодскомъ, пошехонскомъ, углицкомъ, костромскомъ, ростовскомъ, дмитровскомъ, клинскомъ, московскомъ, коломенскомъ и въ бѣжецкомъ верху (тамъ же л. 3—149). И именно: въ дмитровскомъ уѣздѣ монастырь получилъ село Вертлинское въ 1570 г. отъ царя Ивана Васильевича (А. Э. I, № 278), въ московскомъ—село Егозино въ 1571 г. отъ Ив. Васильевича Шереметева, въ Пошехонскомъ—село Борисо-

Судъ надъ церковными крестьянами существовалъ троякаго рода. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ уголовныхъ—душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ они судились, какъ и всѣ подданные государства, мѣстными государственными чинами—намѣстниками, волостелями и другими, по общимъ государственнымъ законамъ. Въ прочихъ уголовныхъ дѣлахъ и въ тяжбахъ между собою судились своими духовными владѣльцами. А въ спорахъ и тяжбахъ съ лицами посторонними подлежали такъ-называвшемуся суду «смѣстному» ([343]). Только немногіе духовные владѣльцы производили судъ надъ своими крестьянами сами непосредственно: это преимущественно настоятели церквей и тѣхъ монастырей, у которыхъ крестьянъ было немного. Всѣ прочіе обыкновенно предоставляли производство суда въ своихъ вотчинахъ мѣстнымъ своимъ управителямъ, т. е. прикащикамъ, волостелямъ, посельскимъ ([344]). Есть основаніе думать, что каждый изъ этихъ управителей не иначе могъ судить подвѣдомыхъ ему крестьянъ, какъ въ присутствіи трехъ, четырехъ, или пяти и шести избранныхъ изъ среды ихъ «добрыхъ» мужей, хотя, быть можетъ, такое правило и не было общимъ во всѣхъ церковныхъ имѣніяхъ ([345]).

глѣбское въ 1571 г. отъ князя Давида Андреевича Кемскаго, въ ростовскомъ—село Спасское и московскомъ с. Пирогово въ 1575 г. отъ царя Ивана Васильевича, въ костромскомъ—с. Стретенское и въ бѣжецкомъ верху с. Вильгощее въ 1583 г. отъ царя Ивана Васильевича (Сборн. Кир.-бѣлоз. монастыря, нынѣ с. п. б. дух. акад., безъ №, въ двухъ огромныхъ книгахъ, содержащій копіи жалованныхъ грамотъ и крѣпостныхъ актовъ на имѣнія означеннаго монастыря, кн. II, л. 145 об. 387 об. 416—418. 739. 882). О церквахъ и церковной землѣ въ вотчинахъ другихъ монастырей и архіерейскихъ домовъ см. въ писцов. книгахъ (*Неволин.* О пятин. новгор. прилож. стр. 261. 262 и др.).

([343]) А. Э. I, №№ 56. 75. 79. 88. 99; А. И. I, №№ 83. 87. 106. 111. 131 и др.

([344]) А. Э. I, №№ 56. 75. 119. 159 и др.

([345]) А. Э. I, № 258. Уставн. грамата патр. Іова 1590 г. Новин. монастырю

Есть такъ же основаніе думать, что, по крайней мѣрѣ, въ вотчинахъ нѣкоторыхъ монастырей, наприм., Іосифо-волоколамскаго, управитель окончательно рѣшалъ на мѣстѣ, своею властію, только менѣе важныя судныя дѣла, а по дѣламъ, болѣе важнымъ, приказывалъ крестьянамъ «ставиться» къ опредѣленному сроку въ монастырь. Здѣсь, на особомъ дворѣ внѣ монастыря, ихъ выслушивали назначенные для того старцы, которые дѣла «обычныя» рѣшали сами и тотчасъ же отпускали подсудимыхъ, а о дѣлахъ «необычныхъ» докладывали игумену или келарю. Игуменъ обсуждалъ эти дѣла съ келаремъ и съ соборною братіею и чрезъ тѣхъ же старцевъ объявлялъ свои рѣшенія ждавшимъ на дворѣ крестьянамъ и отпускалъ ихъ. Въ иныхъ монастыряхъ и на судѣ игумена съ соборными старцами сидѣли при этотъ по два или по три «лучшихъ» людей, избранныхъ самими крестьянами изъ ихъ среды ([346]). Равнымъ образомъ и въ имѣніяхъ архіерейскихъ были судныя дѣла, которыя архіереи рѣшали не чрезъ своихъ волостелей, прикащиковъ, посельскихъ, а сами непосредственно или чрезъ своихъ намѣстниковъ и дворецкихъ ([347]). На несправедливыя рѣшенія своихъ мѣстныхъ судей—прикащиковъ, посельскихъ и другихъ, на ихъ пристрастіе, притѣсненія, поборы, церковные крестьяне могли жаловаться самимъ своимъ владѣльцамъ, и судьи подлежали строгой отвѣтственности ([348]).

„по прежней жалованной Макарія митрополита граматѣ“ (Временн. II, отд. III, стр. 18).

([346]) Устав. преп. Іосифа Волок., въ *Макар.* Чети-мин. Сент. 9, стр. 600—601. С. п. б. 1868. Уставн. грам. патр. Іова 1590 г., указанная въ предыд. примѣчаніи.

([347]) А. Ю. № 16; *Горчаков.* О земел. влад. митр., Прилож. стр. 51—52.

([348]) А. Э. I, №№ 221. 255. 258.

А въ случаяхъ недовольства церковныхъ крестьянъ рѣшеніями своихъ владѣльцевъ, такъ же въ случаяхъ исковъ, направленныхъ этими крестьянами, равно какъ и всякими другими людьми, лично на управителей церковныхъ имѣній и на самихъ владѣльцевъ—настоятелей монастырей и церквей и на архіереевъ, всѣ такого рода иски поступали непосредственно къ великому князю, который или рѣшалъ ихъ самъ, или поручалъ рѣшать своему боярину «введеному», а иногда дворецкому ([349]). Въ «смѣстномъ» судѣ надъ церковными крестьянами, по спорамъ ихъ съ людьми сторонними, участвовали, вмѣстѣ съ княжескими или царскими чиновниками, иногда сами настоятели монастырей, а отъ архіереевъ—ихъ дворецкіе и намѣстники, но гораздо чаще только низшіе управители церковныхъ имѣній—волостели, прикащики, посельскіе. Если судьи обѣихъ тяжущихся сторонъ рѣшали дѣло согласно, то рѣшеніе это приводилось въ исполненіе судьями той стороны, вѣдомству которой подлежалъ подсудимый. Если же судьи вдавались въ пререканія и не постановляли согласнаго рѣшенія, то обязаны были докладывать дѣло и ставить тяжущихся предъ князя, который и рѣшалъ дѣло окончательно ([350]). Были еще судебныя дѣла особаго рода, касавшіяся церковныхъ вотчинъ, дѣла не по спорамъ и тяжбамъ крестьянъ церковныхъ съ сторонними людьми, а по спорамъ и тяжбамъ самихъ духовныхъ владѣльцевъ между собою и съ посторонними лицами о земельныхъ участкахъ и другихъ недвижимыхъ имуще-

---

([349]) А. Э. I, №№ 60. 75. 88. 124. 159. 179. 208; А. И. I, №№ 74. 87. 88. 125. 131.

([350]) Доп. А. И. I, № 17; А. Э. I, № 175 и др.

ствахъ, которыя владѣльцы эти считали своими: такого рода дѣла разбирались и рѣшались не смѣстнымъ судомъ, а одними судьями гражданскими и, въ высшей инстанціи, самимъ государемъ съ его боярами ([351]).

Доходы и вообще выгоды, какіе получали наши духовные владѣльцы съ своихъ недвижимыхъ имуществъ, были различны, судя потому, какъ пользовались владѣльцы этими имуществами.

Нѣкоторыя изъ имуществъ они оставляли въ своемъ непосредственномъ владѣніи и пользованіи. У архіереевъ бывала обыкновенно своя такъ-называвшаяся «домовая архіерейская пашня», у монастырей—«монастырская пашня», которыя засѣвались разными сѣменами и обработывались для самихъ владѣльцевъ; бывали такъ же свои опредѣленные участки луговой земли, съ которыхъ собиралось для нихъ сѣно; свои огороды, съ которыхъ собирались разныя овощи. Все это шло на содержаніе какъ самихъ архіереевъ или монастырской братіи, такъ и ихъ слугъ и домашняго скота. Для домовой архіерейской и монастырской пашни обыкновенно удѣлялась владѣльцами лишь незначительная часть ихъ земельныхъ владѣній ([352]). Нѣкоторые монастыри и архіерейскіе дома сами

([351]) А. Ю. №№ 1—8. 12. 18. 23; А. до юрид. быта Россіи I, №№ 52. 103; А. И. I, №№ 126. 134. 248; Сборн. *Муханова*, изд. 2, № 124.

([352]) А. до юрид. б. Росс. II, № 178; III, № 217; А. Э. I, № 258. У Кирилло-бѣлозер. монастыря къ концу XVI в. было „монастырской пашни“ только 1059 четвертей, т. е. 529½ десятинъ въ одномъ полѣ, а въ трехъ поляхъ 1588½ десятинъ, тогда какъ крестьянамъ отдавалось 1096 вытей, т. е. 5480 десятинъ въ одномъ полѣ, если въ выти считать по пяти только десятинъ, или 10960 десятинъ въ одномъ полѣ, если въ выти считать по десяти десятинъ а въ трехъ поляхъ отъ 16440 до 32880 десятинъ (Рукоп. Кир.-бѣлоз. монастыря, нынѣ с. п. б. дух. акад., содержащая опис. монастыр. вотчинъ въ

пользовались своими рѣками, озерами, имѣли своихъ «ловцовъ», которые ловили рыбу въ большомъ количествѣ; рыбу эту солили и сушили,—для чего назначались «сушильные старцы», —и въ такомъ видѣ иногда продавали ([353]). Еще нѣкоторые монастыри, особенно соловецкій, кирилло-бѣлозерскій, Троицко-сергіевъ, сами пользовались своими соляными варницами, держали своихъ «соловаровъ», имѣли въ разныхъ городахъ амбары для складовъ соли и производили ею иногда весьма обширную и выгодную торговлю ([354]).

Другія свой имѣнія: земли, воды, дворы, огороды, соляныя варницы и проч., владѣльцы духовнаго званія отдавали во

1601 г., № 1309, л. 149). Въ приходной книгѣ новгородскаго архіерейскаго дома за 1577 г., между прочимъ, читаемъ: „пожня Климовская на Волховѣ, косятъ ее на архіепископль обиходъ черницкіе крестьяне; пожня Пересуха, косятъ ее на архіепископль обиходъ грузинскіе крестьяне; пожня Марковская рѣлъ, косятъ ее на архіепископль обиходъ пидебскіе крестьяне“ и такъ далѣе (Рукоп. Кир.-бѣлоз. монастыря, нынѣ с. п. б. дух. акад., № 1548, л. 170—171).

([353]) А. И. I, №№ 85. 96. 192. 193; Доп. А. И. I, №№ 48. 130. Въ означенной приходной книгѣ новгор. архіерейскаго дома за 1577 г. записано: „мая въ 6 день продано рыбникомъ Невзору Залякину съ товарищи изъ сушила просолные рыбы двѣ бочки лососей, да бочку сиговъ, да бочка лудоги, а взято за тое рыбу денегъ девять рублевъ и десять алтынъ“... (л. 9).

([354]) А. Э. I, №№ 52. 99; А. И. I, №№ 49. 93. 144; Доп. А. И. I, № 111. У Кирилло-бѣлоз. монастыря были дворы съ огородами и амбары для склада и для продажи соли: въ Дмитровѣ (А. Э. I, № 373), Твери, Угличѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, Каргополѣ, въ Короткой, въ Турчасовѣ, въ Холмогорахъ, и при амбарахъ вездѣ находился монастырскій дворъ, въ которомъ жилъ старецъ или дворникъ съ монастырскими слугами, завѣдывавшіе продажею соли (Рукоп. Кир.-бѣлоз. монастыря, нынѣ с. п. б. дух. акад., № 1309, л. 156—157). По граматѣ в. кн. Василія Ивановича, монастырь продавалъ до 10000 пудовъ соли ежегодно и получалъ прибытка по 600 рублей и болѣе (А. Э. I, № 246). А въ 1566 г. ему дозволено въ одномъ только Дмитровѣ безпошлинно продавать въ годъ по 10000 пудовъ соли (А. Э. I, № 271). Соловецкому монастырю такъ же разрѣшено было безпошлинно провозить по шести и потомъ по десяти тысячъ пудовъ соли въ Холмогоры, Устюгъ, Тотьму и Вологду для продажи (Граматы Ивана Вас.

временное пользованіе сторонним лицамъ. Большею частію, эти земли и угодья отдавались въ наемъ или въ оброчное содержаніе на годъ, на два или на нѣсколько лѣтъ. Оброчники, въ числѣ которыхъ бывали и поселяне, и князья, и сельскія общины, и монастыри, обязывались платить владѣльцамъ, по договору, опредѣленный ежегодный оброкъ и платили то деньгами, то натуральными продуктами, смотря по роду оброчной статьи: хлѣбомъ, солью, рыбою и под. ([355]). Иногда же наши архіереи и монастыри отдавали свои земли (обыкновенно ненаселенныя или пустоши), и угодья не на нѣсколько лишь лѣтъ частнымъ лицамъ, а въ пожизненное или даже въ потомственное родовое ихъ владѣніе и пользованіе. Лица эти обязывались ни продавать полученныхъ земель и угодій, ни дарить кому либо, ни промѣнивать, ни отдавать въ залогъ и под., но сами имѣли право пользоваться ими, какъ своею собственностію: обработывать земли, какъ хотѣли, устроять на нихъ разныя хозяйственныя заведенія, приглашать на земли населенцевъ, образовать изъ населенцевъ

IV, въ Опис. Солов. монастыря *Досиѳея*, ч. III, стр. 3—17. Снес. Доп. А. И. I, № 111). Постольку же пудовъ соли разрѣшено (1584 г.) продавать въ разныхъ городахъ и Свіяжскому монастырю (А. Э. I, № 322).

([355]) А. Ю. №№ 176. 179; А. Э. I, № 74, ст. III; А. до юрид. б. Россіи т. I, № 69, I; № 118, I. V. VIII—X; т. II, № 173, I—IV; № 176, I—III; Древн. граматы и акты Рязанск края, собр. *Пискарев.* № 12. У новгородскаго владыки отдавались въ оброкъ, напримѣръ: а) въ Псковѣ озеро Ужино въ Кобылецкомъ уѣздѣ—покровскому игумену Корнилію съ братіею, которые платили въ годъ по два рубля московскихъ; б) въ Старой Русѣ до 15-ти дворовъ и огородовъ—разнымъ крестьянамъ, которые платили деньгами; в) по рѣкамъ Волхову и Мстѣ многія тони— такъ же крестьянамъ, платившимъ рыбою и икрою; г) по тѣмъ же рѣкамъ многія пожни—какому-то князю Андрею и крестьянамъ, платившимъ деньгами по книгамъ (Рукоп. Кирил.-бѣлоз. монастыря, нынѣ с. п. б. дух. акад.; № 1548, л. 164—173).

крестьянскія общины, села, деревни, и управлять ими точно такъ же, какъ управляли бы сами духовные владѣльцы. За такое пользованіе архіерейскими или монастырскими землями и угодьями пользовавшіеся ежегодно платили условленный оброкъ деньгами и естественными произведеніями. А когда лица эти умирали или когда родъ ихъ «изводился» (прекращался), тогда земли и угодья, находившіяся въ ихъ пожизненномъ или родовомъ владѣніи, возвращались духовнымъ владѣльцамъ, но уже со всѣмъ тѣмъ, что на земляхъ было «промышлено серебра и хлѣба и животины», со всѣми хозяйственными постройками и со всѣми населенцами (356). Къ числу имѣній церковныхъ, раздававшихся духовенствомъ во временное владѣніе другимъ лицамъ, слѣдуетъ отнести и тѣ, которыя наши архіереи и монастыри, по примѣру князей, иногда жаловали въ помѣстья своимъ служилымъ людямъ. Земли эти, иногда и населенныя, давались въ помѣстье тому или другому служилому человѣку, разумѣется, только на то время, доколѣ онъ находился на службѣ и въ своей должности; слѣд. иногда и въ пожизненное владѣніе, если онъ оставался на службѣ до конца своей жизни, а иногда и въ потомственное родовое владѣніе, если по смерти этого лица, служебная должность его переходила, какъ нерѣдко случалось, преемственно къ его дѣтямъ и ихъ дѣтямъ. Своими помѣстьями служилые люди архіереевъ и монастырей имѣли право пользоваться точно такъ же и на тѣхъ самыхъ условіяхъ, какъ пользовались церковными землями и всѣ вообще лица, полу-

(356) А. Э. I, №№ 45. 74; А. до юрид. б. Россіи, т. I, № 68; № 69, II. III; № 118, II—IV. VI; Древн. граматы Рязан. края, собр. *Пискарев.* № 9.

чавшія ихъ въ пожизненное или родовое владѣніе; но только за свое пользованіе помѣстьями служилые люди не платили духовнымъ владѣльцамъ никакихъ оброковъ: потому что платили самою своею службою. Помѣстья раздавались имъ, по тогдашнему выраженію, «въ кормленіе» за службу; а архіереямъ и монастырямъ приносили ту выгоду, что замѣняли собою денежное жалованье или вознагражденіе съ ихъ стороны служившимъ при нихъ людямъ ([357]).

Наибольшую часть своихъ земель вотчинники духовнаго званія отдавали не во временное только, а въ постоянное и безсрочное владѣніе и пользованіе тѣмъ людямъ, которые жили на этихъ земляхъ или вновь селились на нихъ по приглашеніямъ, составляли села, деревни, слободы, починки, и назывались крестьянами того или другаго архіерея, монастыря, церкви. Всѣ эти крестьяне, за то что пользовались землею духовныхъ владѣльцевъ и вмѣстѣ подлежали ихъ управленію и суду, отбывали въ пользу владѣльцевъ личныя повинности, вносили ежегодные оброки и по временамъ платили разныя пошлины, которыя опредѣлялись то обычаями, то договорами, словесными или письменными, и иногда выражались въ уставныхъ граматахъ ([358]).

Личныя повинности крестьяне отбывали своими трудами. Мы уже упоминали, что наши архіереи имѣли свои домовыя пашни, а монастыри—монастырскія пашни: эти пашни обрабатывались крестьянами, которые удобряли ихъ, пахали, за-

---

([357]) А. И. I, №№ 118. 183. 185. 186. 190. 201; А. Ю. № 8; Доп. А. И. II, № 49.

([358]) А. Юрид. №№ 176—184. 290, п. I; А. Э. I, №№ 221. 255. 258. 268.

сѣивали сѣменами, а потомъ собирали поспѣвшій хлѣбъ, свозили, молотили.... Крестьяне такъ же косили архіерейскіе и монастырскіе луга и собирали сѣно для своихъ владѣльцевъ, рубили и возили для нихъ лѣсъ, огораживали ихъ дворы, сады, огороды, ставили или чинили имъ хоромы, чистили пруды, ловили рыбу и проч. Мѣра участія каждаго крестьянина въ отбываніи означенныхъ работъ соразмѣрялась съ количествомъ земли, которою онъ пользовался и точно обозначалась въ уставныхъ граматахъ. Работы производились подъ наблюденіемъ архіерейскихъ или монастырскихъ прикащиковъ при содѣйствіи имъ старостъ, цѣловальниковъ и десятскихъ со стороны самихъ крестьянъ ([359]). Впрочемъ, не всѣ крестьяне несли личныя повинности по отношенію къ своимъ духовнымъ владѣльцамъ, а только тѣ, которые жили вблизи архіерейскихъ домовъ и монастырей или вблизи архіерейскихъ домовыхъ и монастырскихъ пашенъ, и потому удобно могли работать на архіерейскіе дома и монастыри. Изъ числа этихъ послѣднихъ крестьянъ нѣкоторые, равно какъ и всѣ такъ-называвшіеся архіерейскіе и монастырскіе слуги, только личными повинностями и работами и отбывали весь свой долгъ духовнымъ землевладѣльцамъ и никакого оброка имъ не платили; другіе же, менѣе участвовавшіе въ личныхъ повинностяхъ и работахъ, платили и оброки, хотя не въ большомъ размѣрѣ. А тѣ крестьяне, которые, по своему мѣстожительству, не участвовали и не могли участвовать въ отбываніи личныхъ повинностей, платили только оброки ([360]).

([359]) А. Юрид. №№ 177. 178. 182; А. Э. I, № 258; А. до юрид. б. Россіи I, № 43.

([360]) Выписки объ этомъ изъ московской приправочной книги 1571 г. приве-

Оброки за свои земли и пашни, которыми пользовались, многіе крестьяне вносили только естественными произведеніями, какія получали съ своихъ пашень, т. е. рожью, пшеницею, овсомъ, ячменемъ и прочими сѣменами: оброкъ хлѣбный. Другіе же вносили—частію естественными произведеніями съ своихъ пашень, частію деньгами: оброкъ денежный. А кромѣ того крестьяне платили оброкъ яйцами, масломъ, сыромъ, овчинами, льномъ, холстомъ и вообще домашними запасами, который, впрочемъ, могли замѣнять и деньгами. Для точнаго распредѣленія оброка между крестьянами, вся пропорція земли, имъ предоставленной, разбивалась на выти, и съ каждой выти назначалось извѣстное количество оброка во всѣхъ его видахъ, такъ что кто владѣлъ вытью, или двумя, или тремя и болѣе, или полвытью и менѣе, соотвѣтственно тому и вносилъ оброкъ. Количество оброка съ вытей въ разныхъ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ было различно и обусловливалось существовавшими обычаями или договорами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне отдавали владѣльцамъ цѣлую половину всякаго хлѣба, какой собирали съ своихъ пашень; въ другихъ только третью, четвертую или даже пятую и шестую часть. Столько же неравномѣрны были и денежные и прочіе оброки. Крестьяне—бобыли, занимавшіе въ селахъ и деревняхъ только дворовыя мѣста, но не имѣвшіе пашни, вносили лишь денежный оброкъ съ двора; крестьяне—

дены въ статьѣ *Бѣляева*: о поземел. владѣніи въ Моск. государствѣ (Временн. XI, стр. 18—19). Въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ тѣ земли, которыя предоставлены были во владѣніе слугамъ, кузнецамъ, плотникамъ и извощикамъ, назывались *нетяглыми* потому, что лица эти не платили монастырю ни хлѣбнаго, ни денежнаго оброка, а отбывали за все своими трудами (см. выше примѣч. 299 и текстъ, къ которому оно относится).

ремесленники, промышленники и другіе, жившіе въ посадахъ и слободахъ на церковной землѣ и не занимавшіеся земледѣліемъ, такъ же платили только денежные оброки съ дворовъ, а иногда отбывали и личныя повинности. Собираніемъ оброковъ завѣдывали прикащики, при участіи сельскихъ старостъ и цѣловальниковъ, и для этого назначался иногда одинъ срокъ въ году, иногда два, три, даже четыре, обыкновенно предъ большими праздниками ([361]). Не должно преувеличивать значенія оброковъ, собиравшихся нашими духовными землевладѣльцами. Для примѣра, мы имѣемъ возможность обозначить въ полномъ размѣрѣ тотъ оброкъ, какой получалъ со всѣхъ своихъ имѣній одинъ изъ богатѣйшихъ нашихъ монастырей— кирилло-бѣлозерскій. Во второй половинѣ XVI в. онъ имѣлъ въ своемъ владѣніи 15 селъ большихъ и 8 меньшихъ, 3 приселка и 892 деревни, тяглыхъ къ тѣмъ селамъ. Изъ этого числа шесть селъ большихъ, четыре меньшихъ, два приселка и 640 деревень платили только оброкъ хлѣбный, прочіе— хлѣбный и денежный. Въ пользованіе крестьянамъ всѣхъ этихъ селъ, приселковъ и деревень монастырь отдавалъ собственной земли 1460 вытей, приблизительно отъ 21900 до 43800 десятинъ въ трехъ поляхъ. Сколько же получалъ ежегоднаго оброка? Ржи 3725 четвертей съ полъ-осминою и третникомъ, пшеницы 300 четвертей съ полъ-осминою, ячменя 539 четвертей съ двумя съ половиною осминами и третникомъ, овса 5884 четверти съ полъ-осминою, всего же

([361]) А. И. I, № 100; А. Э. I, №№ 255. 258. 307. 351. 357; А. Юрид. №№ 176. 177. 184; Уставн. грамата Новинск. монастырю, Временн. II, отд. III, стр. 17—20; Окладн. книга, Временн. XI, 54. 55. 84—86. 193—198 и др.; *Неволин.* О пятин. Новгор., Прилож. стр. 173.

хлѣбнаго оброка 10449 четвертей съ полъ-осминою и двумя третниками. А денежнаго? Только—157 рублей, 25 алтынъ и $3^1/_2$ деньги ([362]). Къ концу XVI в. во владѣніи тогоже монастыря числилось 51 село и сельцо, да слободка, да 3 волости, да тяглыхъ къ нимъ 880 деревень; а въ пользованіе крестьянамъ монастырь отдавалъ земли 1096 вытей безъ четверти (отъ 16440 до 32880 десятинъ въ трехъ поляхъ), три мельницы и нѣсколько пустошей для собиранія сѣна. И за все это крестьяне ежегодно платили въ монастырь: а) деньгами—за пашенныя земли 299 рублей, 11 алтынъ съ полъ-деньгою; за мельницы 68 рублей; оброку съ слободки, находившейся въ Вологдѣ на посадѣ, 1 рубль, 13 алтынъ и 2 деньги; за пустоши сѣнокосныя 17 р. и 23 алтына съ деньгою; всего же—386 р., 14 алтынъ и 6 съ половиною денегъ; б) хлѣбомъ—ржи 2154 четверти съ полъ-осминою, овса 3076 четвертей, пшеницы 271 четверть, ячменя 525 четвертей, овсянаго ядра 208 четвертей, всего—6234 четверти; в) разными другими произведеніями—894 овчины, 865 поярковъ, 584 сыра и 18449 яицъ ([363]). А какъ бѣдны и даже ничтожны были доходы нашихъ небольшихъ монастырей и церквей съ ихъ оброчныхъ земель, ясно показываютъ Окладныя и Писцовыя книги ([364]).

Вмѣстѣ съ отбываніемъ повинностей и оброковъ въ поль-

([362]) Рукоп. „Книги вытн.“ Кир.-бѣлоз. монастыря, № 1308, л. 327—328 (см. выше примѣч. 299).

([363]) Рукоп. „Книги переписн.“ Кир.-бѣлоз. мон., № 1309, л. 149—151 (см. выше примѣч. 342).

([364]) Оклади. книг., Временник. XI, 29 35. 39—41. 54. 84 86. 193—199. 232—235. 251 - 257.

зу духовныхъ владѣльцевъ, крестьяне несли еще нѣкоторую долю такихъ же повинностей и оброковъ въ пользу лицъ, которымъ поручалось дѣло непосредственнаго управленія и суда надъ ними, т. е. въ пользу прикащиковъ или, какъ въ иныхъ мѣстахъ, намѣстниковъ, посельскихъ, ключниковъ, доводчиковъ и тіуновъ: крестьяне обработывали ихъ пашню, молотили ихъ хлѣбъ, не вездѣ впрочемъ; доставляли имъ ежегодно отъ волости или села извѣстное количество разныхъ хлѣбныхъ запасовъ и платили имъ деньгами—однажды въ годъ *въѣзжее*, и три-четыре раза въ годъ, обыкновенно на большіе праздники, *поминки* и *праздничные кормы* ([365]). Но кромѣ этого, собственно по управленію и суду, крестьяне платили разныя пошлины, иныя въ пользу самихъ владѣльцевъ, другія въ пользу прикащиковъ и доводчиковъ. Таковы были: а) *новоженные алтыны*, платившіеся крестьянами при вступленіи ихъ въ бракъ между собою, и *выводная куница*, платившаяся при вступленіи ихъ въ бракъ съ посторонними лицами; б) пошлины, подъ разными названіями, *съ продажи* движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ—сѣна, ржи, домашняго скота, дворовыхъ мѣстъ и проч.; в) *явочныя* пошлины: брались съ крестьянъ, нанимавшихъ себѣ работниковъ въ своей же волости и принимавшихъ къ себѣ прохожихъ людей изъ другихъ волостей; г) *штрафы* и *пени*—за неисправное отбываніе личныхъ повинностей и работы на монастырь или архіерейскій домъ, за игру въ зернь, за покупку и продажу вина, за порубку лѣса и вообще за нарушеніе поли-

([365]) А. Э. I, №№ 221. 255. 258. 268. 307; А. И. I, № 100; А. Юрид. №№ 177. 184; Окладн. книга, Временн. XI, 54—55. 84. 86 и др.

цейскихъ постановленій; д) *хоженое* и *ставленое*—за призывъ и поставку къ суду, какъ отвѣтчика, такъ и свидѣтелей; е) *судебныя пошлины*, бравшіяся съ виновнаго за производство суда соразмѣрно цѣнѣ иска; ж) *полевыя* пошлины—съ крестьянъ, прибѣгавшихъ для рѣшенія тяжбы къ судебному поединку; з) *мировыя* пошлины—съ тѣхъ, которые оканчивали споръ и тяжбу мировою сдѣлкою, и проч. ([866]).

Такимъ-то образомъ, благодаря жалованнымъ граматамъ князей, наши архіереи, монастыри и церкви пользовались самостоятельностію и независимостію отъ гражданскихъ властей въ отношеніи къ своимъ недвижимымъ имуществамъ и крестьянамъ. Но надобно замѣтить, что нѣкоторымъ монастырямъ, хотя и немногимъ, самостоятельность эта принадлежала не въ полной мѣрѣ. Разумѣемъ, вопервыхъ, домовые архіерейскіе монастыри, которые назывались такъ потому, что существовали на земляхъ того или другаго архіерейскаго дома, и вовторыхъ — монастыри приписные къ большимъ монастырямъ, наприм., Святотроицкому-Сергіеву, Кириллобѣлозерскому, Пафнутіево-боровскому, Іосифо-волоколамскому, Ферапонтову. Тѣ и другіе имѣли иногда и свои земли и угодья, своихъ крестьянъ; но какъ во всемъ, такъ и въ распоряженіяхъ своихъ по имуществамъ, зависѣли отъ своихъ главныхъ начальниковъ, домовые монастыри — отъ своихъ архіереевъ, а приписные—отъ настоятелей и прочихъ властей бо́льшихъ монастырей, которымъ были подчинены: не иначе, какъ только съ вѣдома, согласія и разрѣшенія этихъ началь-

---

([866]) А. Э. I, №№ 221. 255. 258. 268. 307 и др.

никовъ могли они пріобрѣтать, продавать, мѣнять, даже отдавать въ аренду свои земли и угодья; не иначе, какъ по граматамъ и инструкціямъ, даннымъ этими начальниками, должны были дѣйствовать въ управленіи своими крестьянами, въ судѣ надъ ними, въ собираніи съ нихъ оброковъ и пошлинъ, въ самомъ употребленіи собранныхъ оброковъ; имъ же своимъ начальникамъ должны были, наконецъ, отдавать и отчетъ по имѣніямъ, а иногда доставлять и извѣстную долю доходовъ ([367]). Равнымъ образомъ и независимость отъ гражданскихъ властей, какая дарована была всѣмъ вообще духовнымъ землевладѣльцамъ и вотчинникамъ, не была полная, какъ отчасти мы уже видѣли: надъ имуществами монастырей контроль предоставленъ былъ служилымъ людямъ вел. князя, которые и передавали, по описямъ, эти имущества новымъ настоятелямъ и требовали отъ нихъ отчета; самые главные чиновники архіерейскіе по управленію вотчинами—дворецкіе не иначе могли быть увольняемы и вновь назначаемы, по крайней мѣрѣ, со временъ Стоглаваго собора, какъ съ вѣдома и соизволенія или даже по указанію вел. князя; по тремъ важнѣйшимъ уголовнымъ преступленіямъ, всѣ церковные крестьяне, какъ и само духовенство, подлежали судамъ свѣтскимъ; тяжебныя дѣла духовныхъ вотчинниковъ съ сторонними лицами о земельныхъ имуществахъ разбирались гражданскими чинами и иногда восходили на рѣшеніе самаго государя; къ нему же непосредственно восходили и всѣ иски, направленные

([367]) А. Э. I, №№ 75. 88; Доп. А. И. I, №№ 138. 157. 210; А. до юрид. б. Россіи т. I, № 118, п. VII; т. II, №№ 173. 176. Домовыхъ монастырей наиболѣе было у митрополита: въ половинѣ XVI в. ихъ насчитываютъ до 35-ти (*Горчаков.* О позем. владѣн. Русск. митроп., стр. 180—182).

лично на духовныхъ владѣльцевъ и ихъ прикащиковъ. Теперь прибавимъ, что земли духовныхъ владѣльцевъ, наравнѣ съ землями всѣхъ вообще русскихъ подданныхъ, положены были, по царевымъ писцовымъ книгамъ, въ *сохи* и частнѣе— въ *выти* или *обжи*, и что потому церковные крестьяне, кромѣ оброковъ и повинностей своимъ владѣльцамъ, должны были отбывать и государственныя повинности ([368]). Исключеніе составляли, кажется, только тѣ земли, которыя духовные владѣльцы обработывали на самихъ себя: по крайней мѣрѣ, о пашняхъ приходскихъ церквей обыкновенно, а иногда и о пашняхъ монастырскихъ, говорится въ писцовыхъ книгахъ: «въ обжы (или сохи) не положены» ([369]). Правда, нерѣдко и нѣкоторыя земли крестьянъ духовныхъ владѣльцевъ освобождались княжескими граматами отъ даней и пошлинъ князьямъ; но освобождались только на срокъ, а не навсегда,— обыкновенно на два, на три года, или на десять, даже на пятнадцать лѣтъ: всего чаще льгота эта давалась для привлеченія новыхъ поселенцевъ на церковныя земли. Да и на урочные годы церковные крестьяне освобождались рѣдко отъ всѣхъ податей и повинностей, а большею частію только отъ нѣкоторыхъ, и преимущественно отъ тѣхъ, которыя должны

([368]) Окладн. книга, Временник. XI, 29—35. 39—42. 53—54. 84—86. 193—199 и др.; А. Юрид. №№ 176. 182; *Неволин.* О пятин. Новг., Прилож. стр. 13. 14. 16 и др. См. такъ же выше примѣч. 286. 295. 299. Въ граматѣ (1560 г.) Михалицкому женскому монастырю, жалуя ему Любынскую волость съ доходами денежными и хлѣбными, царь присовокупилъ: „опричь моей царя и великого князя обежныя дани и иныхъ нашихъ податей, которые *наши подати и съ иныхъ монастырскихъ земель намъ идутъ*“ (Д. А. И. I, № 113).

([369]) *Неволин.* О пятин. Новгор., Прилож. стр. 19. 22. 23. 25. 27. 28—33 и мног. др.; въ частности, о монастыр. пашняхъ—тамъ же 159. 284. 301.

были бы нести въ пользу мѣстныхъ княжескихъ чиновъ: такъ какъ крестьяне церковные отбывали этого рода повинности такимъ же чинамъ, только поставленнымъ надъ ними духовными землевладѣльцами ([370]). Главная льгота въ отбываніи государственныхъ податей и повинностей для церковныхъ крестьянъ состояла въ томъ, что они были освобождены отъ многочисленныхъ гражданскихъ сборщиковъ, отъ ихъ наѣздовъ, поборовъ и притѣсненій, лежавшихъ всею тяжестію на прочихъ земледѣльцахъ, и что эти подати съ церковныхъ крестьянъ были собираемы самими ихъ духовными владѣльцами, чрезъ прикащиковъ, и доставляемы въ казну государеву ([371]). Такимъ образомъ, хотя, жалованными граматами князей, земли и вотчины нашего духовенства были поставлены въ независимость отъ мѣстныхъ государственныхъ властей и въ административномъ, и въ судебномъ, и въ финансовомъ отношеніяхъ, и находились только въ зависимости отъ своихъ духовныхъ владѣльцевъ и поставляемыхъ ими управителей, тѣмъ не менѣе земли эти и вотчины не были вовсе выдѣлены изъ общаго строя государства, не составляли какъ бы государства въ государствѣ, а подлежали, наравнѣ со всѣми другими землями и вотчинами, и нѣкоторымъ общимъ государственнымъ законамъ.

([370]) А. Э. I, №№ 75. 102. 122. 171. 208. 273; А. И. I, № 83; Доп. А. И. I, №№ 193. 208. Царь Иванъ Васильевичъ, освобождая всѣ вотчины Тр.-Сергіева монастыря отъ пошлинъ, прибавилъ въ своей граматѣ: „опричь ямскихъ денегъ, и посошные службы, и тамги, то де имъ давати“ (А. Э. I, № 273, стр. 310).

([371]) А. Юрид. № 209, ст. I—V; Доп. А. И. I, № 201; А. Э. I, № 273, стр. 311; такъ же №№ 122. 171. 208. 217; А. И. I, № 106; Снес. А. Э. I, №№ 17. 18. 20.

IV.

Если къ тому, что сказано нами доселѣ о пошлинахъ, собиравшихся по церковному управленію и суду, и о церковныхъ недвижимыхъ имуществахъ, мы присоединимъ сохранившіяся свѣдѣнія и о нѣкоторыхъ другихъ источникахъ содержанія нашего духовенства, то получимъ довольно полное и подробное понятіе объ этомъ предметѣ.

Постоянными и главными источниками для содержанія нашихъ архіереевъ служили уже извѣстныя намъ разнообразныя и многочисленныя пошлины и вообще доходы, какіе каждый изъ нихъ собиралъ и получалъ: а) съ подвѣдомаго ему духовенства и епархіи по дѣламъ епархіальнаго управленія и суда, и—б) съ недвижимыхъ имуществъ своей каѳедры. Къ случайнымъ и незначительнымъ источникамъ архіерейскаго содержанія принадлежали: а) доходы отъ продажи нѣкоторыхъ движимыхъ вещей архіерейской экономіи: напримѣръ, изъ экономіи новгородскаго архіерейскаго дома продавались: ленъ, иногда въ немаломъ количествѣ; медъ десятками и даже сотнями пудовъ, дрожжи, высѣвки, овчины, смушки, опойки и проч. ([372]); б) вознагражденія, какія получали архіереи за

([372]) Въ Приходной книгѣ новгородскаго архіерейскаго дома за 1577 годъ, между прочимъ, записано: „Мая въ 3 день продано льну Рябинѣ Семенову 139 свясокъ, что̀ изъ Славковичь привезли, а денегъ взято за тотъ ленъ 19 рублевъ и 15 алтынъ и 2 денги..... Іюня въ 9 день продано съ погреба прѣснаго меду 121 пудъ безъ четверти, а денегъ взято за тотъ медъ 84 рубля 17 алтынъ и 3 денги; а въ другіе продано 31 пудъ съ четвертью, а денегъ взято 15 рублей, 20 алтынъ и 5 денегъ, и всего меду продано 152 пуда, а денегъ

совершенныя ими, по приглашенію, церковныя службы, особенно во дни праздниковъ: такъ, новгородскому владыкѣ за священнослуженіе на храмовой праздникъ въ придворной или княжеской церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ ежегодно отпускалось казенной руги: 2 рубля, 5 алтынъ и 2 деньги ([373]). Самъ митрополитъ, нерѣдко совершавшій, по желанію вел. князя, праздничныя службы въ придворныхъ и другихъ кремлевскихъ церквахъ, получалъ отъ него, каждый разъ, довольно цѣнные подарки ([374]).

Для содержанія монастырей источниками были:

1. Доходы съ ихъ недвижимыхъ имуществъ: источникъ главный и намъ уже извѣстный.

2. Денежные вклады и пожертвованія за поминовеніе живыхъ и умершихъ. Этого рода вклады въ монастыри хотя не были такъ обыкновенны и многочисленны, какъ вклады землями, селами и вообще недвижимыми имуществами, но въ нѣкоторыхъ монастыряхъ достигали значительной величины. Самые большіе денежные вклады поступали въ монастыри отъ

взято 100 рублевъ и 5 алтынъ... Іюня въ 15 день продано Истомѣ Ботову съ погреба прѣснаго меду 15 пудъ безъ четверти, а денегъ взято 7 рублей, 12 алтынъ, 3 деньги... Іюля въ 27 день продано Ивану Кожевнику коровятина, да 5 опойковъ, да 3 овчины, да козлина, да 5 смушекъ, а взято 8 алтынъ ... Августа въ 29 день взято у чашника, у старца у Іоны, денегъ 9 рублевъ 16 алтынъ, что̀ продавалъ онъ съ погреба дрожжи и высытки... Августа въ 31 день проданъ алтабасъ золотой червчатъ, что̀ въ отписномъ спискѣ написанъ, Якову Офонасевичу Годунову, а взято на отласѣ 9 рублевъ; а другой алтабасъ проданъ жолтъ съ золотомъ Борису Ѳедоровичу Годунову, а взято 8 рублевъ, 4 алтына и 4 денги"... и проч. (Рукоп. Кирилло-бѣлоз. монаст., нынѣ с. п. б. дух. академіи, № 1548, л. 8. 9. 12. 13. 16. 18).

([373]) Запись о ружныхъ церквахъ и монастыряхъ въ Новгородѣ 1577—1589 г. во Временн. XXIV, отд. III, стр. 31.

([374]) Доп. А. И. I, № 131, стр. 190. 195. 202. 204. 207.

вел. князей или, точнѣе, отъ вел. князя Ивана Васильевича IV, въ продолжительный періодъ его царствованія. Наприм., въ Троице-Сергіевъ монастырь отъ Ивана Васильевича III вовсе не было денежныхъ вкладовъ, какъ и земельныхъ; сынъ его Василій Ивановичъ въ 1506 г. пожаловалъ вкладу по отцѣ своемъ 60 рублей и въ 1519 г. по братѣ своемъ Семенѣ Ивановичѣ 30 рублей; а вел. кн. Иванъ IV пожаловалъ: въ 1534 г. по отцѣ своемъ 500 руб., въ 1548 г. чрезъ Алексѣя Адашева — 7000 р., въ 1562 г. по царицѣ своей Анастасіи 1000 р., въ 1564 г. по братѣ своемъ Юріѣ Васильевичѣ 1000 р., въ 1570 г. по царицѣ своей Маріи 1800 р., въ 1572 г. по царицѣ своей Марѳѣ 700 р., въ 1582 г. по сынѣ своемъ Иванѣ 5000 р., въ 1584 г.—по самомъ себѣ 5000 р., и въ разные годы по разныхъ лицахъ: родственникахъ, князьяхъ, боярахъ, дьякахъ то по 100, то по 200, то по 300, по 400 и по 500 р., такъ что всѣхъ денежныхъ вкладовъ этого государя въ Сергіевъ монастырь насчитывается до 25157 рублей ([375]). Въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь отъ в. кн. Ивана III вкладовъ такъ же вовсе не было; а в. кн. Василій Ивановичъ пожаловалъ 1000 р.

([375]) Вкладная книга Троице-Серг. лавры, хранящ. въ лаврской ризницѣ, № 3, гл. I; Кормовая книга тойже лавры, Рукоп. лаврской библ., исх. XVI в., № 821, л. 37–41. 76–88. Въ послѣдствіи эта Кормовая книга переписывалась неразъ и, постепенно дополнялась записями о новыхъ вкладахъ и кормахъ, къ настоящему времени достигла такой величины, что поднимается съ большимъ трудомъ (въ Лавр. ризницѣ № 1). Подобная же Кормовая книга существовала и въ Іосифо волоколамскомъ монастырѣ (Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, ч. 1,396–399). Въ этотъ монастырь болѣе всѣхъ вел. князей жертвовалъ в. к. Василій Ивановичъ, и объ немъ въ Кормовой книгѣ замѣчено: „милостыни его государскіе и великаго жалованья не мочно сказати и не исписати,– доколѣ и монастырь Пречистые стоитъ, поминати“... (Выписка изъ Обиход. этого монастыря въ Чтен. М. Ист. Общ. 1863, IV, отд. V, 4).

на покупку села, и затѣмъ Иванъ Васильевичъ IV пожаловалъ по двумъ своимъ дочерямъ Аннѣ и Маріѣ 300 р., въ 1562 г. по царицѣ своей Анастасіи 500 р., въ 1564 г. по братѣ своемъ Юріѣ 300 р., въ 1570 г. по царицѣ своей Маріи 500 р. и за здравіе сына своего царевича Ивана 1000 р., въ 1572 г. по царицѣ своей Маѳѣ 200 р. и за здравіе свое и дѣтей своихъ 2000 р., въ 1582 г. по сынѣ своемъ Иванѣ 2000 р., въ разные годы по разныхъ своихъ родственникахъ, такъ же по многихъ князьяхъ, боярахъ и другихъ по 100, по 200, по 300 р. и болѣе (между прочими и по Сильвестрѣ-попѣ да по сынѣ его Анѳимѣ 25 р. и 25 алтынъ), по опальныхъ людяхъ 900 р., а всего до 18493 р.; наконецъ, в. кн. Ѳеодоръ Ивановичъ пожаловалъ по отцѣ своемъ 1333 р. Царь Иванъ Васильевичъ щедро жертвовалъ и на другія обители, напримѣръ, въ Соловецкую пожаловалъ въ 1551 г. тысячу рублей, а въ Отнюю пустынь—въ 1572 г. двѣ тысячи шесть сотъ сорокъ четыре рубля ([376]). Вслѣдъ за государями великими князьями дѣлали въ монастыри денежные вклады и государыни вел. княгини (напр., Елена дала въ Сергіевъ монастырь по мужѣ своемъ Василіѣ Ивановичѣ 500 р.), и ихъ дѣти (царевичъ Ѳедоръ Ивановичъ въ 1570 г. далъ въ Кирилло-бѣлоз. монастырь 600 р.), равно и другіе князья и княгини, бояре и служилые люди (наприм., бояринъ—конюшій Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ далъ въ Сергіевъ монастырь по своихъ родителяхъ 500 р. и за

([376]) Вкладн. книга К.-бѣлоз. монастыря, перепис. въ 1603 г., Рукоп. К.-бѣлоз. мон., нынѣ с. п. б. дух. акад., № 1317, л. 7—8. 10—13. 16. 18—20. Составлена первоначально, какъ сказано въ началѣ ея, при игуменѣ Ѳеодосіѣ. П. Собр. Р. Лѣт. III, 174; нашей Истор. VI, 297.

здравіе свое и своего семейства 500 р.), архіереи (наприм., митроп. Даніилъ далъ вкладу въ Іосифо-волоколамскій монастырь, за преп. Іосифа и за себя, 590 рублей), настоятели монастырей и простые монахи и вообще люди всѣхъ званій и состояній ([377]).

3. Пожертвованія хлѣбомъ и разными другими вещами. Такъ, въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь еще в. кн. Иванъ III велѣлъ ежегодно отпускать рожь изъ княжескихъ запасовъ, хотя неизвѣстно, въ какомъ количествѣ, и въ тоже время бѣлозерскіе князья ежегодно отпускали для храмовыхъ праздниковъ сыръ, масло, рыбу ([378]); князь Владиміръ Андреевичъ съ своею матерью, въ пять лѣтъ, начиная съ 1553 г., пожаловали: 3900 четвертей ржи, 3250 четвертей овса, 178 четвертей пшеницы, 30 четвертей ячменя, 20—коноплянаго сѣмени и 16—гречневыхъ крупъ; царь Иванъ Васильевичъ въ 1571 г. прислалъ 100 пудовъ меду, а въ 1582 г. подарилъ 10 коней. Здѣсь же можно упомянуть и о тѣхъ драгоцѣнностяхъ, которыя жертвовали князья, княгини и другія лица, если не на содержаніе самихъ монастырей, то на содержаніе и украшеніе ихъ храмовъ и богослуженія, каковы: иконы въ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ, украшенныхъ жемчугомъ и другими драгоцѣнными камнями; золотые сосуды церковные съ такими же украшеніями, золотые блюда, кубки, чары; богато-

---

([377]) Кормов. кн. Тр.-Сергіев. лавры, № 821, л. 76. 96 и друг.; Вкладн. книг. К.-бѣлоз. мон., № 1317, л. 55 и др. Опись книгъ Іосифо-волок. мон., въ Чтен. М. Истор. Общ. 1847, VII, отд. IV, 8. По Малютѣ Скуратовѣ, Григоріѣ Лукьяновичѣ и его родѣ въ Іосифо-волоколамскій монастырь внесено вкладовъ до 1500 рублей (Чтен. М. Истор. Общ. 1863, IV, отд. V, 2).

([378]) Доп. А. И. I, №№ 191. 192. 199.

украшенные плащаницы, воздухи, пелены къ иконамъ, покровына мощи святыхъ; церковныя облаченія, колокола. Наприм., царь Иванъ Васильевичъ однажды пожаловалъ въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь полное облаченіе на игумена и полное облаченіе на діакона, украшенныя жемчугомъ, яхонтами и другими камнями, и эти два облаченія стоили 6000 р.; а одинъ старецъ-постриженникъ Сергіева монастыря Варсоноѳій Якимовъ пожертвовалъ въ этотъ монастырь колоколъ въ 200 пудовъ, цѣною въ 520 рублей. Новгородскимъ архіепископомъ Ѳеодосіемъ пожертвованы въ Іосифо-волоколамскій монастырь, по современному сказанію: «образы божественные, окладные златомъ и сребромъ, и святыя книги, числомъ 21, и блюда сребреные 2, да панагея сребряна и золочена, да три колокола, да паникадило большое, да четыре паникадильца малы, да 75 рублевъ денегъ» ([379]).

4. Торговля, таможенныя и пятенныя пошлины. Экономіи нѣкоторыхъ нашихъ монастырей несомнѣнно вели торговлю, иногда весьма значительную, разными хозяйственными произведеніями и припасами, особенно же солью и рыбою, во многихъ городахъ Россіи, какъ мы уже и замѣчали; а кромѣ того, жалованными граматами князей монастыри наши нерѣдко освобождались даже отъ платежа пошлинъ правительству съ провоза и продажи своихъ товаровъ, равно какъ съ провоза и всякаго своего имущества ([380]). Но, не ограничиваясь этимъ, иногда князья предоставляли еще самимъ монастырямъ соби-

([379]) Вкладн. книг. К.-бѣлоз. мон., № 1317, л. 15. 19. 20. 29 и др.; Кормов. кн. Тр.-Серг. лавры, № 821, л. 79 и друг.; Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, ч. I, 399.

([380]) А. до юрид. быта Россіи I, №№ 32. 33; А.Э. I, №№ 77. 78. 97. 104.

рать въ свою пользу нѣкоторыя пошлины, шедшія обыкновенно въ пользу казны, и, вопервыхъ, взимать пошлины *таможенныя*, *возничныя*, *помѣрныя* со всѣхъ лицъ, торговавшихъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, а вовторыхъ, взимать пошлины *пятенныя* съ людей, продававшихъ, покупавшихъ и мѣнявшихъ лошадей на извѣстныхъ торговыхъ мѣстахъ (для чего монастыри обязывались держать на торгу свое пятно, чтобы пятнать имъ тѣхъ лошадей). Наприм., Череповскій воскресенскій монастырь издавна пользовался правомъ собирать возничную и помѣрную пошлины со всѣхъ возовъ и лодокъ, приходившихъ торговать на Бѣлоозеро, пока в. кн. Василій Ивановичъ не повелѣлъ (1512 г.), въ замѣнъ этого права, выдавать монастырю ежегодно по 50 рублей изъ таможенныхъ бѣлозерскихъ доходовъ ([381]). А Троице-Сергіеву монастырю еще в. кн. Димитрій Ивановичъ Донской пожаловалъ «пятно ногайское и пятно московское», т. е. право пятнать своимъ монастырскимъ пятномъ лошадей ногайскихъ и русскихъ, продававшихся въ Москвѣ на площадкѣ, и за первыхъ брать пошлины по восьми денегъ, за послѣднихъ по двѣ деньги съ лошади. Царь же Иванъ Васильевичъ предоставилъ въ 1575 г. Сергіеву монастырю собирать еще въ Казани и Свіяжскѣ съ продажи ногайскихъ и русскихъ лошадей точно такія же пошлины, какія собиралъ монастырь въ Москвѣ ([382]).

---

116. 117. 126. 130. 133. 140. 146. 148. 167. 170. 203. 222. 300; Доп. А. И. I, №№ 184. 202. 204. Снес. примѣч. 354. Флетчеръ замѣчаетъ о нашихъ монахахъ: „они самые оборотливые купцы во всемъ государствѣ и торгуютъ всякаго рода товарами“ (О Государствѣ Русск., гл. 21, стр 78, въ русск. перев.).

([381]) А. Э. I, №№ 100. 153.

([382]) Кормов. книг. Тр.-Серг. лавры, № 821, л. 35; Вкладн. книг. лавр.

5. *Руга.* На Стоглавомъ соборѣ царь Иванъ Васильевичъ заявилъ, что отецъ его-Василій Ивановичъ, путешествуя для богомолья, давалъ монастырямъ, богатымъ и убогимъ, милостыню «въ приказъ» (единовременную)—хлѣбъ, соль, деньги, воскъ на свѣчи, медъ на кутью, пшеницу на просфоры; такъ же поступала потомъ и мать его Елена; но что по смерти ея, до возраста его-царя, многіе монастыри побрали себѣ граматы получать ту милостыню «въ прокъ» (постоянно), въ ругу, а иные монастыри и приходскія церкви вновь достали себѣ граматы получать ругу изъ казны, хотя у монастырей есть села и другіе доходы, да и у церквей: это обстоятельство царь предложилъ на обсужденіе собора (Стогл. гл. 5, вопр. 31). Соборъ рѣшилъ, чтобы царь велѣлъ тщательно разслѣдовать дѣло, и тѣмъ монастырямъ, большимъ и малымъ, которымъ Василій Ивановичъ давалъ милостыню въ прокъ, давать и впредь туже милостыню въ прокъ, въ ругу; а которымъ монастырямъ давалъ милостыню только въ приказъ, то если эти монастыри имѣютъ села и иные доходы и могутъ прожить безъ руги, въ волѣ царя давать ли имъ, или отнять у нихъ, ругу; если же монастыри и церкви, доставшіе себѣ въ малолѣтство царя граматы на полученіе казенной руги, бѣдны и прожить безъ нея не могутъ, то благочестивому царю «достойно и праведно» жаловать ихъ ругою, равно какъ и прочіе убогіе монастыри и церкви, не имѣющіе ни откуда помощи (—гл. 97). Не знаемъ, приказывалъ ли царь дѣлать такое разслѣдованіе и лишилъ ли какіе либо монастыри своей руги;

ризницы, № 3, гл. 1; А. Э. I, № 235; А. И. 1, № 194. Тоже право дано было Сергіеву монастырю и въ другихъ мѣстахъ (А. Э. I, №№ 56. 118), а такъ же и другимъ монастырямъ (А. Э. I, № 158).

но знаемъ, что въ царствованіе его, какъ и прежде, ружныхъ монастырей у насъ было немало. Въ одномъ Новгородѣ и его пятинахъ насчитывалось (около 1577 г.) такихъ монастырей болѣе тридцати. Всѣмъ имъ выдавалась ежегодная руга деньгами, и въ одни монастыри она отпускалась только на игумена и братію или на игуменью и сестеръ, въ другіе—еще и на весь церковный причтъ, въ третьи—еще и на расходы по церкви—на вино, на просфоры, на воскъ для свѣчей, на медъ для кутьи, на темьянъ и ладанъ; а въ нѣкоторые—только на расходы по церкви. Вслѣдствіе этого руга отпускалась не въ одинаковомъ размѣрѣ, хотя и вообще была небольшая: во многіе монастыри отпускалось по рублю, по два, по три, по четыре; въ немногіе—отъ пяти до десяти рублей, и только въ три монастыря—больше десяти рублей (въ одинъ 11, въ другой 19 и въ третій 25 р.). Нѣкоторые монастыри получали ругу не однѣми деньгами, но и хлѣбомъ, а нѣкоторые, каковы переяславскіе Даніиловъ и Рождественскій,—только хлѣбомъ и вообще натурою ([383]).

6. Приношенія христіанъ, приходившихъ въ монастыри для богомолья. Эти приношенія, хотя обыкновенно незначительныя, нерѣдко составляли, въ совокупности, значительный доходъ особенно въ тѣхъ монастыряхъ, которые имѣли мощи святыхъ или чудотворныя иконы, и потому наиболѣе привлекали къ себѣ богомольцевъ. Такъ, царь Иванъ Васильевичъ каждый разъ, когда посѣщалъ Кирилло-бѣлозерскій монастырь для богомолья, жаловалъ монастырю иногда 100 рублей, иногда 200, или 300, или 400, а иногда и 600 рублей ([384]).

([383]) Запись о ружныхъ церкв. и монаст. въ Новгор., Временн XXIV, III, 28. 29. 34—39; А. Э. I, №№ 161. 191; Доп. А. И. I, №№ 33. 227.

([384]) Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, ч. I, 396.

Для содержанія бѣлаго духовенства источниками служили:

1. Небольшіе участки церковной земли, которые существовали почти при каждой приходской церкви и раздѣлены были между членами причта. Часть земли находилась подъ ихъ усадьбами и жилищами, а вся остальная—подъ ихъ пашнею, иногда и сѣнокосомъ. Этими небольшими земляными участками члены причта обыкновенно пользовались сами. Только немногія и преимущественно городскія церкви владѣли значительными пространствами земли—пустошами, деревнями, селами и разными угодьями, которыя и отдавали на оброкъ. О всемъ этомъ мы уже сказали прежде.

2. Добровольныя приношенія прихожанъ за церковныя службы и требоисправленія. Такія приношенія принимались за совершеніе нѣкоторыхъ таинствъ: крещеніе, исповѣдь, браки; за отправленіе молебновъ, за отпѣваніе усопшихъ, панихиды, сорокоусты и проч. Кромѣ того, священники, по крайней мѣрѣ, четыре раза въ годъ подъ великіе праздники или на праздники обходили домы своихъ прихожанъ съ крестомъ, св. водою и молитвословіями, и въ каждомъ домѣ получали за то бо́льшую или меньшую плату, смотря по достатку хозяина. Наиболѣе дохода членамъ церковнаго причта приходилось во дни храмовыхъ праздниковъ приходской церкви, когда въ ней собирались, кромѣ собственныхъ прихожанъ, многіе христіане и изъ окрестныхъ мѣстъ и совершалось иногда такое множество молебновъ, что мѣстные священники принуждены бывали приглашать себѣ на помощь сосѣднихъ священниковъ. Правительство, церковное и гражданское, наблюдало, чтобы плата прихожанъ духовенству за требы была именно добровольная, а не вынужденная, и иногда находило

нужнымъ прямо обозначать эту плату. Приходы церковные, какъ и всегда, были неодинаковой величины, а потому и доходы приходскаго духовенства были различны. Но, приблизительно, священники получали съ своихъ прихожанъ въ годъ, какъ слышалъ Флетчеръ, около 30 или 40 рублей, изъ которыхъ, будтобы, десятую часть платили своему епархіальному архіерею ([385]).

3. Руга изъ казны и отъ прихожанъ. Руга изъ казны назначалась преимущественно на городскія церкви. Во всей новгородской области церквей, пользовавшихся казенною ругою, извѣстно по селамъ только семь, а въ одномъ Новгородѣ ихъ считалось до 40, иногда и до 50, и въ Старой Русѣ до пяти. Въ иныя изъ этихъ церквей руга отпускалась только на церковный причтъ; въ другія—и на церковный обиходъ, т. е. на вино, на свѣчи, на ладанъ, а въ нѣкоторыя—лишь на церковный обиходъ. Въ первомъ случаѣ руга простиралась отъ 18-ти алтынъ до 13-ти рублей на причтъ; во второмъ отъ 3-хъ до 19-ти рублей: исключеніе составляли двѣ церкви въ Новгородѣ—св. Іоанна Предтечи на Опокахъ, на которую выдавалось 60 р., и Благовѣщенская на Городищѣ, получавшая 97 рублей. А въ тѣхъ, впрочемъ, весьма немногихъ случаяхъ, когда руга отпускалась только на церковный обиходъ, она восходила отъ четырехъ алтынъ до рубля ([386]). Нѣкото-

---

([385]) *Герберш.* Записки о Московіи, стр. 47; *Флетч.* О госуд. Русск. гл. 21, стр. 76—77; Стоглав. стр. 211—214. 217—218; А. Э. I, № 288. Въ этой послѣдней граматѣ царь постановилъ, чтобы съ Лопарей, вмѣсто руги, священнику брать „отъ крещенья по куницѣ, а отъ свадьбы—отъ вѣнчанья по песцу по черному или по десяти бѣлокъ“.

([386]) Запись о ружн. церк. и мон. въ Новгор., Временн. XXIV, III, 25—35. 37—39; А. Э. I, № 205, стр. 186. 187; Доп. А. И. I, № 77.

рыя церкви получали казенную ругу не только деньгами, но и хлѣбомъ, каковы: церковь крестовоздвиженская въ Устюжнѣ Желѣзноборской, успенскій соборъ во Владимірѣ и софійскій соборъ въ Новгородѣ. На первую церковь ежегодно отпускалось: попу два рубля денегъ, 15 четвертей ржи и 15 четвертей овса; на просфоры двѣ четверти пшеницы; просфирнѣ двѣ четверти ржи; пономарю четыре четверти ржи и столько же овса. Въ успенскомъ владимірскомъ соборѣ получали: протопопъ десять рублей, протодіаконъ, большой попъ и ключарь по восми рублей, пять священниковъ по шести рублей каждый; четыре діакона, каждый, по четыре съ половиною рубля; пономарь и просвирня по рублю да по десяти четвертей ржи и овса, а послѣдняя еще по 15 четвертей пшеницы на просфоры. Въ Новгородѣ на причтъ софійскаго собора, по жалованной граматѣ 1504 г., отпускалось: протопопу 25 коробей ржи и столькоже овса; протодіакону и восмнадцати священникамъ по 15 коробей ржи, каждому, и постолькуже овса; четыремъ діаконамъ по десяти коробей ржи и овса на человѣка, двумъ псаломщикамъ и семнадцати дьячкамъ по пяти коробей ржи и овса на человѣка. А царь Иванъ Васильевичъ, граматою 1556 г., велѣлъ еще отпускать ежегодно на весь причтъ по 100 рублей и, кромѣ того, по 10 рубл. и 30 алтынъ за десять, впродолженіе года, панихидныхъ службъ по государевымъ родственникамъ, да по 7 р. и 5 алтынъ «за ужины» наканунѣ тѣхъ дней, когда совершались эти службы ([337]). Причты многихъ московскихъ церквей получали

([337]) А. И. I, № 128; *Муханов.* Сборн., изд. 2, № 319. Упомянутая грамата 1504 г. напечатана въ Чтен. М. И. Общ. 1866, III, отд. V, 5—7, и помѣщена

«годовое государево жалованье» сукномъ, цѣною отъ нѣсколькихъ алтынъ до двухъ рублей (Доп. А. И. I, № 131, стр. 203—208). Но бывали приходы, какъ городскіе, такъ и сельскіе, въ которыхъ сами прихожане назначали отъ себя опредѣленную ежегодную ругу, хлѣбомъ или деньгами, своимъ церковнымъ причтамъ, и съ этою цѣлію заключали съ ними «порядныя записи», которыя обязывались исполнять ([388]).

4. Торговля. Этимъ средствомъ пріобрѣтенія пользовались, подобно нѣкоторымъ монастырямъ, по всей вѣроятности, только весьма немногія церкви, владѣвшія значительнымъ количествомъ земли, каковъ былъ дмитріевскій соборъ во Владимірѣ. Въ граматѣ 1515 г., данной духовенству этого собора и неразъ подтверждавшейся впослѣдствіи, между прочимъ, сказано: «а коли тѣ попы и діаконы поѣдутъ къ Москвѣ, или въ иные мои городы, о церковныхъ дѣлѣхъ и *съ торгомъ*, и мытчики и всѣ пошлинники мыта ни иныхъ ни которыхъ пошлинъ на нихъ не емлютъ» (А. Э. I, № 159).

5. Пошлины. Источникъ—еще болѣе частный, который былъ доступенъ лишь причтамъ каѳедральныхъ соборовъ. Мы уже упоминали, что въ числѣ пошлинъ, собиравшихся въ каждой епархіи, не всѣ шли на одного архіерея, а нѣкоторыя назначались и на его свиту, въ частности на его соборянъ. Къ пошлинамъ послѣдняго рода принадлежали: а) пошли-

---

почти вся, равно какъ и грамата 1556 г., нами упомянутая, въ граматѣ царя Михаила Ѳедоровича 1641 года (А. Э. III, № 306, стр. 452—454).

([388]) А. Юрид. № 185; П. Собр. Р. Лѣт IV, 294; VI, 218. 299. Въ послѣднемъ мѣстѣ сказано, что въ Новгородѣ одному священнику назначили ругу по три рубля въ годъ.

ны *ставленыя*: объ нихъ, равно какъ и о назначеніи ихъ на соборянъ, нами сказано прежде; б) *соборная куница*, т. е. куница на соборный клиръ: объ ней упоминается, по крайней мѣрѣ, по ростовской епархіи (А. Э. I, №№ 176. 202. 293). в) Пошлины *за освященіе церквей* и антиминсы. До Стоглаваго собора размѣръ этихъ пошлинъ не былъ опредѣленъ и «о антиминсѣхъ продажу чинили великую» (Стогл. гл. 5, вопр. 2). Въ Новгородѣ, напримѣръ, причтъ софійскаго собора, по граматѣ 1504 г., бралъ съ сельскихъ церквей, въ приходѣ которыхъ числилось 500—600 обежъ, за каждый антиминсъ по рублю и по полтора рубля новгородскихъ, а при освященіи церквей бралъ и всѣ тѣ приношенія, какія дѣлали христолюбцы по случаю этого освященія. Но Стоглавый соборъ опредѣлилъ, чтобы за антиминсы и освященіе церквей по всѣмъ епархіямъ соборные протопопы съ причтами взимали—отъ большой церкви по полуполтинѣ, а отъ церквей теплыхъ и придѣльныхъ по пяти алтынъ; а изъ приношеній, дѣлаемыхъ христіанами по случаю освященія церквей, брали только третью часть (Стогл. гл. 47).—г) *Вѣнечная* пошлина. Эта пошлина относилась къ архіерейскимъ пошлинамъ, въ каждой епархіи, но не вся: съ нѣкоторыхъ церквей или приходовъ она поступала на причтъ каѳедральнаго собора. Такъ, во Владимірѣ со всѣхъ приходовъ на посадѣ вѣнечная пошлина собиралась на причтъ городскаго успенскаго собора; а въ Новгородѣ она собиралась на софійскихъ соборянъ не только на посадахъ, но и въ 110 погостахъ новгородскихъ пятинъ, т. е. едва не съ половины церквей собственно новгородскаго края. Вѣнечную пошлину на архіереевъ, по Стоглаву, собирали поповскіе старосты и

десятскіе священники, а на соборы «свою вѣнечную пошлину» взимали сами соборные протопопы и священники (—гл. 69).—д) *Проскурная* пошлина. Новгородскій софійскій причтъ бралъ проскурную пошлину съ посадскихъ церквей и съ 90 монастырей «съ иного монастыря до гривны новгородской, съ иного больше того, а съ иного меньше». Существовала ли эта пошлина въ другихъ епархіяхъ, неизвѣстно.—е) *Праздничныя гривны.* Когда въ монастыряхъ и посадскихъ церквахъ Новгорода случался храмовый праздникъ, то софійскій протопопъ посылалъ туда, для участія въ богослуженіи, соборнаго діакона, и уличане или прихожане, кромѣ благодарности лично этому діакону, чтили еще софійскаго протопопа съ братіею праздничными гривнами, взиманіе которыхъ подтверждено было и Стоглавымъ соборомъ. О существованіи въ другихъ епархіяхъ и этой пошлины такъ же ничего не знаемъ ([389]).

Былъ и еще одинъ источникъ доходовъ, которымъ, по временамъ, пользовались у насъ и архіерейскіе дома, и монастыри, и приходскія церкви: это отдача денегъ и хлѣба въ ростъ и прибыль. По словамъ Герберштейна, прихожане нашихъ церквей «иногда отдавали церковныя деньги въ ростъ, по десяти со ста, и проценты предоставляли священнику, чтобы не быть вынужденными питать его на свой счетъ»

([389]) Граматы 1504 и 1556 г. указаны выше въ примѣч. 387. Сборн. *Муханова* № 319. Вмѣстѣ съ праздничными гривнами, Стоглавый соборъ подтвердилъ за софійскимъ причтомъ и взиманіе проскурной пошлины, запретивъ только брать ее съ монастырей общежительныхъ, не имѣвшихъ никакого дохода отъ мірянъ, и указавъ, взамѣнъ того, брать ее съ новыхъ церквей, съ выставокъ и съ ружныхъ (А. Э. I, № 229).

([390]). Царь Иванъ Васильевичъ спрашивалъ на Стоглавомъ соборѣ: «угодно ли Богу и согласно ли съ бож. писаніемъ, что изъ церковной и монастырской казны даютъ деньги въ ростъ?» (Стогл. гл. 5. вопр. 16). Соборъ отвѣчалъ: «что̀ святительскія казенныя деньги, равно и монастырскія казенныя деньги, даютъ въ ростъ и хлѣбъ «въ наспы»—въ прибыль, это бож. писаніе и свящ. правила возбраняютъ не только епископамъ и пресвитерамъ и всему священническому и иноческому чину, но и простымъ людямъ. Посему отнынѣ святителямъ и монастырямъ давать деньги своимъ крестьянамъ, по своимъ селамъ, безъ росту и хлѣбъ безъ прибыли, чтобы за ними крестьяне жили и села ихъ не оставались пусты, и записывать только въ книги, сколько кому дано денегъ и хлѣба въ займы, и книги «для крѣпости» держать въ казнѣ; можно такъ же давать въ займы и другимъ нуждающимся людямъ деньги и хлѣбъ безъ росту, но «съ поруками и съ крѣпостьми» и записывать въ казенныя книги; а въ ростъ денегъ не давать по свящ. правиламъ (Стогл. гл. 76). Изъ документовъ послѣдующаго времени видно, что дѣйствительно хлѣбъ взаймы отпускался монастырями крестьянамъ безъ наспу, и деньги изъ монастырской и архіерейской казны выдавались взаймы разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и крестьянамъ, и возвращались безъ росту ([391]).

([390]) *Герберш.* Записки о Московіи, стр. 47. Снес. стр. 93.

([391]) А. Э. I, № 258, стр. 285; А. Юрид. №№ 245. 248. 250. Въ приходной книгѣ новгород. архіер. дома за 1577 г. записано: „Генваря въ 16 день взято на Полянскомъ попѣ на Васили съ товарищы заемныхъ денегъ, по кабалѣ, три рубли, что̀ онъ занялъ изъ архіепископле казны въ прошломъ въ 84-мъ

Если значительными представляются доходы нѣкоторыхъ нашихъ архіереевъ и монастырей, то не незначительны были и ихъ расходы. Каждый архіерей долженъ былъ содержать не одного себя, но и всю свою свиту, состоявшую изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, и всѣхъ своихъ служителей и дворовыхъ людей, которыхъ, наприм., у новгородскаго владыки было до 126-ти, и если не всѣ, то многія изъ этихъ лицъ, наприм., священники и причетники домовыхъ архіерейскихъ церквей, пономари и звонари каѳедральнаго собора, пѣвчіе дьяки и подьяки и всѣ дворовые люди, проходившіе опредѣленныя службы при архіерейскомъ домѣ, получали изъ архіерейской казны ежегодное жалованье ([392]). А наши монастыри, богатые средствами, почти всегда были богаты и монахами, и Троице-сергіеву, наприм., монастырю недешево, конечно, обходилось, чтобы только одѣвать и кормить своихъ 700 братій и цѣлую стаю монастырскихъ прислужниковъ. Не менѣе, если даже не болѣе, требовалось издержекъ отъ архіереевъ и монастырей на построеніе и содержаніе архіерейскихъ домовъ и монастырскихъ келлій, на устройство и под-

---

году, и память ему въ тѣхъ деньгахъ выдана... Ѳевраля въ 23 день взято у Осифовскаго слуги у Семена заемныхъ денегъ 22 рубля и 22 алтына, а заимовалъ тотъ Семенъ Спировъ съ товарищы тѣ денги изъ архіепископли казны... Апрѣля въ 21 день взято у подячаго у пятого у Кюршина, изъ Старые Русы, заемныхъ денегъ десять рублевъ, а занялъ онъ тѣ деньги у архіепископа на Москвѣ въ нынѣшнемъ же въ 85 году..... Августа въ 27 день взятъ рубль на Нежданки на Власевѣ, на пѣвчемъ дьяки, что данъ былъ ему взаймы, и память ему выдана"... (Рукоп. Кирил.-бѣлоз. монастыря, въ с.п.б. дух. акад., № 1548, л. 4. 5. 7. 17).

([392]) Такъ было, по крайней мѣрѣ, у новгородскаго владыки (Отрывки изъ расход. книгъ соф. дома за 1548 г., Изв. Археол. Общ. III, вып. I, 41—45). Въ числѣ 126-ти дворовыхъ людей находилось: плотниковъ - 6, дружинниковъ — 10, поваровъ - 8, хлѣбниковъ—7, погребныхъ стряпчихъ—10, сушильныхъ подключниковъ - 11, конюховъ - 9 и проч.

держку разныхъ другихъ экономическихъ зданій и заведеній, на поддержаніе и улучшеніе всего архіерейскаго и монастырскаго хозяйства, и особенно на созиданіе и содержаніе храмовъ Божіихъ не только при самихъ архіерейскихъ каѳедрахъ и въ самыхъ монастыряхъ, но и въ принадлежавшихъ имъ вотчинахъ,—а такихъ храмовъ въ вотчинахъ, наприм., Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, какъ мы видѣли, было до 80-ти. На построеніе и украшеніе своихъ церквей нѣкоторые наши архіереи и настоятели монастырей жертвовали съ большимъ усердіемъ и любовію и не щадили никакихъ издержекъ ([393]).

Но «церковное богатство—нищихъ богатство»: эту мысль сознавали сами наши духовные землевладѣльцы и повторяли, когда отстаивали свои недвижимыя имущества ([394]). Она же выражалась и въ монастырскихъ уставахъ и ясно выражена

([393]) Изъ *архіереевъ*, наприм., митрополитъ Іона соорудилъ каменный придѣлъ во имя Похвалы Пресв. Богородицы къ своему каѳедральному успенскому собору (П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 147), митр. Геронтій—каменную церковь, Ризоположенскую, на своемъ митрополичемъ дворѣ (тамъ же 215; Никон. Лѣт. VI, 119. 121), архіепископъ Макарій богато украсилъ новгор. софійскій соборъ (тамъ же VI, 285. 291), епископъ тверской Акакій воздвигъ послѣ пожара и разукрасилъ свой каѳедр. соборъ (*Максим. грек.* Соч. II, 293). Изъ *настоятелей монастырей*—чудовскій архимандритъ Геннадій построилъ въ своемъ монастырѣ каменную церковь во имя святителя Алексія (П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 215), ново-спасскій архимандритъ Аѳанасій—въ своемъ монастырѣ каменную церковь во имя Преображенія Господня (тамъ же 221), хутынскій игуменъ Ѳеодосій—въ своемъ монастырѣ каменную церковь во имя св. Григорія, просвѣтителя Арменіи (тамъ же VI, 296); преп. Пафнутій боровскій, Іосифъ волоколамскій, Даніилъ переяславскій, Александръ свирскій и другіе такъ же соорудили, въ основанныхъ ими обителяхъ, каменные храмы (нашей Истор. Р. Церкви VI, 110; VII, 7. 13. 37).

([394]) „Правило о церковныхъ людѣхъ, и о десятинахъ, и о судѣхъ епископскихъ, и о мѣрилѣхъ градскихъ“,-- напеч. у *Калачов.* о значеніи Кормчей, стр. 122. Снес. нашей Истор. Р. церкви VI, 128.

въ самомъ Судебникѣ царя Ивана Васильевича IV ([395]). И при многихъ нашихъ церквахъ и монастыряхъ, по нелживому свидѣтельству писцовыхъ книгъ, несомнѣнно существовали богадѣльни и странноприимницы, въ которыхъ нищіе, безпріютные и пришельцы находили для себя пріютъ и прокормленіе. А въ Троице-сергіевомъ монастырѣ существовалъ обычай пропитывать на свой счетъ весь народъ, какой стекался въ монастырь ежегодно въ извѣстные дни для богомолья ([396]). Съ нѣкоторыхъ имѣній, завѣщанныхъ въ монастыри, весь доходъ даже не записывался въ монастырскія книги, а прямо употреблялся на раздачу нищимъ и на поминовеніе жертвователей, согласно съ ихъ волею ([397]). Особенно обнаруживалась благотворительность нѣкоторыхъ нашихъ оби-

---

([395]) Наприм., въ уставѣ преп. Евфросина псковскаго сказано: „когда придутъ къ вамъ странники, иноки ли или міряне, заботьтесь ихъ принять и успокоить; каждый странникъ можетъ оставаться у васъ три дня, и не принуждайте его ни на какое дѣло, ни скажите ему тяжкаго слова, а отпуская, дайте страннику милостыню по силѣ“ (нашей Истор. VII, 63). Въ Судебникѣ: „а на монастырѣхъ жити нищимъ, которые питаются милостынею отъ церкви Божіи“ (А. И. I, стр. 248).

([396]) См. выше примѣч. 273, вмѣстѣ съ текстомъ, и еще—*Иванов.* Систем. обозрѣніе помѣст. прав., въ Россіи существовавшихъ, М. 1836, стр. 153. 159. О Троице-Серг. монастырѣ—*Герберштт.* Записки о Московіи, стр. 68.

([397]) Въ Кормовой книгѣ Троице-Сергіева монастыря, исх. XVI в., записано: „Село Ондрѣевское съ деревнями въ Звенигородскомъ уѣздѣ пожаловалъ царь... Иванъ Василевичъ... по своемъ дядѣ, князѣ Юрьѣ Ивановичѣ дмитровскомъ. По княжѣ юрьевѣ духовной граматѣ, изъ того села привозили оброку старцы згоду на годъ по 60-ти рублевъ и по 22 алтына з денгою, и тѣхъ денегъ троецкой казначей въ приходные книги не пишетъ; давати тѣхъ денегъ на три кормы 30 рублевъ, на кормъ по десяти рублевъ, братіѣ; на двѣ милостыни роздати 20 рублевъ по князѣ Юрьѣ Ивановичѣ; за ворота даютъ нищимъ 5 рублевъ, какъ на братью кормъ даютъ, да 5 рублевъ раздадутъ нищимъ старицамъ и старцамъ кругъ монастыря—къ Покрову на Хотьково, да къ Богородицѣ подъ Сосну, да въ Лемантіево, да въ Зубатово, да въ Дернозино, да въ Шарапово старицамъ милостыни“ (Рукоп. Тр.-Серг. лавры, № 821, л. 62—63).

тѣлей во дни народныхъ бѣдствій. Преп. Пафнутій боровскій, съ своею обителію, прокормилъ однажды, во время голода, всѣхъ окрестныхъ жителей, стекавшихся въ нее ежедневно по тысячѣ человѣкъ и болѣе, и истощилъ на нихъ всѣ свои хлѣбные запасы. Преп. Іосифъ волоколамскій отворилъ, для прокормленія голодавшихъ поселянъ, всѣ житницы своего монастыря, и когда онѣ опустѣли, дѣлалъ даже займы, а для постояннаго призрѣнія странниковъ и нищихъ построилъ особое пристанище, подъ именемъ «Богораднаго монастыря», въ которомъ обитель ежедневно кормила по шестисотъ и семисотъ человѣкъ. Преп. Даніилъ переяславскій пропиталъ однажды, во время голода, средствами своей обители всѣхъ, приходившихъ въ нѣе, впродолженіе восьми мѣсяцевъ, пока не настала новая жатва. О Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ самъ грозный царь засвидѣтельствовалъ: «Кирилловъ доселѣ многія страны препитывалъ въ гладныя времена» ([398]). Наши архіереи имѣли обычай посылать милостыни узникамъ въ темницы ([399]).

Несвободно было наше духовенство и отъ государственныхъ податей и повинностей. Мы уже говорили, что всѣ земли, какъ митрополита и прочихъ архіереевъ, такъ и монастырей и церквей положены были правительствомъ въ сохи или въ пожни, за исключеніемъ только небольшихъ, собственно-церковныхъ и иногда монастырскихъ пашней. Поэтому и всѣ духовные землевладѣльцы, наравнѣ съ прочими, обя-

---

([398]) Нашей Истор. Р. Церкви VII, 6. 10. 14; А. И. I, № 204, стр. 383.

([399]) *Купріан.* Отрывки изъ расходн. книгъ новгор. Соф. дома за 1548 г., въ Изв. Археол. Общ. III, вып. I, 36. 39. 41. 50.

заны были платить въ казну разныя ежегодныя дани и пошлины соотвѣтственно количеству своихъ сохъ или пожней. Равно и всѣ священно-и-церковно-служители, которые хотя не имѣли у себя другой земли, кромѣ церковной пашни, но имѣли свои домы не на церковной, а на «черной» землѣ, должны были тянуть всякое тягло вмѣстѣ съ черными людьми (400). Къ числу государственныхъ повинностей и самыхъ важныхъ принадлежали «ратная» и такъ-называвшееся «городское дѣло», состоявшее въ томъ, чтобы дѣлать въ мѣстныхъ городахъ валы, ограды, кремли, возить для того камни, песокъ, известь,—и не подлежитъ сомнѣнію, что если не всегда, то по временамъ наше духовенство участвовало въ обѣихъ этихъ повинностяхъ. Владѣльцы духовнаго званія должны были, въ случаѣ войны, выставлять изъ своихъ селъ и деревень «даточныхъ людей», наравнѣ со всѣми другими вотчинниками, и содержать на собственный счетъ, а архіереи обязывались посылать тогда на царскую службу и своихъ боярскихъ дѣтей, и, наприм., владыка новгородскій выставлялъ иногда изъ своихъ вотчинъ особенный полкъ, называвшійся владычнымъ стягомъ и находившійся подъ начальствомъ владычняго воеводы (401). Въ 1495 г. псковичи хотѣли взять конныхъ людей для рати съ самихъ своихъ поповъ и вообще съ церковныхъ причтовъ, и вѣче готово было сдѣлать даже насиліе надъ нѣкоторыми священниками; къ счастію,

(400) А. Юрид. № 209, ст. I—V; А. Э. I, № 205, стр. 188, гдѣ сказано: „съ тѣхъ дворовъ, съ попова и съ дьяконова, изстарины тянутъ всякое тягло съ черными людьми, потому что деи тѣ дворы стоятъ на черной землѣ, на тяглой, на посадцкой, и тянутъ съ черными людьми".

(401) А. Юрид. № 215, ст. I; А. И. I, № 42; А. Э. I, №№ 9. 64; II. Собр. Р. Лѣт. III, 168; IV, 127–128.

послѣдніе успѣли убѣдить вѣче, что требуемая отъ нихъ повинность несогласна съ правилами св. отцевъ въ номоканонѣ. Но въ 1518 г., по приказанію вел. князя, духовенство псковское уже привлечено было къ этой повинности и должно было, во время похода на Полоцкъ, поставить коней и телѣги, чтобы вести «весь нарядъ пушечный» ([402]). Такимъ же образомъ въ 1545 г. и духовенство всего новгородскаго края, попы, діаконы, причетники, просвирни, вмѣстѣ со всѣми прочими жителями, должны были, по волѣ вел. князя, дать съ своихъ дворовъ извѣстное число ратныхъ людей, пѣшихъ и конныхъ, и извѣстное количество пороха, для предпринимавшагося похода на Казань. Государь пожаловалъ только архіепископа: не велѣлъ брать ратныхъ людей съ дворовъ— софійскаго каѳедральнаго духовенства, боярскихъ дѣтей владыки и всѣхъ его служилыхъ людей, жившихъ на Чудницевой улицѣ, за исключеніемъ, однакожъ, дворовъ, принадлежавшихъ крестьянамъ владыки, которые, слѣдовательно, не освобождались отъ этой повинности ([403]). «Городское дѣло» до 1534 г. не было обязательнымъ для духовенства, по крайней мѣрѣ, въ Новгородѣ, по свидѣтельству мѣстнаго лѣтописца, хотя извѣстно, что владыка Геннадій еще въ 1490 г. поставилъ въ Новгородѣ цѣлую треть каменнаго кремля своею казною, между тѣмъ какъ двѣ остальныя части поставлены были казною вел. князя. Но въ 1534 г., когда изъ Москвы присланъ былъ приказъ поставить деревянный городъ на Софійской сторонѣ, государевы дьяки, именемъ малолѣтняго

([402]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 269. 292.
([403]) А. Э. I, № 205.

вел. князя и матери его Елены, привлекли къ этому дѣлу и новгородское духовенство, и «на самаго архіепископа Макарія урокъ учиниша, такожде и на весь священный ликъ, на церковные соборы урокъ учиниша». Тоже самое случилось тогда и въ Москвѣ, гдѣ строилась большая деревянная и земляная стѣна вокругъ Китай-города, по волѣ малолѣтняго князя и его матери, которые, сдѣлавъ на эту постройку пожертвованіе изъ собственной казны, «повелѣша и отцу своему митрополиту вдати, елико достоитъ, такожде и всему священническому чину урокъ учиниша» ([404]). А псковскіе священники еще въ 1517 г., когда пало сорокъ саженъ мѣстнаго кремля, должны были, по волѣ вел. князя, принять участіе въ поправкѣ этой стѣны, наравнѣ съ прочими жителями, и возили требовавшійся для того камень ([405]).

Не отказывалось наше духовенство жертвовать и на нужды церкви и государства, открывавшіяся по временамъ. Когда, вслѣдъ за покореніемъ Смоленска въ 1514 г., возсоединилась съ московскою митрополіею смоленская епархія и оказалось, что средства содержанія смоленскаго владыки скудны, тогда митрополитъ, архіепископы и епископы охотно согласились давать ему изъ собственной казны ежегодную пошлину, которая и доставлялась во все княженіе Василія Ивановича. Когда въ 1555 г. открыта была епархія въ Казани, то опредѣленіемъ собора, по волѣ государя, положено было, между прочимъ, собирать для новаго архіепископа, на первыхъ порахъ, пособіе, деньгами и хлѣбомъ, отъ всѣхъ архіереевъ и

([404]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 292—293; *Карамз.* VI, примѣч. 629, подъ 1490 г., изд. *Эйнерл.*

([405]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 290.

монастырей,—и этотъ сборъ продолжался нѣсколько лѣтъ ([406]). Въ 1535 г. крымскіе татары привели въ Москву множество русскихъ плѣнниковъ и требовали за нихъ выкупа. Вел. князь, съ своею матерью, приказавъ выдать часть сребра изъ собственной казны, послалъ къ новгородскому архіепископу Макарію, чтобы и онъ пожертвовалъ отъ себя и собралъ со всѣхъ монастырей своей епархіи, въ Новгородѣ и Псковѣ, семьсотъ рублей. Макарій немедленно собралъ и доставилъ эти деньги ([407]). А на Стоглавомъ соборѣ вопросъ о выкупѣ плѣнныхъ царь предложилъ на обсужденіе владыкъ, говоря: «плѣнныхъ привозятъ изъ ордъ на выкупъ, въ томъ числѣ бояръ и боярынь, и никто ихъ не выкупаетъ, и тѣхъ плѣнниковъ, мужей и женъ, опять везутъ назадъ въ бусурманство, а здѣсь надъ ними всячески издѣваются; надобно о семъ разсудить соборнѣ». Отцы собора отвѣчали, что выкупъ плѣнныхъ соотечественниковъ долженъ быть дѣломъ всей русской земли и «общею милостынею». И потому выкупать плѣнныхъ, гдѣ бы то ни было—въ Царьградѣ, въ Крыму, Казани, Астрахани, Каѳѣ, и тѣхъ, которые привозятся въ Москву греками, турками, армянами и другими купцами, слѣдуетъ изъ царевой казны, а за тѣмъ, сколько издержится въ годъ на выкупъ изъ царевой казны, раскидывать то на сохи по всей русской землѣ ровно и собирать пошлину (Стогл. гл. 5, вопр. 10, и гл. 72). Въ этой пошлинѣ, извѣстной подъ именемъ «полоняничныхъ денегъ», участвовали и всѣ духовные землевладѣльцы, архіереи, мона-

([406]) Стогл. гл. 100, стр. 248; П. Собр. Р. Лѣт. III, 158; Никон. Лѣт. VII, 231—232; А. Юрид. № 209, ст. II.

([407]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 294.

стыри и церкви, и она собиралась съ нихъ ежегодно до самаго конца періода ([408]). По взятіи Казани множество плѣнныхъ татаръ было приведено въ Россію, и они розданы были на жительство по монастырямъ, особенно новгородскимъ, для приготовленія къ принятію христіанства, а когда крестились, то оставались въ тѣхъ же монастыряхъ, которые обязаны были «устроивать ихъ и кормомъ, и одежею, и обувью, изъ монастырскіе казны» ([409]).

Дорого обходился нашимъ архіереямъ существовавшій тогда обычай дѣлать подарки или «поминки» государю, митрополиту и другимъ высоко-поставленнымъ лицамъ и вообще знакомымъ, насколько можно судить по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія сохранились о новгородскомъ владыкѣ. Въ 1476 г., едва только вел. князь Иванъ Васильевичъ, пожелавшій пойти въ Новгородъ «миромъ», вступилъ въ предѣлы новгородскіе, какъ его встрѣтилъ посланный отъ владыки новгородскаго Ѳеофила «съ поминки». За девяносто верстъ до Новгорода встрѣтилъ князя и самъ владыка съ прочими властями новгородскими, свѣтскими и духовными, и поднесъ ему отъ себя двѣ бочки вина, одну краснаго, другую бѣлаго, тогда какъ всѣ

([408]) А. Юрид. № 209, ст. V. VI; № 211. Въ приходной книгѣ новгород. архіерейскаго дома, за 1577 г., записано: „іюня въ 15 день взято у архіепископлихъ дьяковъ, у меньшого у Нефнева да у бакаки у Павлова, полоняничныхъ денегъ 122 рубля и 22 алтына и двѣ денги; да у архіепископлихъ у Олонецкихъ крестьянъ, у Луки у Родіонова съ товарищы, полоняничныхъ же денегъ с Олонецкіе волости, съ архіепископлихъ крестьянъ, взято 119 рублевъ и 22 алтына съ полуденгою, и всего в сей статьи взято полоняничныхъ денегъ — 242 рубля и 11 алтынъ съ полуденгою. А взяты тѣ денги въ тѣхъ денегъ мѣсто, чтб даны денги изъ софѣйскіе казны государьскимъ дьякомъ, Поснику Хворощину, Данилѣ Осѣеву, въ прошломъ въ 84-мъ и въ нынѣшнемъ въ 85-мъ году, за софѣйскую вотчину полоняникомъ на окупъ“ (л. 10).

([409]) Доп. А. И. I, № 97; П. Собр. Р. Лѣт. III, 157.

прочіе поднесли только по мѣху вина. Когда князь прибылъ въ Новгородъ съ своею многочисленною свитою, владыка поспѣшилъ прислать ему отъ себя «кормы». Три раза пировалъ государь у владыки, пока находился въ Новгородѣ, и каждый разъ владыка подносилъ ему дары. Въ первый разъ, 23-го ноября, владыка поднесъ три постава ипскаго сукна, по 30 новгородскихъ рублей за поставъ, сто золотыхъ коробленыхъ, зубъ рыбей, а проводнаго бочку вина бѣлаго и бочку краснаго. Во второй разъ, 14-го декабря подарилъ 150 коробленниковъ, пять поставовъ ипскаго сукна, да жеребца, а проводнаго — бочку вина и двѣ бочки меду. Въ третій разъ, 19-го генваря—300 коробленниковъ, золотой ковшъ съ жемчугомъ, двѣ гривенки, два рога, окованные серебромъ, серебряную мису, двѣнадцать гривенокъ, пять сороковъ соболей и десять поставовъ ипскаго сукна. Дары другихъ знатныхъ лицъ, у которыхъ такъ же пировалъ вел. князь въ Новгородѣ, были вообще ниже даровъ владыки. Въ 1478 г., когда Иванъ Васильевичъ вошелъ въ Новгородъ, какъ покоритель, тотъ же владыка два раза подносилъ ему отъ себя дары: 29-го генваря, передъ обѣдомъ, на который былъ приглашенъ княземъ, поднесъ панагію, обложенную золотомъ съ жемчугами; струсово яйцо, окованное серебромъ, въ видѣ кубка; чарку сердоликовую, окованную серебромъ; серебряную мису и 200 коробленниковъ; въ другой разъ — 12-го февраля, предъ литургіею, поднесъ цѣпь, двѣ чаши и ковшъ золотые, вѣсомъ около девяти фунтовъ; кружку, два кубка, мису и поясъ серебряные, вызолоченные, вѣсомъ въ 31 фунтъ съ половиною, и 200 корабельниковъ. Въ 1535 г. новгородскій архіепископъ Макарій, пріѣхавъ въ Москву, сотворилъ великому кня-

зю и его матери Еленѣ «поклоненіе по государскому обычаю, и дары многи принесе». Въ 1570 г. женился царь Иванъ Васильевичъ на царевнѣ Маріи, и владыка новгородскій Пименъ послалъ къ нему два креста въ 370 рублей, два образа, обложенные серебромъ, въ 170 р., да двумъ царевичамъ по образу въ 80 р., да еще 40 золотыхъ ([410]). Но всего подробнѣе говорятъ о занимающемъ насъ предметѣ уцѣлѣвшіе отрывки изъ расходныхъ книгъ новгородскаго софійскаго дома за 1547—1548 г., хотя онѣ обнимаютъ не цѣлый годъ, а только десять мѣсяцевъ (съ 1 ноября по 30 августа), и съ большими пропусками. Въ этотъ періодъ владыка Ѳеодосій успѣлъ нѣсколько разъ отправить свои поминки въ Москву. Ноября 13-го послалъ онъ къ брату вел. князя Юрію Васильевичу, по случаю его свадьбы (3 ноября 1547 г.), съ благословеніемъ и дарами своихъ боярскихъ дѣтей, князя Оболенскаго и Бартенева, а съ ними послалъ самому князю Юрію образъ Спасовъ, обложенный серебромъ, да золотой атласъ, да пять портищь камокъ, на 45 рублей московскихъ, а молодой княгинѣ такой же образъ Спасовъ, да князю Димитрію Палецкому и его женѣ по образу въ серебряныхъ же окладахъ. Декабря 18-го, посылая къ государю испросить себѣ разрѣшеніе на поѣздку въ Псковъ, владыка послалъ четыре иконы, обложенныя серебромъ, брату государеву Юрію Васильевичу и его женѣ по иконѣ и Ивану Дмитріевичу Володимірову и его женѣ по иконѣ, да 17 золотыхъ боярамъ. Предъ праздникомъ Пасхи, 26-го марта, послалъ къ государю-царю «съ великоденскимъ мѣхомъ» своего боярскаго

([410]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 142—143. 160; VI, 200—205. 220. 295.

сына, князя Василія Шаховскаго, а съ нимъ послалъ: самому царю мѣхъ вина бастру да 20 золотыхъ угорскихъ, его царицѣ Анастасіѣ и его брату Юрію по 10 золотыхъ угорскихъ, его тещѣ 6 золотыхъ угорскихъ; митрополиту Макарію мѣхъ вина бастру да 10 золотыхъ угорскихъ, владыкѣ тверскому золотый корабельникъ, крутицкому золотой угорскій; двѣнадцати боярамъ вел. князя и духовнику по золотому корабленнику; восьмнадцати другимъ знатнымъ лицамъ, князьямъ, постельничимъ вел. князя по золотому угорскому; восьми женамъ знатныхъ бояръ и князей по золотому угорскому, четырнадцати дьякамъ по золотому угорскому; архимандриту симоновскому и митрополичьимъ старцамъ—казначею, келейному, архидіакону по золотому угорскому,—а всего 103 золотыхъ угорскихъ и 14 золотыхъ корабельниковъ. Мѣсяца черезъ два или три съ половиною, 10 іюня или іюля, владыка послалъ къ государю-царю своего дворецкаго Волуева, а съ нимъ самому царю икону, обложенную серебромъ, да бураго жеребца, царицѣ такую же икону, брату государя такую же икону да сѣраго мѣрина, митрополиту гнѣдаго мѣрина, а боярамъ великаго князя и дьякамъ 25 золотыхъ угорскихъ да 9 золотыхъ корабленниковъ. Въ самомъ Новгородѣ владыка даривъ знатныхъ особъ, при всякомъ открывавшемся случаѣ, то иконами обложенными серебромъ, то серебряными ковшами, которые нарочно для этого покупались и заготовлялись въ большомъ количествѣ. Приглашалъ ли кто изъ знати на пиръ къ себѣ владыку, онъ непремѣнно везъ съ собою нѣсколько иконъ и крестовъ, обложенныхъ серебромъ, которыми и благословлялъ хозяина, хозяйку и ихъ дѣтей; впрочемъ въ этомъ случаѣ владыку щедро от-

даривали. Угощалъ ли самъ владыка у себя новгородскаго намѣстника и другихъ сановниковъ, или пріѣзжихъ изъ Москвы отъ вел. князя и митрополита,— владыка одаривалъ и ихъ богатыми иконами и серебряными ковшами. Отъѣзжалъ ли новгородскій намѣстникъ, по волѣ государя, на другое мѣсто службы, владыка благословлялъ его на путь драгоцѣнною иконою. Проѣзжала ли черезъ Новгородъ изъ Пскова въ Москву знатная боярыня: и ей владыка посылалъ серебромъ обложенный образъ. Когда владыка отправлялся въ Псковъ, то бралъ съ собою запасъ богато украшенныхъ иконъ и серебряныхъ ковшей, и тамъ одѣлялъ ими, какъ въ Новгородѣ, кого хотѣлъ и во время пировъ и при другихъ случаяхъ (411). Самыхъ большихъ издержекъ стоили для владыки пріѣзды въ Новгородъ государя: тогда у владыки недоставало собственной казны, и онъ входилъ въ долги, занимая то у настоятелей монастырей, то у своего псковскаго намѣстника, то у другихъ, которымъ впослѣдствіи и выплачивалъ долги (412).

---

(411) Отрывки изъ расходн. книгъ соф. дома—въ Изв. Археол. Общ. III, вып. I, 32—54. Тутъ ясно обозначено, что нѣкоторыя иконы, ковши и золотые, какіе дарилъ владыка, шли „изъ архіепископли кельи“, а другіе, и большая часть, „изъ архіепископли казны“. Эта казна архіепископля или софійская существовала издавна и накоплялась постепенно стараніемъ владыкъ (П. Собр. Р. Лѣт. III, 228. 233). Въ 1480 г. в. кн. Иванъ III, прогнѣвавшись на архіеп. Ѳеофила, послалъ его въ Москву, а „казну его взялъ, множество злата и сребра и сосудовъ его“ (—VIII, 204). Но в. кн. Василій Ивановичъ въ 1524 г., когда архіепископомъ въ Новгородъ поставленъ былъ Макарій, отдалъ или возвратилъ ему „всю казну старыхъ архіепископовъ“ (—IV, 296), и эта казна оставалась при софійскомъ соборѣ до 1570 г., когда, по волѣ грознаго царя, казнившаго Новгородъ, вновь совершенно разграблена и отправлена въ Москву (—III, 257. 259; IV, 343).

(412) Въ означенныхъ (прим. 411) Отрывкахъ читаемъ: „тогоже дни (генв. 10) заплачено долгу Стольнику Телегѣ 10 рублевъ въ московское число, по архіепископлю приказу, что у него занято было къ великаго князя пріѣзду. Тогожъ мѣсяца въ 15 день заплачено долгу на Снѣтную гору игумену Іонѣ 200 рублевъ

ГЛАВА VIII.

ВѢРА И НРАВСТВЕННОСТЬ.

I.

Русскіе XV—XVI вѣка были необычайно привержены къ своей вѣрѣ, по свидѣтельству иностранцевъ, и считали ее только одну истинно-христіанскою и лучшею изъ всѣхъ вѣръ ([412]). Но русскіе тогда почти не знали своей вѣры; по край-

---

въ московское число, а заимованы тѣ деньги къ вел. князя пріѣзду... Тогожъ дни (20 генв.) заплачено долгу Неудачѣ Цыплятеву (псковскому намѣстнику владыки) 100 рублевъ въ моск. число, что онъ заимовалъ на архіепископа къ вел. князя пріѣзду.... Тогожъ мѣсяца (апрѣля) въ 16 день заплачено долгу бывшему игумену никольскому Макарію Цвѣтному 100 рублевъ и 50 рублевъ въ москов. число, а заимовалъ онъ тѣ деньги на архіепископа къ вел. князя пріѣзду" (тамъ же 39. 40. 50). Упоминаемый здѣсь пріѣздъ вел. князя въ Новгородъ и за тѣмъ въ Псковъ былъ въ 1547 году (П. Собр. Р. Лѣт. III, 151).

([413]) Изъ числа этихъ иностранцевъ *Герберштейнъ* говоритъ: „московиты хвалятся, что они одни только христіане, а насъ осуждаютъ, какъ отступниковъ отъ первобытной церкви и древнихъ св. установленій" (Записки о Московіи, стр. 68); *Павелъ Іовій*: „Moscovitae eos religionis ritus, quos a graecis doctoribus acceperunt, iisdem sensibus et sincerrima quidem fide sequuntur" (De legat. Moscow., apud Starczew. I, p. 10); *Фаберъ*: „constantiori animo (Moscovitae), quam plerique nostrum, in hac prima fide perseverare solent, quam ab apostolo Andrea suisque successoribus sanctisque patribus didicerunt" (Moscov. relig., apud Starczew. I, p. 6); *Адамъ Климентъ*: nos semichristianos esse contendunt, sese autem sinceros ac genuinos (Anglorum navig. ad Moscov., ibid. I, 12); *Кобенцель*: (Moscovitae) nunquam discesserunt ab ea religione, quam acceperunt et dedicerunt ab ecclesia graeca, quamque in hodiernum usque diem cum maximo zelo et fervore servant ita, ut vix credi possit (De legat ad Moscov., apud Starczew. II, 13); *Флетчеръ*: „они отдаютъ предпочтеніе своей церкви предъ всѣми прочими, утверждая, что у нихъ сохраняются са-

ней мѣрѣ, отчетливо и основательно. Невѣжество не только не уменьшалось въ Россіи, а еще увеличивалось: школы если и существовали кое-гдѣ, то самыя жалкія, и не было между ними даже такихъ, какія бывали прежде въ Москвѣ и другихъ городахъ. Сами пастыри церкви, въ большинствѣ, едва умѣли читать и писать, и въ кругу архипастырей встрѣчались лица, которыя не въ состояніи были отвѣчать, сколько было евангелистовъ, и под. ([414]). Такіе пастыри не могли сами проповѣдывать вѣры, и дѣйствительно не проповѣдывали ее, справедливо опасаясь, чтобы, при своемъ невѣжествѣ, не впасть въ какую либо ересь, а обязывались только читать въ церквахъ на поученіе православнымъ христіанамъ готовыя книги: *Толковое евангеліе*—въ древнемъ славянскомъ переводѣ, едва понятномъ для народа; *Златоустъ*—сборникъ изъ сочиненій Златоуста и другихъ св. отцевъ, въ томъ числѣ, и изъ подложныхъ; *Прологъ* и вообще *житія святыхъ*—безъ всякой провѣрки и разбора ([415]). Для людей граматныхъ и съ здравымъ природнымъ смысломъ существовала, конечно, и тогда полная возможность изучать и знать истины православія: были у насъ на родномъ языкѣ и Слово Божіе, и книга Кормчая, и разныя творенія вселенскихъ учителей—Василія великаго, Григорія богослова, Іоанна златоустаго, и бо-

---

мыя истинныя и справедливыя преданія, сообщенныя апостолами греческой церкви, а отъ нея полученныя ими“ (О госуд. русскомъ, гл. 23, стр. 86).

([414]) Стоглав. гл. 25; *Флетчеръ*—о русскомъ духовенствѣ и, въ частности, о епископѣ вологодскомъ, съ которымъ лично бесѣдовалъ и которому самъ предлагалъ вопросы (О русск. госуд. гл. 21, стр. 75. 79).

([415]) Стогл. гл. 6, стр. 81. *Герберштейнъ*: „у нихъ нѣтъ проповѣдниковъ; они думаютъ, что достаточно присутствовать при богослуженіи и слышать Евангеліе, посланія и слова другихъ учителей, которыя читаетъ

гословіе Іоанна Дамаскина, и сочиненія многихъ другихъ отцевъ и учителей церкви. И мы видѣли въ исторіи нашей духовной литературы за настоящій періодъ нѣсколько такихъ лицъ, обладавшихъ обширною богословскою начитанностію, которые правильно понимали и раскрывали православные догматы—о пресв. Троицѣ, о таинствѣ воплощенія и искупленія, о свящ. преданіи, о почитаніи святыхъ, о поклоненіи иконамъ и пр. Видѣли, однакожъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что и эти люди, болѣе другихъ образованные, но лишенные всякихъ пособій науки, не были чужды важныхъ недостатковъ въ области вѣры и богословія: не умѣли различать существеннаго въ дѣлахъ вѣры отъ несущественнаго, болѣе важнаго отъ менѣе важнаго и совсѣмъ неважнаго, догматическихъ преданій отъ обрядовыхъ; съ одинакимъ уваженіемъ относились и къ свящ. писанію, и къ писаніямъ св. отцевъ, и къ житіямъ святыхъ, и къ сказаніямъ разныхъ патериковъ, и вообще къ сочиненіямъ всякаго рода, болѣе или менѣе касавшимся вѣры и благочестія, и все называли «божественнымъ писаніемъ», изъ всего старались черпать для себя мысли и доказательства для своего ученія; наравнѣ ставили и правила св. апостоловъ, св. соборовъ и св. отцевъ, и толкованія на эти правила, явившіяся впослѣдствіи, и даже градскіе законы греческихъ императоровъ, вошедшіе, вмѣстѣ съ другими дополнительными статьями, въ составъ Кормчей, и все считали неизмѣняемымъ,

---

священнослужитель на отечественномъ языкѣ. Сверхъ того, они думаютъ этимъ избѣжать различныхъ толковъ и ересей, которыя большею частію раждаются отъ проповѣдей“ (Записк. о Московіи, стр. 67). Тоже говорятъ—Павелъ Іовій (apud Starczew. I, 10), Гваньини (ibid. I, 19), Флетчеръ (О русск. госуд. гл. 21, стр. 75) и Антоній Поссевинъ (apud Starczew. II, 280).

неприкосновеннымъ, и, наконецъ, что̀ всего важнѣе, не имѣли средствъ распознавать подложныя сочиненія отъ подлинныхъ, и съ одинаковымъ довѣріемъ пользовались тѣми и другими. А подложныхъ сочиненій, подъ именами то пророковъ, то апостоловъ, то св. отцевъ, особенно Златоуста, Григорія богослова, Ефрема Сирина, Ѳеодорита, вращалось у насъ немало, и умноженію ихъ несомнѣнно способствовали тогда, по свидѣтельству современника, наши домашніе «лжесловесники», которые, составляя разныя сказанія, по своему суемудрію, намѣренно прикрывали ихъ именами отцевъ, чтобы удобнѣе распространять въ народѣ ([416]).

Но если вредными могли быть подложныя сочиненія, которымъ нерѣдко слѣдовали, по незнанію, даже образованные наши пастыри, то несравненно вреднѣе были сочиненія завѣдомо *ложныя*, *отреченныя*, *апокрифическія*, противъ которыхъ всегда вооружались наши духовныя власти и образованные писатели. Эти *лживыя книги* или, вѣрнѣе, тетрадки, обыкновенно небольшія по объему, но наполненныя всякаго рода баснями и бреднями, историческими, миѳологическими, астрологическими, и самими дѣтскими, нерѣдко крайне дикими понятіями о разныхъ предметахъ вѣры, приходились, какъ разъ, по вкусу нашему невѣжественному духовенству и народу, и служили для нихъ любимымъ чтеніемъ. Напрасно наши архипастыри повторяли въ своемъ святительскомъ поученіи священникамъ, вдругъ по рукоположеніи ихъ: «лживыхъ книгъ не почитайте», и въ руководство издавали индексъ или перечень ихъ, равно какъ и «книгъ истинныхъ», которыя ре-

([416]) См. выше примѣч. 141.

комендовали для чтенія; напрасно такъ много и сильно громилъ апокрифическія писанія Максимъ грекъ,—число ихъ не только не уменьшалось, но еще увеличилось въ настоящій періодъ, и вліяніе ихъ болѣе и болѣе распространялось и усиливалось ([417]). Царь Иванъ Васильевичъ жаловался на Стоглавомъ соборѣ: «злыя ереси—рафли, шестокрилъ, воронограй, остромій, зодѣй, звѣздочетьи, аристотелевы врата и иные составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскія многихъ людей прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ и погубляютъ». И хотя соборъ, выслушавъ это, просилъ царя издать въ Москвѣ и по всѣмъ городамъ грозную царскую заповѣдь, а всѣмъ святителямъ повелѣлъ заповѣдать и запретить каждому въ своемъ предѣлѣ, съ великимъ духовнымъ запрещеніемъ, чтобы православные христіане такихъ богоотреченныхъ и еретическихъ книгъ не держали у себя и не читали, и другихъ не учили и не прельщали, а которые и впредь начнутъ держать у себя такія книги и читать, и другихъ прельщать, тѣмъ быть въ великой опалѣ отъ царя и въ конечномъ отлученіи отъ святителей (Стогл. гл. 41, вопр. и отв. 22); но, безъ сомнѣнія, и эта мѣра не въ состояніи была поправить дѣло, иско-

([417]) А. И. I, № 109, стр. 160. Кромѣ индекса книгъ, ложныхъ и истинныхъ, изданнаго митрополитомъ Зосимою отъ лица собора (Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 3, 600), сохранилось нѣсколько другихъ такихъ же индексовъ XVI в., въ которыхъ количество ложныхъ книгъ все возрастало (въ томъ же Опис. стр. 600. 640. 679 736. 743. Еще—Лѣтоп. занятій Археогр. Коммис., вып. I, отд. I, 33—50). Курбскій свидѣтельствуетъ: „у насъ а ни десятыя части учителей нашихъ старыхъ не преведено лѣности ради и нерадѣніа властелей нашихъ; бо нынѣшнего вѣку мнящіеся учители болше въ болгарскіе басни, або паче въ бабскіе бредни упражняются, прочитаютъ и похваляютъ ихъ, нежели въ великихъ учителяхъ разумѣхъ наслаждаются“ (Опис. рукоп. Румянц. Муз., стр. 242).

ренить зло. И суевѣріе, самое грубое суевѣріе, во всѣхъ возможныхъ видахъ, господствовало въ массахъ русскаго духовенства и народа, и потемняло, подавляло въ сознаніи какъ пастырей, такъ и пасомыхъ, тѣ немногія, истинныя и здравыя, понятія, какія могли они имѣть о догматахъ своей православной вѣры. «Волхвы и чародѣйники, говорилъ царь на Стоглавомъ соборѣ, кудесы бьютъ, и въ аристотелевы врата и въ рафли смотрятъ, и по звѣздамъ и по планитамъ глядаютъ, и смотрятъ дней и часовъ, и тѣми дьявольскими дѣйствы міръ прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ» (Стогл. гл. 41, вопр. 17). Весьма многіе еще вѣрили въ волхвовъ, знахарей, чародѣевъ, и думали, что они имѣютъ сношенія съ злыми духами, знаютъ таинственныя силы природы, настоящее и будущее, что они могутъ портить людей и исцѣлять ихъ, наводить на людей и на скотовъ всякія болѣзни и врачевать ихъ, насылать народныя бѣдствія и удалять ихъ, могутъ предсказывать судьбу человѣка, удачу или неудачу его предпріятій, могутъ заговаривать его отъ огня, меча, потопленія. И не только простой народъ, сами князья, въ томъ числѣ, какъ извѣстно, и великіе — Василій Ивановичъ и Иванъ IV, обращались къ этимъ вѣдунамъ и волшебникамъ, просили ихъ совѣта и помощи, пользовались ихъ нашептываніями, заговорами, чарованіями, заклинаніями, брали отъ нихъ врачебныя зелія, коренья, камни и проч. «Да по погостамъ, и по селамъ, и по волостемъ,—говорилъ такъ же царь на Стоглавомъ соборѣ,—ходятъ лживые пророки, мужики и женки, и дѣвки, и старыя бабы, наги и босы, и волосы отрастивъ и распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являются св. Пятница и св. Анастасія, и велятъ имъ запо-

вѣдати христіаномъ каноны завѣчивати; они же заповѣдаютъ крестьяномъ въ среду и пятницу ручнаго дѣла не дѣлати и женамъ не прясти и платья не мыти и каменья не разжигати, и иныя заповѣдаютъ богомерзкія дѣла творити, кромѣ божественныхъ писаній» (Стогл. гл. 41, вопр. 21). Были и «невѣгласы попы», которые, по суевѣрію, клали въ великій четвергъ соль подъ престолъ и держали ее тамъ до седмаго четверга по пасхѣ, а потомъ давали на врачеваніе людямъ и скотамъ (—гл. 41, вопр. 26); принимали отъ мірянъ сорочки, въ которыхъ дѣти родятся, и тѣ сорочки клали на престолъ на шесть недѣль (—гл. 41, вопр. 2); принимали такъ же, по желанію прихожанъ, мыло, которое они приносили на освященіе церкви, и держали на престолѣ до шести недѣль (—гл. 41, вопр. 3).

Только при такомъ состояніи религіозныхъ вѣрованій, при такомъ глубокомъ невѣжествѣ и преобладаніи суевѣрій въ средѣ духовенства и мірянъ могло случиться у насъ то странное, доселѣ небывалое явленіе, какое представила собою ересь жидовствующихъ. Нѣкто жидовинъ, наученный «всякому чародѣйству и чернокнижію, звѣздозаконію и астрологіи», составлявшимъ тогда наиболѣе господствовавшій видъ суевѣрія, случайно прибылъ въ Новгородъ и началъ дерзко говорить противъ христіанства, отвергалъ троичность Лицъ въ Богѣ, божество Христа, таинство искупленія и вообще всѣ собственно-христіанскіе догматы и установленія, а въ замѣнъ христіанства предлагалъ свою жидовскую вѣру. И что же? Тотчасъ нашелъ себѣ послѣдователей.... Въ комъ? Въ новгородскихъ попахъ. Они несъумѣли ничего сказать въ защиту самыхъ основныхъ истинъ своего православнаго исповѣданія,

«прельстились» чарованіями и темными знаніями жидовина, отверглись отъ Христа и приняли іудейство съ своими семействами. А потомъ? Они же, эти жалкіе попы, сдѣлались фанатическими проповѣдниками новой ереси, т. е. совершеннаго отреченія отъ христіанства, и среди народа. Двое изъ нихъ, самые главные, научившіеся отъ жидовина чернокнижію и чародѣйству, вскорѣ переселились въ Москву, и тамъ успѣли тайно распространить ересь и въ бѣломъ духовенствѣ, и между иноками, и въ высшихъ слояхъ, и даже въ семействѣ вел. князя. Наконецъ, ересь явилась-было на самой каѳедрѣ первосвятительской въ лицѣ несчастнаго Зосимы..... Страшныя казни, постигшія еретиковъ къ концу XV-го и въ началѣ XVI в., повидимому, прекратили ересь, но не могли уничтожить ея послѣдствій. Возбужденное ею вольнодумство о предметахъ христіанской вѣры продолжало скрытно дѣйствовать и въ кругу бояръ и среди иноковъ нѣкоторыхъ заволжскихъ монастырей, и черезъ полстолѣтіе, подъ вліяніемъ протестантскихъ идей, проникшихъ къ намъ черезъ Литву, вновь проявилось съ силою въ ересяхъ Башкина и особенно Ѳеодосія Косаго. Но «нѣтъ худа безъ добра». Эта такъ-называемая ересь жидовствующихъ, съ ея позднѣйшими проявленіями, увлекшая нѣкоторыхъ и, можетъ быть, даже многихъ во всѣхъ слояхъ нашего общества, пробудила и ревнителей православія и вызвала ихъ на труды, какихъ именно недоставало для русской церкви: у насъ явилась въ одномъ составѣ полная славянская библія; явились, одно за другимъ, два обширныхъ сочиненія, написанныхъ русскими людьми, съ возможною для того времени ученостію и основательностію,

въ защиту истинъ православія отъ еретиковъ, и сдѣлавшихся для соотечественниковъ надолго надежнымъ руководствомъ и пособіемъ въ области вѣры.

II.

Малознакомые, по своей необразованности и неразвитости, съ возвышенными догматами своей православной вѣры, русскіе знали ее преимущественно въ ея обрядахъ и во всемъ томъ, что составляетъ ея внѣшнюю, видимую сторону, какбы осязательную для каждаго, и на этой-то сторонѣ вѣры сосредоточивали ту горячую къ ней привязанность, которой неразъ изумлялись иностранцы. По словамъ этихъ послѣднихъ, русскіе глубоко чтили свои храмы. Никто не проходилъ мимо церкви или монастыря, чтобы не остановиться, не обнажить главы своей и не помолиться; а если въ церкви совершалась служба, то заходили и въ церковь, становились на колѣна и клали земные поклоны. Лица, считавшія себя нечистыми и недостойными, не дерзали входить въ самую церковь, а становились внѣ ея у дверей и оттуда слушали богослуженіе ([418]). Люди простые, бѣдные, постоянно занятые работами, рѣдко посѣщали церкви; но люди достаточные, горожане и вообще свободно располагавшіе своимъ временемъ, никогда не опускали церковныхъ службъ, когда онѣ совер-

([418]) *Герберш.* Записки о Московіи, стр. 63; Павелъ Іовій: religiosissime templa venerantur adeo, ut ea neque viros neque feminas venereis pollutos complexibus intrare fas sit, nisi prius privatis balneis abluantur... (De legat. Moscovit. у *Старчев.* I, 11); *Кобенцель*: De legat. ad Moscovit. (у *Старч.* II, 14); *Одербон.* De Russ. relig. (тамъ же II, 38).

шались. Въ дни же воскресные, какъ только около четырехъ часовъ утра раздавался благовѣстъ, матери и мужья, мальчики и дѣвочки оставляли свои постели, одѣвались и спѣшили въ церковь. Самъ вел. князь, а по примѣру его и многіе другіе ежедневно бывали въ церкви на всѣхъ службахъ и не принимали пищи, не выслушавъ божественной литургіи ([119]). Въ церквахъ, во время богослуженій, обыкновенно стояли съ величайшимъ благоговѣніемъ и усердіемъ, несмотря на то, что русская литургія казалось вдвое, даже втрое продолжительнѣе латинской,—хотя бывали и исключенія. Нѣкоторые позволяли себѣ разговаривать и глумиться въ церкви, по крайней мѣрѣ, во время чтеній, когда они происходили невнятно и безтолково. Самъ царь Иванъ Васильевичъ разговаривалъ, за литургіей, съ своими боярами и военачальниками, выслушивалъ ихъ доклады и отдавалъ имъ свои приказанія ([120]). И во дни этого царя, по его собственнымъ словамъ на Стоглавомъ соборѣ, безстрашіе до того вошло-было въ людей, что нѣкоторые стояли въ церкви въ таѳьяхъ, въ шапкахъ и съ посохами, и здѣсь, какъ на торжищѣ или на пиру, вели между собою громкія бесѣды и споры, и произносили всякія праздныя и срамныя слова, заглушая богослу-

---

([119]) *Герберш.* тамъ же 64; *Фаберъ*: frequentes conveniunt in ecclesiis.... (Moscovit. relig., у *Стар.* I, 11); *Одербон.* De Russ. relig. (у *Старч.* II, 38); *Поссевин.* De rebus Moscovit. (тамъ же II, 277. 279); *Флетчер.* О госуд. Русск. гл. 26, стр. 95.

([120]) *Фаберъ*: est autem missa eorum ter prolixior, quam si ea, quae apud latinos communis habetur... Devotis mentibus accedunt illam populi... (тамъ же, 7—8); *Кобенцель*: vidi eorum sacra celebrari cum ea devotione, qua major dici vix ulla potest... Sacrum vel missa ipsorum longior est, quam duae nostrae (тамъ же 14); *Адамъ Климентъ*, Anglorum navig. ad Moscov. (у *Старч.* I, 12); (*Флетч.* гл. 26, стр. 96.

женіе (Стогл. гл. 5, вопр. 21. 22),—чтó тогда же и запретилъ соборъ князьямъ и боярамъ и прочимъ вельможамъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ, подтвердивъ приходскимъ священникамъ поучать своихъ духовныхъ чадъ, чтобы они къ церквамъ Божіимъ приходили съ женами и дѣтьми, и стояли при богослуженіи со страхомъ и трепетомъ, съ великимъ вниманіемъ и сокрушеннымъ сердцемъ, а шептанія, и празднословія, и повѣстей, и иныхъ неподобныхъ дѣлъ отнюдь себѣ не позволяли (Стогл. гл. 38 и 39).

Съ почтеніемъ къ храмамъ Божіимъ русскіе соединяли глубочайшее почтеніе къ св. иконамъ и другимъ свящ. предметамъ. Иконами украшали не только свои храмы, но и свои жилища: въ каждомъ домѣ, въ каждой комнатѣ дома непремѣнно находились одна или нѣсколько св. иконъ и на самомъ почетномъ мѣстѣ, а у царя и у многихъ другихъ были еще особыя комнаты—молельни, въ которыхъ всѣ стѣны увѣшаны были иконами и крестами. Ставили такъ же иконы и кресты на площадяхъ, на большихъ дорогахъ, надъ вратами городскихъ стѣнъ и на другихъ открытыхъ мѣстахъ. Съ усердіемъ украшали иконы и кресты серебромъ, золотомъ и разными драгоцѣнными камнями; ставили и возжигали предъ иконами, во время домашней молитвы, а особенно во время богослуженія въ церквахъ, восковыя свѣчи, иногда въ огромномъ количествѣ и толщиною въ человѣческую руку. Если кто приходилъ въ домъ другаго, то прежде всего устремлялъ взоръ на иконы въ домѣ и молился предъ ними, а потомъ уже видѣлся съ хозяиномъ; предъ выходомъ изъ этого дома такъ же сначала обращался съ молитвою къ иконамъ и за тѣмъ прощался съ хозяиномъ. Проходя мимо иконъ и кре-

стовъ, стоящихъ на открытыхъ мѣстахъ, или встрѣчая проносимыя иконы, всегда останавливались, обнажали голову и творили крестное знаменіе и поклоны. Особенно чествовали иконы чудотворныя, какова была, напримѣръ, икона Николая чудотворца въ Можайскѣ, къ которой стекались богомольцы со всѣхъ сторонъ и куда самъ царь ежегодно присылалъ богатыя приношенія ([421]). И мы видѣли, до какой степени простиралось это чествованіе чудотворныхъ иконъ: когда изъ Владиміра, Вятки и другихъ мѣстъ нужно было перенести нѣкоторыя изъ такихъ иконъ въ Москву для поновленія, ихъ встрѣчала и потомъ провожала вся Москва, со всѣми духовными и свѣтскими властями, и на мѣстѣ встрѣчи устрояемы были храмы. Книгу Евангелія полагали на самомъ почетномъ мѣстѣ, какъ святыню; не прикасались къ ней, не осѣнясь прежде крестомъ и не воздавъ ей чести наклоненіемъ главы, и брали въ руки съ величайшимъ благоговѣніемъ. Глубоко чтили мощи святыхъ; предпринимали путешествія для поклоненія имъ, особенно къ мощамъ преп. Сергія-чудотворца въ Троице-Сергіевъ монастырь, и на нетлѣніе ихъ указывали иновѣрцамъ, какъ на живое свидѣтельство истинности и спасительности своей вѣры. ([422]).

Немало поражала иностранцевъ любовь русскихъ къ молитвѣ и употребленію крестнаго знаменія. Русскіе молились такъ часто, что не легко было найти подобныхъ, а кре-

---

([421]) *Гербершт.* тамъ же 63—64. 86; *Фабер.* тамъ же 10—11; *Адамъ Климент.* тамъ же 11; *Гваньини*: Moscoviae Descriptio, у *Старчев.* I, 18. 19; *Кобенц.* тамъ же 14. 15; *Ульфельдъ*, Legatio Moscovit., у *Старч.* I, 11; *Флетчер.* тамъ же 81. 87. 92.

([422]) *Гербершт.* 64; *Фабер.* 7. 11; *Ульфельд.* 11; *Гваньин.* 18.

ственымъ знаменіемъ осѣнялись почти непрестанно. Каждый, пробудившись отъ сна нощнаго, первымъ долгомъ считалъ помолиться предъ домашними иконами, и никто не выходилъ изъ дома, не помолившись; а проведшіе ночь внѣ дома обращались къ какому либо храму и, взирая на возвышавшійся надъ нимъ крестъ, осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ и совершали свою утреннюю молитву. Всякое дѣло и работу, важныя и неважныя, начинали молитвою, осѣняли себя крестомъ и призывали имя Пресв. Троицы. Садясь за столъ для вкушенія пищи, крестились и молились; вставая изъ-за стола, повторяли тоже; впродолженіе стола осѣняли крестомъ каждое новое кушанье и питье, осѣняя въ тоже время и себя, какъ поступалъ и самъ царь. Молитвою же всегда и оканчивали день, отходя ко сну. Собираясь путешествовать, плыть моремъ, пахать землю, и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, призывали священниковъ и просили ихъ служить молебствія. Люди граматные и достаточные пріобрѣтали себѣ книги, въ которыхъ переписаны были молитвы, одобренныя церковію, и по нимъ молились; не имѣвшіе такихъ молитвенниковъ и неграматные читали только молитву Господню и немногія другія, которыя знали наизусть; а весьма многіе, не знавшіе никакихъ молитвъ, молились безмолвно, повторяя одно: «Господи, помилуй». Во время своихъ молитвъ, русскіе постоянно осѣняли себя крестомъ, преклоняли голову, били себя въ грудь, падали на колѣна, повергались на землю, и все это совершали съ такимъ жаромъ, усердіемъ, благоговѣніемъ, что, казалось, невозможно было религіознѣе чтить Бога. При молитвѣ обыкновенно держали въ рукахъ своихъ четки, которыя всегда носили съ собою какъ царь, такъ и дворяне и простой

народъ, не только въ церкви, но и въ другихъ общественныхъ мѣстахъ, при торжественныхъ собраніяхъ, судахъ, совѣщаніяхъ и под. ([423]).

Постъ, какъ и вообще подвиги, направленные къ умерщвленію плоти и страстей, находились у русскихъ въ величайшемъ уваженіи. Кромѣ поста въ среду и пятокъ каждой недѣли, они имѣли еще ежегодно четыре продолжительные поста, доселѣ содержимые православною церковію. Съ особенною строгостію проводили постъ великій, который обыкновенно посвящали на покаяніе и исповѣдываніе своихъ грѣховъ. Впродолженіе этого поста не вкушали не только ничего мяснаго и молочнаго, но даже рыбнаго, и никакого вина. Нѣкоторые принимали пищу только въ два дня каждой недѣли—субботу и воскресенье, а въ остальные дни воздерживались отъ всякой пищи; другіе принимали пищу въ воскресенье, вторникъ, четвергъ и субботу, а въ прочіе три дня не ѣли ничего; весьма многіе, если и не воздерживались совершенно въ понедѣльникъ, среду и пятокъ отъ пищи, то довольствовались кускомъ хлѣба съ водой. Были и такіе, которые впродолженіе великаго поста не вкушали ничего горячаго, приготовленнаго на кухнѣ, и такіе, которые принимали

([423]) *Фаберъ*: in qua (oratione) frequentenda non facile similes reperiri censeo... (10); *Ульфельд.* 11; *Гсаньини*, 21; *Кобенцель*: omnia sua negotia actionesque auspicantur ab invocatione sanctissimae et individuae Trinitatis tanta cum religione, ut vestra Dominatio credere vix queat (—14. 16); *Одербонъ*: non video, quali sub sidere homines Dei numen religiosius adoraturi, quam hi... (—38); *Поссев.*, 279. 280; *Флетч.* гл. 21. 23. 25, стр. 77. 87. 92: „сами себя они безпрестанно осѣняютъ крестнымъ знаменіемъ....; приступая къ какому либо дѣлу, ничтожному или важному, вооружаются прежде всего знаменіемъ креста“... Объ употребленіи русскими четокъ тоже говорится и въ Домостроѣ (гл. 13).

пищу только по закатѣ солнца. Прочіе посты проводили не съ такою суровостію; но и тогда до крайности строго воздерживались отъ всякой мясной и молочной пищи, считая ее для себя оскверненіемъ, такъ что скорѣе согласились бы умереть, нежели съѣсть кусокъ мяса или яйцо, даже въ тяжкой болѣзни, для подкрѣпленія своихъ силъ. Недовольствуясь соблюденіемъ постовъ, обязательныхъ для каждаго сына церкви, нѣкоторые налагали на себя еще посты добровольные. Постились, напримѣръ, три дня въ недѣлю, вмѣсто двухъ, прибавляя къ средѣ и пятницѣ понедѣльникъ. А иные отказывались отъ скоромной пищи на значительные періоды или навсегда: такъ, князь Семенъ Ѳеодоровичъ Курбскій съ юности велъ жизнь необыкновенно воздержную и суровую, и втеченіе многихъ лѣтъ не употреблялъ въ пищу мяса, даже рыбою питался только по воскресеньямъ, вторникамъ и субботамъ ([424]). При такомъ взглядѣ на значеніе постовъ, особенно поста великаго, соединеннаго съ покаяніемъ и продолжительными молитвами, легко понять, какъ должны были русскіе смотрѣть на монашество и монаховъ, дававшихъ обѣты постничества, сокрушенія о грѣхахъ и молитвеннаго служенія Богу не на нѣсколько только дней или мѣсяцевъ, а на всю жизнь. И русскіе, дѣйствительно, думали, что ничѣмъ нельзя болѣе угодить Богу, какъ если кто, отказавшись отъ всѣхъ дѣлъ мірскихъ, приметъ, вмѣстѣ съ именемъ монаха, строгія правила и святѣйшія обязанности монашеской жизни ([425]). Видѣли, конечно, примѣры худой жизни и между ино-

([424]) *Герберш.* 66. 120; *Фабер.* 10; *Адамъ Клим.* 12; *Кобенц.* 16; *Одербон.* 204; *Флетч.* гл. 23. 25, стр. 88. 94.

([425]) Monachatum et fratrum collegia tantis encomiis ornant, ut nihil Divino

ками, соблазнялись ими, иногда обличали ихъ; но тѣмъ не менѣе не переставали глубоко чтить самое монашество, стремились къ нему, готовы были оставить своихъ женъ, семейства, чтобы сдѣлаться иноками,—и нужно было объяснять и доказывать, что черныя одежды сами по себѣ не спасутъ человѣка, что можно угодить Богу и въ мірѣ, въ быту семейномъ, живою вѣрою и добрыми дѣлами ([426]). Многіе даже изъ людей образованныхъ и знатныхъ, сами вел. князья Василій Ивановичъ и Иванъ IV, принимали монашество, по крайней мѣрѣ, предъ своею кончиною: обычай древній, сохранявшійся во всей силѣ. Особый видъ монашества или подвижничества представляли собою *юродивые*, которые и пользовались особымъ уваженіемъ въ народѣ, называвшемъ ихъ *блаженными*. Они поражали народъ не столько внутреннимъ значеніемъ своего высокаго подвига—отреченія отъ собственнаго разума Христа ради, сколько внѣшнимъ образомъ своей жизни. Ходили обыкновенно нагіе и босые, лѣтомъ и зимою, въ самые жестокіе морозы, съ длинными, распущенными по плечамъ, волосами, едва прикрытые спереди какими нибудь лохмотьями; часто носили, на шеѣ или на срединѣ тѣла, вериги; проводили время, большею частію, во храмахъ и на папертяхъ церковныхъ и, подъ прикрытіемъ юродства, смѣло говорили правду даже сильнымъ міра. Если обличалъ кого юродивый, ему не возражали, а со смиреніемъ принимали обличеніе; если, проходя мимо лавки купца, бралъ изъ нея

---

numini gratius esse statuant, quam si quis rebus terrenis prorsus abrenunciet et, arduas vivendi regulas amplexus officiaque sanctissima professus, religiosi monachi nomen usurpet (*Одербон.* 203).

([426]) *Максим. грек.* Сочин. II, 231 и др.

что нибудь, купецъ радовался и считалъ себя угоднымъ Богу и Его святому. Во дни царя грознаго наиболѣе славились два юродивыхъ: въ Москвѣ Василій блаженный и въ Псковѣ Никола Салосъ. Когда скончался первый въ 1552 г., его отпѣвалъ самъ митрополитъ съ соборомъ, а несъ на плечахъ къ могилѣ самъ государь, несмотря на то, что, при жизни своей, этотъ юродивый часто вопилъ на стогнахъ о его жестокости и притѣсненіяхъ. А Никола Салосъ предложилъ царю, прибывшему на второй недѣли св. четыредесятницы казнить псковитянъ и посѣтившему его келлію, кусокъ сыраго мяса, и когда Іоаннъ замѣтилъ, что не можетъ ѣсть мяса въ постъ, сказалъ ему: «да развѣ Ивашка думаетъ, что съѣсть постомъ кусокъ мяса какого либо животнаго грѣшно, а нѣтъ грѣха ѣсть столько людскаго мяса, сколько онъ уже съѣлъ?». И этимъ смѣлымъ обличеніемъ заставилъ царя одуматься и пощадить городъ ([427]).

Дивились иноземцы и тому, какъ чтили русскіе благословенный хлѣбъ и святую воду. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ принимали они въ церкви изъ рукъ священника кусочки просфоры или благословеннаго хлѣба и несли домой, чтобы раздѣлить съ тѣми, кто не былъ въ церкви. Герберштейнъ разсказываетъ, что однажды, когда вел. князь, послѣ охоты, пригласилъ его къ себѣ, вмѣстѣ съ другими, на обѣдъ въ раскинутую палатку, и всѣ сѣли уже за столъ, отъ внезапнаго потрясенія палатки упалъ на землю Богородичный хлѣбъ

([427]) *Флетч.* гл. 21, стр. 79—80. Кромѣ двухъ названныхъ, извѣстны были въ настоящій періодъ еще слѣдующіе юродивые: Іоаннъ устюжскій, Лаврентій калужскій, Тимоѳей псковскій, Василій инокъ Спасо-каменнаго монастыря (см. объ нихъ въ Словарѣ Истор. о Святыхъ, прослав. въ церкви русской, изд. 2).

(панагія), который русскіе почитали и вкушали, какъ священный, и хранили въ своихъ жилищахъ на высокомъ мѣстѣ. Князь и всѣ присутствовавшіе съ трепетомъ встали, сильно пораженные этимъ случаемъ. Немедленно позванъ былъ священникъ, который и подобралъ упавшій хлѣбъ съ травы съ величайшимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ ([128]). Освященіе воды совершалось у русскихъ не только въ сосудахъ, но и въ рѣкахъ, и послѣднее освященіе, въ день крещенія Господня и 1-го августа, происходило съ особенною торжественностію и при чрезвычайномъ стеченіи народа. Какъ только оканчивалось это освященіе, тотчасъ множество мущинъ, несмотря ни на какой холодъ и морозъ и на присутствіе сторонних, совершенно нагіе, бросались въ рѣку и трижды погружались въ ней, чтобы освятиться, а женщины точно такъ же погружали своихъ дѣтей или и сами погружались въ одеждахъ. Въ тоже время всѣ спѣшили съ ведрами и другими сосудами чтобы зачерпнуть освященной воды, которую тутъ же пили и уносили въ свои жилища. Св. воду русскіе хранили, какъ святыню, по временамъ вкушали ее, окроплялись ею, окропляли свои иконы и свои домы, давали ее больнымъ, какъ спасительное лекарство. Къ царю каждое утро, какъ только онъ оканчивалъ свою утреннюю молитву, являлся его духовникъ съ чашею св. воды, и окроплялъ ею сперва образа царской молельни, потомъ самаго царя. Эта вода каждый день приносилась новая или свѣжая: ее присылали царю, какъ свящ. подарокъ, вмѣстѣ съ просфорою, изъ разныхъ селъ и городовъ, даже весьма отдаленныхъ, наприм., изъ Нов-

([128]) *Герберш.* 64. 199; *Фабер.* 8; *Кобенцел.* 14.

города, Пскова, отъ церквей, соборовъ, монастырей, гдѣ она освящаема была по случаю храмовыхъ праздниковъ, почему и называлась *праздничною* св. водою. Наиболѣе уважалась св. вода, освященная не чрезъ погруженіе только въ ней св. креста, но вмѣстѣ и чрезъ омовеніе въ ней св. мощей. Когда въ 1552 г. пришла въ Москву вѣсть, что въ Свіяжскѣ свирѣпствуетъ цынга, похищающая множество жертвъ, и что нѣкоторые тамъ предаются содомскому грѣху, митрополитъ Макарій торжественно освятилъ воду погруженіемъ животворящаго креста и омовеніемъ въ ней св. мощей, находившихся въ благовѣщенскомъ соборѣ, и послалъ ее въ Свіяжскъ, чтобы ею окропили весь городъ и всѣхъ его жителей. Равно и въ 1557 г. тотъ же митрополитъ, посылая въ Новгородъ богомольную грамату объ отправленіи молебствія по случаю голода, послалъ вмѣстѣ и св. воду, освященную въ Москвѣ точно такимъ же образомъ, и велѣлъ архіепископу соединить ее съ тою, которую онъ освятитъ самъ въ софійскомъ соборѣ, и разослать по всей епархіи для окропленія этою водою всѣхъ православныхъ отъ мала до велика ([429]).

Правда, сообщая намъ всѣ такого рода свѣдѣнія о привязанности нашихъ предковъ къ обрядовой сторонѣ ихъ вѣры, иностранцы говорятъ объ этомъ не только безъ сочувствія, но часто съ пренебреженіемъ, съ насмѣшкою, даже съ пря-

---

([429]) *Пав. Іовій*, 11; *Ульфельд.*, 10; *Кобенц.* 14; *Поссевин.* 280; *Флетчер.* гл. 25–26, стр. 92–93. 96. О праздничной св. водѣ, присылавшейся государю изъ разныхъ мѣстъ, см. такъ же Доп. А. И. I, № 131; П. Собр. Р. Лѣт. IV, 293. О водѣ, освящавшейся чрезъ омовеніе въ ней св. мощей,—нашей Истор. VI, 211–212; Доп. А. И. I, № 221; П. Собр. Р. Лѣт. IV, 295.

мымъ осужденіемъ ([430]). Да иначе и не могло быть: они были иновѣрцы и преимущественно протестанты, и, естественно, смотрѣли на всю нашу обрядность съ своей точки зрѣнія. Но нельзя не согласиться съ тѣми изъ нихъ, которые замѣчали, что приверженность русскихъ къ обрядности доходила до крайности, что они приписывали обрядамъ слишкомъ большую важность и что въ обрядахъ какбы полагали самую сущность своей вѣры. Къ сожалѣнію, изучая исторію настоящаго періода, мы неразъ встрѣчались съ разительными фактами, подтверждающими это. Ростовскій архіепископъ Ѳеодосій въ навечеріе Крещенія Господня, случившееся въ воскресенье, разрѣшилъ постъ, ради воскреснаго дня, и дозволилъ мірянамъ вкушать мясо, а монахамъ рыбу,—и митроп. Іона съ соборомъ архіереевъ присудилъ-было лишить архіепископа за такой поступокъ свящ. сана. Чудовскій архимандритъ Геннадій въ такой же точно день дозволилъ своей монастырской братіи вкушать св. воду послѣ принятія пищи,—и митрополитъ Геронтій назвалъ это осквернеіемъ св. воды и велѣлъ заковать архимандрита и бросить на ледникъ подъ палаты. Самъ Геронтій, при освященіи успенскаго собора въ Москвѣ, совершилъ крестный ходъ вокругъ церкви не по солнцу, а противъ солнца,—и это подняло цѣлую бурю. Вел. князю внушили, что митрополитъ нарушилъ обрядъ; князь прогнѣвался и сказалъ, что за такія дѣла постигаетъ гнѣвъ Божій; начались жаркіе споры, о томъ, по-солонь или про-

([430]) Исключеніе составляютъ Фаберъ, Павелъ Іовій и Кобенцель. Но первые два сами не были въ Россіи, а писали о русскихъ только со словъ русскихъ словъ; а послѣдній намѣренно представляетъ русскихъ близкими по вѣрѣ латынянамъ, чтобы показать, какъ легко было бы обратить Россію въ католичество.

тивъ солнца слѣдуетъ ходить вокругъ церкви, не приведшіе ни къ какому рѣшенію; князь продолжалъ обвинять митрополита и гнѣвался на него нѣсколько лѣтъ; митрополитъ не хотѣлъ уступить и собирался уже отказаться отъ своей каѳедры, пока князь не смирился предъ нимъ и не испросилъ у него прощенія. А исправленіе богослужебныхъ книгъ Максимомъ грекомъ? Едва только онъ приступилъ къ дѣлу, какъ послышались голоса: «ты, человѣче, своими исправленіями досаждаешь возсіявшимъ въ нашей землѣ чудотворцамъ; они сицевыми книгами благоугодили Богу и по нимъ спаслись». Но такой безразсудной привязанности къ самой буквѣ богослужебныхъ книгъ, по крайней мѣрѣ, не раздѣляли тогда высшія власти, духовная и свѣтская, по порученію которыхъ Максимъ и принялся-было за это дѣло. А пресловутый вопросъ объ аллилуіи, изъ-за котораго предпринималось путешествіе въ Царьградъ, происходили такіе ожесточенные споры въ Псковѣ, являлась будтобы какому-то безъименному иноку во снѣ сама Пресв. Богородица, и который порѣшилъ, наконецъ, Стоглавый соборъ, заповѣдавъ всѣмъ двоить аллилуію и назвавъ трегубую аллилуію латинскою ересью? А еще болѣе пресловутое постановленіе Стоглаваго собора: «аще кто не крестится двумя персты, да будетъ проклятъ?» Прибавимъ къ этому и ученіе о бородѣ, которому съумѣли у насъ придать религіозный характеръ. Еще къ концу XV и въ началѣ XVI вѣка иновѣрцы укоряли русскихъ за то, что они бритье бороды и усовъ признавали смертнымъ грѣхомъ и ересью ([431]). На

([431]) Sacran. Elucid. errorum ritus Ruthen., err. 28; Johann. de Lasco, Ruthen. nation. cum error. eorum, in Histor. Russiae Monum., I, pag. 127.

Стоглавомъ соборѣ государь говорилъ: «по грѣхамъ нашимъ слабость и нерадѣніе вошли въ міръ въ нынѣшнее время; нарицаются христіанами, а въ тридцать лѣтъ и старѣе брѣютъ головы, и браду, и усы, и платы и одежды иновѣрныхъ земель носятъ: почему познати христіанина?» (Стогл. гл. 5, вопр. 25). И соборъ, назвавъ брадобритіе латинскою ересью и ссылаясь на подложное правило св. апостоловъ и одинадцатое правило трульскаго собора, которое гласитъ совсѣмъ о другомъ предметѣ, объявилъ, будтобы св. апостолы и св. отцы строго запретили брить бороду и усы, и тѣхъ, которые брѣютъ, прокляли и отлучили отъ церкви (—гл. 40). А вскорѣ послѣ Стоглаваго собора, бывшій предсѣдатель его, митр. Макарій, какбы въ поясненіе, почему такъ строго запрещено брадобритіе, писалъ въ своемъ извѣстномъ посланіи въ Свіяжскъ: «о, злое произволеніе! Сотворилъ насъ Богъ по своему образу и подобію, и явились неблагодарные, стали ходить по плоти..., накладаютъ бритву на брады свои... Не подобаетъ такъ поступать находящимся въ православной вѣрѣ: ибо это дѣло латинской ереси, и творящій это дѣлаетъ поруганіе образу Бога, создавшаго его по своему образу»... Такими-то предметами занималась богословствующая мысль русскихъ людей и самихъ іерарховъ въ настоящемъ періодѣ; такимъ-то мнѣніямъ и ученіямъ усвояли величайшую важность! Эта неумѣренная и неразумная привязанность къ обрядамъ и вообще къ внѣшней сторонѣ религіи, столь свойственная людямъ простымъ и необразованнымъ во всѣ времена, существовала у насъ и прежде; но никогда не достигала она такой степени, какой достигла теперь; по крайней мѣрѣ, никогда не проявлялась такъ, какъ проявилась на Стоглавомъ соборѣ, который не затруднился

возвесть на степень догматовъ мнѣнія о двуперстіи для крестнаго знаменія, о сугубой аллилуіи, о небритіи брады и усовъ. По истинѣ, это догматы новые и русскаго изобрѣтенія, которыхъ никогда не знала церковь греческая, а съ нею и русская,—скорбные памятники религіознаго невѣжества, господствовавшаго у насъ въ XVI столѣтіи, остающіеся и доселѣ излюбленными догматами русскаго раскола!

III.

Принесши столько вреда въ области вѣры, слѣпая привязанность къ обряду сопровождалась едвали еще не болѣе гибельными послѣдствіями въ области нравственности. Были, безъ сомнѣнія, и тогда русскіе, которые хорошо понимали, въ чемъ должна состоять нравственность христіанина, которые, исполняя, какъ должно, и церковную обрядность, заботились вмѣстѣ объ очищеніи своей души отъ грѣха, объ исправленіи своего сердца, объ искорененіи въ немъ худыхъ влеченій и привычекъ, объ утвержденіи себя въ христіанскомъ самоотверженіи и любви. Нельзя, напримѣръ, безъ сочувствія читать той исповѣди, какую изложилъ въ извѣстномъ уже намъ посланіи къ сыну попъ Сильвестръ, призывая самаго же сына во свидѣтеля правдивости своихъ словъ: тутъ видѣнъ человѣкъ, который, мало того, что никогда отъ юности не пропускалъ церковныхъ службъ, но никогда никого не осуждалъ, не осмѣивалъ, не укорялъ и ни съ кѣмъ не бранился; всѣ обиды переносилъ съ христіанскимъ терпѣніемъ и смиреніемъ Господа ради и никому не мстилъ; а если въ чемъ согрѣшалъ, тотчасъ каялся и со слезами испо-

вѣдывалъ свой грѣхъ предъ духовникомъ; никогда не презрѣлъ ни нищаго, ни страннаго, ни печальнаго, посѣщалъ больныхъ и заключенныхъ въ темницахъ, выкупалъ плѣнниковъ и должниковъ, кормилъ голодныхъ; освободилъ всѣхъ своихъ рабовъ и надѣлилъ ихъ, выкупалъ и чужихъ рабовъ и отпускалъ на свободу; многихъ сиротъ, рабовъ и убогихъ вскормилъ и вспоилъ до совершеннаго возраста и научилъ, кто къ чему былъ способенъ, а потомъ и попристроилъ; многихъ дѣвицъ бѣдныхъ, при содѣйствіи своей жены, воспиталъ въ страхѣ Божіемъ, научилъ рукодѣлію и всякому домашнему обиходу и, надѣливъ, повыдавалъ замужъ; никому ни въ чемъ не лгалъ, никого не обманывалъ, всегда былъ вѣренъ данному слову и во всѣхъ сношеніяхъ съ людьми водился одною правдою, ласкою и любовію. На святительскихъ каѳедрахъ того времени встрѣчаемъ мужей высокой нравственности и истинно-святой жизни: въ Москвѣ—Іону и Филиппа, въ Новгородѣ—Евѳимія, Іону и Серапіона, въ Казани—Гурія и Германа, въ Твери—Варсонофія, въ Перми—Питирима и Іону. При жизни они были истинными свѣтильниками для своихъ паствъ, и по смерти достойно чтутся въ ликѣ святыхъ. Но большинство русскихъ смотрѣли тогда на нравственность односторонне, и какъ вѣру свою полагали почти исключительно въ обрядахъ, такъ и благочестіе—въ исполненіи обрядовъ. Усердно соблюдали посты, праздники и другія постановленія церкви, много молились и въ домахъ своихъ и въ храмахъ Божіихъ, служили акаѳисты, молебны, участвовали въ крестныхъ ходахъ, ходили по богомольямъ, подавали милостыню, дѣлали пожертвованія на церкви и монастыри, старались вообще располагать жизнь свою по церковному

уставу, и думали, что уже исполнили свой христіанскій долгъ, угодили Богу; а о внутреннемъ благочестіи, обузданіи страстей, обновленіи сердца, усвоеніи духа христіанской любви, вовсе не заботились. Это было благочестіе по преимуществу внѣшнее, обрядовое, фарисейское, противъ котораго съ такою силою вооружался Максимъ грекъ ([432]). Оно было распространено и глубоко чтилось во всѣхъ слояхъ нашего общества, между тѣмъ какъ тамъ же господствовали самые тяжкіе пороки и почти совершенная безнравственность.

Образецъ такого благочестія и вмѣстѣ порочности представлялъ собою царь Иванъ Васильевичъ. Онъ былъ величайшимъ ревнителемъ церковныхъ уставовъ, каждый день посѣщалъ всѣ церковныя службы и окроплялся св. водою, каждое дѣло начиналъ крестнымъ знаменіемъ, а въ слободѣ Александровской, вмѣстѣ съ своими опричниками, старался выполнять даже монашескій уставъ: носилъ иноческую одежду, выстаивалъ продолжительныя богослуженія, самъ звонилъ и читалъ житія святыхъ за братскою трапезой и молился такъ часто и такъ усердно, что на лбу его отъ земныхъ поклоновъ были шишки. Но въ душѣ, казалось, у него, не было ничего не только христіанскаго, даже человѣческаго, ни искры христіанской любви, чистоты, справедливости. Какъ лютый звѣрь, жаждалъ онъ крови человѣческой, услаждался пытками и страданіями своихъ несчастныхъ жертвъ, измучилъ и истерзалъ тысячи невинныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ предавался самому грубому невоздержанію, самому безобразному распутству, семь разъ былъ женатъ; пожираемый ненасытнымъ сребролюбіемъ,

([432]) *Максим.* Сочин. II, 213. 241. 260.

грабилъ всѣхъ и все, и церкви, и монастыри. Многочисленные опричники царя выбивались изъ силъ, чтобы подражать во всемъ своему высокому образцу, и дѣйствительно являлись достойными его послѣдователями и по безчеловѣчію, и по распутству, и по грабительству, оставаясь совершенно безнаказанными. Надобно, однакожъ, сознаться, что не только при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, но и прежде его, при его отцѣ и дѣдѣ тотъ же духъ жестокосердія и безчеловѣчія, своекорыстія и всякаго рода насилій былъ господствующимъ духомъ и во всемъ нашемъ высшемъ классѣ: этому немало благопріятствовали какъ примѣръ самихъ вел. князей, такъ и устройство тогдашней администраціи и суда. Князья, бояре и другія лица, которыхъ посылалъ вел. князь своими намѣстниками въ разные города и области, получали ихъ не для управленія только, но и для собственнаго «кормленія». Потому не столько заботились о томъ, чтобы творить судъ и правду людямъ, сколько о томъ, чтобы отъ нихъ нажиться, и не было пощады ни горожанамъ, ни поселянамъ. Дьяки, тіуны и многіе другіе мелкіе чины, окружавшіе намѣстниковъ и бывшіе исполнителями ихъ распоряженій, въ свою очередь преслѣдовали преимущественно туже цѣль собственнаго кормленія; каждый заботился, какъ бы побольше себѣ пріобрѣсть, и горе было поселянамъ, когда въ ихъ села и деревни наѣзжали съ своими требованіями эти представители власти. Судъ былъ грозенъ и страшенъ: при производствѣ его допущены были закономъ правежъ и пытки, а по окончаніи—разные виды смертной казни, особенно для поселянъ. И эта грозность суда еще болѣе способствовала взяточничеству, кото-

рое и безъ того не знало мѣры ([433]). Князья и бояре, владѣвшіе вотчинами отъ своихъ предковъ, дѣти боярскіе и служилые люди, получавшіе помѣстья отъ государя себѣ въ кормленіе, такъ же, большею частію, угнетали бѣдный народъ—своихъ крестьянъ и позволяли себѣ всякія насилія и грабежи. Какъ ни страшно казнилъ иногда государь своихъ намѣстниковъ и другихъ чиновниковъ за взятки, притѣсненія народа, грабительство; но эти казни мало производили вліянія на людей, которые хотя называли себя православными христіанами и свято выполняли уставы церкви, были однакожъ чужды духа Христова и не знали въ сердцѣ, что такое правда и братская христіанская любовь ко всѣмъ людямъ, безъ всякаго различія ([434]).

([433]) „Страсть іудейскаго сребролюбія и лихоманія, говоритъ Максимъ грекъ, до такой степени овладѣла судьями и начальниками, посылаемыми отъ благовѣрныхъ царей по городамъ, что они приказываютъ слугамъ своимъ вымышлять разныя вины на зажиточныхъ людей, подбрасываютъ въ домы ихъ чужія вещи; или—притащатъ трупъ человѣка и, бросивши на улицѣ, а потомъ, какбудто отмщая за убитаго, начнутъ истязать не только одну улицу, но всю часть города, по поводу этого убійства, и собираютъ себѣ деньги такимъ неправеднымъ и богомерзскимъ образомъ. Слышалъ ли кто когда отъ вѣка о такомъ гнусномъ способѣ лихоиманія, между язычниками, какой придумали нынѣ наши властели? Разжигаемые неистовствомъ ненытаго сребролюбія, они обижаютъ, лихоимствуютъ, расхищаютъ имущество вдовицъ и сиротъ, вымышляютъ всякія обвиненія на невинныхъ, не боятся Бога, страшнаго отмстителя за обидимыхъ, не срамятся людей, окрестъ ихъ живущихъ, ляховъ и нѣмцевъ, которые хотя и латынники по ереси, но управляютъ подчиненными имъ съ правосудіемъ и человѣколюбіемъ“ (Сочин. II, 199—201).

([434]) *Герберш.* Записки о Моск. 84; *Флетчер.* О госуд. Русскомъ, гл. 13, стр. 40. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ: „что касается до земель, движимаго имущества и другой собственности простаго народа, то все это принадлежитъ ему только по названію, и на самомъ дѣлѣ нисколько не ограждено отъ хищничества и грабежа какъ высшихъ властей, такъ даже и простыхъ дворянъ, чиновниковъ и воиновъ. Кромѣ податей, пошлинъ, конфискацій и другихъ публичныхъ взысканій, налагаемыхъ царемъ, простой народъ подверженъ такому гра-

Объ іерархахъ нашихъ передаютъ иностранцы, что всѣ они избирались изъ монашествующихъ за святость жизни, всѣ воздерживались постоянно отъ мясной пищи и, нося на себѣ образъ благочестія, пользовались общимъ уваженіемъ, а многіе до того воспламенялись любовію къ Богу и ревностію въ служеніи Ему, что еще при жизни, потомъ и по смерти творили чудеса, — за что̀ и причтены къ лику святыхъ ([435]). И мы уже перечислили имена этихъ достойнѣйшихъ святителей, служившихъ украшеніемъ нашей церкви въ настоящій періодъ. Но и между іерархами бывали лица, далеко не соотвѣтствовавшія своему высокому призванію: въ родѣ, напримѣръ, митрополита Зосимы, открытаго еретика и предававшагося чревоугодію и пьянству; или въ родѣ того епископа, котораго обличалъ своими посланіями митрополитъ Даніилъ за его сребролюбіе, невоздержаніе и нерадѣніе къ пастырскому долгу; или въ родѣ тѣхъ архіереевъ, которые, по словамъ князя-старца Вассіана и князя Курб-

---

бежу и такимъ поборамъ отъ дворянъ, разныхъ властей и царскихъ посыльныхъ по дѣламъ общественнымъ, особенно въ такъ-называемыхъ ямахъ и богатыхъ городахъ, что вамъ случается видѣть многія деревни и города, въ полмилю или въ цѣлую милю длины, совершенно пустые,—ибо̀ народъ весь разбѣжался по другимъ мѣстамъ отъ дурнаго съ нимъ обращенія и насилій".

([435]) *Фаберъ*: ea abstinentia est, quae nunquam satis laudari poterit, insignis admodum et magna, tum archiepiscopi, tum reliquorum episcoporum, cibi atque potus, nec minor vero quam monachis, qui quidem ea lege obstricti abstinentiae, ut nunquam in perpetuum carnibus vesci liceat (*у Старч.* I, 6). *Кобенцель*: ad episcopatum nunquam aliquis assumitur nisi ex monachis, qui eo magis satagunt exemplariter vivere, ut eiusmodi dignitatem consequi possint. Unde mihi fuit affirmatum pro re certissima, quod multi ex ipsis amore et servitio divino usque adeo incenduntur et exardescunt, ut et vivi et mortui miracula edant, et tales postea canonizantur (*у Старч.* II, 15). *Антоній Поссевинъ*: episcopi omnes ex monachis, tanquam perfectioris vitae hominibus, eliguntur. Quare nec uxores habent, nec unquam carnes edunt,..., et sanctitatem prae se ferentes, apud omnes in veneratione habentur (тамъ же II, 275).

скаго, любили окружать себя множествомъ прислуги, отличались безчисленными одеждами и пиршествами и угнетали своихъ крестьянъ. Главный же недостатокъ у нашихъ владыкъ былъ тотъ, что они,—какъ прямо сказалъ имъ въ глаза ростовскій попъ Скрипица,—назирали за священниками, «по царскому чину», чрезъ бояръ, дворецкихъ, недѣльщиковъ, тіуновъ, доводчиковъ, которые иногда до того притѣсняли духовенство своимъ неправымъ судомъ, своимъ вымогательствомъ, взяточничествомъ, грабительствомъ, что «отъ ихъ великихъ продажъ», какъ сознались на Стоглавомъ соборѣ вмѣстѣ съ царемъ сами архіереи, многія церкви стояли пусты и безъ поповъ (Стогл. гл. 5, вопр. 7; гл. 68. 69). Условія быта нашего бѣлаго духовенства (о нравственномъ состояніи нашего монашества сказано нами въ другомъ мѣстѣ) были таковы, что нечего удивляться, если объ немъ сохранились одни лишь недобрые отзывы. Всѣ наши пастыри не только сельскіе, но и городскіе были едва граматные, малообразованные или вовсе необразованные и круглые невѣжды; они не понимали, какъ слѣдуетъ, ни той вѣры, которой должны были учить народъ, ни священнодѣйствій, которыя должны были совершать, ни уставовъ и узаконеній церкви, ни самой важности своего пастырскаго служенія. А съ другой стороны, это были люди, большею частію, бѣдные, удрученные нуждою, всегда зависимые отъ своихъ прихожанъ, люди тяглые на своихъ архіереевъ, находившіеся подъ гнетомъ архіерейскихъ чиновниковъ. Чего же можно было ожидать отъ такихъ пастырей? И вотъ мы видимъ между ними цѣлый рядъ преступленій противъ обязанностей пастырскихъ. Нѣкоторые до того были лѣнивы и небрежны, что совершали божественную

литургію только черезъ пять, шесть недѣль, даже черезъ полгода (Стогл. гл. 41, вопр. 31); или, получая изъ казны исправно свою годовую ругу, такъ же деньги молебныя, панихидныя, праздничныя, пшеницу на просфоры, воскъ на свѣчи, отправляли литургію только однажды въ годъ на свой храмовый праздникъ, а ни молебновъ, ни панихидъ и никакихъ другихъ церковныхъ службъ никогда не служили (—гл. 5, вопр. 30). Другіе, если и не лѣнились совершать богослуженій, то совершали ихъ не сполна и не по уставу (—гл. 5, вопр. 1), иное опускали (—гл. 41, вопр. 9. 10. 12), иное низвращали (—гл. 9), пѣли въ церквахъ безчинно вдвое и втрое (—гл. 5, вопр. 22); позволяли вносить въ св. алтарь, вмѣстѣ съ ладономъ, свѣчами, просфорами, «кутью и капунъ за здравіе и за упокой, и на великъ день пасху, сыръ, яйца и ряби печены, и во иные дни колачи, пироги, блины, короваи и всякіе овощи» и проч. (—гл. 5, вопр. 35). Еще нѣкоторые, по невѣжеству, а можетъ быть, и по корысти, разрѣшали и благословляли, наприм. въ Бѣлозерскѣ и Устюжнѣ, четвертые и пятые браки, а на Вяткѣ вѣнчали даже до шести, седьми и десяти разъ, такъ же въ роду, въ племени, въ сватовствѣ и кумовствѣ; дозволяли мужьямъ безъ вины отпускать своихъ женъ и жениться вновь, а отпущенныхъ женъ вѣнчали съ другими мужьями ([436]). Еще важнѣе и непригляднѣе были нравственныя преступленія духовенства и пороки. Главнѣйшимъ изъ нихъ слѣдуетъ назвать пьянство и «упиваніе безмѣрное», которому предавались, какъ причетники, такъ діаконы и священ-

([436]) А. И. I, №№ 64. 97. 261. 267. 298.

ники. Въ пьяномъ видѣ они являлись повсюду, на приходѣ и даже въ церкви. Здѣсь они безчинствовали, говорили всякія неподобныя рѣчи, бранились, бились и дрались между собою (—гл. 5, вопр. 15. 22). Къ этому пороку, бывшему источникомъ и многихъ другихъ, вдовые священники и діаконы присоединяли еще распутство. Многіе изъ нихъ открыто держали у себя наложницъ и вообще вели такую безчинную и зазорную жизнь, на соблазнъ міру (—гл. 5, вопр. 18), что въ Псковѣ, напримѣръ, сами священники сочли нужнымъ удалить ихъ отъ совершенія церковныхъ службъ, не говоримъ уже объ извѣстныхъ распоряженіяхъ соборовъ. «Священники мои, наставники новаго израиля (—такъ представляетъ Максимъ грекъ самаго Бога говорящимъ къ пастырямъ русской церкви—)! Вы должны быть свѣтомъ міру, солію земли, образцами цѣломудреннаго житія; а нынѣ вы сдѣлались наставниками всякаго безчинія и соблазномъ для вѣрныхъ и невѣрныхъ; объѣдаетесь, упиваетесь, досаждаете другъ другу и отъ многаго винопитія возбуждаете суетные споры; во дни божественныхъ праздниковъ моихъ, когда вамъ надлежало бы вести себя трезво и благочинно и показывать другимъ примѣръ, вы предаетесь пьянству, безчинству... Моя вѣра и божественная слава дѣлается предметомъ смѣха у язычниковъ, видящихъ ваши нравы и ваше нечестивое житіе»... (Сочин. II, 269. 271).

Каково было высшее сословіе въ государствѣ, таковы и прочія; каковы духовные пастыри, такова и паства. Отсутствіе христіанской любви, жестокость, насилія и грабительства, замѣченныя нами въ высшемъ классѣ, рѣзко отражались и проявлялись и во всемъ рукссомъ народѣ, среди го-

рожанъ и поселянъ. «Видя грубые и жестокіе поступки съ ними,—пишетъ одинъ свидѣтель-очевидецъ,—всѣхъ главныхъ должностныхъ лицъ и другихъ начальниковъ, они такъ же безчеловѣчно поступаютъ другъ съ другомъ, особенно съ своими подчиненными и низшими; самый убогій крестьянинъ, унижающійся и ползающій передъ дворяниномъ, дѣлается несноснымъ тираномъ, какъ скоро получаетъ надъ кѣмъ либо власть. Отъ этого бываетъ здѣсь множество грабежей и убійствъ; жизнь человѣка считается ни по чемъ. Часто грабятъ въ самыхъ городахъ на улицахъ, когда кто запоздаетъ вечеромъ, но на крикъ ни одинъ человѣкъ не выйдетъ изъ дому подать помочь, хотя бы и слышалъ вопли. Я не хочу говорить о страшныхъ убійствахъ, какія здѣсь случаются: едва ли кто повѣритъ, чтобы подобныя злодѣйства могли происходить между людьми, особенно такими, которые называютъ себя христіанами» ([437]). А въ глуши, вдали отъ городовъ, свидѣтельствуетъ Стоглавъ, «по дальнимъ странамъ ходили скоморохи большими ватагами, до шестидесяти, семидесяти и до ста человѣкъ, и по деревнямъ у крестьянъ ѣли и пили насильно, и изъ клѣтей животы грабили, и по дорогамъ разбивали» (—гл. 41, вопр. 19). Чувственные пороки—блудъ, прелюбодѣйство, даже содомскій грѣхъ весьма распространены были въ народѣ, да и во всѣхъ сословіяхъ. Самъ царь и отцы Стоглаваго собора открыто исповѣдали, что эти-то «скверныя, зазорныя и скаредныя» дѣла, особенно

([437]) *Флетч.* О госуд. русск. гл. 28, стр. 103. Еще съ большимъ изумленіемъ говорятъ иностранцы о крайнемъ безчеловѣчіи и жестокости русскихъ по отношенію къ своимъ несчастнымъ плѣнникамъ (*Ульфельд.* Legatio Moscovit., у *Старчев.* I, 19. 21).

содомство, кромѣ того, что служили «на смятеніе, и на соблазнъ, и на погибель многимъ людямъ», наиболѣе привлекали гнѣвъ Божій и казни на отечество, и давали поводъ иновѣрцамъ изрекать «поношеніе и укоризну нашей православной вѣрѣ христіанской» (Стогл. гл. 5, вопр. 29 и гл. 33) ([438]). Чувства цѣломудренности и стыда до того были заглушены, что, напримѣръ, въ Псковѣ, мылись въ баняхъ мужи и жены, чернецы и черницы въ одномъ мѣстѣ, безъ всякаго зазору (—гл. 41, вопр. 18). Въ частности, противъ содомскаго грѣха еще прежде вооружался старецъ псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳей, который умолялъ вел. князя Василія Ивановича искоренить въ православномъ царствѣ русскомъ этотъ грѣхъ, умножившійся не только въ простомъ народѣ, но и въ прочихъ классахъ (нашей Истор. VII, 401). Черезъ годъ послѣ Стоглаваго собора, митрополитъ Макарій, въ своемъ посланіи къ воинамъ и жителямъ города Свіяжска, такъ же укорялъ ихъ за содомскій грѣхъ и другія блудныя дѣла, и угрожалъ нечестивцамъ гнѣвомъ Божіимъ, попалившимъ Содомъ и Гоморру, и затѣмъ гнѣвомъ царскимъ и отлученіемъ отъ церкви (тамъ же 414). Съ злыми и безнравственными дѣлами соединялись такія же и слова: ложь, брань, призываніе имени Божія всуе. «Клянутся, — читаемъ въ Стоглавѣ, — именемъ Божіимъ во лжу всякими клятвами, и лаются безъ зазору всегда всякими укоризнами неподобными и богомерзкими рѣчами, иже не

([438]) И дѣйствительно, иновѣрецъ Ульфелдъ, наприм., видѣлъ въ Новгородѣ своими глазами такое нравственное безобразіе и цинизмъ, что назвалъ этихъ людей самыми грубыми и распутнѣйшими изъ всѣхъ людей, ничѣмъ почти не отличающимися отъ скотовъ (Legat. Moscov., у *Старчев.* I, 9).

подобаетъ христіаномъ, и во иновѣрцехъ такое безчиніе не творится» (—гл. 5, вопр. 27. 28); а «всего злѣе» было то, что многіе «преступали крестное цѣлованіе и накривѣ цѣловали св. крестъ и св. иконы» (—гл. 38). «Что касается до вѣрности слову,—замѣчаетъ Флетчеръ,—то русскіе, большею частію, считаютъ его ни по чемъ, какъ скоро могутъ что нибудь выиграть обманомъ и нарушить данное обѣщаніе. По истинѣ можно сказать (какъ вполнѣ извѣстно тѣмъ, которые имѣли съ ними болѣе дѣла по торговлѣ), что отъ большаго до малаго, за исключеніемъ весьма немногихъ, всякій русскій не вѣритъ ничему, что говоритъ другой, но за то и самъ не скажетъ ничего такого, на что бы можно было положиться» ([429]). Нѣкоторые народные обычаи, частію остатки еще языческой старины, хотя и потерявшіе свой прежній смыслъ и пріуроченные къ христіанскимъ днямъ и праздникамъ, а частію сложившіеся вновь подъ вліяніемъ грубаго невѣжества толпы, были или только непристойны для христіанъ, суевѣрны и безчинны, или вмѣстѣ и безнравственны. Вотъ какъ изображаетъ эти обычаи Стоглавъ: «на мірскихъ свадьбахъ играютъ органники, гусельники и смѣхотворцы и поютъ бѣсовскія пѣсни, и какъ поѣдутъ въ церковь вѣнчаться, священникъ ѣдетъ съ крестомъ, а предъ нимъ со всѣми тѣми бѣсовскими играми рыщутъ» (—гл. 41, вопр. 16). «Въ великій четвертокъ рано утромъ палятъ со-

([429]) *Флетчер.* О госуд. русск. гл. 28, стр. 103. Ульфелдъ такъ же говоритъ о русскихъ: homines sunt adeo mendaciis addicti atque a veritatis tramite ita deflectentes, ut nulla illis fides possit adhiberi, rationem promissionum nullam habent, nec turpe ducunt fallere, mentiri et furari..., ita ut mihi sane persuadeam, nullum genus hominum extare, quod magis omnem pudorem ac verecundiam exuerit (Legat. Moscov., у *Старчев.* I, 7).

лому и кличутъ мертвыхъ» (—вопр. 26). «Въ Троицкую субботу, по селамъ и по погостамъ сходятся мужи и жены на жальникахъ (кладбищахъ) и плачутъ на гробахъ съ громкимъ воплемъ, а когда начнутъ играть скоморохи, гудники и перегудники, то, переставъ плакать, начинаютъ скакать и плясать, и бить въ ладони, и пѣть сатанинскія пѣсни на тѣхъ же кладбищахъ» (—вопр. 23). «Въ ночь подъ праздникъ рождества св. Іоанна Предтечи и на самый праздникъ во весь день и ночь, равно и въ навечерія Рождества Христова и Богоявленія, въ городахъ и селахъ, мужи и жены, отроки и дѣвицы собираются вмѣстѣ и со всякими скоморошествами, съ гуслями и сатанинскими пѣснями, съ плясками и скаканіемъ, ходятъ по улицамъ и по водамъ, предаются различнымъ играмъ и пьянству, и—бываетъ отрокамъ осквернение и дѣвамъ растлѣніе; а подъ конецъ ночи спѣшатъ къ рѣкѣ съ великимъ крикомъ, какъ бѣсные, и умываются водою, и когда начнутъ звонить къ заутрени, отходятъ въ домы свои и падаютъ, какъ мертвые отъ великаго клокотанія» (—вопр. 24 и гл. 92). «Въ пасхальную недѣлю совершаютъ *радуницы* (происходили на могилахъ и соединялись сначала съ плачемъ по умершихъ, а потомъ съ пиршествомъ, при бубнахъ, пѣсняхъ, пляскахъ) и всякое на нихъ бѣснованіе» (—гл. 41, вопр. 25). «Въ первый понедѣльникъ Петрова поста ходятъ по селамъ, по погостамъ, по рѣкамъ и по рощамъ на игрища и творятъ бѣсовскія потѣхи» (—вопр. 27 и гл. 92).

Излишне было бы присовокуплять, что противъ всѣхъ этихъ многообразныхъ недостатковъ и пороковъ, какъ въ духовенствѣ такъ и въ народѣ, заявленныхъ самимъ царемъ

на Стоглавомъ соборѣ, соборъ изложилъ въ своихъ постановленіяхъ и поученія, и убѣжденія, и соотвѣтствующія правила изъ Кормчей, и, гдѣ находилъ нужнымъ, даже угрозы наказаніями, не только церковными, но и царскими.

ГЛАВА IX.

ОТНОШЕНІЕ ВОСТОЧНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ КЪ ДРУГИМЪ ЦЕРКВАМЪ И ИСПОВѢДАНІЯМЪ.

I.

Восточно-русской церкви или московской митрополіи, съ самаго начала настоящаго періода, суждено было занять особенное положеніе въ кругу другихъ православныхъ церквей, и это не потому, что она сдѣлалась фактически независимою и одною изъ автокефальныхъ, даже первою послѣ іерусалимскаго патріархата, а вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ. Съ паденіемъ Константинополя, греческая имперія пала окончательно; пали за нею и юго-славянскія царства. И всѣ православныя церкви, восточныя и юго-славянскія, подверглись владычеству злѣйшихъ враговъ христіанства—магометанъ и всякаго рода притѣсненіямъ, лишеніямъ и бѣдствіямъ. Одна церковь русская оставалась сравнительно-благоденствующею. Россія не только успѣла свергнуть съ себя монгольское иго и искоренить внутреннюю свою язву—удѣльную систему, но съ каждымъ новымъ царствованіемъ болѣе и болѣе укрѣплялась, разширялась и возвышалась. А государь русскій былъ единственный, вполнѣ самостоятельный, православный

государь во всемъ мірѣ. Очень естественно, если на Россію, на церковь русскую, на русскаго государя устремлялись теперь взоры всѣхъ православныхъ, бѣдствовавшихъ подъ иновѣрнымъ игомъ, съ мольбою и надеждою на помощь, и если, съ другой стороны, сыны русской церкви считали себя какбы обязанными, по чувству христіанской любви, а такъ же по чувству уваженія и благодарности къ старѣйшимъ церквамъ востока, дѣлать для страждущихъ своихъ по вѣрѣ братьевъ все, что было возможно. Правда, въ началѣ періода въ Россіи усомнились-было въ самомъ православіи грековъ и даже открыто высказывалась мысль, какъ извѣстно изъ псковскихъ споровъ объ аллилуіи, что греки на Флорентійскомъ соборѣ «къ своей погибели отъ истины свернулися», что «развращеннымъ грековомъ» вѣрить не должно, что и въ перво-святительской церкви цареградской «мерзость и запустѣніе»; а въ началѣ XVI в. была въ ходу и другая мысль, противъ которой счелъ нужнымъ писать Максимъ грекъ, будто самыя св. мѣста востока осквернились отъ долговременнаго пребыванія подъ властію невѣрныхъ, и будто потому не должно принимать поставленія ни на митрополію, ни вообще на владычество отъ цареградскаго патріарха, какъ живущаго «во области безбожныхъ турковъ поганаго царя» (*Максим.* Сочин. III, 154. 156). Но обѣ эти мысли, какъ неосновательныя, скоро были забыты и не препятствовали русскимъ относиться къ грекамъ, какъ къ своимъ единовѣрцамъ. Случалось и теперь, какъ прежде, что русскіе предпринимали путешествія въ Царьградъ, Іерусалимъ и другія св. мѣста собственно для поклоненія святынѣ, или на Аѳонъ для изученія монашеской жизни. Случалось, что и къ намъ при-

ходили оттуда такія лица, какъ сербъ–Пахомій Логоѳетъ и Максимъ грекъ, которыя много потрудились для нашей церкви. Случалось, что какой либо первосвятитель востока присылалъ нашему первосвятителю, въ духѣ братской любви, привѣтствіе, благожеланія и благословеніе всей его паствѣ (А. И. № 89). Но подобныя сношенія между русскими и между греками и южными славянами были теперь крайнерѣдки. А главныя и постоянныя сношенія ихъ состояли именно въ томъ, что страдавшіе подъ иновѣрнымъ игомъ православные обращались къ Россіи съ своими просьбами, а сыны русской церкви простирали братьямъ-страдальцамъ руку помощи.

Мы уже знаемъ, что еще при вел. князѣ Василіѣ Васильевичѣ первый, по паденіи Царяграда, тамошній патріархъ Геннадій присылалъ къ нашему митрополиту Іонѣ свою грамату, и что Іона послалъ ему матеріальное пособіе, какое могъ, и обѣщалъ посылать и впредь, а вел. князь отправилъ къ патріарху и своего посла—Ивана Владиміровича и затѣмъ еще два раза посылалъ кирилло-бѣлозерскаго игумена Кассіана. И какъ цѣлію этихъ посольствъ было исходатайствовать у цареградскаго и прочихъ патріарховъ грамату на независимое поставленіе нашего митрополита въ Россіи и самостоятельное управленіе имъ своею митрополіею, то очень естественно предположить, что и самые дары нашего князя патріархамъ были очень нескудны. Тогда же, по всей вѣроятности, получилъ свое начало и тотъ обычай, по которому русскіе государи, впродолженіе настоящаго періода, высылали цареградскому патріарху ежегодную дань или жалованье, про-

стиравшееся къ концу XVI в. до пятисотъ золотыхъ (440). Кромѣ этого, черезъ годъ по паденіи Царяграда, мы видимъ у себя какого-то цареградскаго, т. е. прибывшаго изъ Царяграда (не отъ самаго ли патріарха?), митрополита Игнатія, который цѣлый мѣсяцъ собиралъ пожертвованія въ Псковѣ и затѣмъ переѣхалъ въ Новгородъ, и еще какого-то грека Димитрія, о которомъ самъ митрополитъ Іона сдѣлалъ слѣдующее воззваніе ко всѣмъ князьямъ, архіепископамъ и епископамъ, боярамъ и воеводамъ и всѣмъ вообще православнымъ: «дѣти мои, этотъ человѣкъ, христіанинъ православный, по имени Димитрій, грекъ, пришелъ къ намъ отъ великаго православія, изъ царствующаго Константинограда, и повѣдалъ намъ, что, попущеніемъ Божіимъ, грѣхъ ради нашихъ, тотъ великій Константиноградъ взяли безбожные турки, св. Божіи церкви и монастыри разорили, св. мощи сожгли, старцевъ и старицъ, иноковъ и инокинь и всѣхъ грековъ многолѣтнихъ предали мечу и огню, а юныхъ и молодыхъ отвели въ плѣнъ. Тогда же и онъ, грекъ Димитрій, съ женою и чадами, немилостиво отведенъ былъ, и имѣніе его, говоритъ, все взято, такъ что ему не чѣмъ себя, жены и дѣтей выкупить изъ горькаго плѣненія. Положа упованіе на великое Божіе человѣколюбіе и слыша о великой вашей вѣрѣ къ Богу, онъ пришелъ просить милостыни, чтобы выкупить себя и семью изъ плѣ-

(440) Нашей Истор. VI, 20—22. О существованіи ежегодной дани патріарху свидѣтельствуютъ—въ началѣ XVI в. Фаберъ: Ruthenorum imperator... quotannis Constantinopolitano patriarchae in hanc usque horam... eleemosynammittere consvevit (у *Старч.* I, 6); а къ концу XVI в.—Антоній Поссевинъ: licet a Constantinopolitano patriarcha confirmatio mitropolitae haud petatur, ei audio quin. gentos avreos nummos in eleemosynam singulis annis a principe numerari (у *Старч.* II, 275).

на. И я благословляю васъ, своихъ дѣтей, что̀ кому Богъ положитъ на сердце, ради спасенія вашихъ душъ, подайте ему милостыню, помня слово самаго Христа: *блаженіи милостивіи, яко тіи помиловани будутъ*»...и проч. Если выраженіе митр. Іоны понимать такъ, что грекъ Димитрій повѣдалъ ему первый о взятіи Царяграда турками, то надобно допустить, что этотъ грекъ пришелъ къ намъ нѣсколько прежде и цареградскаго митрополита Игнатія и граматы цареградскаго патріарха Геннадія (441). Можно думать, что отправлялъ нашъ вел. князь Василій Васильевичъ свою милостыню и въ Іерусалимъ: иначе трудно понять, по какому поводу іерусалимскій патріархъ Іоакимъ прислалъ ему «прощенную» грамату, въ которой, похваляя его православіе, благочестіе и покорность церкви, преподалъ ему разрѣшеніе отъ всѣхъ его грѣховъ, вольныхъ и невольныхъ (442).

Въ княженіе Ивана Васильевича III, этотъ іерусалимскій патріархъ Іоакимъ самъ уже обращался къ Россіи за помощію. Въ Іерусалимѣ случилось страшное землетрясеніе, отъ котораго многія мечети сарацинскія совершенно разсыпались, а славный христіанскій храмъ воскресенія Христова разсѣлся сверху до низу и куполъ его упалъ. Тогда сарацины хотѣли отнять у христіанъ этотъ храмъ и обратить въ мечеть, и

---

(441) Митрополитъ Игнатій находился въ Псковѣ весь іюнь 1454 г. (П. Собр. Р. Лѣт. IV, 216); а грекъ Димитрій, хотя грамата о немъ митрополита написана въ томъ же году, могъ прибыть къ намъ гораздо прежде іюня (А. И. I, 264).

(442) А. И. I, № 72. Впрочемъ, эту грамату Іоакимъ могъ прислать в. кн. Василію Васильевичу чрезъ своего протосинкелла Іосифа, не зная, что Василій Васильевичъ уже скончался (См. слѣдующее примѣчаніе и текстъ, къ которому оно относится).

патріархъ едва могъ умолить египетскаго султана, чтобы не отнималъ церкви и не обращалъ ея въ мечеть. Султанъ потребовалъ за то десять тысячъ венеціанскихъ золотыхъ, но наконецъ согласился уступить, когда патріархъ обязался выплатить ему шесть тысячъ золотыхъ, отдалъ подъ залогъ всѣ церковные сосуды и представилъ восемнадцать надежныхъ поручителей изъ христіанъ. Принявъ на себя такое тяжкое обязательство, глубокій старецъ-патріархъ рѣшился самъ отправиться въ дальную Россію, для сбора пожертвованій. Но на пути, въ Каѳѣ, скончался, успѣвъ, однакожъ, предъ кончиною написать въ Россію три граматы: къ вел. князю, къ митрополиту и ко всѣмъ русскимъ. Въ этихъ граматахъ, сказавъ о высокомъ значеніи св. града-Іерусалима для всего христіанскаго міра, о бѣдствіи, постигшемъ храмъ гроба Господня, и о томъ, что прежде, пока еще поддерживалось христіанство въ Царьградѣ, «св. гробу помогали и болгарская, и сербская земля, и трапезунтская, и иныя земли, а нынѣ всѣ онѣ оскудѣли отъ поганыхъ», патріархъ продолжаетъ, что вслѣдствіе всего этого онъ и предпринялъ путешествіе въ Россію, но что на пути опасно заболѣлъ и, не надѣясь остаться въ живыхъ, посылаетъ, вмѣсто себя, въ Россію своего великаго протосинкелла Іосифа, уже нареченнаго на митрополію Кесаріи Филипповой, и въ заключеніе проситъ русскихъ, чтобы они принимали Іосифа, какъ бы самаго патріарха, и подавали ему милостыню на гробъ Господень. Митрополиту Ѳеодосію, кромѣ граматы, патріархъ прислалъ еще письменную довѣренность, которою просилъ и уполномочивалъ его рукоположить Іосифа во епископа-митрополита Кесаріи Филипповой. И нашъ первосвятитель, по благословенію и

уполномоченности отъ патріарха, дѣйствительно рукоположилъ этого Іосифа въ санъ епископа-митрополита (4-го марта 1464 г.), а вслѣдъ затѣмъ написалъ окружное посланіе, въ которомъ, повторивъ все, изложенное въ граматахъ патріарха, убеждалъ и умолялъ своихъ духовныхъ чадъ, чтобы они «безбоязненно, съ вѣрою и любовію, подавали милостыню Іосифу, митрополиту кесарійскому, каждый, сколько хочетъ, по силѣ своей, на искупленіе Христова гроба и на созиданіе св. матери церквей—Сіона, отколѣ возсіяла радость и свѣтъ–Христосъ». Посланіе имѣло успѣхъ, и Іосифъ «пойде назадъ, много собравъ милостынъ», но только будтобы «не дойде своея земли», такъ что неизвѣстно, достигла ли собранная имъ милостыня своей цѣли (443).

Въ 1497 г. къ вел. князю Ивану Васильевичу приходили, милостыни ради, съ св. горы аѳонской игуменъ Паисій и три старца Пантелеимонова монастыря, и князь пожаловалъ имъ довольно милостыни и съ ними послалъ милостыню и въ иные аѳонскіе монастыри: ибо «тотъ монастырь св. Пантелеимона, прибавляетъ лѣтопись, изстарины бяше строеніе

---

(443) О граматахъ патр. Іоакима къ вел. князю и митр. Ѳеодосію упоминаетъ самъ Ѳеодосій въ своемъ посланіи (А. И. I, № 78). Грамата же Іоакима ко всѣмъ русскимъ еще не напечатана и находится въ Сборн. новгор. Соф. библ., нынѣ Спб. дух. акад., первой половины XVI в., № 1454, л. 445 об.—449. Здѣсь патріархъ, говоря о св. мѣстахъ Іерусалима, между прочимъ, замѣтилъ, что эти мѣста „иже и *отъ вашихъ странъ многіи* прихождаху, знаютъ и вѣдаютъ“; а относительно своего протосинкелла Іосифа выражался: „имѣйте его, какъ самого мене; азъ бо подадохъ ему власть имѣти, юже самъ имѣхъ отъ Духа Святаго, рѣшати и вязати....., и повелѣніемъ нашимъ Іосифъ, нареченный на митрополію Кесарія Филипповы, да дастъ прощеніе грѣховъ требующимъ отъ него и *грамату отпустную*, еже о грѣсѣхъ, человѣкомъ“. О рукоположеніи Іосифа во епископа-митрополита и о сдѣланныхъ имъ сборахъ—П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 151; Ник. Лѣт. VI, 2.

прежнихъ вел. князей русскихъ отъ великаго Владимера». Иванъ III согласился даже принять на себя имя ктитора этой обители, вслѣдствіе чего въ ней устроена была ктиторская чаша его имени, изъ которой, по существовавшему обычаю, пила за трапезой вся братія за его здоровье, пока онъ былъ живъ, а потомъ на память ему, когда онъ скончался (444). Около тогоже времени приходилъ въ Россію и изъ другаго аѳонскаго монастыря, по имени Ксиропотамона, отъ лица игумена и всей братіи старецъ Герасимъ просить милостыни «на прокормленіе и на подможеніе» той честной обители, ограбленной турками. Великій князь надѣлилъ и этого старца и отпустилъ въ св. гору; но на пути онъ былъ ограбленъ и взятъ въ плѣнъ татарами, потомъ проданъ въ Астрахань, изъ Астрахани въ Казань, откуда выкупили его русскіе и привезли въ Москву. Здѣсь митрополитъ Симонъ (1495—1505) принялъ въ немъ живое участіе и написалъ окружное посланіе, въ которомъ, изложивъ все, случившееся съ этимъ старцемъ, призывалъ сыновъ Россіи подавать старцу милостыню, какъ на содержаніе его обители, такъ и на уплату тѣмъ, которые выкупили его изъ плѣна (445). Присылалъ, хотя неизвѣстно въ какомъ году, и бѣлградскій митрополитъ изъ Сербіи двухъ старцевъ, Анастасія и Іоанникія, съ просьбою о милостыни, и Иванъ Васильевичъ не только принялъ ихъ милостиво и одарилъ, но еще пожаловалъ имъ

---

(444) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 41—42; VIII, 233; Никон. Лѣт. VI, 149. О ктиторствѣ и ктиторской чаши Ивана III говорятъ иноки этого монастыря въ своей граматѣ 1509 года (Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, ч. I, стр. 14, с. п. б. 1858).

(445) А. И. I, № 103.

отъ себя грамату, чтобы и впредь, когда захочетъ, сербскій митрополитъ могъ присылать съ нею въ Россію за сборомъ милостыни.

Въ княженіе Василія Ивановича эти же самые старцы, дѣйствительно, еще два раза приходили въ Россію, сперва отъ митрополита Григорія, потомъ (въ 1509 г.) отъ преемника его Ѳеофана. Разсказавъ новому государю, что́ сдѣлалъ для нихъ его отецъ, они просили Василія Ивановича, чтобы и онъ оказалъ милость бѣлградской митрополичей обители, принялъ на себя званіе ея ктитора и выдалъ имъ новую грамату на проѣздъ въ Россію, о чемъ говорилось такъ же и въ граматахъ сербскаго митрополита и сербскаго деспота Іоанна, которыя они представили нашему вел. князю. Съ этими старцами въ 1509 г. прибыли изъ Сербіи еще два старца: Евгеній отъ вдовы сербскаго деспота Стефана, инокини Ангелины, просившей пособія на построеніе новой церкви, и Іоанникій отъ преображенскаго Сысоева монастыря въ Кучайнѣ. Великій князь благосклонно принялъ всѣ просьбы и послалъ: бѣлградскому митрополиту Ѳеофану, извѣщая его и о прежней своей милостынѣ его предмѣстнику—Григорію, три сорока соболей, три тысячи бѣлокъ, новую грамату на проѣздъ его иноковъ въ Россію и серебряный ктиторскій ковшъ или чашу для извѣстнаго употребленія въ обители; вдовѣ бывшаго деспота Ангелинѣ—четыре сорока соболей и четыре тысячи бѣлокъ; преображенскому Сысоеву монастырю на горѣ Кучайнѣ сорокъ соболей и триста бѣлокъ ([446]). Гораздо чаще обращались къ намъ за помощію аѳонскіе иноки.

([446]) Сношен. Россіи съ Восток. I, 14 -22.

Въ 1507 г. приходили отъ всей горы аѳонской изъ Пантелеимонова монастыря архидіаконъ Пахомій и монахъ Іаковъ, и государь послалъ съ ними своему Пантелеимонову монастырю пять сороковъ соболей, пять тысячъ бѣлокъ и серебряную чару, а на прочіе монастыри Аѳона сто шестьдесятъ золотыхъ. Черезъ два года протъ Паисій со всѣми иноками Аѳона и игуменъ пантелеимоновскій Савва прислали къ Василію Ивановичу благодарственныя граматы за эту милостыню и новыя просьбы о вспоможеніи. Государь и въ этотъ разъ отправилъ Пантелеимонову монастырю пять сороковъ соболей и пять тысячъ бѣлокъ и проту Паисію такое же количество соболей и бѣлокъ на всѣ восмнадцать монастырей Аѳона ([447]). Въ 1515 г. Василій Ивановичъ послалъ на Аѳонъ чрезъ боярина своего Василія Копыля, по завѣщанію своего отца и матери, большую милостыню на тысячу рублей и столько же отъ себя для раздачи по всѣмъ монастырямъ, да кромѣ того въ лавру св. Аѳанасія и въ монастырь Ватопедскій по серебряной чарѣ, камчатыя ризы и пелены къ иконамъ св. Аѳанасія и Благовѣщенія, и собору всѣхъ монастырей св. горы жалованную грамату на пріѣздъ ихъ иноковъ въ Россію для сбора подаяній ([448]). Черезъ три года пришли въ Москву изъ Ватопедскаго монастыря старцы— Максимъ грекъ, Неофитъ грекъ, да Лаврентій болгаринъ съ граматами, въ которыхъ игуменъ и братія извѣщали нашего князя и митрополита о полученіи милостыни, посланной чрезъ

([447]) П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 247; Ник. Лѣт. VI, 177; Сношен. Россіи съ Восток. I, 12—14. 20.

([448]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 257; VIII, 259; Ник. Лѣт. VI, 203. 205; Сношен. Россіи съ Восток. I, 22—23.

Копыля, рекомендовали ученаго Максима грека, и просили, когда онъ окончитъ свое дѣло, отпустить всѣхъ трехъ старцевъ назадъ съ милостынею. Вмѣстѣ съ ними пришли и изъ Пантелеимонова монастыря, который при этомъ прямо называется въ лѣтописяхъ *русскимъ*, проигуменъ Савва и еще два брата, такъ же съ граматами къ государю и митрополиту: здѣсь игуменъ и братія просили вел. князя, чтобы обновилъ св. Пантелеимоновъ монастырь—«свою отчину и дѣдину», такъ какъ алтарь великой церкви разсѣлся и падаетъ, и нужно перекрыть всю церковную крышу, а митрополита просили жаловать и миловать монастырь, напоминая, что прежній, почившій митрополитъ русскій миловалъ его. Всѣхъ этихъ аѳонскихъ старцевъ, равно какъ и прибывшаго за годъ прежде нихъ изъ Ксиропотамскаго монастыря священноинока Исаію Сербина, государь отпустилъ (1520 г.), кромѣ Максима грека, съ богатыми дарами и пожаловалъ не только деньгами, но и иконами, и одеждами, и другими потребными вещами ([449]). Вообще же пожертвованія изъ Россіи на Аѳонъ, во дни в. кн. Василія Ивановича, были такъ часты и значительны, что въ 1525 г. иноки всѣхъ обителей св. горы, скитяне и киновляне, благодарили чадъ русской церкви «за подаяніе имъ, нищимъ, въ откупъ бусурманскому царю, во вся лѣта тысящу тысящъ, и за сосуды златы и серебрени, и воздуси, украшени драгимъ камыщемъ и бисеромъ, и ризное церковное служеніе, и оклади образомъ», и говорили: «аще бы не великій государь въ подмогу давалъ намъ, сво-

([449]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 261; VIII, 263. 269; Ник. Лѣт. VI, 212. 224; А. И. I, №№ 122. 123; Сношн. Россіи съ Восток. I, 26—32.

имъ богомольцамъ, и въ потребу своего благочестія, и только бы не его государское жалованье было великое къ намъ во св. обители, то во святѣй бы горѣ, во обителѣхъ, мало иноковъ житія ихъ бывало, понеже вси бы изгнани были отъ нечестивыхъ турокъ, по повелѣнію нечестиваго бусурманскаго царя» ([150]).

Бывали при вел. кн. Василіѣ Ивановичѣ, пожертвованія изъ Россіи и патріаршему престолу въ Царьградѣ. По смерти бывшаго патріарха Симеона (въ 1490 г.), турки не только взяли имущество его въ казну султана, но и похители множество богато-украшенныхъ церковныхъ книгъ, иконъ, кандильницъ и прочей утвари, всего на 180000 астровъ. Вслѣдствіе этого одинъ изъ преемниковъ Симеона, патріархъ Пахомій обратился въ Россію за доброхотными подаяніями и получилъ щедрую милостыню, особенно отъ тверскаго епископа Нила (1509—1521), который выслалъ ему, кромѣ цѣнныхъ иконъ, ризъ, стихарей и другихъ вещей церковныхъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ, 45 соболей, 740 горностаевъ, соболью шубу подъ бархатомъ, 19 шубъ бѣличьихъ, 2000 бѣлокъ дѣланныхъ, 440 хомяковъ, нѣмецкіе часы съ звономъ, ковшъ и двѣ чары серебряные, множество гребней, ножей, рыбьяго зуба, шапокъ лисьихъ, серебряныхъ пуговицъ и проч. Преемникъ Пахомія Θеолиптъ присылалъ въ 1518 г. отъ себя въ Россію митрополита Григорія, который пробылъ у насъ полтора года и повезъ патріарху отъ государя «милостыню довольну», а такъ же и

([150]) См. „Посланіе св. горы инокъ“—въ Выписи изъ Государ. граматы о сочетаніи втораго брака (Чтен. М. Истор. Общ. 1847, № 8, отд. IV, 5—8).

отъ митрополита Варлаама, къ которому привезъ грамату отъ патріарха, св. мура и частицы мощей ([451]). Въ томъ же году пріѣзжалъ къ Василію Ивановичу старецъ и съ отдаленнаго Синая, по имени Климентъ, и привезъ грамату отъ своего игумена Даніила, въ которой изображались крайнія притѣсненія синайской обители отъ безбожныхъ агарянъ, и вел. князь послалъ этой обители милостыню на шестьсотъ золотыхъ соболями, бѣлками, лисицами, рыбьимъ зубомъ и другими вещами. Въ 1533 г. обратился къ нашему государю съ просительною граматою и александрійскій патріархъ Іоакимъ, изображая въ ней бѣдствія своей церкви подъ владычествомъ невѣрныхъ, и прислалъ въ Россію трехъ старцевъ за милостынею; но не знаемъ, застали ли они въ живыхъ Василія Ивановича, скончавшагося въ концѣ этого года ([452]).

Въ царствованіе Ивана Васильевича IV пособія восточнымъ христіанамъ изъ Россіи еще умножились и увеличились. Онъ помогалъ всѣмъ четыремъ патріархамъ. «Мы много разъ,— писалъ къ нему въ 1556 г. цареградскій патріархъ Діонисій,—обращались къ твоему царству о благодатной милостыни, и ты не только тогда, но и всегда присылаешь къ намъ свою милостыню и помощь. Нынѣ же мы находимся въ тѣснотѣ: монастырь нашъ вмѣстѣ съ великою

([451]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 260—261; VIII, 263 269; Ник. Лѣт. VI, 212. 224; А. Э. I, № 289, стр. 339; А. И. I, № 121. Грамата тверскаго епископа Нила къ В. Андр. Коробову, отправлявшемуся въ Царьградъ, содержащая перечень вещей, посылаемыхъ патріарху Пахомію, напеч. въ Продолжен Древн. Росс. Библіоѳ. ч. VI.

([452]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 262; VIII, 265; Ник. Лѣт. VI, 216; Сношен. Россіи съ Восток. I, 33 – 42; А. И. I, № 133.

церковію огражденъ только досками и въ разореніи; не имѣемъ ни келлій, ни даже масла деревяннаго для лампадъ». И царь съ честію принималъ патріаршаго посла, митрополита кизическаго и евгрипскаго Іоасафа, и послалъ чрезъ него (въ генв. 1557 г.) преемнику Діонисія, вскорѣ за тѣмъ скончавшагося, Іоасафу II на сооруженіе ограды и на церковныя потребы соболями на 2000 золотыхъ, а братъ царя Юрій отъ себя—на 200 рублей, митрополитъ Макарій—100 рублей и князь Владиміръ Андрѣевичъ—100 рублей. Да тутъ же послалъ царь и помянникъ всѣхъ своихъ предковъ, князей и княгинь русскихъ для вписанія ихъ въ синодикъ великой цареградской церкви, и отправилъ суздальскаго архимандрита Ѳеодорита, чтобы испросить себѣ у патріарха благословенную грамату на царство. Въ слѣдующемъ году, патріархъ увѣдомилъ государя своею граматою, что получилъ его щедрую милостыню, записалъ имена всѣхъ русскихъ князей въ синодикѣ великой церкви для поминовенія, его же царское имя велѣлъ поминать не только въ великой церкви, но и во всѣхъ епархіяхъ патріархата, какъ прежде поминались имена греческихъ царей, и обѣщалъ прислать ему, чрезъ своего повѣреннаго, благословенную грамату на царство. А въ сентябрѣ 1562 г. извѣстилъ царя, что на присланныя имъ деньги не только соорудилъ у себя каменную ограду и новыя каменныя келліи, но и завелъ училище, въ которомъ обучаются иноки и міряне всякаго возраста, грамматикѣ, риторикѣ, піитикѣ и другимъ наукамъ, и дѣйствительно прислалъ обѣщанную грамату, подписанную какъ имъ самимъ-патріархомъ, такъ и всѣми подвѣдомыми ему святителями, которою благословлялъ нашего государя быть и именоваться царемъ закон-

нымъ, благочестивѣйшимъ и право-вѣнчаннымъ. Иванъ Васильевичъ на этотъ разъ (1565 г.) отправилъ 1300 рублей не одному патріарху, но и для раздачи всѣмъ подписавшимъ благословенную грамату святителямъ. Къ сожалѣнію, милостыня эта не достигла своего назначенія: такъ какъ приходившій къ намъ митрополитъ кизическій и евгрипскій, съ которымъ она была послана, скончался на пути въ Грузію и былъ ограбленъ. Наконецъ, преемнику патріарха Іоасафа, Митрофану, просившему и царя и митрополита нашего Кирилла о вспомоществованіи, первый послалъ (1571 г.) двѣсти рублей на поминъ своей царицы Анастасіи и сто рублей на поминъ своего брата Юрія, да пятьсотъ рублей на мvроваренiе, которое уже около 50-ти лѣтъ, за скудостію, не совершалось въ Константинополѣ, а митр. Кириллъ приложилъ отъ себя сто рублей такъ же на мvроваренiе ([453]). Что касается до прочихъ патріарховъ, то, кромѣ небольшой милостыни въ 1550 г. іерусалимскому (30 рублей самому патріарху и 50 р. ко гробу Господню на свѣчи и ладанъ), Иванъ Васильевичъ отправилъ ко всѣмъ имъ значительныя пожертвованія въ 1559 г. чрезъ новгородскаго софійскаго архидіакона Геннадія и купца Василія Позднякова. Іерусалимскому—Герману послалъ на четыреста золотыхъ венгерскихъ рухляди и бархатную соболью шубу, да еще на четыреста золотыхъ

([453]) Ник. Лѣт. VII, 273. 274. 278; Сношен. Россіи съ Восток. I, 71—88. 104—112. 118—121. 123—126. Снес. А. Э. I, № 289, стр. 348. 349; Доп. А. И. I, № 221, стр. 368. Подлинная Соборная грамата 1561 года, утверждающая санъ царя за вел. кн. Иваномъ Васильевичемъ IV, напечатана, въ видѣ особой книги, княземъ *Оболенскимъ* (Москв. 1850). Тамъ же въ примѣч. 3-мъ напечатана изъ Статейнаго списка и вся переписка царя и патріарха по этому случаю; равно какъ и инструкція, какая дана была архимандриту Ѳеодориту.

рухляди въ даръ гробу Господню и на двѣсти золотыхъ для церкви голгоѳской; антіохійскому—Іоакиму на двѣсти золотыхъ рухляди и бархатную соболью шубу; александрійскому Іоакиму—на тысячу золотыхъ рухляди и бархатную соболью шубу (такая же шуба послана была тогда и константинопольскому Іоасафу). Вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ государь и синайскому архіепископу Макарію на тысячу золотыхъ рухляди для обновленія синайскаго монастыря и бархатную шубу, и въ лавру св. Саввы Освященнаго игумену Іоасафу двѣсти рублей денегъ на монастырское строеніе. Въ другой разъ послалъ (1571 г.), чрезъ купца Семена Барзунова, александрійскому патріарху Сильвестру и синайскому архіепископу Евгенію по полутораста рублей на поминовеніе своей царицы Анастасіи и брата Юрія. А виѳлеемскому митрополиту Іоакиму пожаловалъ (1582—1584 г.) для обновленія храма сперва пятьдесятъ, потомъ, когда митрополитъ самъ прибылъ въ Москву, сто восемь рублей и сорокъ куницъ ([454]).

Изъ аѳонскихъ монастырей Иванъ IV наиболѣе благодѣтельствовалъ Пантелеимонову, называвшемуся русскимъ и ктиторіей русскаго государя, и сербской Хиландарской лаврѣ. Въ 1543 г. онъ пожаловалъ первому монастырю грамату, въ которой приказывалъ не только давать его старцамъ свободный проѣздъ по Россіи и не брать съ нихъ на пути никакихъ пошлинъ, но и доставлять имъ кормъ и подводы.

([454]) Сношен. Россіи съ Восток. I, 56—59. 95—97. 123. 126. 128—134. Архидіаконъ новгородскій Геннадій посланъ былъ на востокъ не для раздачи только милостыни, но чтобы и „обычеи во странахъ тѣхъ писати ему“ (П. Собр. Р. Лѣт. III, 159). Къ сожалѣнію, онъ въ Константинополѣ скончался (Сношен. Россіи съ Восток. I, 98).

По этой-то, конечно, граматѣ приходили къ намъ въ 1547 г. изъ Пантелеимонова монастыря строитель Савва и три другіе брата просить милостыни «на прокормленіе, вспоможеніе и искупленіе» своей обители, и послѣ того, какъ государь «почтилъ ихъ и удовлетворилъ» изъ собственной казны, митрополитъ Макарій написалъ еще окружное воззваніе ко всѣмъ сынамъ русской церкви, приглашая ихъ жертвовать, по мѣрѣ силъ, на туже обитель. Въ 1550 г., извѣщая государя о полученной отъ него милостынѣ, братія обители извѣщали такъ же, что на деньги, присланныя его покойнымъ отцемъ, они построили лишь половину монастырской ограды, а другая половина разсыпалась, что монастырь задолжалъ 600 рублей и терпитъ насилія не только отъ турокъ, но и отъ грековъ, отнявшихъ у него многія его земли, и умоляли вновь пособить имъ и написать объ нихъ турецкому султану. Иванъ Васильевичъ не отказалъ въ пособіи и дѣйствительно написалъ турецкому султану, прося Пантелеимонову монастырю «защищенія и облегченія дани». Въ 1554 г. царь приказалъ выдать старцу этого монастыря Евѳимію грамату на безпрепятственное путешествіе по Россіи для сбора пожертвованій, а въ 1571 г., чрезъ купца Барзунова, послалъ въ этотъ монастырь двѣсти рублей по царицѣ своей Анастасіи, сто пятьдесятъ по братѣ Юріѣ и серебряную чашу по царицѣ Маріи ([455]).

Не менѣе, если даже не болѣе, участія принималъ царь въ судьбѣ сербской Хиландарской лавры. Въ 1550 г. прибылъ

([455]) А. до юрид. быта Россіи I, № 40; А. И. I, №№ 296. 300; Сношен. Россіи съ Востокъ. I, 60—62. 68—69. 127.

изъ нея въ Москву игуменъ Паисій съ граматою къ царю отъ всѣхъ своихъ братій, въ которой они горько жаловались на бѣдственное положеніе своей обители и притѣсненія не только отъ турокъ, но и отъ греческихъ монастырей. «Нынѣ, писали старцы, монастырь нашъ обветшалъ и келліи всѣ порушились; церковные сосуды, златые и серебряные, честные кресты, св. евангелія, кадильницы, рипиды и иная церковная утварь заложены у турокъ и жидовъ за полторы тысячи рублей, а помощи монастырю ни откуда нѣтъ... Плачемся тебѣ, царю и государю, умилосердись, пошли до турецкаго султана свое царское слово, чтобы не бралъ съ насъ дани и пошлинъ и велѣлъ возвратить намъ пашни, которыя отняли у насъ греки; они богаты и даютъ туркамъ великіе посулы, отнимая у нашихъ монастырей пашни, а намъ нечего давать туркамъ... Нынѣ наши монастыри, Словенскаго языка въ греческой землѣ пребываютъ въ чуждостранствіи, и мы алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ безъ своихъ царей и ктиторовъ у безбожныхъ Агарянъ. Сотвори милость съ нами». Государь немедленно послалъ (1551 г.) свое ходатайство турецкому султану и о Хиландарскомъ монастырѣ. За тѣмъ, (1554—1556 г.) выдалъ монастырю жалованную грамату на свободный пріѣздъ его старцевъ въ Россію за милостынею; принялъ монастырь и всѣхъ его иноковъ подъ свое особое покровительство, выражаясь въ своей граматѣ: «хотя они и не подъ нашимъ обрѣтаются начальствомъ, но видя ихъ скорбь, и утѣсненіе, и смиренное припаданіе къ нашему царству, мы приняли ихъ, во имя государства нашего, для вспоможенія и пропитанія ихъ во всякихъ бѣдахъ», — пожаловалъ монастырю въ Москвѣ подворье со всѣми потребными хоро-

мами, въ новомъ городѣ Китаѣ, по правую сторону богоявленскаго монастыря, и позволилъ тремъ его старцамъ собирать милостыню въ Новгородѣ и по всѣмъ новгородскимъ монастырямъ. Въ 1557 г. послалъ въ монастырь, чрезъ этихъ старцевъ, триста рублей и богатую завѣсу къ царскимъ вратамъ, шитую золотомъ и унизанную жемчугомъ,— при чемъ такъ же послали отъ себя—царевичъ Иванъ серебряную, позолоченную панагію и князь Юрій Васильевичъ пятьдесятъ рублей деньгами. Въ 1559 г. послалъ архимандриту монастыря Прохору, чрезъ новгородскаго софійскаго архидіакона Геннадія, еще триста рублей. Въ 1571 г. пожаловалъ этому же архимандриту Прохору, находившемуся въ Москвѣ, пятьсотъ рублей на поминъ царицы Анастасіи и послалъ въ монастырь, чрезъ купца Барзунова, еще сто пять рублей на поминовеніе брата Юрія. А около 1580 г. послалъ архимандриту монастыря Ѳеодосію сто двадцать рублей. Надобно замѣтить, что въ 1571 г., кромѣ монастырей Хиландарскаго и Пантелеимонова, государь послалъ, чрезъ купца Барзунова, и къ проту и всему собору св. горы семьсотъ рублей по царицѣ и четыреста рублей по братѣ для раздачи всѣмъ прочимъ монастырямъ Аѳона ([456]).

Послѣдняя и самая значительная милостыня на востокъ отъ царя Ивана Васильевича была милостыня по убитомъ имъ сынѣ, царевичѣ Иванѣ. Съ нею онъ отправилъ въ 1582 г. разомъ два посольства: Трифона Коробейникова съ товарищами въ Царьградъ, Антіохію, Александрію, Іерусалимъ, на

([456]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 158; Ник. Лѣт. VII, 278 - 279; Сношен. Россіи съ Восток. I, 62 — 71. 75 — 76. 97. 126 — 127; 131 — 132; А. Э. I, № 289, стр. 349.

Синайскую гору и въ Египетъ, и Ивана Мешенина съ товарищами въ Царьградъ и во св. гору. Сколько послано было съ Коробейниковымъ, неизвѣстно; замѣчено только, что къ одной великомученицѣ Екатеринѣ на Синайской горѣ назначено было пятьсотъ рублей. А отъ Ивана Мешенина сохранился подробный отчетъ о розданной имъ милостынѣ, изъ котораго видно, что цареградскому патріарху Іереміи доставлено шестьсотъ рублей и сорокъ соболей; по монастырямъ въ Царьградѣ и въ окрестностяхъ его и нищимъ роздано тысячу рублей; на Аѳонѣ — Ватопедскому монастырю дано 820 р., Хиландарскому 700 р., Пантелеимонову, находившемуся тогда въ запустѣніи, 500 р., а прочимъ монастырямъ роздано, черезъ прота св. горы, 2870 р., слѣд. всего — 6490 рублей. Въ сентябрѣ 1583 г. царь послалъ еще въ Царьградъ и на Аѳонъ торговаго человѣка Марка Самсонова съ милостынею по царевичѣ, хотя и незначительною, и именно патріарху послалъ сорокъ соболей, въ Пантелеимоновъ монастырь ризу и стихарь, въ Хиландарскій полное облаченіе, и въ тоже время велѣлъ отпустить милостыню по душѣ царевича въ два монастыря сербской земли, Троицкій и Вознесенскій, чрезъ находившихся въ Москвѣ старцевъ ихъ, по двадцати рублей ([457]). Всего послано было царемъ на востокъ милостыни по царевичѣ Иванѣ, какъ слышали современники-иностранцы, до 10,000 рублей и даже гораздо болѣе ([458]).

([457]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 263; Сношен. Россіи съ Восток. I, 134—143

([458]) *Антоній Поссевинъ* говоритъ о царѣ: duos Moscos ad patriarchas monasteriaque orientis misit, denis rublonum millibus (rublo paulo plus duobus coronatis censetur) ad eleemosynam filiique demortui refrigerium procurandum

Царь Ѳедоръ Ивановичъ успѣлъ показать, еще въ первые пять лѣтъ своего царствованія, до учрежденія патріаршества въ Россіи, свою щедрость восточнымъ христіанамъ. Немедленно, по вступленіи на престолъ (1584 г.), онъ послалъ въ Царьградъ съ милостынею по скончавшемся отцѣ своемъ Бориса Благова, который доставилъ самому патріарху Ѳеоклиту сорокъ соболей и шестьсотъ рублей деньгами, да роздалъ по монастырямъ цареградскимъ двѣсти девяносто рублей и нищимъ шестьдесятъ рублей. Когда Благой возвратился и привезъ государю граматы патріарховъ цареградскаго Ѳеоклита, александрійскаго Сильвестра и іерусалимскаго Софронія, а отъ цареградскаго, вмѣстѣ съ царскимъ посломъ, пришли въ Москву еще два іерарха—архіепископъ Елассонскій Арсеній и епископъ Дирахійскій Паисій, тогда Ѳедоръ Ивановичъ пожаловалъ этимъ іерархамъ 475 рублей и послалъ (къ концу 1585 г.) патріарху цареградскому двѣсти рублей; архіепископу синайскому, въ патріархатѣ александрійскомъ, 850 р. и еще пятьдесятъ четыре рубля на два неугасаемыя кандила, одно у Неопалимой купины, другое надъ мощами великомученицы Екатерины; и патріарху іерусалимскому 900 рублей, съ тѣмъ чтобы онъ роздалъ милостынныя деньги на всѣ церкви и монастыри своей патріархіи, да восемьдесятъ два рубля на два неугасаемыя кандила у гроба Господня и одно на Голгоѳѣ. Патріархъ антіохійскій Іоакимъ, не получившій милостыни, прибылъ (1586 г.) самъ въ Москву, и здѣсь принятъ былъ съ великою честью, и получилъ

---

datis (*у Старчев.* II, 293). *Павелъ Одербонъ*: supra septuaginta septem avreorum nummum millia in Graeciam ad patriarchas monachosque... transmisit.... (тамъ же 255).

отъ государя, послѣ первой у него трапезы, двѣсти рублей и разные другіе подарки, а предъ отъѣздомъ своимъ два портища бархата и венеціанскаго атласа, камку, сорокъ соболей, серебряную чару въ двадцать пять рублей и деньгами сорокъ рублей, да отъ Троице-Сергіева монастыря три образа въ окладѣ, сорокъ соболей, камку бобровую, серебряную чару и сорокъ рублей деньгами. Съ патріархомъ отпустилъ государь подъячаго Михаила Огаркова: онъ повезъ, вмѣстѣ съ царскими граматами, цареградскому патріарху 375 рублей дополнительной милостыни по царѣ Иванѣ Васильевичѣ для раздачи тѣмъ монастырямъ, къ которымъ прежняя не дошла, да 160 рублей на выкупъ одной церкви въ Царьградѣ, которою владѣли турки, и александрійскому патріарху триста рублей, соболью шубу подъ камкою и большую серебряную чару, да на монастыри александрійскіе сто рублей ([459]). На Аѳонъ посылалъ Ѳедоръ Ивановичъ милостыню по отцѣ своемъ еще въ 1584 г: чрезъ возвращавшихся тогда изъ Москвы святогорскихъ старцевъ и, между прочимъ, Ватопедскому монастырю послалъ шестьсотъ рублей... За тѣмъ приходили съ Аѳона—изъ Пантократора монастыря игуменъ Романъ и изъ монастырей Иверскаго, Ксенофскаго и Никольскаго старцы (1586 г.), изъ Зогуафскаго игуменъ Паисій (1587 г.), изъ Хиландарскаго архимандритъ Арсеній и изъ Ватопедскаго экклезіархъ Григорій (1588 г.), и всѣ возвращались съ полученною отъ царя милостынею. Замѣтнѣе стало, при Ѳедорѣ Ивановичѣ, посѣщеніе Россіи духовными лицами изъ серб-

([459]) Сношен. Россіи съ Восток. I, 145—146. 163. 166. 169. 174. 178—182.

ской и болгарской земли. Въ 1585 г. были въ Москвѣ старцы изъ сербскаго вознесенскаго, Милешева, монастыря, въ которомъ почиваетъ св. Савва сербскій, и изъ сербскаго благовѣщенскаго монастыря на рѣкѣ Папаротѣ, — и въ первый монастырь царь пожаловалъ 275 р. и полное облаченіе, а въ послѣдній сто двадцать рублей. Не успѣли еще выѣхать изъ Москвы эти старцы, какъ прибылъ въ нее самъ верховный ихъ архипастырь, титуловавшій себя архіепископомъ Охриды и всея болгарскія и сербскія земли, по имени Гавріилъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ гревенскимъ Софроніемъ и многочисленною свитою, и, получивъ отъ государя щедрые дары, возвратился въ свою землю. Послѣ него къ намъ приходили: въ 1586 г. изъ болгарской земли—отъ благовѣщенскаго монастыря митрополитъ Виссаріонъ Колоссейскій, отъ великой горы Соговицы игуменъ Гервасій, да отъ монастыря архангельскаго священникъ Стефанъ, а въ 1587 г. митрополитъ Авлонскій Ѳеофанъ съ граматами отъ болгарскаго—Охридскаго архіепископа Ѳеодула, сербскій епископъ Григорій изъ города Софіи и старцы изъ двухъ сербскихъ монастырей, Аккольскаго и Милешева-вознесенскаго, и изъ Селуни отъ монастыря св. Николая,—и всѣ, надѣленные милостями государя, отпущены были въ свои страны ([460]).

Вообще число лицъ, стремившихся въ Россію съ востока и изъ юго-славянскихъ земель съ просьбами о помощи постепенно увеличивалось и, при Ѳедорѣ Ивановичѣ, дошло до того, что нѣкоторыхъ, по волѣ правительства, даже не пропускали въ Россію, а на границѣ, надѣливъ отъ имени царя

([460]) Тамъ же I, 146—148. 164. 167—169. 182—188.

милостынею, отправляли назадъ. Всѣ приходившіе обыкновенно представляли граматы то отъ святителей, то отъ своихъ монастырей. Но случались и обманщики съ подложными граматами, какъ обнаруживалось впослѣдствіи; впрочемъ, извѣстенъ лишь одинъ такого рода случай ([461]). Многіе просители довольствовались тѣми милостями, какія получали изъ рукъ вел. князя; но другіе предпринимали еще странствованія по Россіи для сбора доброхотныхъ подаяній. Обращаясь къ нашему государю за помощію и дарами, нѣкоторые святители и монастыри присылали или подносили и ему отъ себя поминки: то иконы, то мощи святыхъ. Такъ, царю Ивану Васильевичу—кизическій митрополитъ Іоасафъ привезъ отъ константинопольскаго патріарха Діонисія мощи св. апостола Варнавы и св. мучениковъ Георгія и Пантелеимона; виѳлеемскій митрополитъ Іоакимъ представилъ отъ себя руку св. мученика Елевѳерія, а старцы Хиландарскаго монастыря поднесли въ первый разъ—обложенныя серебромъ иконы св. Саввы и Симеона сербскихъ, крестъ съ животворящимъ древомъ внутри, который носилъ на себѣ св. царь-инокъ Савва, и мощи великомученика Стефана, въ другой разъ—мозаическій на серебрѣ образъ архангела Михаила и мощи св. исповѣдника Анѳима. Царю Ѳедору Ивановичу прислали патріархи: цареградскій Ѳеолиптъ—часть отъ главы св. Лазаря и мощи св. мученицъ Соломоніи, Параскевы и Евдокіи; александрійскій Сильвестръ—икону Пресв. Троицы, обложенную золотомъ, на золотой цѣпи, для ношенія на груди; іерусалимскій Софроній—чудную панагію съ изображеніемъ успенія пресв. Бо-

([461]) Тамъ же I, 121—122. 183.

гродицы такъ же для ношенія на груди; патріархъ антіохійскій принесъ въ даръ мощи св. апостола Ананіи и Игнатія Богоносца, мучениковъ Георгія, Кипріана и Іустиніи; сербскій епископъ Григорій такъ же принесъ руку отъ мощей св. Григорія Декаполита,—и присланы были отъ монастырей: Пантократорова аѳонскаго—мощи св. великомуч. Ѳеодора Стратилата, обложенныя серебромъ; Зографскаго аѳонскаго—мощи преп. Михаила Синадскаго и муч. Пигасія, да двѣ иконы Богоматери и великомуч. Георгія съ мощами; Аккольскаго сербскаго—образъ великомуч. Георгія и часть мощей муч. Георгія новаго и проч. ([462]). Достойно замѣчанія, что, пользуясь своими сношеніями съ цареградскимъ патріархомъ, наши государи посылали къ нему, по временамъ, молодыхъ людей для изученія греческаго языка. Напримѣръ, въ 1551 г. Иванъ Васильевичъ отправилъ къ патріарху Діонисію «паробка» Обрюту Михайлова Грекова, и просилъ патріарха держать его при себѣ, доколѣ не научится греческой граматѣ и языку; а въ 1557 г. просилъ преемника Діонисіева Іоасафа отпустить этого Обрюту, уже научившагося греческому языку, въ Россію. Въ 1583 г. тотъ же государь послалъ въ Царьградъ тридцать рублей на двухъ «ребятъ», обучавшихся тамъ греческой граматѣ при патріархѣ, а послѣдняго просилъ пристальнѣе смотрѣть за ними: такъ какъ патріархъ, находя ихъ слишкомъ взрослыми для изученія граматы, выразилъ опасеніе, чтобы они не убѣжали къ туркамъ. Въ 1585 г. находился въ Царьградѣ еще одинъ ученикъ изъ

([462]) Никон. Лѣт. VII, 273; Сношен. Россіи съ Восток. I, 62—64. 129. 151. 155. 158. 160. 165. 173. 183. 186—188.

Россіи Грязнуша Ушаковъ, о которомъ въ слѣдующемъ году Ѳедоръ Ивановичъ писалъ къ патріарху, чтобы отпустилъ его въ отечество, если онъ уже достаточно наученъ греческой грамотѣ, а если еще нѣтъ, то велѣлъ бы ему пристальнѣе доучиться и тѣмъ показать любовь къ своему царю-государю ([463]).

II.

Отношенія наши къ римской церкви сохраняли свой прежній характеръ. На латинянъ у насъ смотрѣли, какъ на отступниковъ отъ истинной вѣры, раскольниковъ и еретиковъ, не только простой народъ, но и люди ученые, каковъ былъ Максимъ грекъ, и сами святители ([464]). Латинянамъ приписывали множество ересей, даже и такихъ, въ которыхъ они вовсе неповинны и которыя не заслуживаютъ имени ереси: припомнимъ хоть слова Стоглаваго собора, будто латиняне четверятъ Св. Троицу, и будто брадобритіе, трегубая алли-

([463]) Тамъ же I, 69. 84. 134. 135. 151. 181.

([464]) *Максим.* Сочин. I, 213—234; А. И. I, №№ 63. 65. 66. 272. 275. 281. Въ послѣднемъ документѣ митрополитъ Филиппъ пишетъ къ новгородцамъ, что латинство есть „богоотметная ересь древнихъ еретикъ Каруловыхъ“, что „въ ересѣхъ латына пребываютъ даже и до-днесь и вси ихъ папы римскыи, четверовластно держа Св. Троицу, глаголюще не токмо отъ Отца Духъ Святый исходящь, но и отъ Сына....; и опресночная служатъ, а суботу хранятъ и постятъ въ ню, якоже жидове, и водою кропятся по вся дени тѣмъ же обычаемъ жидовскимъ“, и присовокупляетъ: „а о прочихъ ересѣхъ латыньскыхъ и въ св. книгахъ поискавъ, обрящете многы зѣло ереси ихъ“ (—стр. 516). Да и сами латинскіе писатели того времени свидѣтельствовали о русскихъ: dicunt, omnes obedientes romanae ecclesiae veros christianos non esse, neque salvandos.... Imo dominum Papam cum ecclesia romana dicunt haereticum esse de haeresi Ariana, et catholicos omnes arianos vocant, et anathematizant ipsum... (Histor. Russiae Monument. I, № 123, p. 124). Снес. Примѣч. 413.

луія, троеперстіе для крестнаго знаменія суть латинскія ереси ([165]). Кромѣ того, что переписывались еще и употреблялись у насъ всѣ сочиненія противъ латинянъ, появившіяся у насъ въ прежнія времена, теперь появлялись у насъ въ переводахъ съ греческаго и вновь составлялись и нѣкоторыя другія сочиненія такого же рода, въ которыхъ не было латинянамъ никакой пощады ([166]). Самое крещеніе ихъ, чрезъ обливаніе, считалось недѣйствительнымъ, и потому латинянъ, если они принимали православіе, крестили вновь, хотя случаи такого обращенія ихъ къ православію были весьма рѣдки ([167]). Храмы латинянъ не хотѣли у насъ даже называть храмами или церквами, а называли божницами въ отличіе отъ своихъ, православныхъ церквей и храмовъ. Всѣ обряды римской церкви порицали и осмѣивали, а отъ иконъ, въ ней употреблявшихся, отвращались, такъ что русскіе послы, ѣздившіе къ иностраннымъ дворамъ, всегда возили съ

([165]) Болѣе подробное перечисленіе латинскихъ ересей можно видѣть въ извѣстной статьѣ „о Фрязехъ и о прочихъ латынахъ“, помѣщавшейся во всѣхъ нашихъ Кормчихъ (см. выше примѣч. 137), и въ статьѣ о преніи греческаго философа Панагіота съ латинами, обличавшаго ихъ въ 72-хъ ересяхъ, которая очень часто встрѣчается въ рукописяхъ XV и XVI в. (выше примѣч. 130).

([166]) Всѣ сочиненія противъ латинянъ, прежде у насъ употреблявшіяся, разсмотрѣны, а нѣкоторыя и цѣликомъ напечатаны, въ книгѣ *А. Попова*: Историко-литературный обзоръ полемич. сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.), М. 1875. Новыя сочиненія противъ латинянъ, проникшія къ намъ въ XV—XVI в. въ переводахъ съ греческаго, суть сочиненія Григорія Паламы и Нила Кавасилы, архіеп. солунскихъ (Опис. рукоп. Москов. Синод. библ. II, 2, 471—477). А изъ русскихъ сочиненій въ этомъ родѣ можемъ указать на „Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню“, составленное ок. 1461 г., при в. кн. Василіи Васильевичѣ и митроп. Ѳеодосіѣ (напечатано сполна въ означенной книгѣ г. *А. Попова* стр. 360—395).

([167]) Такъ, служившій у насъ монетчикомъ Иванъ Фрязинъ, родомъ изъ Венеціи, при обращеніи въ православіе, былъ несомнѣнно крещенъ вновь нашимъ православнымъ крещеніемъ. (П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 176; Ник. Лѣт. VI, 50). См. такъ же далѣе примѣч. 473.

собою свои иконы, и однажды, когда въ Аринимѣ префектъ города предложилъ нашимъ посламъ помѣщеніе въ своемъ домѣ, они выбросили иконы хозяина изъ комнаты, которую занимали, и на мѣсто ихъ поставили свои образа ([468]). Исповѣдниковъ римской вѣры, приходившихъ къ намъ, художниковъ, ремесленниковъ и другихъ, охотно принимали у насъ на жительство и предоставляли имъ держаться своей вѣры, безъ всякаго стѣсненія; но не дозволяли имъ имѣть свои храмы, не дозволяли входить и въ русскіе храмы. Въ торжественныхъ случаяхъ государь приглашалъ иногда иностранныхъ пословъ—латинянъ присутствовать при нашемъ богослуженіи, но въ другое время самъ же совѣтывалъ посламъ не входить въ русскую церковь, чтобы не подвергнуться нареканію отъ православныхъ ([469]). Наши архіереи продолжали повторять, предъ рукоположеніемъ своимъ, и тотъ обѣтъ, что они не позволятъ никогда въ своихъ епархіяхъ никому изъ православныхъ ни брачнаго сочетанія, ни кумовства, ни братства, какъ съ армянами, такъ и съ латинами (А. Э. I, стр. 471). Эта отчужденность отъ латинянъ, эта непріязнь къ нимъ, переданная намъ греками и воспитанная историческими обстоятельствами, простиралась до того, что самое имя католика было ненавистно русскимъ, и если кто изъ нихъ желалъ другому зла, то говорилъ: «чтобъ тебѣ сдѣлаться латиняни-

---

([468]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 239; Histor. Russiae Monument. I, p. 125; *Фабер.* Moscovit. relig., у *Старчев.* I, 10; *Ант. Поссевин.* De rebus Moscovit., у *Старчев.* II, 276. 298.

([469]) *Поссевин.* тамъ же II, 278. Герберштейнъ въ оба свои посольства присутствовалъ при богослуженіи въ успенскомъ соборѣ 15-го Августа, т. е. въ храмовый праздникъ (Записки о Московіи, 72). Но Кобенцелю государь не совѣтовалъ входить въ русскую церковь по означенной причинѣ (De legat. ad Moscovit., у *Старчев.* II, 14).

номъ!», а въ лѣтописяхъ нашихъ и другихъ сочиненіяхъ встрѣчаются даже выраженія: «поганая латына», «безбожная латына», «проклятая латына» и под. ([470]). При такомъ отношеніи русскихъ къ римскому католичеству, легко понять, чѣмъ должны были окончиваться всѣ попытки папъ и папистовъ привлечь русскихъ къ своему исповѣданію. А эти попытки продолжались, хотя и не непрерывно, во весь настоящій періодъ.

Извѣстно, какъ поступилъ папа, когда ему не удалось ввести въ Россію флорентійскую унію чрезъ митрополита Исидора. Папа рѣшилъ съ своими клевретами, по крайней мѣрѣ, отторгнуть отъ русской церкви тѣ девять епархій, которыя находились во владѣніяхъ литовско-польскаго короля—латинянина, и подчинить ихъ особому митрополиту, поставлен-

---

([470]) Поссевинъ: cum ingens alicui malum imprecantur, utinam te, inquiunt, latinae fidei videam (у *Старч.* II, 276). Извѣстный псковскій пресвитеръ Василій, въ монашествѣ Варлаамъ, такъ начинаетъ свою Повѣсть о мученической кончинѣ св. Исидора въ Юрьевѣ ливонскомъ: „Въ лѣто 6985, попущеніемъ Божіимъ на христіаны, разсвирѣпившимся *безбожнымъ* латиномъ и хотящимъ брань воздвигнути... на вся Христовы церкви..., христіанское служеніе... умыслиша разорити *окаяннїи* онѣ латыне и въ св. церквей мѣсто восхотѣша свои *идольскія* храмы поставити и опресночная служенія уставити, еже отъ *проклятаго* папы римскаго Петра гугниваго пріяша; послѣди... *безбожнїи* Нѣмцы, сирѣчь латыновe подтвержденіе пріяша своимъ *проклятымъ ересемъ* и своей *злочестивой* вѣрѣ отъ.... папы Евгенія *еретика* суща, врага истинѣ, отъ *антихристова предтечи*, отъ *проклятаго* его собора, и восхотѣша совратити люди Божія отъ вѣры христіанскія истинныя и въ свою *проклятую* вѣру латынскую привести“. И такъ далѣе до самаго конца Повѣсти (Рукоп. Сборн. нашей библ. № 66, л. 222 об.). См. также П. Собр. Р. Лѣт. IV, 218; VI, 191. 192. Равно и Краковскій каноникъ Сакранъ свидѣтельствуетъ: haec schismatis huius Ruthenici una eademque est voluntas omnium, ut adversus Romanam ecclesiam et eiusritum odio fremant insectenturque eam maledictis suis, et fideles de obedientia eius, fide, bonis, gloria vitaque nudare ac privare moliuntur semper,.... toto nisu conantes, ut e medio fideles quosque exterminent, ut sic nomen ecclesiasticae religionis apud et inter eos abolitione prorsus interiret (Elucidar. errorum ritus Ruthenicae, anno Do. 1500 scriptus, apud Lasicium - De Russorum Moscovit. et Tartaror. religione..., p. 185—186, Spirae 1582).

ному въ Римѣ, Григорію, ученику Исидорову. Этимъ дѣло не кончилось. Король польскій нѣсколько разъ писалъ къ нашимъ вел. князьямъ Василію Васильевичу и потомъ Ивану Васильевичу, чтобы они приняли Григорія и въ Москву, и признали его власть надъ всею русскою церковію. Когда и тутъ послѣдовала неудача, самъ Григорій отправилъ своего посла въ Царьградъ къ патріарху Симону (Симеону Трапезунтскому) съ богатыми дарами и съ просьбою, чтобы патріархъ благословилъ и утвердилъ его въ званіи митрополита и надъ московскою митрополіею и послалъ о томъ своего посла къ русскому государю. Но патріархъ, несмотря на свою крайнюю бѣдность, богатыхъ даровъ не принялъ и благословенія не далъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе изъ Царьграда отъ Іосифа, митрополита Кессаріи Филипповой, поставленнаго у насъ въ Москвѣ, и опасаясь, какъ бы патріархъ не поколебался, Иванъ Васильевичъ, вмѣстѣ съ своимъ митрополитомъ Филиппомъ (1465—1473) и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, рѣшилъ: патріаршаго посла, если онъ будетъ посланъ къ намъ съ благословеніемъ Григорію, не впускать въ свою землю и самого патріарха того имѣть «чужа и отречена», и написалъ новгородскому архіепископу Іоѳѣ († 1470), чтобы и онъ не принималъ ни патріаршаго, ни Григоріева пословъ, если они придутъ въ Новгородъ, не вѣрилъ патріаршей граматѣ и не бралъ никакихъ поминковъ отъ посла Григоріева, а оставался бы вѣренъ московскому митрополиту ([474]).

Между тѣмъ, какъ все это происходило, въ Римѣ созрѣвали новые замыслы противъ русской церкви. Туда, по па-

([474]) Нашей Исторіи VI, 35—45; А. Э. I, № 80.

деніи греческаго царства, удалился (1460 г.) одинъ изъ братьевъ послѣдняго греческаго императора, Ѳома Палеологъ, деспотъ Морейскій, вмѣстѣ съ семействомъ своимъ, состоявшимъ изъ двухъ сыновей и дочери, по имени Софіи. Папа принялъ царственнаго пришельца и назначилъ ему на содержаніе отъ себя жалованье, которое, по смерти его (1465 г.), продолжалъ и его малолѣтнимъ дѣтямъ; но за то старался воспитать ихъ въ духѣ своей церкви. Дѣломъ завѣдывалъ пользовавшійся особымъ довѣріемъ папы Павла II-го кардиналъ Виссаріонъ, нѣкогда православный никейскій митрополитъ, но измѣнившій отеческой вѣрѣ во Флоренціи: по его-то инструкціи, дѣти обязаны были имѣть при себѣ латинскихъ священниковъ, ходить въ латинскія церкви и вообще навыкать латинскимъ обычаямъ. Когда Софія пришла въ возрастъ, папа и Виссаріонъ рѣшились предложить руку ея русскому вел. князю Ивану Васильевичу, надѣясь достигнуть чрезъ то разомъ двухъ цѣлей: обратить князя и за нимъ всю Россію къ римской вѣрѣ и привлечь его къ участію, вмѣстѣ съ другими государями Европы, въ томъ крестовомъ походѣ, который подготовлялъ тогда папа, особенно по настояніямъ Виссаріона, чтобы сокрушить могущество турокъ и возстановить греческую имперію. Виссаріонъ отправилъ (1469 г.) отъ себя посла, грека—Юрія Траханіота, съ письмомъ къ нашему вел. князю и, предлагая ему руку Софіи, скрылъ отъ него, какъ она воспитывалась въ Римѣ, напротивъ утверждалъ, что она православная христіанка и уже отказала двумъ женихамъ—государямъ латинской вѣры. Такое предложеніе породниться съ императорскимъ домомъ, царствовавшимъ въ Греціи, не могло не понравиться нашему государю, и онъ, по

совѣщаніи съ митрополитомъ, съ своею матерью, братьями и боярами, послалъ въ Римъ принявшаго у насъ православіе монетчика Ивана Фрязина, родомъ венеціанца, сначала чтобы только дать отвѣтъ Виссаріону и папѣ, видѣть невѣсту и достать ея портретъ, а потомъ чрезъ нѣсколько времени (16 генв. 1472 г.) уже за тѣмъ, чтобы привезть ее въ Россію. Грамата вел. князя, которую въ послѣдній разъ Фрязинъ представилъ папѣ Сикусту IV, была очень коротка: въ ней князь только кланялся папѣ и просилъ вѣрить его посламъ. А посолъ, признавшій за лучшее скрывать въ Римѣ свое православіе и выдававшій себя за латинянина, рѣшился говорить отъ имени князя, съ его ли согласія или самовольно, одну лишь ложь, угодную папѣ, чтобы достигнуть своей цѣли, конечно, понимая, что если будетъ говорить правду, то Софію и не отпустятъ въ Россію. Посолъ увѣрялъ, что русскій государь не отвергаетъ флорентійскаго собора, ревнуетъ о возсоединеніи церквей, питаетъ приверженность къ папѣ, какъ главѣ церкви, готовъ принять отъ него легата, который изслѣдовалъ-бы на мѣстѣ обряды русской вѣры и наставилъ-бы заблуждающихся на путь истины, и такъ же готовъ принять участіе въ походѣ противъ турокъ. Папа повѣрилъ послу и успокоилъ кардиналовъ, сомнѣвавшихся въ правовѣріи нашего государя и народа; далъ Софіи богатое вѣно и отпустилъ ее въ Россію со множествомъ грековъ, а съ нею послалъ и своего легата Антонія со множествомъ латинянъ. Но скоро для папы должны были начаться разочарованія. Первая измѣнила ему Софія. Еще на пути, въ Псковѣ, встрѣченная торжественно духовенствомъ, она приняла благословеніе отъ православныхъ священниковъ, вошла въ

Троицкій соборъ, выслушала молебствіе, приложилась ко кресту и къ чудотворной иконѣ Богородицы, и, замѣтивъ, что сопутствовавшій ей легатъ, предъ которымъ несли литое изображеніе креста, въ своей пурпуровой одеждѣ и шапкѣ, гордо вступилъ въ церковь, не поклонился предъ иконами, даже не перекрестился, велѣла ему приложиться такъ же къ иконѣ Богородицы. А когда поѣздъ уже приближался къ Москвѣ, вел. князь, до котораго дошли вѣсти, что Антоній, для большей важности, во всю дорогу ѣхалъ съ латинскимъ крыжемъ впереди, началъ совѣтоваться, можно ли допустить это и при вступленіи легата въ Москву. Одни, особенно Иванъ Фрязинъ, говорили, что можно и должно изъ уваженія къ папѣ; а другіе, что такой чести римской вѣрѣ никогда не дѣлали въ Россіи; сдѣлалъ-было Исидоръ, и самъ погибъ. Князь обратился къ митрополиту, и митрополитъ далъ отвѣтъ: «не возможно такъ легату не только войти въ городъ Москву, но и приблизиться къ ней; если же ты дозволишь это, желая почтить его, то онъ войдетъ въ одни ворота города, а я, богомолецъ твой, выйду въ другія; любить и честить чужую вѣру значило бы поругаться своей». Князь немедленно послалъ къ легату, чтобы спряталъ свой крыжъ, и легатъ принужденъ былъ уступить. Вскорѣ послѣдовала свадьба великаго князя (12 ноября 1472 г.). Легатъ представилъ ему письмо и дары отъ папы. Князь принималъ легата и прибывшихъ съ нимъ римлянъ, равно какъ и грековъ, съ великими почестями. Но когда Антоній заговорилъ о флорентійской уніи, князь предложилъ ему побесѣдовать о томъ съ митрополитомъ Филиппомъ. А митрополитъ нарочно приготовился къ этой бесѣдѣ, «много изучилъ, отъ книгъ словеса емлючи», и при-

звалъ еще въ помощь себѣ книжника Никиту поповича. Впродолженіе преній съ легатомъ, митрополитъ то говорилъ самъ, то приказывалъ говорить Никитѣ. Легатъ, разумѣется, дѣлалъ возраженія, защищалъ свои мысли; но какъ у насъ тогда господствовалъ обычай, въ подобныхъ случаяхъ, на все требовать «свидѣтельства отъ книгъ», безъ чего не хотѣли вѣрить никакимъ доказательствамъ,—обычай, доселѣ остающійся въ силѣ у нашихъ раскольниковъ,—то и отъ легата, вѣрно, потребовали такихъ же свидѣтельствъ въ подтвержденіе его словъ. Легатъ отвѣчалъ: «книгъ со мною нѣтъ»,—и пренія окончились ничѣмъ. Легата отпустили (26 генв. 1473 г.) изъ Москвы съ богатыми дарами папѣ; но это едвали могло утѣшить послѣдняго, тѣмъ болѣе, что не состоялся и предполагавшійся походъ противъ турокъ съ участіемъ въ немъ нашего государя ([172]).

Около тогоже времени, когда въ Москвѣ происходили эти мирныя пренія о вѣрѣ между представителемъ папства и православнымъ святителемъ, въ небольшомъ городкѣ Ливоніи, находившейся нѣкогда подъ властію русскихъ князей, въ нашемъ древнемъ Юрьевѣ (Дерптѣ), совершено ревнителями латинства страшное насиліе надъ православными. Тамъ былъ «русскій конецъ», т. е. населенный русскими, и въ немъ издавна существовали двѣ русскихъ церкви: одна во имя святителя Николая, другая во имя великом. Георгія. Не далѣе,

([172]) Все, что происходило по этому дѣлу въ Римѣ, изложено у *Райнальда* (Annales Eccles. ad ann. 1470–1472). Инструкція Виссаріона о воспитаніи Софіи и ея братьевъ, преподанная въ письмѣ къ ихъ учителю, напечатана у *Францы* (Hist. Byzantin. p. 410, ed. Bonn. 1838). Все прочее—въ П. Собр. Р. Лѣт. IV, 244; VI, 196; VIII, 154. 169. 173. 175; Ник. Лѣт. VI, 7. 37. 43. 49.

какъ въ 1463 г. юрьевскій бискупъ, посадники и ратманы вновь заключили въ Псковѣ съ вел. княземъ московскимъ договоръ, которымъ обязывались давать русскому государю пошлину «по старинѣ» и такъ же «русскій конецъ и св. церкви держать по старинѣ и по старымъ граматамъ, а не обидѣть» ([473]). Между тѣмъ въ это самое время и начали наиболѣе обнаруживаться обиды русскимъ въ Юрьевѣ, такъ что одинъ изъ русскихъ священниковъ, Іоаннъ, служившій при церкви св. Николая, нашелся вынужденнымъ удалиться со всѣмъ своимъ семействомъ въ Псковъ, гдѣ, по смерти жены своей, принявъ монашество съ именемъ Іоны, положилъ основаніе псково-печерскому монастырю (ок. 1470 г.). А другой священникъ, Исидоръ, рѣшившійся не оставлять своей паствы до конца, вскорѣ долженъ былъ вкусить мученическую смерть. Въ началѣ 1472 г., на праздникъ Богоявленія, когда Исидоръ съ своими прихожанами вышелъ на рѣху Амовжу (нынѣ Эмбахъ) и совершалъ водосвятіе, на нихъ внезапно устремились, по приказанію своего бискупа, толпы ливонскихъ нѣмцевъ, схватили священника и до 72-хъ его прихожанъ, мужей и женъ, и повлекли ихъ сначала предъ лице бискупа, а потомъ въ темницу. Очень вѣроятно, что власти и жители Дерпта если и терпѣли въ своемъ городѣ православную церковь, то только подъ условіемъ, какъ это дѣлалось иногда и въ другихъ городахъ латинской вѣры, чтобы православные отправляли свои церковныя службы скромно и скрытно, а отнюдь не

([473]) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 225. Двѣ русскія церкви въ Юрьевѣ, Николаевская и Георгіевская, упоминаются и въ Описаніи путешествія митроп. Исидора, чрезъ Юрьевъ, на Флорентійскій соборъ въ 1437 г. (Древн. Русск. Вивліоѳ. VI, 29, изд. 2).

публично и не торжественно, и что потому-то крестный торжественный ходъ русскихъ на рѣку и возбудилъ въ нѣмцахъ религіозный фанатизмъ. Кромѣ того противъ Исидора еще прежде сильно вооруженъ былъ бискупъ: такъ какъ ему было донесено, что Исидоръ, при своихъ религіозныхъ собесѣдованіяхъ съ нѣмцами, съ жаромъ защищая свое исповѣданіе, смѣло порицалъ вѣру латинскую. По заключеніи Исидора въ темницу, бискупъ послалъ приглашеніе къ старѣйшинамъ города, чтобы они собрались въ ратушу. Потребовали въ ратушу и Исидора съ его прихожанами: здѣсь ихъ судили и убѣждали не упорствовать болѣе въ своемъ православіи, сдѣлаться католиками и сознаться, что они несправедливо хулили латинскую вѣру. Но Исидоръ и его духовные дѣти остались непреклонными, и всѣ, по приговору своихъ жестокихъ судей, 8-го генваря, потоплены были въ рѣкѣ Амовжѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ими устроенъ былъ іорданъ для водосвятія. Весною, по вскрытіи Амовжы, когда спали ея разлившіяся воды, тѣла страдальцевъ найдены на берегу ея, въ трехъ верстахъ отъ Дерпта, всѣ въ одномъ мѣстѣ, ничѣмъ неповрежденныя. Проѣзжіе православные купцы нѣкоторыхъ похоронили тутъ же, а другихъ перевезли въ Дерптъ и погребли у церкви св. Николая ([474]). Черезъ два года (въ

([474]) Нашей Истор. VII, 41. Разсказъ о мученичествѣ Исидора съ прихожанами написанъ псковскимъ пресвитеромъ Василіемъ съ его обычнымъ многословіемъ и нечуждъ хронологической ошибки: потому что, относя это событіе къ 1472 г., а по другимъ рукописямъ—къ 1475 г. (см выше примѣч 470), говоритъ, будто оно случилось при новгор. владыкѣ Іонѣ († 1470). Но на основаніи подобной неточности, происшедшей, можетъ быть, отъ переписчиковъ, несправедливо было бы заподозривать достовѣрность всего разсказа, который составленъ, по порученію митроп. Макарія, и могъ опираться на болѣе древнемъ письменномъ документѣ. Василій влагаетъ въ уста Исидора, на судѣ, весьма рѣзкія обличенія

1474 г.) юрьевцы снова заключили съ вел. княземъ московскимъ договоръ, въ которомъ статья первая гласила: «што св. Божіи церкви у Юрьевѣ, у рускомъ концы, и рускій конецъ, и то честному бискупу и посадникомъ юрьевскимъ и всѣмъ юрьевцомъ держати честно, по старынѣ и по крестному цѣлованью и не обидѣти» (А. Запад. Рос. I, № 69). А въ 1481 г., при возобновленіи этого договора, сказано было: «бискупу юрьевскому и посадникомъ и ратманомъ юрьевскимъ церкви Божіи *св. Николы и св. Георгія* очистити и рускій конецъ и села тыхъ церквей очистити, по крестному цѣлованью, по старынѣ» (тамъ же № 75, стр. 97).

Не довольствуясь тѣмъ, чтобы навязывать свою вѣру своимъ малочисленнымъ православнымъ согражданамъ, юрьевцы желали распространять ее и внѣ предѣловъ своего города и всей Ливоніи. Около 1491 г. *сѣрые чернецы* (названные сѣрыми по цвѣту одежды) прислали изъ Юрьева въ Псковъ Филиппу Петрову, вѣроятно, намѣстнику новгородскаго владыки, грамату о флорентійскомъ соборѣ, которую Петровъ заявилъ намѣстнику государеву-князю и посадникамъ. За тѣмъ «пришли въ Псковъ изъ Нѣмецъ,—такъ доносилъ владыкѣ Геннадію самъ Филиппъ Петровъ,—сѣрыя чернецы, да начали говорить о вѣрѣ; были у священниковъ, и я былъ тутъ же; а къ тебѣ, государь, итти не захотѣли. И священники много съ ними состязались, и переспорили ихъ отъ божественныхъ писаній. Чернецы говорили: «соединилъ вѣру нашъ папа съ

противъ латинянъ, а равно и увѣщанія къ нимъ, въ родѣ слѣдующаго: „О латыни безумніи!.... останитеся злыя и душегубныя прелести, вѣры своея проклятыя латынскія, и пріимите христіанскую вѣру, и *креститеся* во имя Отца и Сына и Св. Духа“... (Сборн. нашей библ. № 66, л. 222 об.—233).

вашими на осмомъ соборѣ, да и мы и вы христіане, и вѣруемъ въ Сына Божія». Священники отвѣчали: «не у всѣхъ вѣра правая; если вы вѣруете въ Сына Божія, то зачѣмъ послѣдуете жидамъ-богоубійцамъ, субботствуете, постясь, и приносите въ жертву опрѣсноки? Этимъ вы, богопротивно, жидовствуете. Еще вы исповѣдуете: и въ Духа Святаго..., отъ Отца и отъ Сына исходящаго, и тѣмъ вводите два начала въ Богѣ и впадаете въ ересь Македонія духоборца. И много другого у васъ совершается вопреки божественныхъ правилъ и соборовъ. А что вы говорите объ осмомъ соборѣ, который созывалъ папа Евгеній...., знаемъ мы хорошо то окаянное сборище; о немъ мы и слышать не хотимъ, оно отвержено Богомъ и четырьмя патріархами. Мы содержимъ только седмь вселенскихъ соборовъ, о которыхъ сказано: *Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь*..... Все это,—заключаетъ Филиппъ Петровъ,—твоимъ благословеніемъ, государь, и многое иное отмолвили студнымъ латынамъ Господни священники отъ божественныхъ писаній» (А. И. I, № 286).

У вел. князя Василія Ивановича былъ любимый врачъ Николай Булевъ, долго жившій въ Россіи и считавшійся человѣкомъ ученымъ, умнымъ и искуснымъ въ словѣ. Пользуясь своимъ положеніемъ и репутаціею, онъ распространялъ въ нашемъ высшемъ обществѣ астрологическія идеи и вмѣстѣ ученіе папизма, и даже написалъ сочиненіе о соединеніи русскихъ и латинянъ. Максимъ грекъ, какъ только прибылъ къ намъ (1518 г.), поспѣшилъ опровергнуть это сочиненіе и вступилъ въ переписку съ самимъ его авторомъ. Изъ переписки видно, что Николай-нѣмчинъ, какъ называлъ его Мак-

симъ грекъ, былъ недовольно знакомъ съ тѣмъ дѣломъ, о которомъ писалъ, потому что просилъ Максима объяснить ему, когда и какъ отлучились латиняне отъ грековъ; не былъ фанатикомъ -латинянином, потому что просилъ Максима молиться о немъ и принималъ отъ Максима совѣты и убѣжденія отложить всякое латинское словопреніе и съ дѣтскою покорностію принять православную вѣру. Попытка Булева, очевидно, была его частнымъ дѣломъ. Но въ томъ же 1518 г. присланъ былъ въ Москву отъ самаго папы, Льва X, легатъ Николай Шомбергъ, доминиканскій монахъ. Этому послу, равно какъ магистру ливонскаго ордена Албрехту, поручено было папою— склонить нашего князя, чтобы онъ, вопервыхъ, примирился съ литовскимъ королемъ и соединился съ другими государями Европы во всенародномъ ополченіи для изгнанія турокъ изъ Греціи, а вовторыхъ—принялъ единеніе съ римскою церковію. Для того, чтобы подѣйствовать на Василія Ивановича, ему представляли, что онъ въ правѣ отнять у турокъ Царьградъ, какъ свое законное наслѣдіе, будучи сыномъ греческой царевны, и что если онъ соединится съ римскою церковію, то папа увѣнчаетъ его царскою короною и титуломъ, а русскаго митрополита возведетъ въ санъ патріарха, и не только не отмѣнитъ, но еще утвердитъ своею граматою всѣ добрые церковные обычаи въ Россіи. Шомбергъ, вѣрно, сообщилъ папѣ пріятныя вѣсти: потому что къ концу тогоже года папа выражалъ ему, граматою, свое удовольствіе за присланное имъ донесеніе, хвалилъ его ревность, благоразуміе и труды, подающіе надежду на счастливое окончаніе дѣла, и вновь давалъ обѣщаніе возвеличить русскаго вел. князя, если онъ приметъ флорентійскую унію, королевскимъ титломъ и всѣми

царскими украшеніями; а въ слѣдующемъ году отправилъ въ Москву еще другаго своего легата, съ граматою къ самому вел. князю. Папа увѣдомлялъ Василія Ивановича, что, получивъ съ живѣйшею радостію, достовѣрное извѣстіе о его желаніи покориться римской церкви, отправляетъ къ нему своего тайнаго референдарія, достопочтеннаго брата, епископа гардіенскаго Захарію, чтобы чрезъ него яснѣе и полнѣе узнать намѣренія нашего князя и сообщить ему свои, а въ заключеніе повторяетъ обѣщаніе почтить его, когда онъ присоединится къ римской церкви, высокими прерогативами, какъ самаго возлюбленнаго своего сына. Но литовская рада, вмѣстѣ съ своимъ королемъ Сигизмундомъ, опасаясь, чтобы нашъ вел. князь, въ самомъ дѣлѣ, не получилъ отъ папы королевскаго достоинства, какъ можно догадываться, не пропустили папскаго легата Захарію въ Россію. Не знаемъ, отвѣчалъ ли Василій Ивановичъ самому папѣ, и что̀ отвѣчалъ, а магистру ливонскому Албрехту, чрезъ котораго такъ же дѣйствовалъ тогда Левъ X на нашего князя, послѣдній поручилъ своему послу передать слѣдующее: «государь нашъ съ папою хочетъ въ дружбѣ и согласьи быти о дѣлахъ; а какъ напередъ того государь нашъ, съ Божьею волею, отъ прародителей своихъ законъ греческій держалъ крѣпко, такъ и нынѣ, съ Божьею волею, законъ свой крѣпко держати хочетъ» ([475]).

Несмотря однакожъ на это, государя нашего не хотѣли

([475]) Нашей Истор. VII, 278–281; Переписка папъ съ Росс. государ. въ XVI в., стр. 100 и слѣд.; Hist. Russiae Monum. I, № 124, p. 128; *Карамз.* VII, 61 и примѣч. 191. О непропускѣ легата Захаріи въ Москву литовцами—А. Запад. Россіи II, № 144, стр. 172.

оставить въ покоѣ. Положеніе католицизма въ то время было самое критическое; тогда совершалась страшная Лютерева реформа, и отъ церкви римской отпадали цѣлыя государства. Ревнители папства пламенно желали вознаградить ее новыми пріобрѣтеніями. Одинъ изъ такихъ ревнителей, нѣкто Кампензе, никогда не бывшій въ Россіи, но на основаніи разсказовъ своего отца и брата, долго жившихъ въ ней, написалъ письмо къ папѣ Клименту VII о дѣлахъ Московіи. Кампензе говорилъ, что Московія страна многолюдная, и помощь ея была бы весьма важна въ борьбѣ противъ турокъ; что русскіе набожны, благочестивы, отличаются отъ латинянъ въ самыхъ маловажныхъ предметахъ вѣры и питаютъ сочувствіе къ папѣ; что обратить ихъ въ католичество было бы очень легко, тѣмъ болѣе, что вся власть надъ ними сосредоточена въ рукахъ одного вел. князя, который уже неразъ заявлялъ свои желанія быть въ единеніи съ Римомъ, и что если папа Климентъ VII обратитъ эти отдаленные народы Скиѳіи, то заслужитъ безсмертіе въ потомствѣ, а лютеране, дерзнувшіе возстать противъ римскаго престола, застонутъ и покроются вѣчнымъ стыдомъ. И Климентъ дѣйствительно сдѣлалъ новую попытку къ обращенію Россіи: въ 1525 г. онъ прислалъ къ нашему государю обширную грамату, въ которой напоминалъ о прежнихъ сношеніяхъ съ нимъ римскаго престола, выражалъ сожалѣніе, что доселѣ не утвердился церковный союзъ Московіи съ Римомъ, и просилъ, умолялъ вел. князя не отвергать болѣе этого союза и такъ же оказать содѣйствіе, вмѣстѣ съ другими государями, для изгнанія турокъ. Василій Ивановичъ съ большою честію принималъ папскаго посла, капитана Павла, генуезца, и отпра-

вилъ съ нимъ въ Римъ своего гонца, извѣстнаго Димитрія Герасимова, съ граматою, которою отвѣчалъ папѣ, что желаетъ быть съ нимъ въ дружбѣ, поддерживать ее взаимными посольствами и готовъ ратовать противъ невѣрныхъ во славу христіанства. И нашего посла много честили въ Римѣ, подробно распрашивали его о Московіи, и ожидали, не объявитъ ли онъ на словахъ какого либо тайнаго порученія своего государя; но Димитрій сказалъ, что такихъ порученій отъ государя для переговоровъ о дѣлахъ церковныхъ или государственныхъ не имѣетъ. Послѣ этого папа, хотя и отпустилъ въ Москву, вмѣстѣ съ Димитріемъ, своего легата Іоанна Франциска, епископа Скаренскаго, но уже не для переговоровъ о вѣрѣ, а только для примиренія нашего вел. князя съ Польшею ([476]).

Прошла почти четверть вѣка, и изъ Рима не было никакихъ попытокъ къ обращенію Россіи въ католичество. Но вотъ новый русскій государь Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Германію саксонца Шлитта, въ качествѣ своего посла, чтобы пригласить оттуда въ Москву ремесленниковъ, художниковъ, врачей и вообще людей ученыхъ, и далъ ему письмо къ императору Карлу V. Предпріятіе это, какъ извѣстно, не увѣнчалось успѣхомъ; но Шлиттъ, который самъ былъ католикъ, представляясь Карлу, удостовѣрилъ его и другихъ, будто московскій князь желаетъ соединенія съ римскою церковію. Императоръ и другіе поспѣшили увѣдомить о томъ папу

([476]) *Кампензе*, Письмо къ Клименту VII въ Библіотекѣ иностр. писателей о Россіи, т. I, отд. III; Hist. Russiae Monum. I, № 125, p. 129. 131. 133; П. Собр Р. Лѣт. VIII, 271; А. Э. I, стр. 340; *Карамз.* VII, 85–88.

Юлія III, при чемъ напоминали, будто и отецъ князя, Василій Ивановичъ, обращался въ 1527 г. съ такимъ же желаніемъ къ папѣ Клименту VII чрезъ своихъ пословъ, но тогда несъумѣли удовлетворить этому желанію. Юлій III, въ 1550 г., назначилъ въ Россію двухъ своихъ нунціевъ, графа Герберштейна и Іоанна Штемберга; далъ имъ инструкцію, какъ вести переговоры съ Иваномъ Васильевичемъ о присоединеніи его къ римской церкви, и написалъ къ нему письмо. Папа выражалъ свою величайшую радость, узнавъ, что нашъ князь, по примѣру своего родителя, ищетъ соединенія съ римскою церковію, и свою готовность принять его съ отверстыми объятіями, провозгласить его во всемъ христіанскомъ мірѣ царемъ, прислать ему всѣ царскія регаліи, короновать его въ Москвѣ чрезъ примаса Россіи, московскаго архіепископа, если только князь дастъ клятву сохранять вѣрность и покорность римской церкви со всѣмъ своимъ народомъ и примириться съ Польшею и Ливоніею, чтобы вмѣстѣ съ прочими христіанскими государями направить свое оружіе противъ враговъ вѣры, татаръ и турокъ ([477]). Но это посольство въ Россію отъ папы Юлія, по настояніямъ польскаго короля Сигизмунда Августа, не состоялось ([478]). Подобное случилось впослѣдствіи при папѣ Григоріѣ XIII. Въ 1575 г. былъ въ Москвѣ посломъ отъ императора Максимиліана II Кобенцель, и по возвращеніи описалъ свое посольство въ посланіи

([477]) Hist. Russiae Monum. I, №№ 130—133, pag. 134—141.

([478]) Supplement. ad Hist. Russ. Monum. № 10, pag 20. Тотъ же король не пропустилъ въ Москву папскаго легата, котораго Пій IV посылалъ въ 1561 г. къ нашему государю, чтобы извѣстить его о постановленіяхъ тридентійскаго собора (Hist. Russ. Monum. I, №№ 141. 144, pag. 182. 199).

къ Колоцкому архіепископу Дражковичу, Кобенцель свидѣтельствовалъ, что русскіе чрезвычайно религіозны, и если прежде враждебно относились къ латинянамъ, то теперь высказываютъ желаніе видѣть Римъ и поклониться его святынѣ, что ихъ легко привлечь къ римской церкви, отъ которой они различаются по вѣрѣ только весьма немногимъ и не существеннымъ, и что тогда католицизмъ пріобрѣтетъ себѣ втрое, даже вчетверо болѣе послѣдователей, нежели сколько недавно потерялъ въ Германіи и Франціи. Объ этомъ, вѣроятно, доведено было до свѣдѣнія папскаго двора, и тамъ рѣшили (генв. 1576 г.) отправить въ Москву священника Рудольфа Кленхена, который и прежде бывалъ въ Россіи и зналъ ея языкъ и обычаи, съ письмомъ отъ папы къ нашему государю. Посолъ, по данной ему кардиналомъ Морономъ инструкціи, долженъ былъ говорить Ивану Васильевичу, что папа услышалъ о добромъ расположеніи его къ римской церкви, о его побѣдахъ, доблестяхъ, ревности по вѣрѣ; что ему весьма было бы полезно соединиться съ папою, который многихъ уже властителей удостоилъ сана и титула королевскаго; что когда признаетъ папу главою церкви, тогда можетъ требовать себѣ отъ него іереевъ и богослововъ, и проч. ([479]). Въ настоящій разъ отправленію папскаго посольства въ Москву воспрепятствовалъ императоръ Максиміанъ, опасаясь чрезмѣрнаго усиленія папской власти ([480]).

Настала, наконецъ, пора, что царь Иванъ Васильевичъ

([479]) *Кобенц.* De legat. ad Moscovit., *у Старчев.* II, 13—14; *Карамз.* IX, 190 и примѣч. 564. Письмо кардинала Морона съ инструкціею Кленхену напечатано *у Старчев.* II, 4—9.

([480]) Supplement. ad Hist. Russiae Monum. № 10, pag. 21.

самъ обратился къ папѣ и отправилъ (1580 г.) въ Римъ своего гонца Шевригина, хотя болѣе уже пятидесяти лѣтъ туда не приходили послы изъ Россіи. Царя вынудила къ тому несчастная война съ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ. Въ письмѣ своемъ, которое представилъ папѣ Григорію XIII Шевригинъ, царь увѣрялъ, что желаетъ имѣть союзъ и постоянныя сношенія съ римскимъ владыкою, какъ и со всѣми христіанскими государями, просилъ примирить его съ Баторіемъ и для этого прислать въ Россію своего посла, давая обѣщаніе, что, по заключеніи мира съ Польшею, обратитъ свои силы, вмѣстѣ съ другими государями, противъ турокъ; а о вѣрѣ, о соединеніи съ римскою церковію, вопреки ожиданіямъ папы, не сказалъ ни слова. Но Григорій XIII не захотѣлъ упустить такого благопріятнаго случая для распространенія католицизма и послалъ въ Москву не обыкновеннаго посла, какого просилъ царь, а ученѣйшаго богослова, іезуита Антонія Поссевина, саномъ пресвитера, чтобы онъ прежде всего повелъ дѣло съ царемъ о вѣрѣ и о соединеніи его съ римскою церковію, а потомъ уже постарался примирить его съ королемъ польскимъ ([484]). Антоній, посѣтивъ сначала Баторія въ Вильнѣ и благословивъ его на бранные подвиги, пріѣхалъ къ Ивану Васильевичу, находившемуся

([484]) Все это изложено въ письмѣ тогдашняго папскаго нунція Калигари къ польскому королю (Hist. Russiae Monum. I, № 213, p. 306) и въ дневникѣ папы, гдѣ именно сказано: cum de religione nulla fiat mentio (въ письмѣ нашего государя), nulla de reconciliatione cum Romana ecclesia, non visum est sanctitati suae...., nisi ut mittatur aliquis ad Moschorum ducem, qui cum eo prius agat de religione et reconciliatione cum Romana ecclesia et deinde, si obtemperaverit, de componenda pace inter eum ac Poloniae regem (ibid. № 251, p. 389).

тогда съ войскомъ въ Старицѣ, 18 августа 1581 г., былъ принятъ съ чрезвычайными почестями и представилъ письмо папы и дары: крестъ съ распятіемъ, четки съ алмазами и въ богатомъ переплетѣ книгу о флорентійскомъ соборѣ. Папа писалъ, что весьма радъ имѣть союзъ съ нашимъ государемъ и содѣйствовать примиренію и союзу его съ королемъ польскимъ, чтобы потомъ направить соединенныя дружины христіанскихъ властителей противъ невѣрныхъ, но что есть еще другой союзъ, важнѣйшій, союзъ религіозный, о которомъ онъ - папа, какъ глава церкви и намѣстникъ Христовъ, преимущественно долженъ заботиться и который всего болѣе онъ желалъ бы имѣть и съ государемъ Россіи,—для чего и посылаетъ ему книгу о флорентійскомъ соборѣ, которую проситъ прочесть съ особеннымъ вниманіемъ, и отличнаго богослова Антонія Поссевина, которому проситъ вѣрить во всемъ. Царь Иванъ былъ очень доволенъ прибытіемъ папскаго посла; дозволилъ, по просьбѣ его, италіанскимъ купцамъ торговать въ Россіи, имѣть при себѣ своихъ священниковъ и совершать обряды своей вѣры, хотя и примолвилъ: «а церквей римскихъ въ Россіи не будетъ, какъ и прежде не бывало»; обѣщалъ объявить послу свое мнѣніе и относительно соединенія вѣръ; но прежде желалъ, чтобы Антоній отправился къ Баторію и расположилъ его прекратить войну и заключить миръ съ Россіею ([482]). Когда миръ дѣйствительно былъ заключенъ, благодаря, впрочемъ, не столько стараніямъ Антонія,

([482]) Современное извѣстіе о пребываніи у насъ Антонія Поссевина, написанное въ видѣ дневника, напечатано въ Древн. Россійск. Вивліое. VI, 71—107. Письмо папы Григорія XIII къ царю Ивану Васильевичу отъ 15 марта 1581 г. напечатано *у Старчев.* Hist. Ruthen. scripl. exteri, II, 340.

сколько храбрости царскихъ воеводъ и войска, защищавшихъ Псковъ и почти истребившихъ полчища Баторіевы, Антоній прибылъ въ Москву съ полною надеждою повести теперь дѣло и о соединеніи церквей. Сначала онъ домогался, чтобы царь хотя однажды выслушалъ его наединѣ; но бояре объявили (18 Февр. 1582 г.), что это невозможно, что о такихъ важныхъ дѣлахъ царь никогда не разсуждаетъ безъ своихъ ближнихъ людей, что всякъ ревнуетъ о своей вѣрѣ, хвалитъ ее, и при разговорахъ о ней могутъ произойти противорѣчія, брань и затѣмъ вражда. Антоній отвѣчалъ, что надѣется не подать повода къ ссорѣ, разговаривая съ такимъ государемъ, и согласенъ вести съ нимъ бесѣду и при его сенаторахъ, если онъ того желаетъ. Тогда назначенъ былъ день (21 февр.), въ который Антоній съ тремя іезуитами явился въ тронную государеву палату, гдѣ сидѣлъ уже царь, окруженный множествомъ своихъ бояръ ([483]).

Царь сначала повторилъ Антонію тоже, что говорили ему прежде бояре, и совѣтовалъ лучше не начинать рѣчи о вѣрѣ, опасаясь, чтобы въ жару преній не произнесть чего нибудь непріятнаго и тѣмъ не повредить дружбѣ, какая теперь

([483]) Краткія замѣтки объ этихъ бесѣдахъ царя съ Антоніемъ находятся и въ означенномъ современномъ извѣстіи (Древн. Росс. Вивл. VI, 97. 100. 102—103). Но подробно бесѣды тогда же записаны—у насъ какимъ либо дьякомъ и внесены въ Посольскія книги папскаго двора (напечатаны, хотя не вполнѣ, у *Бантышъ—Каменскаго* въ Истор. Извѣстіи объ Уніи, § I, и у *Карамз.* IX, примѣч. 624—635), а такъ же—и самимъ Антоніемъ Поссевиномъ (De rebus Moscovit., *у Старчев.* II, 308—316, а равно въ Supplement. ad Histor. Russiae Monum. №№ 33—35). Эти двѣ записки не во всемъ сходны между собою, но одна другую какбы дополняютъ. Въ нашей запискѣ бесѣды изложены многословнѣе и кое-гдѣ какбудто перемѣшаны: у Антонія, который дѣлалъ свою запись послѣ, онѣ изложены сжатѣе и въ болѣе примѣтномъ порядкѣ, котораго и мы будемъ придерживаться

у него, великаго государя, съ папою, и съ цесаремъ, и съ королемъ польскимъ. Затѣмъ прибавилъ: «видишь, мнѣ уже 51 годъ, недолго остается жить, и не годится перемѣнять ту вѣру, въ которой я воспитанъ. Настанетъ день суда, когда Богъ разсудитъ, наша ли вѣра истинная или латинская. Впрочемъ, я не запрещаю тебѣ, какъ посланному папою Григоріемъ XIII, для защиты римской вѣры, исполнять твой долгъ: можешь говорить, что считаешь нужнымъ». Тогда Антоній сказалъ: «Свѣтлѣйшій государь! Изъ всѣхъ великихъ милостей, тобою мнѣ оказанныхъ, самая главная та, что ты позволяешь мнѣ говорить нынѣ съ тобою о важнѣйшемъ предметѣ. Знай же, что верховный первосвященникъ вовсе не нудитъ тебя перемѣнять древнѣйшую вѣру греческую, которую проповѣдывали св. отцы и законные соборы; напротивъ, убѣждаетъ тебя, чтобы ты узналъ и понялъ ее, какою она была, и удержалъ лишь то, что осталось отъ нея цѣлымъ въ твоихъ владѣніяхъ. Когда ты сдѣлаешь это, то уже не будетъ церкви западной и восточной, а всѣ мы будемъ едино во Христѣ, и не станемъ уклоняться отъ вашихъ храмовъ, богослуженій, священниковъ, которые будутъ тогда правильно совершать таинства Божіи. Не удивляйся, что св. отецъ предлагаетъ тебѣ это: его побуждаетъ къ тому пастырскій долгъ заботиться о церкви Христовой. Да ты и самъ писалъ къ нему, чтобы утвердилъ союзъ твой и дружбу съ прочими государями христіанскими для одолѣнія невѣрныхъ, а ничѣмъ такъ прочно не можешь соединиться съ христіанскими государями, какъ единствомъ вѣры. Ты самъ писалъ къ королю Стефану Баторію, что это единство вѣры признали на Флорентійскомъ соборѣ греческій императоръ со всѣмъ востокомъ и рус-

скимъ митрополитомъ Исидоромъ. Ты самъ сказалъ, что католики и люди римской вѣры свободно живутъ въ московскомъ государствѣ по своей вѣрѣ... Если сомнѣваешься въ дѣяніяхъ флорентійскаго собора, потребуй подлинныя писанія греческихъ отцевъ изъ Царьграда или отъ нашихъ грековъ, и я покажу тебѣ изъ нихъ истинную вѣру; или позволь мнѣ извлечь для тебя главнѣйшія свидѣтельства греческихъ отцевъ изъ той книги о флорентійскомъ соборѣ, которую я принесъ тебѣ. Если ты соединишься вѣрою съ папою и всѣми государями, то, при содѣйствіи ихъ, не только будешь на своей прародительской отчинѣ—въ Кіевѣ, но и сдѣлаешься императоромъ Царьграда и всего востока». Государь отвѣчалъ: «о вѣрѣ я къ папѣ не писалъ, да и съ тобою не думалъ говорить о ней, чтобы не причинить тебѣ чего непріятнаго, и потому, что мой долгъ—заправлять мірскими дѣлами, а не духовными. Если ты говоришь о вѣрѣ, ты присланъ на то отъ папы и самъ попъ; а намъ, безъ благословенія митрополита и всего освященнаго собора, говорить о вѣрѣ не пригоже. Впрочемъ знай, что мы вѣруемъ не въ грековъ, а во Христа. Что же—до восточной имперіи, то Господня есть земля; кому захочетъ Богъ, тому и отдастъ ее. Съ меня довольно и своего государства, другихъ и большихъ государствъ во всемъ свѣтѣ не желаю». О флорентійскомъ соборѣ и о соединеніи съ другими христіанскими государями для прогнанія турокъ царь ничего не сказалъ; но вновь обѣщалъ, что дозволитъ латинскимъ купцамъ въ Россіи имѣть своихъ священниковъ и исполнять свои обряды, только не дозволитъ строить латинскихъ церквей.

Несмотря однакожъ на отказъ царя бесѣдовать о вѣрѣ, Антоній началъ умолять его, чтобы онъ высказалъ свои мысли

по этому дѣлу. *Царь:* «мы приняли христіанскую вѣру съ самаго начала христіанства, когда апостолъ Андрей приходилъ въ наши страны и отсюда отправился въ Римъ; потомъ при Владимірѣ она еще болѣе у насъ распространилась. Такимъ образомъ, въ одно и тоже время, когда вы въ Италіи приняли христіанскую вѣру, приняли ее и мы; но у насъ она сохранилась неповрежденною доселѣ, а въ римской вѣрѣ нынѣ семдесять вѣръ, какъ ты самъ говорилъ мнѣ въ Старицѣ». *Антоній*: «въ Римѣ всегда пребываетъ та вѣра, которую проповѣдали въ началѣ Петръ и Павелъ; за нее потомъ почти триста лѣтъ проливали кровь свою преемники Петра; а послѣдующіе, хотя и жили въ болѣе покойныя времена, сохранили ее неповрежденною среди всѣхъ треволненій. Въ Римѣ не семдесять вѣръ, а одна; семдесять же и еще болѣе ересей пошли отъ Лютера, и всѣ онѣ прокляты». *Царь*: «то хорошо, что папы проливали кровь свою за вѣру Христову. Ибо Христосъ сказалъ: *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убити*». *Антоній*: «вотъ и я пришелъ въ Московію смѣло во имя Божіе, а другихъ посылаетъ папа въ Индію и въ другія страны свѣта, и они переносятъ все за имя Христово». *Царь:* «написано: *шедше, научите вся языки, проповѣдите Евангеліе всей твари.* Когда совершали это всѣ апостолы, ни одинъ изъ нихъ не былъ больше другаго; а отъ нихъ пошли епископы, архіепископы, митрополиты, въ томъ числѣ и наши». *Антоній:* «прочихъ апостоловъ Христосъ послалъ на проповѣдь съ одинаковою властію, но одному Петру далъ то, чего не далъ имъ,—ключи царства небеснаго, и поручилъ утверждать братію и пасти своихъ овецъ. Если и происшедшіе отъ другихъ апостоловъ епископы со-

храняютъ свою власть, не тѣмъ ли болѣе должно сохранять ее сѣдалище Петра, которое и врата адова не одолѣютъ и которое пребудетъ до скончанія вѣка, по обѣтованію Христову?» *Царь*: «мы признаемъ Петра и многихъ св. папъ, Климента, Силвестра, Агаѳона, Льва, Григорія и другихъ. А послѣдующіе за тѣмъ папы — какіе они пріемники Петра? Живя нечестиво, съ такою же ли властію они сѣдятъ на сѣдалищѣ Петра?» *Антоній*: «Безъ сомнѣнія, съ такою же, потому что они постоянно слѣдовали писанію, канонамъ и ученію тѣхъ древнихъ папъ, которыхъ и вы признаете. А что до нравственности, то сила таинства и управленіе церковію, предоставленное папамъ, зависятъ не отъ жизни людей, но отъ непреложнаго установленія Христова. Да и не все то правда, что говорятъ про папъ отдѣлившіеся отъ тѣла Христова... Ты, конечно, законный наслѣдникъ князя Владиміра святаго и его преемникъ: чтожъ, если бы кто вздумалъ отвергать твою наслѣдственную власть, или твоихъ предковъ, ради того, что они совершили что либо по немощи человѣческой? Развѣ не слѣдовало бы такого обличить, не говорю, подвергнуть наказанію?» Эти слова взволновали царя, и онъ, почти поднявшись, сказалъ: «знай, что папа не пастырь». «А если не пастырь, отвѣчалъ Антоній, то за чѣмъ же ты посылалъ къ нему о твоихъ дѣлахъ, и развѣ ты и твои предмѣстники не всегда называли его пастыремъ церкви?» Тогда царь вышелъ изъ себя, вскочилъ съ мѣста, и всѣ думали, что онъ поразитъ Антонія своимъ жезломъ; но царь только сказалъ: «тебя, вѣрно, мужики на площади научили говорить со мною, какъ съ мужикомъ».

Антоній старался успокоить царя льстивыми словами и, къ

изумленію всѣхъ, дѣйствительно успокоилъ, такъ что онъ снова сѣлъ на свое мѣсто, и сказалъ: «не хотимъ говорить съ тобою о большихъ дѣлахъ по вѣрѣ, чтобъ тебѣ не въ досаду было, а вотъ малое дѣло: у тебя борода подсѣчена, а подсѣкать и подбривать ее не велѣно, ни попу, ни мірскимъ людямъ». Антоній отвѣчалъ, что онъ бороды не сѣчетъ себѣ и не брѣетъ, а еслибы и брилъ, то ничего бы худаго не было, потому что это дѣлали и святые, и прежніе папы, какъ свидѣтельствуютъ ихъ сохранившіяся изображенія. Царь продолжалъ: «сказывалъ намъ нашъ паробокъ, Истома Шевригинъ, что папа Григорій сидитъ на престолѣ, и носятъ его на престолѣ, и цѣлуютъ его въ ногу, а на сапогѣ у него крестъ, на крестѣ распятіе Господа: пригожее ли то дѣло? У папы Григорія ведется то вопреки уставу св. апостоловъ и св. отцевъ, и отъ гордыни такой чинъ уставленъ». Антоній объяснялъ, что папа садится на престолѣ не по гордости, а чтобы удобнѣе благословлять народъ въ торжественныхъ случаяхъ; что кланяются папѣ въ ноги, по примѣру того, какъ кланялись христіане апостоламъ, а на ногѣ у папы крестъ для того, чтобы лобызающіе его понимали, что честь, воздаваемая ими папѣ, относится къ самому Христу. Затѣмъ говорилъ: «папѣ воздается честь по его достоинству и величеству; онъ всѣмъ государямъ отецъ, и учитель, и глава; онъ сопрестольникъ Петру и Павлу, а Петръ сопрестольникъ Христу; папа царствуетъ въ Римѣ, гдѣ лежатъ мощи апостоловъ Петра и Павла, Андрея и другихъ, мощи вселенскихъ учителей и многихъ мучениковъ. Такого ли великаго государя, папу Григорія, сопрестольника Петра и Павла, всѣмъ намъ не величать и не славить?.... Вотъ и ты—госу-

дарь великій въ своемъ государствѣ, и васъ, государей, какъ намъ не величать, не славить и не повергаться предъ вами?» При этомъ Антоній дѣйствительно поклонился Ивану Васильевичу въ ноги. Но царь отвѣчалъ: «твои хвалебныя слова о папѣ Григоріѣ ты говоришь отъ своего мудрованія, а не по преданію апостольскому. Святителямъ не подобаетъ такъ гордиться, а подобаетъ ему смиренномудрствовать и подражать Петру во всемъ по заповѣди Христовой.... Насъ, государей, пригоже почитать по царскому величеству; а святителямъ, ученикамъ апостоловъ, должно показывать смиреніе, а не возноситься выше царей гордостію; царямъ—царская честь, а святителямъ—святительская..... Мы чтимъ своего митрополита и требуемъ его благословенія, но онъ ходитъ по землѣ, и мы не поклоняемся ему, какъ Богу..... Папа велитъ носить себя на престолѣ и величается сопрестольникомъ Петру, а по Петрѣ и самому Христу. Но папа не Христосъ, и престолъ, на которомъ носятъ папу, не облако, и носящіе его не ангелы; не слѣдуетъ папѣ Григорію уподоблять себя Христу, да и Петра, верховнаго ученика Христова, хотя онъ творилъ всѣ дѣла по заповѣдямъ Христовымъ, не подобаетъ равнять Христу... Который папа живетъ по Христову ученію и по апостольскому преданію, тотъ—сопрестольникъ великимъ папамъ и апостоламъ; а который папа начнетъ жить не по Христову ученію и не по апостольскому преданію, тотъ папа волкъ, а не пастырь». Тутъ Антоній прекратилъ свою бесѣду, сказавъ: «коли ужъ папа волкъ, то мнѣ что и говорить?» А государь на это: «я жъ предупреждалъ тебя, Антоній, что если намъ говорить о вѣрѣ, то безъ раздорныхъ словъ не обойдется; да и волкомъ я назвалъ не настоя-

щаго вашего папу, а того, который не захотѣлъ бы жить по ученію Христову и апостольскому преданію. Но пора кончить». И положилъ государь руку на Антонія и, дважды обнявъ его, отпустилъ.

Чрезъ два дня (23 февр.) собралось во дворецъ еще гораздо больше народа, чѣмъ прежде, и Антонія вновь позвали къ государю. Антоній былъ въ большомъ страхѣ и, на всякой случай, пріобщилъ даже своихъ спутниковъ св. таинъ. Но Иванъ Васильевичъ, какъ только увидѣлъ его, пригласилъ его сѣсть и громкимъ голосомъ въ слухъ всѣхъ произнесъ: «Антоній! если я сказалъ тебѣ прошлый разъ что либо непріятное о римскомъ первосвященникѣ, то прошу меня извинить, и не пиши о томъ къ папѣ. Мы хотимъ имѣть съ нимъ, несмотря на разности по вѣрѣ, какъ и съ прочими христіанскими государями, дружбу, братство и единеніе, для чего и пошлемъ съ тобою въ Римъ нашего посла. А о всемъ прочемъ дадутъ тебѣ отъ нашего имени отвѣтъ наши бояре». Бояре разсуждали съ Антоніемъ о разныхъ политическихъ дѣлахъ; относительно же вѣры только просили его, именемъ государя, изложить на бумагѣ, чѣмъ разнятся вѣра русская и латинская, такъ какъ въ Россіи никто не умѣетъ перевесть съ греческаго присланную папою книгу о Флорентійскомъ соборѣ. Антоній обѣщалъ исполнить просьбу.

Въ послѣдній разъ Иванъ Васильевичъ имѣлъ съ Антоніемъ рѣчь о вѣрѣ четвертаго марта. То было первое воскресенье великаго поста. Позвавъ къ себѣ Антонія, въ присутствіи многочисленныхъ сановниковъ и царедворцевъ, государь сказалъ ему: «нынѣ мы идемъ въ соборную церковь; пойди и ты,—мнѣ сказали, что ты этого желаешь,—и посмотри, какъ

мы поклоняемся Пресв. Троицѣ, и Богородицѣ, и всѣмъ Святымъ, какъ чтимъ нашего отца и богомольца митрополита, но не обожаемъ его, не носимъ на престолѣ, какъ вы носите своего папу и цѣлуете его въ ногу: то гордость, а не святительское дѣло. Ты называешь папу намѣстникомъ ап. Петра; но Петръ такъ не дѣлалъ, его не носили на престолѣ, а ходилъ пѣшъ и босъ». Антоній, озадаченный новыми нападками на папу, хотя царь въ нихъ уже *извинялся*, отвѣчалъ, что желанія идти въ русскую церковь никому не выражалъ, что знаетъ чинъ ея службы и не можетъ присутствовать при служеніи митрополита, пока онъ не утвержденъ папою, а въ защиту папы повторялъ прежнія свои слова и, подъ конецъ, сказалъ: «какъ намъ всѣмъ не чтить и не величать папы? Онъ всѣмъ отцамъ отецъ. А вотъ и у тебя, государя, митрополитъ, и ты какую ему честь воздаешь? Умоетъ онъ въ службѣ руки свои, и тою водою ты мажешь свои очи». Государь: «называешься учителемъ и сказываешь, что пришелъ насъ учить, а и того не знаешь, что говоришь; читалъ ли ты толковую обѣденную службу (толкованіе на литургію)?» Антоній отвѣта не далъ, и государь продолжалъ: «коли не знаешь, я тебѣ скажу: тою водою, которою митрополитъ на обѣднѣ умываетъ руки, какъ онъ самъ, такъ и мы всѣ просвѣщаемъ очи свои; она знаменуетъ страсти Господни». Послѣ того Антоній сказалъ: «чтобы не утруждать тебя болѣе, государь, прошу принять вотъ эту рукопись, которую я написалъ по твоему приказанію, о различіи между католическою церковію и греческою. Тутъ ты найдешь, когда пожелаешь, отвѣты на всѣ такого рода вопросы о

вѣрѣ» ([484]). Принявъ рукопись, царь велѣлъ боярамъ идти въ церковь вмѣстѣ съ Антоніемъ; но Антоній, когда бояре остановились предъ церковію въ ожиданіи государя, успѣлъ незамѣтно уйти. Предъ отъѣздомъ своимъ изъ Россіи, Антоній снова просилъ, чтобы позволено было пріѣзжимъ латинянамъ, имѣть въ ней свои церкви, и въ третій разъ получилъ отказъ. Бояре, именемъ государя, отвѣчали: «пріѣзжіе люди римской вѣры могутъ невозбранно имѣть у насъ своихъ поповъ, но толькобъ они своего ученія русскимъ людямъ не плодили; а костеловъ имъ въ нашемъ государствѣ не ставить. Въ нашемъ государствѣ много разныхъ вѣръ, и мы у нихъ воли не отнимаемъ: живутъ всѣ по своей волѣ, какъ кто хочетъ; а церквей еще по сіе время ни которыя вѣры въ нашемъ государствѣ не ставливали». Отпуская Антонія, царь Иванъ послалъ съ нимъ въ Римъ своего гонца и грамату къ папѣ, въ которой извѣщалъ, что принялъ его посла съ благодарностію и любовію, выражалъ свою готовность быть въ союзѣ съ христіанскими государями противъ турокъ, касательно же вѣры писалъ: «а что еси прислалъ къ намъ съ Антоніемъ книгу собора флорентійскаго, печатную греческимъ письмомъ, и мы тое книгу у посла твоего велѣли взяти; а что еси писалъ къ намъ и рѣчью намъ посолъ твой говорилъ о вѣрѣ, и мы о томъ съ Антоньемъ говорили» ([485]).

([484]) Рукопись содержала три небольшія статьи: 1) Capita, quibus Graeci et Rutheni a Latinis in rebus fidei dissenserunt; 2) Errores alii Ruthenorum, qui orientale schisma secuti sunt; 3) Interrogationes et responsiones de processione Spiritus Sancti a Patre et Filio (Supplement. ad Hist. Russiae Monum. №№ 36. 37; такъ же у *Старч.* 316—325. 330).

([485]) Древн. Росс. Вивл. VI, 104—106; *Бантышъ-Каменск.* Истор. Извобъ Уніи § I; *Карамз.* IX, примѣч. 635. Здѣсь, между прочимъ, сказано, что

Съ горькими чувствами долженъ былъ Антоній выѣхать изъ Россіи. Мало того, что онъ не достигъ главнѣйшей цѣли своего посольства, не обратилъ русскаго государя и его подданныхъ къ своей вѣрѣ, онъ понялъ, что эта цѣль едвали когда можетъ быть достигнута, что достиженіе ея, по крайней мѣрѣ, соединено съ величайшими трудностями, которыя онъ и изложилъ въ своемъ «Комментаріѣ» къ папѣ, указывая вмѣстѣ и средства къ устраненію ихъ. Антоній увидѣлъ, до какой степени русскіе убѣждены въ превосходствѣ своей вѣры, считая себя только однихъ истинными христіанами, а всѣхъ прочихъ, въ томъ числѣ и католиковъ, заблуждшими, еретиками, нечистыми ([486]). Увидѣлъ и убѣдился, въ частности, до какой степени русскіе не любятъ латинской вѣры и настроены противъ папства. Кромѣ этихъ рѣзкихъ отзывовъ о папѣ, неразъ произнесенныхъ публично самимъ царемъ, которыя пришлось выслушать Антонію, онъ узналъ нѣчто, едвали еще не болѣе прискорбное. Въ то самое время,

---

царь, отпуская свое посольство въ Римъ, далъ наказъ: „если вамъ будутъ говорить, что государь вашъ назвалъ папу *волкомъ и хищникомъ*, вы отвѣчайте, что не слышали". Знакъ, что царь дѣйствительно такъ называлъ папу, хотя Антоній объ этомъ умалчиваетъ. Письмо государя къ папѣ, въ латинскомъ переводѣ, напечатано у *Старчевскаго* II, 81—82. Достойно замѣчанія, что въ то самое время когда царь велъ религіозныя бесѣды съ Антоніемъ Поссевиномъ, и митрополитъ Діонисій созывалъ (1 марта 1582 г.) соборъ архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ, на которомъ „совѣтовали и уложили о утвержденіи православныя вѣры греческаго закона въ отвѣтъ на письмо Антонія Поссевина". Мы не встрѣчали нигдѣ этого соборнаго уложенія; но составители извѣстныхъ *поморскихъ отвѣтовъ* не только ссылаются на него неразъ, но и приводятъ изъ него отрывокъ въ подтвержденіе своего излюбленнаго ученія о двуперстіи (въ Отв. 5, Рукоп. нашей библ. № 36, л. 21 об.).

([486]) У *Старчев.* II, 276. 281—286. 315. Въ послѣднемъ мѣстѣ Антоній говорить: hanc a teneris annis Mosci opinionem imbuerunt, sese ut solos veros Christianos existiment, reliquos (licet Catholicos) immundos, haereticos aut errantes putent.

когда онъ исполнялъ свое посольство въ Россіи, англійскіе купцы доставили царю книгу, въ которой доказывалось, что папа есть антихристъ, и царь тотчасъ же велѣлъ перевесть ее на русскій языкъ, такъ что Антоній счелъ нужнымъ подать царю, въ опроверженіе ея, свою записку ([487]). Такую враждебность русскихъ ко всему латинскому и усиленіе ея Антоній приписывалъ преимущественно вліянію на нихъ лютеранъ и кальвинистовъ, которые, проникая въ Москву изъ Германіи и Англіи по дѣламъ торговли и другимъ, распространяли здѣсь самые нелѣпые слухи о папѣ и латинянахъ, и утверждалъ даже, что во время самыхъ разговоровъ его, Антонія, съ царемъ о вѣрѣ какіе-то англійскіе еретики и голландскій медикъ, анабаптистъ, возбуждали царя противъ папы ([488]).

III.

Идеи лютеранства, явившагося въ первой четверти XVI в. и быстро распространившагося въ разныхъ странахъ западной Европы и въ сосѣднихъ намъ Польшѣ, Литвѣ и Ливоніи, начали проникать къ намъ очень рано и, на первый разъ, могли встрѣтить у насъ сочувствіе со стороны тѣхъ, которые еще продолжали тайно держаться нѣкоторыхъ началъ ереси жидовствующихъ. Еретикъ Башкинъ, осужденный со-

([487]) Напечатана у *Старч.* II, 326—330.
([488]) Тамъ же II, 281. 311.

боромъ въ 1553 г. и сознавшійся, что свое злое ученіе онъ принялъ отъ аптекаря Матѳея, родомъ литвина, да отъ Андрея Хотѣева, которыхъ Курбскій справедливо признаетъ лютеранами, сознался вмѣстѣ, что «утверждали его въ томъ» лжеученіи заволжскіе старцы, издавна извѣстные своею расположенностію къ жидовствующимъ. Максимъ грекъ († 1556 г.) увидѣлъ нужду написать сочиненіе и «на люторы», хотя ограничился въ немъ только защитою православнаго иконопочитанія ([489]). Послѣдователи лютеранства и вообще протестантскихъ сектъ нерѣдко приходили въ Россію изъ Литвы, Ливоніи, Германіи, Даніи, Голландіи, Англіи, въ качествѣ посланниковъ отъ своихъ государей, а еще чаще по дѣламъ торговли, и проживали въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ; иные вызываемы были изъ-за границы нашимъ правительствомъ, какъ искусные мастера и художники; еще иные переселялись къ намъ сами и занимались разными ремеслами, или поступали на государеву службу. Всего же болѣе разсѣялось по Россіи *нѣмцевъ* (какъ называли у насъ тогда преимущественно лютеранъ и прочихъ протестантовъ) изъ Ливоніи, впродолженіе счастливой ливонской войны: ихъ выводили, въ качествѣ плѣнныхъ, цѣлыми тысячами, и продавали или раздавали даромъ въ Новгородѣ, Твери, Москвѣ и гдѣ приходилось; а въ 1565 г. царь вывелъ изъ Дерпта даже всѣхъ нѣмцевъ и сослалъ во Владиміръ, Угличь, Кострому, Нижній Новгородъ, съ женами и дѣтьми. Въ Москвѣ нѣмцы селились въ новой нѣмецкой слободѣ, на берегу

([489]) Нашей Истор. VI, 251; VII, 275.

Яузы ([490]). Сначала приняли у насъ протестантовъ довольно благосклонно: въ нихъ видѣли, прежде всего, рьяныхъ враговъ папства, и слѣд. какбы своихъ союзниковъ противъ ненавистныхъ латинянъ. Лютеранамъ и калвинистамъ царь позволилъ имѣть въ Москвѣ двѣ церкви; съ уваженіемъ относился къ дерптскому пастору Веттерману, переселившемуся съ своими прихожанами въ Россію, приказавъ открыть для него царскую библіотеку; любилъ слушать проповѣди голштинскаго пастора Христіана Бокгорна и открыто высказывалъ, что лютеранское ученіе, по видимому, близко къ истинѣ и что его можно было бы терпѣть, еслибы Лютеръ, нападая съ неудержимою силою краснорѣчія на папское иго, не низпровергалъ древняго церковнаго чина и не помрачилъ своихъ познаній въ свящ. писаніи постыднымъ отступничествомъ, свергнувъ съ себя монашескія одежды и клобукъ и женившись на монахинѣ. Нѣкоторые лютеране и калвинисты, приходившіе изъ Германіи и Англіи, или находившіеся при государѣ на службѣ, пользовались особеннымъ его благоволеніемъ и довѣріемъ. Онъ часто бесѣдовалъ съ ними о вѣрованіяхъ и обрядахъ у иностранныхъ народовъ и съ большимъ вниманіемъ выслушивалъ то, что сообщали ему о новыхъ христіанскихъ сектахъ, ихъ ученіи и различіи ихъ между собою. Одинъ изъ этихъ любимцевъ царя (Эберфельдъ) будтобы пытался даже склонить его къ принятію Аугсбурскаго исповѣданія ([491]). Но когда царь близко узналъ духъ и характеръ про-

---

([490]) *Ульфелдъ*, Legat. Moscovit., у *Старч.* I, 19. 21; П. Собр. Р. Лѣт. IV, 316; *Карамз.* IX, 15—17. 52. 261 и др.

([491]) *Одербон.* Ioannis Basilid. Vita, у *Старч.* II, 204; *Поссевин.* De rebus Moscovit., тамъ же II, 278. 300; *Карамз.* IX, 52. 261; нашей Истор. VII, 117.

тестантскихъ исповѣда ній, когда русскіе увидѣли и услышали, что протестанты отвергаютъ посты, почитаніе иконъ, призываніе святыхъ, монашество и проч., тогда взглядъ на протестантовъ у насъ совершенно измѣнился: ихъ начали считать еретиками, злыми еретиками, и царь, опасаясь ли того, чтобы они не заразили своимъ ученіемъ русскихъ и не ввели въ Россіи разныхъ сектъ, или недовольный тщеславіемъ и наглостію протестантовъ, приказалъ (въ 1579 г.) сжечь обѣ ихъ церкви въ Москвѣ, хотя черезъ пять лѣтъ, по ходатайству англійскаго посла Горсея, если вѣрить ему, вновь разрѣшилъ имъ построить церковь за городомъ (492).

Въ началѣ 1570 года, Иванъ Васильевичъ имѣлъ торжественную бесѣду о вѣрѣ съ однимъ изъ членовъ общины чешскихъ и моравскихъ Братьевъ, Иваномъ Рокитою, приходившимъ къ намъ при послахъ польскаго короля Казиміра, въ качествѣ ихъ пастора,—и въ этой бесѣдѣ царя, со всею ясностію, обнаружилось, какъ понимали тогда въ Россіи лютеранство и однородныя съ нимъ религіозныя секты. Бесѣда происходила въ палатахъ государевыхъ, на особо устроенномъ и богато украшенномъ возвышеніи, въ присутствіи не только польскихъ пословъ и множества русскихъ бояръ, но и въ присутствіи русскаго духовенства. Первое слово принадлежало царю, и онъ, обращаясь къ Рокитѣ, сказалъ: «Вы привыкли хвалиться своею евангелическою вѣрою; но на дѣлѣ между вами постоянно происходятъ шумныя раздѣленія, и вы

(492) На первую изъ предполагаемыхъ причинъ къ сожженію протестантскихъ церквей указываетъ Поссевинъ (у *Старч.* II,278); на послѣднюю—Моржеретъ (*Устрялов.* Сказан. современ. о самозванцѣ, III, 28–29); *Горсея*, The travels, въ Сборникѣ *Бонда*, pag. 182, Лондон. 1856.

своими новыми догматами перевернули почти всю Европу, такъ что нельзя было бы тому и вѣрить, еслибы до насъ не доходили, къ великому изумленію, почти ежедневныя о томъ вѣсти. Мы знаемъ, что мнѣнія вашей секты заключались въ лжеученіяхъ еще древнихъ еретиковъ, и давно уже разсмотрѣны и строго осуждены многими соборами и христіанскими учеными. Но какъ не подивиться, что вы проповѣдуете и неизвѣстныя прежде ереси, приписывая оправданіе человѣка одной вѣрѣ, когда сказано, что придетъ Господь судить живыхъ и мертвыхъ и воздастъ каждому награду по дѣламъ его? Если одна вѣра доставляетъ вѣчное блаженство, то для чего нуженъ судъ, и за чѣмъ такъ часто въ новомъ завѣтѣ усвояется достоинство нашимъ дѣламъ? Гуссъ и Лютеръ, эти опустошители древней церкви, ни отъ кого не получили законной власти учить и не совершали чудесъ, какія, по обѣтованію Спасителя, творили истинные Его ученики: такъ и ты не имѣешь законнаго права учить, не можешь совершать чудесъ, не долженъ считаться проповѣдникомъ Евангелія. Помнимъ слова треблаженнаго Павла: *како проповѣдятъ, аще не послани будутъ* (Рим. 10,15)? Подумай же теперь, Рокита, своимъ умомъ, кто васъ, бѣдныхъ, послалъ на проповѣдь; подумай, наконецъ, что вы проповѣдуете; подумай, какими недостойными способами вы разрушаете драгоцѣнный союзъ Христова стада? Живете вы невоздержно, уподобляясь свиньямъ; осуждаете и отвергаете, по ненависти къ церкви, посты, которые служатъ къ здоровью тѣла и души, тогда какъ Господь заповѣдалъ намъ бдѣть и воздерживаться... Ненавидите вы и Святыхъ на небѣ, порицаете ихъ, разрушаете ихъ храмы и алтари; а они, между тѣмъ, обитая въ не-

бесномъ свѣтѣ, могли бы много приносить вамъ пользы своимъ ходатайствомъ предъ Богомъ, который, еще во дни земной ихъ жизни, изгонялъ, по молитвамъ ихъ, демоновъ, воскрешалъ мертвыхъ. Св. иконамъ вы не только не воздаете никакой чести, но выбрасываете ихъ изъ вашихъ храмовъ и жилищъ, тогда какъ ими слѣдовало бы украшать всѣ стѣны всякихъ зданій. Такое злодѣйство тѣмъ болѣе должно считаться важнымъ, что вы тутъ неистовствуете и противъ самаго Бога»... Это и многое другое говорилъ Іоаннъ, и затѣмъ приказалъ Рокитѣ отвѣчать смѣло и свободно, безъ всякихъ опасеній, обѣщаясь слушать его съ полнымъ вниманіемъ и снисхожденіемъ. Тогда Рокита, который зналъ славянскій языкъ, произнесъ весьма обширную и краснорѣчивую рѣчь, давая въ ней, по порядку, отзывы на всѣ тѣ мысли, какія высказаны были царемъ противъ протестантовъ: раскрывалъ ученіе ихъ объ оправданіи вѣрою и значеніи добрыхъ дѣлъ; доказывалъ, что Лютеръ имѣлъ право учить, какъ имѣютъ тоже право и прочіе протестантскіе учители, хотя и не совершаютъ чудесъ; объяснялъ, какъ понимаютъ протестанты постъ, почему не признаютъ ходатайства Святыхъ, почему отвергаютъ почитаніе иконъ и монашество. Ораторъ говорилъ съ большою энергіею и, по мѣстамъ, не только смѣло, но слишкомъ дерзко, стараясь, впрочемъ, направлять свои слова противъ римской церкви и умалчивая о греческой или даже выражая къ ней удивленіе. Грозный царь сдержалъ свое обѣщаніе: онъ слушалъ рѣчь внимательно, терпѣливо, и ниразу ее не остановилъ, хотя въ ней было немало такого, что могло возмутить его душу. Онъ даже объявилъ, что рѣчь

Рокиты ему понравилась; но приказалъ изложить ее на бумагѣ и прибавилъ, что напишетъ на нее опроверженіе ([493]).

Въ маѣ тогоже 1570 года, царь дѣйствительно доставилъ Рокитѣ обѣщанное опроверженіе на его рѣчь. Это любопытное опроверженіе, сохранившееся, къ сожалѣнію, только въ латинскомъ переводѣ, какъ и все предшествовавшее собесѣдованіе царя съ Рокитою, состоитъ изъ 14-ти главъ, которыя, впрочемъ, большею частію, очень кратки и, по содержанію своему, могутъ быть подведены подъ два отдѣла. Въ однѣхъ главахъ, царь высказываетъ свои мысли о Лютерѣ и о послѣдующихъ проповѣдникахъ лютеранства. Лютеръ, говоритъ царь, какъ по своей жизни, такъ и по своему имени, на нашемъ языкѣ, былъ человѣкъ *лютый*, свирѣпый. Устремившись на Христа, онъ ниспровергъ Его установленія, извратилъ ученіе апостоловъ и св. отцевъ и далъ свящ. писаніямъ не тотъ смыслъ, какой они заключаютъ въ себѣ, а какой внушилъ ему его испорченный разумъ (гл. 1). Какъ сатана, съ своими демонами, повсюду обольщаетъ людей, такъ и вы являетесь способниками ему въ этомъ коварствѣ: Лютеръ не имѣлъ законнаго права учить, не былъ ни апостоломъ, ни епископомъ и ни отъ кого не былъ посланъ на учительство (гл. 9). Подобно Лютеру, и прочіе проповѣдники лютеранства не суть законные учители: они не имѣютъ посланничества отъ Христа, извращаютъ Слово Божіе, от-

([493]) Всѣ обстоятельства этой бесѣды и обѣ рѣчи, какъ царская, такъ и Рокиты, помѣщены въ соч. *Одербона* о жизни Ивана Васильевича (у *Старч.* II, 204–213). Помѣщена такъ же эта бесѣда и въ Сборникѣ *Лазицкаго*: De Russorum Moscovit. et Tartar. relig..., p. 1—10, Spirae 1582; но только здѣсь она изложена въ формѣ краткихъ вопросовъ со стороны царя и столько же краткихъ отвѣтовъ со стороны Рокиты, подъ заглавіемъ: Colloquium de religione magni ducis Moscorum cum Rohita..., an. 1570.

вергаютъ все, преданное св. отцами. Къ нимъ прилагаетъ царь разныя мѣста свящ. писанія, въ которыхъ говорится о лжепророкахъ и лжеучителяхъ, о волкахъ, татяхъ и разбойникахъ, и восклицаетъ: «о вы, погибшіе, которые, по своей прихоти, низвращаете Писаніе!... Оставивъ законныхъ пастырей, учителей и самихъ апостоловъ, вы низпровергаете заповѣдь Христа и вновь распинаете Его въ васъ самихъ.... И мы, по всей справедливости, поражаемъ васъ, враговъ истины, громомъ проклятія. Вы антихристы: потому что антихристъ тотъ, кто возстаетъ противъ Христа» (гл. 2. 4. 8). Въ частности, Рокиту, а въ лицѣ его и вообще лютеранъ, царь не соглашается называть даже христіанами, потому что они слѣдуютъ ученію не Христа, а Лютера,—и называетъ ихъ врагами креста Христова и собаками (гл. 3. 7). Въ другихъ главахъ, Иванъ Васильевичъ разбираетъ ученіе лютеранъ и ихъ отступленія отъ истины: опровергаетъ ихъ ученіе объ оправданіи ученіемъ апостола Іакова о дѣлахъ и примѣрами добродѣтелей ветхозавѣтныхъ праведниковъ (гл. 6); обличаетъ лютеранъ за то, что они не почитаютъ Божіей Матери и другихъ Святыхъ, въ частности апостоловъ и отцевъ церкви, не призываютъ угодниковъ Божіихъ въ молитвахъ и рѣдко совершаютъ у себя литургію и таинство евхаристіи (гл. 6. 11. 12); отстаиваетъ церковные посты (гл. 10) и иконопочитаніе, и при этомъ объясняетъ, что извѣстныя изреченія о кумирахъ, приводимыя изъ десятословія и вообще изъ ветхаго завѣта, относятся къ идоламъ, а не къ свящ. изображеніямъ, и указываетъ на древнѣйшія иконы отъ временъ апостольскихъ и на чудеса, совершающіяся отъ св. иконъ (гл. 5. 13); наконецъ, съ жаромъ защищаетъ мона-

шество и, между прочимъ, говоритъ: «ни Христосъ, ни апостолы не имѣли женъ. Если у Петра были теща и жена, то это было прежде, нежели онъ послѣдовалъ за Христомъ; равно и всѣ апостолы, какъ только сдѣлались послѣдователями Христа, жили въ чистотѣ, и тещи стали для нихъ матерями, а жены сестрами..... Для сохраненія чистоты, лучше воздерживаться отъ супружества и употребленія мяса; но тѣ, которые не дали такого обѣта, могутъ жить въ супружествѣ и ѣсть мясо, лишь бы исполняли заповѣди Христовы, которыя даны равно и для монаховъ и для мірянъ» (гл. 14). Нельзя сказать, чтобы сочиненіе нашего государя, такъ любившаго заниматься религіозными вопросами и преніями, отличалось раздѣльностію понятій, послѣдовательностію и основательностію; но оно проникнуто самою живою ревностію о православіи и нескрываемою непріязнію къ лютеранизму, и переполнено множествомъ текстовъ изъ свящ. писанія, которое царь зналъ очень подробно. Подъ конецъ послѣдней главы своего сочиненія, онъ обратился къ Рокитѣ съ слѣдующими словами: «ты въ моихъ глазахъ еретикъ, потому что все твое ученіе превратно и совершенно противно христіанскому и церковному ученію; и не только ты еретикъ, но и слуга антихристовъ, воздвигнутый діаволомъ. Не одинъ ты лютеранинъ, есть и другіе, еще худшіе тебя. Потому мы запрещаемъ тебѣ распространять свое ученіе въ нашихъ владѣніяхъ» ([494]).

([494]) Все опроверженіе царя напечатано въ томъ же Сборникѣ *Лазицкаго*, подъ заглавіемъ: Huius colloquii, litteris mandati, ab eodem duce refutatio, an. 1570 Calend. Maii. На каждую изъ 14-ти главъ этого царскаго опроверженія Лазицкій, который самъ былъ членомъ Евангелической общины, напечаталъ въ томъ же Сборникѣ свои опроверженія, давъ имъ общее названіе: Verae reli-

Несправедлива мысль, встрѣчающаяся у протестантскихъ писателей, будто Иванъ Васильевичъ предпочиталъ протестанство католицизму, хотя и правда, что нѣкоторыхъ протестантовъ онъ особенно приближалъ къ себѣ и нерѣдко увлекался ихъ совѣтами (495). Если онъ рѣзко отзывался о папѣ, то еще болѣе рѣзко—о Лютерѣ и другихъ проповѣдникахъ лютеранства. Если латинянъ называлъ еретиками, то лютеранъ не хотѣлъ называть даже христіанами. Если латинянамъ не дозволилъ имѣть свою церковь въ Россіи, а протестантамъ дозволилъ построить новую послѣ того, какъ велѣлъ сжечь двѣ прежнія ихъ церкви, то дозволилъ изъ вниманія къ ходатайству англійскаго посла, а отнюдь не изъ какого либо расположенія къ самому протестантскому исповѣданію. За то, съ другой стороны, дозволялъ иногда латинянамъ входить въ русскую церковь, а протестантамъ не дозволялъ, водясь, конечно, тою мыслію, что первые, подобно православнымъ, признаютъ и призываніе Святыхъ въ молитвахъ и поклоненіе иконамъ, а послѣдніе не признаютъ: самъ пригласилъ, наприм., Антонія Поссевина въ успенскій соборъ и тутъ же присовокупилъ: «только смотри, Антоній, не введи съ собою въ церковь кого либо изъ лютеранъ» (496). Если, при завое-

---

gionis apologia, falsae confutatio (pag. 11—196). Опроверженія Лазицкаго несравненно обширнѣе царскихъ.

(495) *Одербон.* у *Старч.* II, 204; *Петрея* Исторія о вел. княжествѣ Москов., въ переводѣ *Шемякина*, стр. 431.

(496) *Поссевин.* у *Старч.* II, 300. 315: vide, Antoni, ne lutheranum aliquem in ecclesiam inducas. Ульфелдъ, протестантъ, пріѣзжавшій посломъ датскаго короля къ нашему государю въ 1575 г., такъ же разсказываетъ о себѣ, что когда онъ въ Псковѣ пожелалъ войти въ одну монастырскую церковь, то его не впустили, какъ недостойнаго (Legat. Moscovit. у *Старч.* I, 6). См. такъ же выше примѣч. 469.

ваніи Ливоніи, разрушалъ всѣ латинскія церкви и выгонялъ всѣхъ латинскихъ священниковъ, то точно такъ же поступалъ и съ лютеранскими церквами и священниками (197). Сами латиняне и протестанты несомнѣнно старались дѣйствовать на Іоанна во вредъ другъ другу и въ пользу своихъ исповѣданій. Любимцы царя изъ протестантовъ сильно настроивали его противъ папы и папскаго посла Антонія, и подъ ихъ-то, можетъ быть, вліяніемъ царь и не согласился дозволить латинскихъ церквей въ Россіи, несмотря на всѣ просьбы Антонія. А послѣдній, именемъ папы, просилъ, чтобы царь не держалъ у себя «магистровъ люторскихъ, нѣмецкихъ, которые не знаютъ Пречистыя Богородицы и Святыхъ Божіихъ, а чтобы держалъ правдивыхъ священниковъ вѣры римскія». Но Антонію на это сказано было тоже самое, что неразъ говорили ему: въ русскомъ государствѣ живутъ многіе люди всякихъ вѣръ, и живутъ всѣ своимъ обычаемъ; ихъ не стѣсняютъ, не преслѣдуютъ; но только никому изъ нихъ не позволяютъ совращать русскихъ въ свою вѣру (198). Русскіе,—повторимъ вслѣдъ за самими иностранцами, посѣщавшими тогда наше отечество,—только однихъ себя признавали истинными христіанами, а всѣхъ прочихъ христіанъ, въ томъ числѣ и протестантовъ и латинянъ, считали еретиками, даже не лучшими турокъ, и всѣхъ не только католиковъ, но равно и протестантовъ и другихъ, перекрещивали, въ случаѣ принятія ими православія (199).

---

(197) *Поссевин.* у *Старч.* II, 281; Никон. Лѣт. VII, 308; *Карамз.* VIII, 167 и др.

(198) Древн. Росс. Вивліоѳ. VI, 98. 102.

(199) См. выше примѣч. 413. 486. *Флетчеръ* протестантъ: „Русскіе *пере-*

Говорили мы объ отношеніяхъ нашей восточно-русской церкви и къ православнымъ церквамъ востока и юга, и къ церкви римской, и къ исповѣданіямъ протестантскимъ; но доселѣ еще не сказали объ отношеніяхъ ея къ самой близкой и родственной ей церкви, составлявшей съ нею нѣкогда одно,—къ православной церкви западно-русской, литовской. Это потому, что и сказать-то объ нихъ, объ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ, почти нечего. Русскіе московскаго государства, естественно, питали живое сочувствіе къ своимъ братьямъ по крови и по вѣрѣ, жившимъ во владѣніяхъ иноземнаго, иновѣрнаго и почти всегда враждебнаго намъ государя, и когда опустошали литовскія страны, то старались, по крайней мѣрѣ, иногда щадить православные храмы и отпускать на свободу попадавшихся въ плѣнъ единовѣрцевъ, а когда слышали о притѣсненіяхъ, какимъ подвергалось въ Литвѣ православіе, то, въ защиту его, смѣло возвышали свой голосъ, и Іоаннъ III объявлялъ даже войну польскому королю Александру. Русскіе литовскаго государства точно такъ же сочувственно относились къ русскимъ, жившимъ въ Московіи, даже молились объ успѣхахъ ихъ оружія противъ

крещиваютъ всѣхъ христіанъ, не принадлежащихъ къ греческой церкви, какъ скоро они переходятъ въ русскую вѣру, потому что почитаютъ ихъ отдѣленными отъ истинной церкви, которая, по мнѣнію русскихъ, есть только церковь греческая.... Всѣхъ другихъ христіанъ они считаютъ никакъ не лучше турокъ въ сравненіи съ собою“ (О госуд. русск., гл. 23. 25, стр. 88. 92). Онъ же свидѣтельствуетъ, что изъ плѣнныхъ ливонцевъ многіе соглашались креститься въ другой разъ по русскому обряду, чтобы пользоваться бо́льшею свободою и пріобрѣсть себѣ что либо на прожитокъ, получая обыкновенно при этомъ награду отъ царя; а изъ англичанъ съ тѣхъ поръ, какъ они начали пріѣзжать въ Россію, рѣшился перекреститься въ русскую вѣру только одинъ Ричардъ Рельфъ (тамъ же гл. 22, стр. 84).

литовско-польскаго короля, иногда просили себѣ изъ Москвы свящ. книгъ (князь Константинъ Острожскій) и т. под. ([500]). Но сношеній собственно между самими митрополіями, московскою и литовскою, послѣ окончательнаго раздѣленія ихъ, когда въ Москвѣ отвергнуты были всѣ притязанія перваго литовскаго митрополита Григорія, не происходило никакихъ впродолженіе всего настоящаго періода. Западно-русская церковь жила совершенно отдѣльною жизнію, имѣла свою особую судьбу и имѣетъ свою особую исторію.

Библиотека ОДН
Академия Наук

([500]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 293; VIII, 238–239; Ник. Лѣт. VI, 160–162; *Карамз.* VI, 184, изд. Эйнерл.; Suplem. ad Hist. Russiae Monum. № 2.